

Ахметзаки ВАЛИДИ ТОГАН

ИСТОРИЯ БАШКИР

Ахметзаки
ВАЛИДИ ТОГАН

ИСТОРИЯ БАШКИР

Издательство
"КИТАП"
имени
Зайнаб
Бишевой

УФА • 2010

Ахметзаки
ВАЛИДИ ТОГАН

ИСТОРИЯ БАШКИР

Перевод с турецкого
А. М. Юлдашбаева

УДК 39 (470.57)
ББК 63.5 (2 Рос.Баш)
В 15

*Перевод с турецкого
Амира Юлдашбаева*

Ахметзаки Валиди Тоган

В 15 История башкир / Ахметзаки Валиди Тоган ; [перевод с турецк.
А. М. Юлдашбаева ; авт. вступ. статей А. М. Юлдашбаев, И. Тоган]
(перевод с турецкого). – Уфа : Китап, 2010. – 352 с.

ISBN 978-5-295-05000-8

Книга известного востоковеда А.-З. Валиди Тогана содержит материалы о происхождении башкир, их освободительной борьбе, словесной структуре, движении за национальную государственность и охватывает период с древнейших времен до социальных революций и Гражданской войны в России в начале 20-х годов XX века.

УДК 39 (470.57)
ББК 63.5 (2 Рос. Баш)

ТП – 109/10
ISBN 978-5-295-05000-8

© Юлдашбаев А. М., перевод на русский язык,
вступительная статья, 2010
© И. Тоган, предисловие, 2010

От переводчика

Данный перевод труда Ахметзаки Валиди Тогана «История башкир» сделан по последнему изданию книги (Анкара, 2003 г.), подготовленному дочерью ученого, доктором исторических наук, профессором Исенбике Тоган. Она тщательно сравнила несколько вариантов труда, над которыми автор работал в разное время (подр. см. Предисловие к данной книге, написанное проф. И. Тоган).

Сложна судьба не только самого Заки Валиди, но и его книг, которые имеют свою историю написания и опубликования. «Историю башкир» в конце 60-х годов прошлого века автор направил профессору Башкирского государственного университета Касиму Ахмерову по его просьбе, выраженной им в письме на имя ректора Стамбульского университета. Безусловно, что тогда подобное письмо не могло быть отправлено без ведома «компетентных органов». Ясно и то, что и Касим Ахмеров, и органы знали, что данное обращение в конечном счете попадет в руки Заки Валиди.

После смерти Касима Ахмерова рукопись находилась у профессора Ахнафа Харисова, а после его кончины — у профессора Раиля Кузеева. Совершенно очевидно, что и это не могло происходить без ведома тех же органов. Таковы были время и порядки.

Когда политическая ситуация резко изменилась, Раиль Гумерович Кузеев передал рукопись главному редактору журнала «Агидель», писателю Булату Рафикову, и труд в моем переводе на башкирский язык увидел свет.

Этот вариант завершался разделом «Башкиры в период последних русских революций», где крайне лаконично излагаются тот период и те события, в центре которых Заки Валиди сам находился и многое определял. И это тоже вполне понятно. Автор хорошо знал советскую идеологию и отношение к себе в Советском Союзе, поэтому счел за благо не направлять по-

следнюю часть своего труда, обоснованно полагая, что она не может быть принята в тогдашней Башкирии.

Мы знали от Исенбике Тоган о существовании второй половины труда. Она была обнаружена в архиве ученого, переведена мною на башкирский язык и также опубликована в журнале «Агидель». На башкирском языке в виде книг, в то время еще не полный вариант, был издан в 1994 (с предисловием профессора Р. Г. Кузеева), а полный — в 2005 годах. Однако для многих читателей, не владеющих башкирским или татарским языками, данный труд до сих пор остается недоступным. Чтобы восполнить этот пробел, предпринимается попытка перевести и издать «Историю башкир» на русском языке.

Для понимания сути и основной канвы исторической судьбы башкирского народа значение данного источника велико.

За последние два столетия многие выдающиеся историки обратили пристальное внимание и оставили ценные, интересные труды, сведения и наблюдения о башкирах. Так, до Октябрьской революции такие признанные корифеи русской исторической науки, как В. Н. Татищев, Н. М. Карамзин, С. М. Соловьев не обошли башкир своим вниманием. Тем не менее описания и анализ этих и множества других русских историков, всецело продиктованные интересами укрепления Российской империи, не вышли за рамки свидетельств сторонних наблюдателей. Иначе и не могло быть, так как любой историк, писатель, поэт, художник, каким бы великим он ни был, смотрит на мир глазами своего народа, исходит из его политических, экономических, государственных интересов, и это закономерное, нормальное явление. Поэтому каждый народ остро нуждается в том, чтобы его история была также написана и его собственным представителем, то есть история каждого народа должна быть написана и им самим. Нет народа, который бы в этом не нуждался.

В советский период в написании истории башкирского народа наряду с представителями других народов активное участие принимали и те, которые вышли из недр самого народа. Но все они были вынуждены творить в тех политических, научных, культурологических жестких и изначально непререкаемых рамках, правомерность которых определялась в центре,

в Москве, и поддерживалась государством. Все эти условия, в конечном счете, приводили к неверному толкованию, однобокому, не соответствующему действительности отражению истории народов. Исключение не составляла и история самого русского народа. Все это приводило к искажению или даже стиранию исторической памяти тех или иных народов. В результате нередко очернялись дела и судьбы самых выдающихся сынов некоторых народов. Например, до Октябрьской революции эта участь постигла память о Салавате Юлаеве, а после революции — Заки Валиди.

Столь же противоречивые, а иногда и взаимоисключающие оценки получали и важнейшие исторические события. Например, башкирские восстания XVII—XVIII веков против колониального гнета и земельных захватов оценивались то как реакционные феодальные, то как прогрессивные, национально-освободительные движения. Тем не менее нельзя в корне отвергать ни дореволюционные, ни советские исторические исследования, так как постоянно расширялась источниковедческая база исторической науки, в научный оборот вводились все новые и новые, часто фундаментальные источники. Все эти труды, в которых заведомая ложь и невольное заблуждение тесно переплетаются с истиной в единую ткань, нуждаются в новом и новом переосмыслении. В целом перед учеными ныне стоит важная и сложная задача: ввести в научный оборот все важнейшие документы и свидетельства очевидцев, касающиеся всех периодов истории башкирского народа, проанализировать и обобщить их и на этой основе написать историю народа, опирающуюся на строгую историческую логику и создающую целостную картину. Эта задача стоит не только перед башкирскими историками, но и перед учеными других народов России, не исключая и русского народа. Это под силу лишь ученым новой формации, владеющим восточными и европейскими языками, имеющим широкое и глубокое историко-культурное образование.

Труд Заки Валиди «История башкир» интересен именно в контексте вышеобозначенных задач, ибо автор, хорошо знакомый как с восточными первоисточниками, так и с европейской наукой, писал свой труд, свободный от устаревших научных стереотипов, политических ограничений и идеологических

рамок, обозревая далекое и близкое прошлое родного народа с высоты мировой исторической науки.

Разумеется, при написании данного труда в виде учебного пособия для студентов исторического отделения Стамбульского университета автор не имел доступа не только к архивным материалам России, но даже к изданным в республике публикациям. Однако он, в отличие от советских историков, вынужденных иметь дело преимущественно лишь с российскими источниками, широко пользовался восточными, малоизвестными у нас источниками, лучшим знатоком которых был признан во всей мировой науке. Также в отличие от наших ученых, воспринимавших историю башкир в основном в лоне истории Российского государства, Заки Валиди рассматривал ее как неразрывную часть истории необъятного тюркского мира. Важным является и то обстоятельство, что историю родного народа ученый понимал, ощущал, трактовал именно как башкир, как человек, всей своей судьбой находившийся внутри этой истории как один из ее участников, а не как сторонний наблюдатель. Это последнее столь же ценно, как и глубокая и разносторонняя образованность автора. Его представление истории башкир созвучно и даже производно от исторических ощущений, воззрений и представлений народа, отразившихся в его многочисленных древних эпосах — дастанах, рассказах и воспоминаниях о реальных героях — борцах последних столетий.

«История башкир» завершена в 1954/1955 учебном году как часть большого курса «Истории колонизаторства» и была использована в преподавательской деятельности. В 2004 году профессор Исенбике Тоган вместе с автором этих строк извлекли из архива ученого еще одну рукопись, названную Заки Валиди «Народные движения в период захвата Средней Азии Россией и Китаем». В весеннем семестре 1967/1968 учебного года он прочитал студентам курс лекций под этим названием. Структура курса выглядит следующим образом:

«С точки зрения изучения истории колонизаторства наибольшее значение имеют три движения, направленные против колонизаторства китайцев, англичан и русских:

1) господство туюхунов в 312–663 годы до китайской колонизации;

2) противостояние живущих на Уральских горах башкир русским, войны, длившиеся с 1650 по 1751 год;

3) войны, которые вел Типу султан в 1880–1897 годы против англичан.

Башкиры — на Урале, Типу султан — в Индии. Между ними громадные расстояния и временное различие! Несмотря на это, между этими войнами много сходства. Войны сильных государств, направленные на уничтожение слабых стран и народов, мало отличаются друг от друга. Доказательство этому — борьба туюхунов и башкир. Типу султан получал помощь извне. А народы, боровшиеся против Китая и России, были лишены такой возможности...»

Как видим, Заки Валиди, предельно широко рассматривая всю Европу как во временном, так и в пространственном плане, освещает проблему колонизаторства как мировую проблему и стремится научить турецких студентов мыслить столь же глубоко и масштабно. Это весьма поучительно, особенно для нас, поколения, которому пока не удастся, не впадая в крайности, строго логично осмыслить историю страны и населяющих ее народов хотя бы за последнее столетие.

Итак, ученый «Историю башкир» писал в исключительно широком историческом контексте, поэтому и читателем она должна восприниматься адекватно.

Труд имеет еще одну интересную особенность. Его первая часть написана в самой обычной форме. Но во второй части описываются события, в центре которых автор сам находился. Поэтому повествование ведется не от третьего лица, стороннего наблюдателя, а от имени первого лица. Таким образом, книга по форме изложения делится надвое. Заки Валиди попытался добиться однообразия повествования, начал редактировать текст так, чтобы все события, в том числе и с участием самого автора, излагались от третьего лица. Но, видимо, заметив, что текст второй части труда приобретает странные формы, или по какой-то иной причине оставил эту затею. Такая проблема возникает лишь перед авторами, которые вначале являются активным действующим лицом исторических событий, а затем пишут

о них, в том числе и о событиях, в которых участвовали сами. У профессора Исенбике Тоган я спросил:

«Как же мне быть при переводе и подготовке книги к изданию? Изменить вторую часть так, как это начал ваш отец, или все оставить как есть?» Несколько дней поразмыслив, Исенбике-ханум ответила: «Как историк мой отец не только опирался на традиции европейской исторической науки, но и был тесно связан с традициями описания истории на Востоке. А во многих восточных, в том числе тюркских исторических трудах, написанных еще в древности или в средние века, собственные деяния, переживания, мысли автора переплетены с другими событиями и излагаются в едином контексте. Это наблюдается, начиная с орхонских надписей до «Бабурнаме». Пусть все остается в том виде, в каком было написано отцом».

Видимо, не будет ошибкой утверждение, что «История башкир» была завершена еще в 1950-е годы и позже вторая часть была использована при написании «Воспоминаний» или даже послужила чем-то вроде конспектов для них. Но в ней есть не упоминаемые в «Воспоминаниях» факты, оценки, теоретические положения и утверждения. Таким образом, эти два произведения тесно взаимосвязаны и дополняют друг друга.

И в других масштабных книгах и отдельных статьях Заки Валиди Тогана содержатся сведения об истории башкир. Будем надеяться, что со временем и они станут доступными нашим читателям.

Сущность духовного бытия каждой личности неразрывно связана с его памятью. Нет для человека большей трагедии, чем потеря памяти, неузнавание родителей и собственных детей. И народ со стертой, извращенной исторической памятью напоминает человека, потерявшего память. Труды великого историка Заки Валидова должны помочь его родному народу вновь обрести свою, не искаженную, историю и более уверенно смотреть в будущее.

*А. М. Юлдашбаев,
кандидат философских наук*

ИСТОРИЯ БАШКИР

Предисловие

О том, когда Заки Валиди Тоган начал писать свой труд, названный «История башкир», у нас нет сведений. В данное время мы располагаем тремя вариантами этого труда.

Состояние этих вариантов следующее:

1. Первый вариант, который в турецком издании* мы обозначили как «Ор» (оригинал), представляет собой рукопись в 189 страниц на листах, составляющих половину листа формата А4 (архивный номер ZVT (Заки Валиди Тоган) IX (59) 149–360). В этом варианте, написанном арабским шрифтом, в целях недопущения различных возможных ошибок, большинство личных имен написаны на турецком (латинским шрифтом) языке (первый документ).

2. Второй вариант, обозначенный нами как «А», появляется приблизительно в 1954–1955 годах после напечатания на машинке варианта «Ор», добавления дополнений и переработки ссылок (103а и 103б–159). Можно утверждать, что труд был напечатан на машинке супругой Заки Валиди Тогана Назмией Тоган с учетом исправлений в вариантах «Ор» и «А». Это становится ясно, если учесть, что шрифты варианта «А» соответствуют шрифтам машинки «Олимпия», привезенной в 1954 году Заки Валиди Тоганом из Германии для своей супруги Назмии Тоган. Об этом свидетельствует и то, что на листах варианта «Ор» рукой Назмии Тоган сделаны пометки, проясняющие правильное чтение некоторых мест текста (второй документ). Вариант «А» после написания был отредактирован. Это видно по пометкам от руки, сделанным Назмией Тоган (третий документ), по добавлениям Заки Валиди Тогана, сле-

---

* *Zeki Velidi Togan. Başkurtların Tarihi*. Анкара, 2003. Вторая половина книги: *Әхмәтзәки Вәлиди Туған*. Башкорт тарихы. Анкара, 2003. Подг. проф. Исенбике Тоган (А. Ю.).

ланным на машинке «Эрика» и от руки (четвертый документ). На полях варианта «А» красным карандашом указано, к каким страницам варианта «Ор» относятся добавления, сделанные красным карандашом.

3. Третий вариант был назван «В», он был составлен заново в 1967–1968 годы. Как следует из содержания письма Заки Валиди Тогана от 18.09.1968 года, текст которого приводится ниже, вариант «В» в этом же году был подготовлен по просьбе, поступившей из Башкортостана.

46 страниц этого варианта, состоящего всего из 108 страниц, были напечатаны на пишущей машинке Назмии Оскай, которую звали так же, как и супругу Заки Валиди Тогана, а 47–108 страницы рукописи напечатаны на машинке Назмии Тоган. Этот вариант, как было отмечено выше, был отправлен в Академию наук Башкортостана.

4. Так, вариант «В» составил основу варианта, опубликованного в 1994 году в Башкортостане (сокращенно ВШБТ). При подготовке труда к опубликованию переводчик на башкирский язык Амир Юлдашбаев пользовался имеющимися у него вариантом Академии наук и ксерокопиями двух отдельных (но одинаковых) экземпляров варианта «В», хранящимися в библиотеке Заки Валиди Тогана. Именно в это время приведение в порядок библиотеки ученого стало причиной обращения к другим вариантам труда. Одним из недостатков варианта «В» является следующее. Часть труда на страницах 103–159, имеющаяся в варианте «А», отсутствует в варианте «В», и дополнения в примечаниях, написанных чернилами различных цветов, имеют путаницу. Амир Юлдашбаев часть труда на страницах 103–159 позже опубликовал в журнале «Агидель» (1997. № 9. С. 103–151; № 10. С. 116–151).

Амир Юлдашбаев заметил, что в рукописи имеется путаница, но ввиду того, что исправить не было возможности, все оставил как есть.

В папках, где хранились различные варианты этого труда Заки Валиди Тогана, имеются два письма, относящиеся к подготовке труда. Одно из них – письмо башкирского ученого Касима Ахмерова, написанное 23 марта 1968 года. Ниже при-

водим перевод этого письма (пятый документ), адресованного ректорату Стамбульского университета. Письмо, поступившее в ректорат Стамбульского университета, написано кириллицей по-башкирски. Подлинник письма остался в ректорате Стамбульского университета. Для себя Заки Валиди Тоган сделал копию этого письма, поэтому в его библиотеке находится копия написанного кириллицей письма, переписанного от руки арабским шрифтом.

«23.03.1968.

Уфа.

Уважаемый господин,

В Уфимском институте истории, языка и литературы Башкортостанского отделения Академии наук СССР изучение этногенеза башкирского народа, истории башкирского языка и научная разработка этих тем идут быстрыми темпами.

В связи с исполнением в марте 1969 года 50 лет Башкирской республике готовятся юбилейные мероприятия. В связи с этим юбилеем предполагается проведение конференции, посвященной вышеупомянутому событию.

Я сам веду исследования в области истории башкирского языка. На днях выйдет в свет мой труд под названием «История письменного башкирского языка». Послал для опубликования статью о формировании башкирского национального языка.

Разумеется, историю башкирского языка невозможно изучать, не связывая ее с историей башкирского народа. В то же время проблему нужно связать и с другими тюркскими народами. Исходя из этого, мы решили обратиться к Вам с просьбой. Имеются ли в библиотеке Вашего университета материалы, касающиеся истории башкирского народа и истории башкирского языка? Есть ли у Ваших исследователей труды, произведения по этим темам, в целом, есть ли у Вас продвижения вперед по этим проблемам? Имеются ли опубликованные труды по этим темам?

Если есть такие материалы или труды, Вы оказали бы нам большую честь, послав их нам. Разрешите заранее поблагодарить Вас.

С уважением, Касим Ахмеров, Башкирская АССР, Уфа-52, ул. Гоголя, № 55, кв. 5».

Ректор Стамбульского университета Экрем Шериф Эгели, считая, что на это письмо Касима Ахмерова сможет ответить лишь Заки Валиди Тоган, сообщил ему об этом письме. Таким образом, имеющаяся у нас в руках копия письма (пятый документ), записанная от руки самим Заки Валиди Тоганом, появилась, видимо, в результате встречи с ректором. Ответ на письмо Касима Ахмерова был отправлен ректоратом (документ 6). То, что это было так, становится понятным из содержания другого письма, написанного Заки Валиди Тоганом (документ 7).

«18.09.1968.

Уважаемый Касим Ахмеров!

По Вашему письму, написанному 23.03.1968 г. ректорату Стамбульского университета, решили послать труды и лекции, относящиеся к истории Башкортостана, если таковые у нас имеются, и это дело поручили мне. Эти лекции были прочитаны в 1967/1968 учебном году вместе с историей туюхунов под названием «Народные движения в период захватничества Китая и русских» по отношению к тюркам, а в 1954/1955 учебном году в составе лекций «История колонизации» под названием «История башкир» были прочитаны в расширенном виде. Ввиду того, что экземпляров этого расширенного варианта уже не осталось, господин ректор рекомендовал ее заново отпечатать на машинке и размножить. Однако это дело совпало по времени с экзаменами и каникулами и несколько задержалось. История 1917–1920 годов все еще не завершена. Я сегодня вручил господину ректору текст, относящийся к более раннему периоду, отпечатанный на 105 страницах с примечаниями на 5 [вернее, на 15 стр. – *И. Т.*] страницах, их Вам перешлют. Эти лекции включены в план издания факультета за этот год. До конца года будут напечатаны, и их мы Вам также вышлем. Что касается использования этих лекций в Ваших публикациях, Ваш институт волен их напечатать, переведя на русский и башкирский языки, но с условием неискажения их содержания.

Здесь печатаются мои воспоминания. Если люди, имена которых упоминаются, живы, о них придется писать несколько иначе, чем о тех, кого уже нет в живых. Из их числа живы ли еще или уже скончались сын Сафаргали Идельбаева, который был переводчиком в Оренбурге, Хурматулла Идельбаев, моя бывшая жена – Нафиса Валидова, Сагит Мирасов и Юмагулов? Если бы Вы сообщили мне об этом, я был бы Вам очень благодарен.

У меня из изданий Башкирского института истории, языка и литературы имеются лишь 3-й и 4-й тома «Материалов по истории Башкирской АССР», «Башкирские шежере», «История образования Башкирской АССР» Раимова. Других изданий у меня нет. Мне бы хотелось иметь 1-й и 2-й тома «Материалов», «Очерки по истории башкирского народа» Кузеева, его же труды по этнографии башкир. Вы не смогли бы прислать мне список такого рода изданий? Куда нужно обращаться, чтобы приобрести такого рода книги?

С искренними приветами Заки Валиди Тоган (подпись)».

Заки Валиди Тоган в этом письме сообщает, что в 1954/ 1955 учебном году по данной теме прочитал лекции, однако в его архиве рукопись упомянутого им широкого курса не нашлась. Он же сам впервые в 1950 году в книге «Методология истории» (243 стр. № 347), напечатанной издательством «Хороз» и являющейся изданием литературного факультета Стамбульского университета, об этом труде пишет следующее: «Заки Валиди Тоган. История башкир. Рукопись имеется в библиотеке Стамбульского университета». Однако в библиотеке Стамбульского университета пока такая рукопись не найдена. В таком случае следует полагать, что вариант «А», как впервые отпечатанный вариант, в 1954 году был подготовлен не как записи занятий, а был написан до 1950 года. То, что вариант «А» был подготовлен до 1950 года, выясняется в связи с его напечатанием на машинке Назмии Тоган, купленной в 1954 году, и поручением ей самой напечатать текст. Исходя из этого следует считать, что вариант «А» был подготовлен до 1954 года. Если так, то возможно, что рукопись, упоминаемая им в труде, напечатанном в 1950 году, представляет собою ва-

риант, обозначенный нами как вариант «Ор». Вероятно, что он при подготовке к напечатанию книги «Методология истории» задумал рукопись «Истории башкир» отдать в библиотеку Стамбульского университета, но не сделал этого. Вероятность того, что рукопись труда, упоминаемого в «Методологии истории», могла быть утеряна, существует. Но из-за отсутствия возможности в то время ксерокопирования, эта вероятность достаточно мала. В конечном счете рукопись остается в библиотеке самого автора. А труд, о котором ведет речь ректор Стамбульского университета, представляет собой вариант «В», подготовленный в 1968 году.

С другой стороны, в библиотеке Заки Валиди Тогана среди документов, связанных с «Историей башкир», имеются записи, точнее примечания, относящиеся к варианту «А». Эти примечания срезаны от другого варианта труда и приклеены к длинному жесткому листу и позже между строк добавлены другие записи. Записи, добавленные к примечаниям варианта «А», не принадлежат этому варианту. Эти добавления подготовлены в то время, когда шла подготовка варианта «В». Это ясно видно по тому, что в рукописи упоминаются труды, изданные в 1955, 1957 годах. Кроме того, по одной странице, добавленной Заки Валиди Тоганом в вариант «Ор» (IX/59-212), видно, что он над этой темой работал 08.12.1957, 15.09.1965 и 09.05.1968 годов.

Заки Валиди Тоган при подготовке варианта «В», как он пишет в письме, в 1967/1968 учебном году тему «История башкир» включил в курс лекций «Народные движения в Средней Азии». В отпечатанных записях занятий весенней сессии, состоящих из 56 страниц, выполненных его студентами Айла Ак и Мустафой Тезжан, 23–56 страницы посвящены башкирам.

Второй план, который позволил нам тщательно подготовить к публикации труд ученого «История башкир», написанный автором вдали от страны, где он родился и вырос, на новой его родине – в Турции, заключается в следующем: четыре статьи Заки Валиди Тогана, написанные им в юности, переведенные на турецкий язык Ахатом Салиховым и поме-

щенные в приложениях этого издания, где «История башкир» публикуется на турецком и башкирском языках, а также труд Ахата Салихова «Научная деятельность Заки Валиди Тогана в России», опубликованный в 2002 году на русском языке и также помещенный в приложения подготовленной нами книги в переводе на турецкий язык самого автора.

Сведения технического характера относительно подготовки книги к изданию на турецком языке заключаются в следующем.

При подготовке труда к изданию мы проделали тот же путь, который прошли при работе над вторым изданием «Воспоминаний» Заки Валиди. В случаях, когда имена упоминаемых лиц были написаны автором по-разному, мы отдавали предпочтение тем формам написания, которые Заки Валиди Тоган применял в более ранних произведениях. В этой ситуации мы часто пользовались башкирским переводом «Воспоминаний» (1969, 1998) и «Истории башкир» (вариант «BŞBT»), выполненным Амиром Юлдашбаевым. Транскрипции русских имен делали не на основе их произношения, а на основе написания. На этот раз вместо русской буквы «ы» применяли «у», вместо «х» применяли «х». Когда встречались парные долгие звуки как «ие» или парные звуки «ий», мы пользовались написанием «iyi», «iye». Заки Валиди в своих рукописях отдавал предпочтение именно таким формам.

Что касается стиля произведения, как и в «Воспоминаниях» (1998), стиль автора мы сохранили. Как видно, к «Истории башкир» автор возвращался неоднократно, и последние изменения внесены в 1968 году. Мы в труде лишь после слов, в понимании которых может затрудняться современный читатель, привели их эквивалент в современном турецком языке. Ввиду того, что почти все слова, применяемые в труде, зафиксированы в «Орфографическом словаре» Турецкого языкового сообщества, мы не встали на путь упрощения текста.

В тех местах, где смысл излагаемого изменился, сравнивали различные варианты и выбранный вариант отмечали звездочкой, и разъясняли в постраничных примечаниях. В некоторых случаях в составлении подобных разъяснений оказал

большую помощь башкирский перевод «Истории башкир» (BŞBT). При подготовке книги к набору, следуя опыту издания «Воспоминаний» (1998), разделам, написанным автором в виде отдельных исторических эпизодов, мы дали номера параграфов (§). Номера параграфов облегчили нам работу и при сравнении вариантов.

Я хочу выразить глубокую благодарность Экину Ушшаклы, который при подготовке труда к опубликованию редакторской работой занимался с большой терпеливостью, старанием и любовью. Во-вторых, ассистент Билькентского университета Мурат Яшар, начавший работу над «Историей башкир» еще будучи моим учеником, при подготовке рукописи к опубликованию не жалел своих сил, чтобы помочь нам быстро и эффективно. Особенно благодарна ему за то, что он специально ездил в Стамбул для доставки архивных документов, опубликованных после текстов. Приношу особую благодарность генеральному директору государственных архивов Турецкой республики, доценту, доктору наук Юсуфу Сарынаю за его помощь в получении этих документов.

Для нас было большой удачей и то, что в момент подготовки книги к изданию в Анкаре в качестве работника Международной организации ТЮРКСОЙ находился бывший министр культуры Республики Башкортостан Российской Федерации Талгат Сагитов, который на последних этапах работы над текстом стал инициатором сравнения оригинала с его башкирским переводом, что позволило нам в подготавливаемый текст внести существенные поправки. Я желаю выразить свою благодарность Талгату Сагитову, выполнявшему в свое время также обязанности главного редактора газеты «Башкортостан», за важную помощь в работе над текстом.

В деле подготовки труда для публикации многие люди стали помощниками в самых различных аспектах этой работы. Выражаю свою искреннюю благодарность научному сотруднику Средне-Восточного технического университета Мустафе Узбашу, впервые выполнившему набор на компьютере текста «Истории башкир»; также научному сотруднику Средне-Восточного технического университета Юнусу Эмре Гюрбу-

зу, в течение целого года успешно помогавшему в подготовке к верстке книги, в решении различных проблем, связанных с компьютером, и подготовившему современную карту Башкортостана; Эвриму Бинбашу, помогавшему нам добавлять источники, пользуясь хранилищами Чикагского университета; Узлему Сергу, вводившему греческие слова в текст; Салиму Карахасан-оглу, обработавшему персидские и арабские тексты; Тулаю Билгину, всегда спешившему к нам на помощь со своей машинкой, – всем этим друзьям со всех концов земли, не жалея своих сил и времени помогавшим нам в этом деле.

Несмотря на то, что в 1994 году в Башкортостане труд (хотя и в неполном виде) был переведен и издан Амиром Юлдашбаевым на башкирском языке, ввиду вышеупомянутых уточнений, сравнений, исправлений потребовалось внесение изменений в текст. Поэтому новая доработка башкирского перевода потребовала больших усилий со стороны Амира Юлдашбаева. Однако и эту работу он с присущей ему ответственностью, серьезностью, свойственной его уму, довел до конца. Пользуясь этой возможностью, выражаю ему свою признательность. Свою благодарность выражаю также Уралу Юланову и Риму Хажину, напечатавшим на компьютере башкирские тексты.

Несмотря на все наши старания, возможно, в тексте есть не замеченные нами упущения. С надеждой, что они будут исправлены в будущем, выражаю от имени всей нашей семьи благодарность работникам ТЮРКСОЙ, обеспечившим возможность опубликования данного труда.

*Исенбике Тоган,
9 ноября 2002 года, Анкара*

§ 1. Самые ранние сведения о башкирах

У Птолемея¹ народ, живший приблизительно в бассейне Дона, назван Пасиртай, возможно, это означает башкурт. Племена, жившие по течению рек Волги и Урала, им названы Гновивой, Табивой, Боровской. Следует иметь в виду, что они могут означать башкирские роды *гайне**, *табын*, *борач* (> *бурджан* = *барач* + *ан*)². В труде того же автора упоминается племя *савобнвой*³, жившее восточнее, на юге Урала, которое можно идентифицировать с племенем *суун*, частью кипчакских племен в составе башкир. Отсюда можно заключить, что основные ядра этих тюркских племен еще во времена Птолемея, то есть во II веке нашей эры, или даже во времена Марин де Тура, труды которого послужили источником для Птолемея, то есть в I веке нашей эры, жили в рассеянном виде как на нынешних местах расселения, так и южнее, и западнее. Вместе с тем в собственных преданиях башкир повествуется⁴, что самые древние общие предки башкир и булгар – *кенже* – пришли со стороны Бухары. И Птолемей пишет о Пасакартии⁵, расположенной в области Парт в Хороссане. С другой стороны, в иранских дастанах и западных источниках известно название «Вашгирд»⁶, около Термеза существует гора Башкурт, на центральном Памире есть местность под названием «Башкурт»⁷.

Сохранение этих географических названий может свидетельствовать о том, что в древнейшие времена башкиры так же, как и древние булгары⁸, жили на юго-западе Туркестана. Встречающееся в сказках слово «гюрксар», то есть «курт баш»⁹, может оказаться одной из старых форм народной этимологии и разъяснением¹⁰ того, что слово «башкурт» произошло от слова «куртбаш»¹¹.

* Названия родов у автора даны прописными (*ред.*).

В самом древнем тюркском предании, в дастане об «Огузе»¹² о башкирах говорится как о народе, живущем по течению Волги в горной местности в соседстве с булгарами. Народ характеризуется как сильный и хитрый и из-за своей отваги не подчиняющийся никому из завоевателей. Горная область, где живет этот народ (Уральские горы), в дастане называется «Башкирские горы» (кухха-и Башкурт), а их предводителя звали «фулус». Возможно, это последнее слово означало «кулавуз»¹³. В этом дастане упоминаются все древние тюркские племена, не упоминается лишь племя «булгар». Как о сильном племени там речь идет лишь о башкирах, предводителя которых якобы звали «Карашид» и у него был укрепленный город под названием «Улу Балугур». Воевал против Огуз-хана, потерпел поражение и склонил голову. «Балугур»* по «лир-тюркскому» наречию может означать «беш огур». В этом случае имеющее такой же смысл слово «билгар» (булгар) вначале означало не название племени, а название крепости. «Башгур» (составное из «баш + гур + т») по «шаз-тюркскому» был одним словом, то есть в отличие от булгар и хазар, говоривших по «лир-тюркски», башкиры были племенем, говорившим по «шаз-тюркски». «Кара-шид» – слово, схожее с «ак-шид» (ахшид, ахшад), которое встречалось в доисламской Фергане и Самарканде, то есть к слову «шад» (шид) приставлено слово «кара». «Карашид» в «Огузнаме» упоминается как имя или форма обращения к предводителю сильного племени, жившему на севере во времена предков Саманидов¹⁴. Важно то, что в Идель-Урал-Алтайских регионах башкиры упоминаются тогда, когда упоминания о булгарах и суварах в качестве политически организованной силы еще нет. Эта первая часть дастана об «Огузе» включает в себя предания, относящиеся ко временам до начала христианского летосчисления¹⁵.

Наиболее заслуживающие доверия сведения о древних башкирах обнаруживаются в китайских источниках. Вместе с тем использование этих источников китайскими авторами

---

* О «лир» и «шаз» тюркских наречиях см.: *Zeki Velidi Togan. Umumi Türk Tarihine Giriş* (2-е изд.). Istanbul, 1970. Т. I. С. 22, 24.

является всего лишь попыткой приблизить некоторые упоминающиеся названия древних племен к названию «Башкурт». Подобную попытку предпринял и китайский профессор Чанг Хоинг-ланг. В истории династии Сун, написанной в 643 году христианского летосчисления, где речь идет о среднеазиатских племенах, среди союза тюркских племен «*тие-ле*», населяющих Западный Туркестан до Хазарского моря, одно из ответвлений называется «*ба-шу-ки-ли*». По мнению профессора Чанг, речь идет о башкирах. В этой истории о «Сун-шу», то есть о династии Сун, о Тие-ле говорится, что они являются «прямыми потомками древнего племени *хсиунг-ну* (то есть хуннов)»¹⁶. Тюркское звучание названия этого племени «*төлөс*» или «*толос*», и оно упоминается также в орхонских надписях. Следовательно, башкиры в эпоху Гёктюрков принадлежали к юркскому племени «*төлөс*», а те, в свою очередь, считались потомками племени хун, «*төлөсы*» представляют собой кипчакские племена, жившие в Алтай-Иртышском регионе. Есть данные, свидетельствующие о том, что в первые века нашей эры кипчаки жили в Южном Туркестане¹⁷. Позже, во времена хуннов эти племена переселились в Восточную Европу. И Пасиртаи времен Птолемея так же, как и упоминаемые у этого автора хунны и сувыны¹⁸, будучи в составе хуннского союза, еще в I веке христианского летосчисления пришли к Уральским горам. О том, что до объединения башкирских тюрков на Урале жили некоторые ирано-сарматские племена, свидетельствуют географические названия¹⁹. Принадлежность башкир к кипчакской группе племен подтверждается и другими историческими источниками. Как будет показано в дальнейшем, и среди современных башкир племена *кипчак* и *канглы* являются самыми сильными. Среди них есть также семьи, носящие фамилию «Йемек»²⁰.

Китайский профессор Мау-Тсаи в качестве потомков хуннов перечисляет роды и племена, жившие в VIII веке в бассейне Волги: из них по реке А-де (то есть Идель) жили племена *хо-тзе* (то есть хазары), *го-ти* (то есть гузы), *пи-тзен* (то есть печенег), *субе* (сабиры), *йевей* (то есть ибиры), *бо-хон* (может быть, болгары), *бей-дин* (возможно, башкиры), *ен-ди* (возмож-

но, племена уйгур), *алан* и *хун* (то есть *хун*)²¹. В древних башкирских преданиях говорится о том, что предки жили вблизи Бухары и их племя тогда называлось «*кенже*»²². Это предание не может быть оставлено без внимания, так как вблизи Аральского озера* жили племена «*кенже*» и «*кенжак*»²³, а среди башкир встречаются семьи, носящие фамилию «Кенжек»²⁴. Эти предания показывают, что башкиры переселились из Средней Азии и окрестностей Аральского озера. Махмуд Кашгари упоминает местность под названием «Кенжек Синизи», находящуюся в Талас. *Кенжеки* вместе с «*халас*» и *карлуками* вошли в состав *эфталитов*. *Кенжеки* были родственными племенами с *кангли* и *гурами*.

§ 2. Исламские источники о башкирах

Арабы впервые увидели башкир на местах их современного расселения. Лишь историк Масуди упоминает о том, что племя под названием *башгурд* около озера Арал потерпело поражение в войне против огузов, карлуков и кимаков, отступило на Северный Кавказ в область Хазарского моря²⁵. Это событие произошло около 840 года нашей эры. Мусульманские народы называли этот народ *башжирт*²⁶, или *башгурд*²⁷. Становится понятно, что особенно сведения, содержащиеся у исламских авторов о соседствующем с «хифжаками»²⁸ «*маджгарие*»²⁹ или о соседствующих с «аз-хифжаками» *ясу-ягсун*³⁰, о «части кимаков, живущих между Иделью и Иртышом», о «живущих на стороне «кибла» от кимаков племени *маджгарие*»³¹, относятся к башкирам. Истахри описывает башкир как северных соседей огузов, населяющих пространство между Аралом и Хазарским морем, характеризует их как народ, ни с кем не сближающийся, живущий на своих благодатных землях под подчинением болгар и имеющий до 2 000 воинов³². И аль-Бируни называет область расселения башкир «башкирскими горами» (Жидал-и башхырт) и так же, как и Ибн Фадлан, утверждает, что это племя живет в соседстве с яицкими печенегами восточнее

---

* Так у автора (А. Ю.).

идельских булгар и сувар³³. Название этих гор «Урал» впервые упоминается в XIII веке в истории Абулгази-хана, описывающего границы владений потомков Чингизида Шибана, а также в ногайских дастанах³⁴. И Гардизи описывает их как племя, подчиняющееся хазарам, населяющее горную местность (то есть горы Южного Урала) между хазарами и кимаками, имеющее до 2 000 конных воинов и дружественных с киргизами (с енисейскими киргизами)³⁵. Однако эти сведения, видимо, были извлечены из древних иранских преданий, относящихся к тому времени, когда киргизы жили еще не в бассейне Енисея, а западнее, на Алтайских горах и в Западной Сибири, в областях, непосредственно примыкающих к Уральским горам³⁶. Подчиненные хазарам башкиры, имевшие 2 000 воинов, и упоминаемые Истахри башкиры, подчинявшиеся булгарам и имевшие такое же количество воинов, видимо, составляли ту часть этого народа, которая жила близко к бассейну Идели, то есть между Уральскими горами и Иделью. Отсюда ясно, что сведения о башкирах исламского периода, содержащиеся у мусульманских авторов, смешались со сведениями из преданий, относящимися к доисламскому периоду истории башкир, и нет какой-либо возможности отделять их друг от друга.

§ 3. Ибн Фадлан о башкирах

Труд Ибн Фадлана, содержащий достаточно обстоятельные сведения о башкирах, ранее был известен по ссылкам в труде Якута аль-Хамави. Но после обнаружения в Мешхеде его путевых заметок стало понятно, что в подлиннике труда Ибн Фадлана сведения о башкирах оказались еще более подробными, чем это отражено в трудах у Якута аль-Хамави³⁷. Арабское посольство, где Ибн Фадлан состоял секретарем, сопровождавший их торговый караван и полученная ими в Хорезме вооруженная охрана весной 922 года, спустившись из Чинга Устьюрта, дошли до ставки огузских военачальников, находившейся ныне на территории Уральской области. Они, пробыв там некоторое время, для продолжения пути прибыли

к реке Ягынды (ныне Явинди) и при переправе каравана через один из рукавов реки, опасаясь быть подвергнутыми нападению башкир, были вынуждены предпринять меры предосторожности и первым переправили на противоположный берег часть охраны. Позже посольство прибыло к ставке печенегов, которая находилась между реками Чим (Эмба, тюркское название Джим) и Джайыһ (*Яйык*). Затем, перейдя реки Кинель, Сок и Кижлев, они достигли летовок башкир. Становится ясно, что башкиры, жившие на Уральских горах, соседствовали на юге с огузами на Могоджарских горах, с печенегами на Яике, с булгарами на западе по рекам Сок и Черемшан. Посольство сделало остановку между реками Сок и Черемшан, то есть среди башкир, которые жили на территории современной Самарской области, и Ибн Фадлан здесь записал свои знаменитые заметки об их обычаях и верованиях. По его свидетельству, в то время башкиры были целиком шаманистами и отмеченные автором обычаи сохранились у других тюрков-шаманистов вплоть до нашего времени в формах, вполне соответствующих обычаям древних башкир. Самые примитивные шаманисты, в особенности алтайцы, как в прошлом, так и в настоящем, а также башкиры времен Ибн Фадлана делали из войлока или дерева «тес» (идол покойника) и поклонялись ему, веря, что в нем обретается душа. Ибн Фадлан в этом усматривает веру в переселение душ³⁸. К тому же он перечисляет животных и птиц, являющихся тотемами башкир, которые известны и по их шежере. Ибн Фадлан перечисляет всего 12 тотемов, что соответствует мнению самих башкир, что их народ делится на 12 родовых ответвлений. Известный из шежере Бурзянского рода тотем – журавль – также отмечается Ибн Фадланом в качестве одного из тотемов³⁹. По Ибн Фадлану, из-за того, что башкиры являются «среди тюркских племен самым злым, сильным, отличающимся от других тем, что ни во что не ставят убийство человека», посольство жутко боялось их. Ибн Фадлан пишет, что они сбривают бороды. Привычку убивать вшей прокусыванием швов белья и одежды, встречавшуюся у некоторых кочевников и в том числе у башкир, Ибн Фадлан объясняет, будто они съедают своих вшей. Башкиры в целом были тогда

шаманистами, но один из них принял ислам и служил посольству в ходе их путешествия.

Если обратиться к другим исламским источникам, то Истахри говорит, что от булгар до «внутренних башкир» лежит 25-дневный путь, но он ничего не говорит о «внешних башкирах». 25-дневный путь, разумеется, показывает расстояние от булгар до какого-то центра башкир, находящегося в Южно-Уральских горах. Башкиры, подчиненные булгарам, о которых ведет речь Истахри, были башкирами по реке Сок, которых встретил Ибн Фадлан. С другой стороны, Абу Хамид аль-Андалузи пишет, что он в ходе путешествия к волжским булгарам в 1135 (по хиджре в 530) году посетил и башкир⁴⁰. Этот путешественник говорит, что там он видел длинные могилы. Также он отмечает, что при посещении Коньи познакомился с башкиром по имени Давут Ибн Али, ставшим мусульманином, и приводит также и его слова о том, что в Конье он видел выкапываемые длинные могилы.

§ 4. Идриси о башкирах

Географ Шариф Идриси (год смерти 1162) в V, VI, VII частях своего труда приводит о башкирах довольно подробные сведения, которые до сих пор никем не были подвергнуты подобающему изучению. В седьмой части пятого климатического пояса он говорит о том, что восточный рукав реки Эдил (то есть Ак-Идели) после усиления своего течения в «стране башкир» течет между печенегами и булгарами, в восьмой части пятого климатического пояса говорит о том, что «внутренних башкир» (аль-Башжырт аль-даһила) и страну огузов отделяли высокие и лесистые Маргарские горы. Бартольд считает, что речь идет о горе Могаджар⁴¹. Седьмую часть шестого климатического пояса Идриси характеризует как страну «внешних башкир» (аль-Башжырт аль-хариджа). По его мнению, страна башкир представляет собой малозаселенные степи и песчаные пустыни. Населенных пунктов и населения мало, дороги труднопроходимы. А в 8 переходах восточнее от реки Сукан (воз-

можно, Яик)⁴², берущей начало в горной местности Внутреннего Башкурдистана (то есть у истоков реки Яик), располагалась маленькая крепость Немжан, которой правит династия, признанная добрыми правителями, и власть передается из поколения в поколение по наследству. В 8 переходах к востоку от этого города лежит гора Аржыка (по всей вероятности Ирендък). В горах находятся медные рудники, где работают более 1 000 человек. Медь, полученная в этих рудниках, вывозится в области Хорезма «Шаш» (Ташкент). Добываемые здесь лисьи и бобровые шкуры отправляются в регион Хазарского моря и в сторону Дейлема. В реках и горах этой страны добываются чрезвычайно ценные камни. Сев на лодки в городе Немжан (вероятнее всего, по реке Яик-Сукан) и достигнув Хазарского моря, следуя по берегу этого моря, можно приплыть к городу Эдил (в столицу Хазар). За 8 переходов от этого города Немжан можно достичь большого и благоустроенного города Гурхан, который расположен в северной части реки Эдил, впадающей в море Табаристан (Хазар). По этой реке плавают торговые суда. Данный город, отличающийся красотой и благоустроенностью, привлекает внимание не встречающимся в других тюркских городах уровнем развития искусства, в особенности по изготовлению седел и оружия. Здесь расположился падишах Аскуны. По этой же реке Эдил в 8 переходах ниже течет река Каракыя (возможно, Каракая). Эта река находится выше на 16 переходов от страны булгар, расположенной на той же реке Эдил. Жилища в этом городе состоят из деревянных домов и юрт (карагахат). Народ булгар ведет священную войну против народа, живущего на реке Каракыя. А страна «внутренних башкир» находится в 10 переходах от Каракыя. От центра «внутренних башкир» до центра «внешних башкир» путь длиной в 11 переходов. Башкиры – волевые и храбрые люди, их одежды похожи на одежду булгар, они носят длинный «картук». Во второй части седьмого климатического пояса Идриси говорит как о части «башкирской страны» о городах Маистра и Кастра, которые расположены на одном из притоков Эдили. Утверждение Истахри о существовании «двух групп башкир», состоящих из уральских башкир и ду-

найских мадьяр, Идриси изложил, изменив смысл его слов, что якобы на Уральских горах живут два «племени башкир». Как это видно по одному из трудов Эвлия Челеби, о котором речь будет впереди, о «внутренних башкирах» говорилось вплоть до XVII века. Однако Истахри, говоря в противоположность «внутренним башкирам» о «внешних башкирах», в X веке мог иметь в виду дунайских мадьяр⁴³. В этой связи Идриси, говоря о «внешних башкирах», возможно, небрежно объединил мадьяр Маджаристана или Кастру (с городами и крепостями)⁴⁴ в страну мадьяр, живших в верховьях Эдили, которых следовало бы назвать «приокскими мадьярами»⁴⁵, с башкирами на Уральских горах. Рубрук, посланный французским королем в XIII веке в Монголию, так же, как и Ибн Фадлан и Истахри, не говорит о наличии у башкир городов и поселков. Он описывает башкир как кочевое племя. Однако Рубрук так же, как и Ибн Фадлан, прошел через степную часть башкирских земель. Идриси свидетельствует о том, что упоминаемые города, поселения и места выработки полезных ископаемых находились в горных местах. Существование в этих местах ремесел и базара вполне вероятно. Многие рудники и заводы, созданные русскими в XVII–XVIII веках, по преданиям, были построены на месте ранее существовавших, но позже заброшенных рудников. Идриси приводимые им сведения о северных регионах получил от сына кимаковского хана по имени Жанак, который жил по Иртышу. Вместе с тем сведения, изложенные Идриси в подробной форме, должны восприниматься с большой осторожностью. Автор, который мог небрежно поместить имена, относящиеся к его времени, в источниках Птолемея⁴⁶, мог объединить предания, услышанные из уст Жанака, сына хакана, с именами из труда Птолемея. Его «отмеченные источники», вне сомнения, выдумка. Вместе с тем сведения с описанием городов Немжан у истоков Яика, Гурхан и Каракия на Восточном Урале на берегу Ак-Идели, гор Аржыка, данные о вывозе товаров из Уральских гор в Хорезм, Шаш, к берегам Хазарского моря и Дейлем, о вывозе металла, изготовлении седел и оружия Идриси извлек, по всей вероятности, из рассказов Жанака или из другого, нам не известного, источника. Достав-

ляемые до последнего времени в Хорезм башкирские товары упоминаются еще у Бируни как «продукты, привезенные из тюркских стран». Среди них перечисляются привозимые из Уральских гор в Хорезм и любимые там в зимнее время «как», то есть пастила⁴⁷, изготовленная из плодов калины, также сделанные из клена⁴⁸ чаши и кружки с узорами⁴⁹. Эти сведения очень важны.

§ 5. Происхождение башкир

После образования великого монгольского государства путешествуя из Европы в Монголию в качестве посла Папы Римского Плано Карпини (1243), проезжая по Южному Уралу, назвал башкир баскартами, а посол французского короля Рубрук (Рубрукуис, 1253) назвал их паскатурами. Оба путешественника отождествили страну башкир с «Великой Хунгарией» (Магна Хунгария), следуя сообщениям мадьярских доминиканских монахов, посетивших до них Поволжье. Это обстоятельство послужило причиной неверного истолкования происхождения уральских башкир. Монах Юлиан описывает свое путешествие на восток в область расселения древних унгар, где они жили рядом с «Великой Булгарией» (Магна Булгария) до переселения на запад. Он пишет, что оставшиеся унгары говорили по-мадьярски, и дал этой области название «Великая Унгария»⁵⁰. Основываясь на свидетельствах монаха, утвердилось мнение, что башкиры на Урале были мадьярами еще в XIII веке, не забывшими мадьярский язык, их тюркизация произошла лишь после XIII века⁵¹.

Венгерский ученый Гуйла Месарош утверждает, что если даже эти путевые заметки⁵² оказались подлинными, то монахи, возможно, дошли от волжских булгар не до Уральских гор, а пришли к соседней области приокских мадьяр (по-русски мешера), считающейся частью древней родины мадьяр⁵³. Во всяком случае достоверно то, что башкиры с VII века нашей эры как тюркское племя из группы Тиеле – Тёлёс входили в состав кипчаков и кун и говорили на тюркском диалекте.

Абулгази-хан пишет, что кипчаки после подавления Джучи-ханом, преследуемые им, искали прибежище у иштеков, то есть в башкирских землях, и поэтому большинство башкир составляют кипчаки⁵⁴. Следовательно, этот источник важен для нас наличием в нем сведений о многочисленности кипчаков на башкирских землях. Также важны упомянутые выше источники арабских авторов, утверждающих, что башкиры – близкое к кимакам тюркское племя, или даже один из родов кимаков. Махмуд Кашгари в своем произведении, написанном в 1075 году, считал, что говор башкир относится к той же группе тюркских языков, что и язык *йемек* (*yemek*, то есть *kumak* = кипчак)⁵⁵. Шамсетдин Дамасский (умер в 1327 г.) считает башкир одним из кипчакских родов⁵⁶. Как это будет объяснено дальше, сейчас у башкир наиболее многочисленными являются *кипчаки* и *усергане*, по происхождению из рода *канглы*.

Хотя сведения мадьярских монахов, приписываемые уральским башкирам, необоснованны⁵⁷, тем не менее весьма вероятно соприкосновение башкир с мадьярами, жившими на восточной стороне Эдили, смешение среди башкир части мадьяр.

Название пятого тюркского племени, господствовавшего в X веке над мадьярами, в византийских источниках записано в виде коиртоюрматон, и это слово читается как курт и диюрматы. Это последнее слово созвучно названию башкирского племени *юрматы*.

Название шестого племени написано в виде йенех и соответствует названию башкирского племени *йеней*⁵⁸. Таким образом, все становится на свои места.

§ 6. Башкиры в Маджаристане в XII–XIV веках

Из-за созвучности слов маджгар и башгар, так же, как и арабы X века, авторы и времен монголов их путали между собой. Причиной тому послужило и то, что среди дунайских мадьяр не только в X веке, но и в более позднее время жила группа башкир. Башкиры даже после принятия ислама при

различных обстоятельствах, оставляя свою родину на Урале, переселялись в Маджаристан.

Об этом говорит Абу Хамид ал-Андалузи⁵⁹. У него есть два произведения: одно – «Тухват аль-албаб» – известно с прошлого века, его изучили Дорн и Фразн. Было опубликовано Габриэлем Фернандом в 1924 году в Париже⁶⁰. Другой труд называется «Аль-Му'риб ан ба'д-и агаиб-и'л-Магриб» и найден недавно, С. Дублер в 1954 году опубликовал его в Мадриде и изучил доктор И. Хрбек в 1955 году⁶¹.

Другой вариант этого труда был найден в 1957 году в Америке, в библиотеке Принстонского университета, где о башкирах в Маджаристане содержатся ценные подробности, которых нет в первом варианте.

Абу Хамид ал-Андалузи посетил дунайских башкир в 1150–1155 годах. Они были мусульманами, даже сын Абу Хамида по имени Хамид женился на дочери бея этих башкир. По его мнению, дунайские башкиры (башгурт) подчинялись падишаху Хунгар и имели до 78 городов, каждый из которых был велик и богат, как Исфахан и Багдад. Это преувеличенное число, видимо, относится, кроме башкир-мусульман, ко всем мадярам (хунгарам) – немусульманам.

Абу Хамид годами жил среди башкир Маджаристана, два сына женились на башкирках, у него родились и внуки. В 1158 году он прибыл в Киев, которого называл «Гур Керман», далее поехал в город Саксин на Волге, оттуда по хорезмской дороге отправился в Багдад и Хижаз, совершил хадж и в 1160 году через город Конья в Анатолии возвратился к семье в Маджаристан. Около Коньи он встретил и поговорил с башкиром по имени Даут ибн Али. И Якут ал-Хамави упоминает о некоторых башкирах-мусульманах из Маджаристана, которые для изучения исламских наук прибывали в медресе города Халеп (Алеппо). Абу Хамид и настоящих мадяр называет башкирами и мадярского короля представляет как «башкирского падишаха». Среди них были и тюркоязычные башкиры, не принявшие ислам, и они во время крестовых походов присоединялись к мадярам-христианам. Башкиры-мусульмане не принимали участия в походах мадяр против ислама, они

участвовали только в тех войнах, которые мадьярами велись против народов христианского вероисповедания.

В Венгрии среди мусульманских переселенцев были и хорезмийцы. Башкиры и хорезмийцы были близки друг другу и принадлежали к направлению ханифи исламской религии. И в Киеве среди тысяч тюрков-печенегов ислам распространился широко, однако они следовали своим учителям из Марокко и следовали толку «магриби», или «малики» исламского вероисповедания. Египетские авторы повествуют, что в Великом походе крестоносцев под предводительством короля Франции Луи IX в Тунис и Акая (1269–1270) башкиры-христиане проявили силу и мужество. Сообщающий об этом Каратай Хазинедар пишет, что эти башкиры-христиане все говорили по-тюркски, среди паломников они были самыми храбрыми и злыми, не имели серьезной государственной организации, перед богатыми венецианскими купцами они выглядели нищими, но из-за своей известности как злого и воинственного народа победу одерживал тот падишах, на чью сторону они становились, смерть за священную землю как дело благородное и доброе предпочитали жизни в этом мире⁶². Об участии мадьяр в походах Луи IX известно и из источников европейских венгров⁶³. В них говорится, что башкиры-христиане, находясь под господством мадьяр, все еще не забыли тюркского языка. Из-за того, что название «башкурт» употреблялось вообще в смысле мадьяр, возможно, в числе упоминаемых Каратаем Хазинедаром башкирами могли быть как собственно башкиры, так и венгры. Ибн Саит ал-Магриби (умер в 1274 г.) мадьяров с восточной стороны Дона называет хунгарами и считает, что большинство их представляет собой родственное племя башкирам-мусульманам, живущим на юге этой реки. Столицу хунгар он называет Тртбуа, или Трбтуа. Столицу башкир-мусульман он написал как Курат, следует же читать Кран. Ибн Саит пишет, что в мусульманство их обратил некий туркменский факих (знаток шариата)⁶⁴. Абу Убейдулла ал-Бакри пишет, что в 1009–1010 годы по христианскому летосчислению, а по хиджри в 400, до 12 000 печенегов, живших в Маджаристане, были обращены в мусульманство исламским ученым,

взятым в плен, вместе с тем автор отмечает, что большинство печенегов составляли язычники, а печенеги-мусульмане назывались ал-хавалис⁶⁵, то есть в Маджаристане мусульманами были не только башкиры, но и печенеги. Слово «хавалис» означает «хорезмиец»⁶⁶, следовательно, вполне вероятно, что здесь были и хорезмийцы⁶⁷.

§ 7. Распространение ислама среди башкир

Возможно, что распространение ислама среди башкир туркменским факихом происходило не на Дунае, а на Урале. Якут ал-Хамави сообщает о своем разговоре с одним башкиром-мусульманином из Маджаристана, приехавшим в Халеб учиться. По словам этого башкира, в Маджаристане все башкиры принадлежали к направлению ислама ханифи. Их обратили в мусульманство в древности семь человек, прибывших из страны болгар. Это предание им рассказали предки. Следовательно, ислам они приняли еще будучи в Башкурдистане на Урале. Видимо, часть из них была обращена в мусульманство семью проповедниками из страны болгар на Урале, а другая часть – туркменским факихом уже в Венгрии. Туркменами называли, вероятно, огузов, живущих в бассейне Сырдарьи. Большинство миссионеров, распространявших ислам среди тюрков, в том числе и шейхи из Ясави, были выходцами оттуда. Башкиры, которых видел Якут ал-Хамави, рассказывали ему, что дунайские башкиры жили в поселках числом около 30, каждый из которых был величиной в небольшую крепость, но маджарский король не разрешал им строить крепости, так как боялся их восстаний. Язык у них уже не тюркский, а европейский (то есть мадьярский), внешний вид также европейский, и они служили в войсках мадьярского короля, воевали с мадьярами против остальных немусульманских народов. Бороды они сбрасывали, некоторые с целью стать факихом изучали исламские науки и приезжали в Халеб⁶⁸. Зекерия Казвини (умер в 1283 г.) встретил одного башкира-факиха. И он сообщает о том, что башкиры представляют собой многочисленный народ, большинство которых составляют христиане,

но среди них есть мусульмане-ханифи, и они платят христианам подать. Иными словами, башкирами он называет мадьяр, башкир-мусульман и печенегов вместе взятых. Однако этот автор характеризует башкир как народ, не имеющий городов, живущий в юртах. Видимо, все-таки речь идет о башкирах на Урале, так как во времена Зекерия Казвини в Венгрии мадьяры и башкиры жили не в юртах, а в селах и городах. У этого автора следующее сведение о башкирах, живших в юртах, относится как к уральским, так и дунайским башкирам: «Башкирский народ живет в дерме эв (юрта – *тирма өй*). У них нет городов. У каждого аймака есть «икта» – знак могущества предводителей. Довольно часто из-за этой «икты» между ними возникает вражда. Падишах башкир, чтобы положить конец этим спорам, решил забрать у них эти «икта» и назначить жалованье (за военные заслуги) из казны, что и сделал. Когда пришли татары, падишах башкир начал готовиться к противостоянию. Предводители сказали ему, что если он не вернет им «икты», они воевать не будут. Падишах ответил, что сейчас не отдаст, но после войны вручит им и их потомкам эти «икты». Из-за этого башкиры рассеялись и татарские мечи уничтожили их, не встречая сопротивления»⁶⁹. Когда монголы под предводительством Батухана вторглись в Маджаристан, среди военачальников венгерского короля Балла IV были подобные же распри⁷⁰.

Сведения о выкупе за «икту», о вторжении татар в Маджаристан, где башкиры жили в юртах, и проблемы об их «икте» относятся, видимо, к уральским башкирам, так как в Венгрии в XIII веке трудно представить жизнь омадьярившихся башкир-мусульман в юртах. Это подтверждается и тем, что об этом нет никаких сведений и в венгерских источниках.

§ 8. Башкиры во времена монголов

В исламских источниках, относящихся ко временам монгольского нашествия, под именем «башкир» подразумеваются и мадьяры, вследствие чего произошла путаница⁷¹. Уральские башкиры очень рано подчинились монгольским правителям.

Согласно «Секретной истории» монголов, уральские башкиры в самом начале завоевательных походов Чингиза, уже в 1207 году, покорились Джучи-хану. Это упоминается как покорение народа, соседствующего с народом «Тёлёс», то есть с алтайцами⁷². Поэтому нигде нет речи о ведении башкирами вооруженной борьбы против монгольских ханов. Во всяком случае остается предположить, что они покорились им добровольно. Остается думать, что сведения о башкирах, которые покорились Бату-хану после длительного сопротивления⁷³, относятся к дунайским мадьярам⁷⁴. В истории Рашидаддина, в той части, где благодаря его европейским друзьям изложена франкская история, в качестве народов, которые вели борьбу в Маджаристане против татар, упоминаются по отдельности как башкиры, мадьяры и сасаны (то есть саксонцы) и страна, где происходила эта борьба, названа Маджаристаном⁷⁵. Другими словами, в Маджаристане против монголов, Бату-хана вместе с венграми воевали и дунайские башкиры-мусульмане. Из-за религиозных притеснений и постоянных преследований мадьярских королей дунайские башкиры в XIII веке окончательно исчезли, ассимилировавшись среди христиан-мадьяров.

§ 9. Башкиры на службе у монголов и в Египте

Уральские башкиры в период монгольского правления служили в войсках золотоордынских ханов. В это время они уже были мусульманами, но среди них, по-видимому, оставались и приверженцы шаманизма.

В XV веке в числе подданных широко известного Абулхаир-хана, потомка Шибана, башкирские батыры Жыгыз и Жал упоминаются в числе великих эмиров⁷⁶.

Из числа башкир известные и почитаемые эмиры служили также в Иране ильханидам. Из них один башкирский военачальник упоминается наряду с Кутлушах Нойаном и Чобан Нойаном третьим по значимости великим эмиром⁷⁷. Они все в 1299 году были направлены Газан-ханом в Анатолию для подавления восстания Сулемиша. Также и во времена Олжайту-

хана упоминается видный башкирский военачальник по имени Сыракан-башкурт, о нем говорят, что «он прибыл из улуса»⁷⁸, то есть, видимо, он прибыл из улуса Джучи. Некоторая часть башкир вместе с кипчаками служила в Египте и Сирии в качестве мамлюков, из их среды вышел целый ряд видных деятелей. Из них в исторических источниках особенно часто упоминаются Насретдин аль-Насыри аль-Башкурди, Сенжер аль-Рюкны аль-Башкурди, Алааддин Башкурд аль-Насыри, Илмиддин аль-Башкурди и великий эмир Беркука, Сарын аль-дин аль-Башкурди. Из них Насретдин аль-Насыри оценивается как просвещенный эмир, мастерски владевший искусством чтения стихов на арабском языке. Он скончался 3 марта 1322 года в Шаме⁷⁹. Великий падишах мамлюков Кыратай Хазинадар оценил Илмиддина аль-Башкурди как чрезвычайно умного государственного деятеля, ученого и высоконравственную личность⁸⁰. Илмиддин Сенжер аль-Башкурди был его современником⁸¹. Илмиддин Башкурд аль-Насыри был великим эмиром египтян в то время, когда они вели войну против ильханидов, и умер в 1303 году⁸².

§ 10. Хань в стране башкир

Во времена монголов страна башкир так же, как Ибир-Сибир* – часть Западной Сибири по течению реки Кама, называемой Чулман, – принадлежала наследникам Шибана, одного из потомков Джучи. Эту страну называли Тура, а самих – туринскими ханами⁸³. Они правили этой страной до тех пор, пока ее не захватили русские. Однако и золотоордынские ханы, зимние месяцы проводившие в Сарае и Сарайжыке, в летние месяцы находились преимущественно на Уральских горах. Египтянин Ибн Фадлаллах аль-Умари (умер в 1348 г.) писал о них, что они в зимние месяцы жили в Сарае, а в летние месяцы, как туринские (то есть Тура) ханы, – в Арктаге или Ураке (Урек)⁸⁴. По мнению Утемиш хажи, Тура означает Западную Сибирь и

* Так у автора (ред.).

Башкурдистан, которые стали местом расположения деревень и крепостей мангытов, перешедших к оседлости⁸⁵.

Эти туринские ханы, хотя и построили в Западной Сибири города, однако их настоящий центр находился в Башкурдистане, вблизи Уфы, особенно важными были местности с названиями «Ханская Орда» или «Мавзолей Тура Хана», находящиеся вблизи станции Чишмы и деревни Тирме, а также гора «Тура тауы» рядом со Стерлитамаком, «Хан тубеси» (Ханская гора) рядом с Хажы Мечетью⁸⁶. В этой связи заслуживает внимания утверждение Ибн Фадлаллаха аль-Умари, что «сибирские города подчинены Башкирии»⁸⁷. По свидетельству того же автора, области Сибири и Чулмана очень холодные и там шесть месяцев лежит снег. В этот период их горы, дома, города покрыты снегом. Ибн Фадлаллах утверждает также, что недалеко от Хорезма на Мангышлакском полуострове живет несколько тюркских племен, принадлежащих роду *буржан*⁸⁸. Если это слово «буржан» не представляет собой описку, а речь идет о бурзянцах, представляющих собой самое большое племя южных башкир, то становится ясно, что если часть башкир заселяла земли около Перми, то другая, важная, часть проживала на далеком юге, на Мангышлаке. В нашу бытность в Башкирии можно было наблюдать, что бурзянские башкиры наиболее прочно сохраняли традиции старинной Хорезмийской культуры. На свадьбе дарили шубу хорезмийского покроя, сшитую из беловато-желтой кожи особой выделки, имели обычай носить бородку, оставленную лишь на подбородке, точно такого вида бородки носили хорезмийцы и огузы, жившие между Аралом и Каспием⁸⁹.

§ 11. Туринские ханы Шибаниды

Сыновьям Шибана, управлявшим башкирскими племенами, подчинялись не только Западная Сибирь и долина Чулмана, но и булгары и алатырцы. После Джучи Бука, сына Шибана, этими областями по праву наследования правили Бадакул сын Джучи, Минг Темир (или Малик Темир) сын Бадакула. В шежере этих

ханов все они представлены как потомки Шибана, управлявшие его наследием. После Минг Темира в истории Золотой Орды начинается междоусобица, поэтому владения каждого царевича начинают приобретать вид самостоятельного ханства. Узбекские ханы Хивы и Мавераннахра также являются потомками Минг Темира. Потомки султана Арабшаха, сына Булата и внука Минг Темира, впоследствии правят Хивой. У Минг Темира был также сын по имени Ибрагим огул. Сын Ибрагима Абулхайрхан и его потомки правили Мавераннахром.

Сын Минг Темира Илбек и сын Илбека Канбай были ханами на башкирской земле, а сын Илбека по имени Алибай был ханом у болгар и в Казани. Известно, что Канбай был современником Тохтамыш-хана и во время правления Башкурдистаном своей главной ставкой сделал долину реки Кугади. От него сохранились некоторые чеканные монеты. Сын Канбая Махмудек Ходжа так же, как и Али, сын Бекконды и внук того же Минг Темира, а также сын Али Хажи Мухамет-хан были ханами башкирских и туринских земель. Сын вышеупомянутого Хажи Мухамет-хана Махмудек-хан был признан как влиятельный и сильный хан всех туринских и башкирских земель. Один из сыновей этого хана Ибак-хан (Ибрагим, умер в 1499 г.), не удовлетворенный Туринским ханством, вмешивался в общие золотоордынские дела. Его брат Мамык в одно время вмешивался в казанские дела. После Ибака его сын Муртазахан правил в первой половине XVI века. Его сын Кучум-хан в 1563–1598 годы был ханом Западной Сибири и Башкурдистана. Однако в его время в той части Башкурдистана, которая расположена западнее Урала, преобладало влияние ногайских мурз.

В 1577 году русский казак Ермак захватил в Сибири города Кучума. После него его сыновья Али-хан, Ишим султан вели борьбу против усиления русского владычества в средней и восточной части страны башкир. Один из сыновей Ишим султана Абылай султан (умер в 1635 г.) и его брат Абуга султан (известно, что в 1659 г. был еще жив) ради сохранения своей власти вели непрерывающуюся борьбу против русских захватчиков.

§ 12. Тюменские беи и ногайские мурзы

Начиная с третьей четверти XIV века, как и в других частях Джучиева улуса, в стране Тура и башкир фактическое управление было в руках тюменских беев, подданных ханов. Они, совместно с родовыми беями башкир и монгольскими родами, пришедшими с настоящими ханами, составляли тумены. Во времена вышеупомянутого Канбая авторитетным был род Дюрмена⁹⁰. В период правления его сына Махмудек Ходжахана стали известными тюменские беи Конграта и Салжавута. Об этом хане Утемиш хажи пишет: «Он был сильным и надежным ханом. Воюя во главе (с родами) Туринского вилаята против тюменов Конграта и Салжавута, победил их и объединил вокруг себя всю страну»⁹¹.

Точно так же и Кучум-хан* воевал с Ядыгар Мирзой, сыном бея Салжавутского тумена Тайбуги. Однако самыми могущественными были тумены мангытского рода. Из мангытов отец Нуреддин-бека (Нурадын) Мангыт Эдиге-бек, после поражения в большой войне против потомка Токтамыш-хана у реки Илек, вместе с «главой дивана Катаем Али-беем» пришел в Башкурдистан, жил там и там же умер⁹². «Глава дивана», как будет объяснено и далее, соответствует понятию великий визирь. Самый главный бей дивана Нуреддин происходил из китайского рода. Это племя и в Тамьян-Китайском кантоне современного Башкурдистана, и в Аргаяшском кантоне представляет собой важный род. Нуреддин-бей среди башкир снискал известность под именем Мурадым, и о нем рассказываются исторические стихи, а среди народа бытуют легенды, сохраняющие память о нем до сих пор⁹³. Утемиш хаджи сказал о хаджи Мухаммет-хане, сыне Али, потомке упомянутых Шибанских ханов, что он объединил народы башкурт, алатыр, мокша и города на стороне болгар, а также известные поселения мангытов, называемые Туринскими городищами, и стал в этих вилаятах великим падишахом⁹⁴, то есть в его

---

* Это имя, написанное в варианте BŞBT (1994) как Кучук-хан, согласно варианту «А» исправлено как Кучум-хан (И. Т.).

время в стране башкир и Тура образовались мангытские (ногайские) деревни. Как упоминается в башкирских дастанах, ногайские и тюменские деревни, обосновавшиеся преимущественно в Восточном и Среднем Башкурдистане, примерно в таких местах, как Байык, Мача, Ичкин*, Буздяк, говорящие на татарском наречии, и поселившиеся в башкирских улусах (например, Бурзян, Усерган и Юрматы) и, обашкирившись, говорящие по-башкирски, вероятно, произошли от этих оседлых мангытов. Такого рода ногайские круги составляли опору ногайско-мангытских мурз. Во времена последних Шибанских ханов ногайские мурзы были полновластными хозяевами положения. Внук упомянутого Нуреддин-бея Муса мурза и его сыновья Шыхмамай, Исмаил и сыновья Исмаила Урус и Тин-Ахмет, сын Тин-Ахмета Иштирек мурза стали известными как ногайские мурзы, господствовавшие в Башкурдистане и во всем бассейне реки Яик.

Сын Муса-бея Мамай мурза в стихотворной форме следующим образом объяснил то, как его отец летние месяцы проводил в середине Башкурдистана, вокруг горы Иремен (то есть Иремель), вблизи от Ак-Идели и в Караурмане, находящемся у истоков Яика, а в зимние месяцы жил в устье Яика (на берегу Хазарского моря), в местах под названием Уйшук и Бештамак:

«Гора Иремен у истоков Идели – земля, которой правил мой отец Муса; черный лес у истоков Яика – место, где кочевал летом мой отец Муса; Красный Уйшук, Бештамак – земля, на которой зимовал мой отец Муса»⁹⁵.

Упомянутый выше Иремен, или Иремель, является самой высокой точкой Уральских гор и находится рядом с истоком Ак-Идели (по-русски – Белая). А кочевья Караурман находятся у истоков реки Яик. Уйшук – это место, где сейчас находится город Гурьев, а Бештамак – гора, находящаяся в области Гурьева в бассейне реки Яик⁹⁶. О Шыхмамай (Шыхмамай, Шыкмамай) мурзе среди бурзянских башкир существуют предания, запи-

* Это название в «BŞBT (1994)» написано как Иглин и отражает сегодняшнее название. В варианте «Ор», «А», «В» написано как Искин (И. Т.).

санные в шежере, о нем речь будет впереди. У ногайских мурз существовали традиции – проводить зимние месяцы в низовьях Яика, а летние месяцы – у истоков Яика и Агидели. Они управляли самыми центральными частями Башкурдистана, а башкир называли «башкирами четырех дорог». Это, как будет разъяснено далее, Ногайская, Сибирская, Казанская и Осинская дороги. До начала XVII века из ногайских мурз снискали известность сыновья упомянутого Мусы мурзы Сайдак мурза (до 1540 года), Шыхмамай (1540–1548), Юсуф мурза (1548–1555) и Исмаил мурза (1555–1563), позже сын Исмаила Тин-Ахмет мурза (1563–1580), позже сын этого Тин-Ахмета Ормамбет мурза (1580–1601). Эти мурзы обладали таким большим влиянием, что туринские, казанские, астраханские, казахские и Шибан узбекские ханы считали за честь жениться на их дочерях и гордились этим. Хан туринский и в то же время страны башкир Кучум-хан был горд тем, что стал зятем Тин-Ахмета. Во времена Ормамбет-бея Юго-Восточная и Южная часть Башкурдистана были под управлением Урус мурзы, сына Исмаил мурзы. Его ставка находилась между реками Уй и Тобол, и он поддерживал Кучум-хана в борьбе против русских.

Во времена Урус мурзы в Среднем Башкурдистане родом *табын* управлял Бурнак мурза, Уфой – Аккилембет мурза, родами *минг*, живущими по реке Дим, – Каракилембет мурза. Среди этих мурз возникли разногласия и значительная часть этих ногайцев из-за внутренних противоречий, а также из-за разразившегося голода рассеялись и переселились на Северный Кавказ, к реке Кубань. После их ухода землями, подчинявшимися Каракилембету, управлял султан по имени Букей, а землями, подчинявшимися Аккилембету, – мурза (князь) по имени Газанфер. Все эти события, отраженные в башкирских шежере⁹⁷, полностью подтверждаются сведениями, содержащимися в русских источниках⁹⁸. Становится ясно, из вышеупомянутых мурз Аккилембет является сыном Тин-Ахмета, Каракилембет – сыном Ормамбет мурзы. Они известны и по русским, и по крымским источникам⁹⁹. А Букей султан, видимо, является султаном из потомков Шибана, то есть туринских Шибанов. В этот период улус ногайцев пережил две великие беды и в результате

улус Улу Ногай рассеялся и они переселились в сторону Кубани и Крыма. Одна из случившейся беды – великий голод и мор 1558 года в Поволжье. В результате Исмаил мурза принял подданство русского царя. А другая – голод и внутренние раздоры (разногласия между мурзами) 1600 года. Из-за того что в это же время умер последний великий бей Улу Ногай Ормамбет мурза, трагедия, настигшая улуса ногайцев, еще больше углубилась. Этот период, когда, по преданиям, «разделились на части миллион ногайцев, а Ормамбет-бек* скончался», то есть, когда переселились миллион ногайцев и Ормамбет-бей умер, считается у ногайцев и башкир как начало некоей истории¹⁰⁰.

§ 13. Первые вторжения русских

В 1558 году Россия, воспользовавшись тем, что Ногайский улус от самых верхов и до низов был ввергнут в беды, начала нападать на ногайские и башкирские улусы¹⁰¹. В 1584 году русские казаки, пользуясь этими внутренними противоречиями, проникли до низовьев реки Яик и построили крепость Яицк, то есть Яицкую крепость (ныне Уральск, тюркское название Теке). А в 1581 году на месте впадения реки Канышлы Самар в Идель основали Самарский городок и, идя еще дальше, построили крепость Бирск, а на месте соединения Кара- и Ак-Идели, захватив крепость Уфа, превратили ее в русскую. До 1586 года все башкиры и остяки на Самарской и Уфимской сторонах были подданными Урус мурзы и подати платили ему. Русские, построив упомянутые крепости, начали требовать, чтобы они подати платили им. В этой связи Урус мурза заявил, что «эти башкиры и остяки – в моем подданстве, подати платят мне. Против попыток русских правителей крепостей превратить их в своих подданных, принуждая платить им подати, я буду бороться со всей решительностью», выразил свой протест русским правителям¹⁰². В русском источнике, относящемся к 1572 году, сообщается, что живущие в бассейне реки

* В написании титулов у автора есть расхождения: Ормамбет мурза, -бек, -бей, как Муса-мурза, -бей (А. Ю.).

Кама черемисы, остяки и башкиры не подчинились русским Строгановым. И в данном случае остяки упоминаются вместе с башкирами. Остяки относились к финским племенам. Позже истеками, иштеками стали называть иногда башкир, живущих на севере своей страны, иногда его приписывали всем башкирам (казах-киргизы и крымцы, а вслед за ними и османцы)¹⁰³. В письме Урус мурзы русскому царю это слово «остяк» могло относиться к тептярям, живущим в Уфимском вилайете вместе с башкирами. Во времена Исмаил мурзы разложением Ногай-Мангытского улуса, вследствие голода 1558 года, воспользовались казахские ханы, потомки Токай Тимура, происходящего от Джучи-хана. Из их числа великий казах-киргизский хан Хакназар в 1570 году подчинил себе южную и юго-восточную часть Башкурдистана¹⁰⁴. Однако сын Исмаила Урус мурза действительно прочно установил ногайское владичество в Западной Сибири и башкирском улусе и до 1586 года до прихода русских вдоль по Ак-Идели вплоть до Уфы господство ногайских мурз было полным во всем Башкурдистане. В описываемое время число башкир, принявших русское подданство, было незначительно, и они были достаточно бедны, поэтому их подати были чисто символическими и представляли две соболи шкурки в год от каждой семьи. Башкиры часто не платили даже и это. Русские избрали путь привлечения башкир в свои войска, так как они со стародавних ханских времен составляли военное сословие. Таким образом, в 1606 году они привлекли небольшое число башкир в свои войска. Однако и эти башкиры, принявшие русское подданство, через некоторое время вышли из-под их управления. В 1608 году русские вновь принудили их принять подданство¹⁰⁵. Вместе с тем число башкир, принявших русское подданство, в 1629 году составляло всего лишь 888 дворов, и они были теми из башкир, которые жили по рекам Кама и Ак-Идель, то есть вблизи от водных путей, по которым плавали русские. В 1635 году число башкир, признавших русское господство, достигло 2 217 дворов. Самой плохо защищенной частью Башкурдистана была его северная часть, где башкирские роды соседствовали с финскими племенами. Видно, что к середине XVII века заметно усилились ста-

рания русских захватить весь Башкурдистан. Причина этого заключалась в том, что управление страной заметно ослабло из-за переселения ногайцев на западный берег Идели, которые ранее вели под предводительством ногайских мурз и туринских султанов борьбу против русских в Западном и Среднем Башкурдистане, а также из-за переселения калмыков с востока на запад.

§ 14. Последние туринские султаны против вторжения русских. Калмыки и ногайцы. Принятие средними башкирами русского подданства

Западные монголы – ойротские калмыки в 1600 году начали в массовом порядке переселяться в Западный Казахстан. В 1618 году 50 000 калмыцких семей заселились по течению рек Ишим и Тобол. В 1630–1632 годы часть достигла берегов реки Идель. Их предводитель Хоурлук обосновался вдоль Ишима и Яика. Жившие там ногайские роды проникли внутрь Башкурдистана, а некоторые, переселившись на западный берег Идели, в надежде вытеснить русских из страны туринских ханов начали многолетнюю борьбу совместно с переселившимися ближе к Крыму туринскими султанами, потомками Кучум-хана, и ногайца Урус мурзы, и с помощью калмыков. Наследник Кучум-хана сын Али-хан в 1601–1606 годах с помощью калмыков, а в 1608 году с помощью Урус мурзы и его сыновей вел войну против русских и напал на Уфимскую крепость. Войска Али-хана состояли из представителей родов *шырын* и *табын*^{*}, ему помогали также башкиры и уфимские татары. Однако наследник потомков Урус мурзы Иштирек мурза расстроил дела этого Али-хана. Этот Иштирек мурза, сын Тин-Ахмет мурзы, признал высочайшее господство Москвы и был признан как великий-бей Большого Ногайского улуса. Али-хан попросил помощи у этого Иштирек мурзы

^{*} В варианте «БҒБТ (1994)» написано Барын Табын, но в вариантах «Ор», «А», «В» написано как Шырын и Табын (И. Т.).

в деле изгнания русских из Башкурдистана, особенно из Уфы. Но Иштирек мурза расстроил его планы и даже позволил ограбить его. При возвращении, когда он проходил вблизи от Иштирек мурзы, у Али-хана на Яике у переправы Жан Сююк умер сын. Он предал его земле вблизи Уфы, в месте захоронения ханов. Воспользовавшись горестным состоянием хана, русские неожиданным нападением взяли его в плен¹⁰⁶.

Пришедший ему на смену Ишим султан больше опирался на калмыков, чем на ногайцев, более того, даже установил тайные связи с Хоурлюком. В 1616 году захватил Уфу. Своей ставкой он избрал самое прекрасное место по реке Тобол – Аман Карагай. Окружавшие его войска целиком состояли из рода *табын*. Они (то есть часть из них) находились вместе с ханом по реке Тобол. В 1622 году Ишим-хан вновь прибыл к берегам Ак-Идели. Его брат Канай султан также воевал против русских. Среди родственных султанов Шибанидов искреннее сотрудничество и верность друг другу наблюдается во всей их истории. Эти два брата были в тайной связи с ханами Астраханской династии, правившими в Мавераннахре, и получали от них помощь.

Переписка, письма Ишим-хана, его сына Абылай султана, а также сына Абылая Кучук султана с ханами Мавераннахра дошли до нашего времени¹⁰⁷.

Абылай султан с помощью ханов Мавераннахра, стремясь вернуть свои владения между Уфой и Томском, напал на русских. Однако все это носило характер партизанской войны. Ему помогали беи чатских татар, мурзы Абак и Тарлап, живущие вблизи от Томска, башкиры и уфимские татары. После гибели этих двух мурз в 1630 году, Абылай султан большей частью действовал в Башкурдистане. Его центральные ставки на востоке располагались вдоль Ишима, в местности под названием Кашкарагай, и в Западном Башкурдистане, вблизи от Стерлитамака вокруг горы Туратау. Некоторую помощь ему оказывал и калмыцкий хан Хоурлюк. Абылай султан в 1633 году занимался освобождением башкир Исетской дороги и катаяского рода от русского подданства. Группа из калмыков в целях оказания помощи Абылай султану вошла в

местность под названием Дуван, взяла в плен и уничтожила русских, намеревавшихся обосноваться там. Абылай султан непрерывно воюет против русских. В 1636 году он вместе с калмыками, находившимися в Дуване, и с братом Тюке султаном устроили нападение на Уфу. В ходе этого похода Абылай султан приложил наибольшие усилия к тому, чтобы вытеснить русских из этих мест, но достичь успеха ему не удалось. Напротив, и сам он, и его брат Тюке были захвачены в плен русскими. Это событие оказало сильнейшее, удручающее духовное воздействие на сознание табынских, минских и юрматынских башкир, боровшихся против русских. Наследник и брат Абылай султана Давлет-Гирей султан был последним царевичем из потомков Тура ханов, который во всех Туринских владениях и Башкурдистане боролся против русских широким фронтом. Позже его брат Абуга султан и сын Абылая Кучук султан также вели борьбу, но эта война приобрела форму партизанской войны. В Западном Башкурдистане самые активные участники этого движения – табынский и юрматынский роды в результате этих войн подверглись самым сильным нападениям, многие попали в плен и роды ослабли. Калмыки под видом помощи башкирам брали их в плен, грабили и в своих отношениях с русскими они начали следовать предательской политике. Давлет-Гирей в 1646–1648 годы приложил много усилий, чтобы освободить Уфу, Исетскую дорогу и Туринские владения. Однако из ногайцев, прежде переселившихся в современные Уральский и Астраханский вилайеты, Улу Ногайская часть во главе с потомками Иштирека, Уруса и Ормамбета, воюя с калмыками, в 1646 году перешли на западную сторону Идели. В Уральском вилайете остались кучук-едисанские и алты-оглуджимбойлыкские ногайцы. Они были малочисленны и слабы. Надежды башкир на калмыков также оказались пустыми. Наконец, часть калмыков, приняв в 1655 году русское подданство, переселилась на западную сторону Идели. Давлет-Гирей видел в калмыках врагов и воевал против них. В такое сложное время самый важный в Западном Башкурдистане Юрматинский улус в 1649 году признал владычество русских. Их предводитель Татигес мурза и беи Азнай, Ильчектимер и Кармыш от име-

ни принадлежащих этому улусу 300 дворов приняли русское подданство. Эти беи должны были в качестве дани ежегодно отдавать русским правителям всего 100 штук собольих шкурок. Русские присвоили Тетигесу титул мурзы, а Азнаю – бея (по-русски старшина)¹⁰⁸, то есть они сохранили свои прежние титулы. Кармыш и Азнай – предки башкирских беев, живущих по реке Сикеди и Селевук в деревнях Макара и Азнай. А Ильчектимер – название рода, к которому принадлежим и мы, то есть предок нашего рода, или тьюбы. Тьюба – часть рода. Другими словами, Ильчектимер в юрматинском роде предок нашей тьюбы. Так в 1649 году Восточный и Центральный Башкурдистан окончательно приняли русское подданство. В Уральском вилайете из едисанских и алты ногайских мурз и Севинч мурза признал русское подданство. Части Улу Ногайских ногайцев, остававшиеся в восточной части Идели и зависимые от калмыков, в 1649 году под предводительством мурз Яхши Саат и Агыш, а также едисанские и джимбойлыкские ногайцы перешли на западную сторону Идели и ушли в сторону Кубани и Крыма. На восточной стороне Идели остались одни калмыки. И великий правитель калмыков Аюка-хан (1672–1734) в 1673 году признал над собою власть русских. Все это послужило причиной того, что восточные и южные башкиры пришли к мысли о неизбежности русского владычества.

§ 15. Юго-восточные башкиры. Казахские и каракалпакские ханы

Ввиду того что большинство калмыков в это время переселились на западную сторону Идели, казахские ханы Малого Жуза постепенно стали передвигаться на запад и стремились взять под свое влияние башкир. Это позволяло юго-западным улусам башкир, в особенности Усерганским, Бурзянским и Кипчакским улусам, противостоять против требований русских и сохранять свою самостоятельность. Из ханов Малого Жуза на башкир наибольшее влияние оказывали преимущественно те, которые были известны как каракалпакские ханы.

Хотя некоторые башкирские беи под давлением русских присоединялись к русским войскам, однако таковых было мало. Из каракалпакских ханов Бахадир-хан и его сын Каип-хан были признаны усерганскими и бурзьянскими башкирами «ханами», вместе с тем этот Каип, признанный башкирами ханом, был каракалпакским ханом. До сегодняшнего дня среди каракалпаков есть род иштеков¹⁰⁹, возможно, это потомки тех башкир, которые были на службе у ханов и обосновались там¹¹⁰. Как у каракалпаков, так и у башкир, предводителей, ставших таковыми, проявив в ратном деле мужество, уважительно называли «кашка», а также в организации управления имеется способ деления рода на отдельные «тюбы»¹¹¹. Наконец, когда в 1732 году ханы Малого Жуза приняли русское владычество, юго-восточные башкиры, как это будет объяснено дальше, окончательно подчинились русским.

Другими словами, страна башкир, с точки зрения политического управления, не составляла единого ханства: вместе с туринскими ханами (совместно с Тура, Булгар, Казань и Алатырью) находилась под единым управлением сыновей Шибана. А юго-восточная часть страны в XVI и в первой половине XVII столетия была под управлением ногайских мурз, а восточная часть – под влиянием туринских ханов, только в короткий исторический период управлялась казахскими ханами.

§ 16. Внутренняя организация страны башкир

Постепенное установление русского владычества создает условия для появления подтверждений о внутренней системе управления башкир, относящихся к самым различным временам. К тому же и в исламских, и тюркских источниках, несмотря на их малый объем, есть сведения по данному, интересующему нас, вопросу.

Как и другие ханы Золотой Орды, туринские Шибаниды также приняли ислам. После этого и у них монгольское государственное устройство, как и у иранских ильханидов

и чагатайцев Мавераннахра, приняло исламизированную форму. Братья «хана», управляющие отдельными вилайатами его владений, получали титул султана. Таким образом, вместо названия «оглан», применяемого прежде, установилось название «султан». О знаменитом узбекском хане Абулхаире, который был всего лишь туринским ханом, еще в 1430 году говорилось, что «шибанскому принцу Ядыгару отдал султанат Кияна»¹¹². В данном случае султанство означает «быть вали», вассалитет. Вместе с тем, по примеру того, как поступали бухарские ханы по отношению к туркменам, и туринские ханы назначали над башкирами кади. Фадлаллах аль-Умари о башкирах оставил сведения о том, что «над ними пребывает мусульманский кади»¹¹³.

Действительно, недалеко от Уфы в деревне Чишмы есть могила одного эмира по имени Хусейн-бек, понятно, что он был такого рода кади. По сохранившейся записи арабским шрифтом на надмогильном камне, этот человек скончался 7 мухаррама 744, то есть 2 июня 1343 года, во время правления Джанибек-хана. Его называли «Туркестани», это, возможно, означает «Ясылы»*. Что он был «кади» или же «яргучи», становится ясно из того, что его характеризовали словами «был справедлив в своих приговорах»¹¹⁴. Этот Хусейн-бек, вне сомнения, не из числа духовенства, если бы было так, то на надмогильном камне были бы записаны иные титулы. Во всяком случае, он был, вероятно, мусульманским «беем», то есть хакимом, яргучи и валием, и место его захоронения находится в центре управления Башкурдистаном – рядом с «Хан Ордасы» (Мавзолей Тура ханов). Здесь, около деревни Тирме, прочитываемая на стене «Мавзолея Тура-хана» дата показывает, что захоронение относится к 887, то есть 1482 году¹¹⁵, то есть скончавшийся Тура-хан, имя которого нам неизвестно, умер в указанном году. Возможно, этот мавзолей принадлежит отцу ранее упомянутого Ибака, то есть Ибрагим-хана – Махмудек-хану,

---

* Древнее название находящегося на Юго-Востоке Казахстана города Туркестан (И. Т.).

который, как это засвидетельствовано у Утемиш хаджи, «был всесильным ханом всей Туринской и башкирской страны».

Другое управленческое учреждение, о котором мы узнаем из источников, относящихся к русскому периоду владычества, – это башкирские *йыйыны* (народные сборы). Йыйын, или йыгын, собрание, совещание, играл роль курултая этой страны. Он собирался в Юрматинском кантоне рядом с «Хажы Месжиди» или «Хажы» у одного из притоков реки Селевук, в прекрасном природном уголке, в местечке, называемом «Мавзолей хана». И в XVIII веке в ходе восстаний против русских была та же ситуация. В древности, возможно, эти сборы происходили вблизи от Уфы, у «Мавзолей хана». Какую роль они играли, неизвестно, но решения башкир о войне принимались здесь. Российская царица, после окончательного подчинения Восточного Башкурдистана своей воле, 9 июня 1739 года своим указом запретила проведение этих сборов.

Как другое управленческое учреждение известен «диван», который башкиры называют «дуван». В Башкурдистане название Дуванского кантона идет от этого слова. Выше мы видели, что визирь ногайского бея Нуреддина «Катай Али-бей» упоминается как глава дивана. В русском источнике 1549 года встречается слово «Кара дуван»¹¹⁶. В стране башкир название дуван упоминается в 1636 году¹¹⁷. Диван – значит «правлящий круг». В Казани у ногайцев и у башкир самого высокого должностного лица – бея Дивана – называли дуваном.

Кроме того, у ханов были «казна», то есть казначеи. В особенности в дастанах, посвященных сыновьям Нуреддин-бея, в качестве платы, даваемой воинам, упоминается название «алапа», то есть «улуфе»¹¹⁸. К тому же в источниках, относящихся ко времени, когда Абулхаир-хан был туринским ханом, название «даругалык» встречается в смысле принадлежности к войску, быть валием и беем-знаменосцем. Ченги вручил «даругалык» крепости Тура своим беям¹¹⁹. Исконные башкиры управлялись, разделенные на юрты и тюбы (то есть по русски волость).

§ 17. Родо-племенная организация

Главенствующие племена, на которых опирались ханы, имели общее название «карачы» и к ним относились знатные роды *конграт*, *найман*, *кушчи*, *уйгур*, *салжавут*, *кипчак*, *мангыт*, *минг*. Они составляли отдельные «тумены». Большинство этих военных и господствующих родов в XV–XVI столетиях, еще раньше до образования новых группировок под именем узбеков, переселились в бассейн реки Сырдарья, а позже, вслед за родами, переселившимися в Хорезм и Мавераннахр, покинули Башкурдистан. Например, роды *конгратов* и *уйгур* уехали в ту сторону. В Туре, стране башкир, от них никого не осталось. Из этих родов оставшиеся в Башкурдистане обрели вид уфимских татар, известных как говорящие на так называемом «татарском» диалекте кипчаков и сохранили название «тюменских» или же большинство из них под названиями *кантай*, *салжавут*, *табын*, *барын*, *минг*, *меркит*, *дюрмен кипчак*, *чураш* и *ногай* влились в число башкир, восприняли башкирский диалект. Они до сих пор считаются знатными родами (эшрафами), то есть «савры» башкир.

Коренные башкирские племена, имея центр вблизи города Уфы в «Хан Ордасы», сосредоточены по четырем дорогам, носящим название Ногайской, Сибирской, Казанской, Осинской дорог, идущим в юго-восточном, южном, западном и северном направлениях, и поэтому они называются башкирами четырех дорог. Это следующие племена:

Ногайская дорога: *минг*, *меркит*, *табын*, *сарт*, *юрматы*, *кипчак*, *бурзян*, *усерган (канглы)*, *чураш*, *тамьян*, *тилев*, *кантай*;

Сибирская дорога: *кудей*, *табын*, *кушчи*^{*}, *сувын*, *танып*, *онлар*, *йеней*, *мирзалар*, *сарт*, *кувакан*, *барын-табын*, *кипчак-табын*;

Казанская дорога: *карши*, *канглы*, *кайлы*, *елдит*, *кирей*, *йеней*, *байлар*, *йылан*, *кыргыз*, *булер*;

---

* Исправлено по варианту «Ор» (И. Т.).

Осинская дорога: *тазлар, уран, ирехти, гайне, салавыш, караойле*¹²⁰.

В составе этих племен представлены несколько мелких групп тюркских и монгольских родов. Самые большие и многолюдные – *кипчакский, усерганский (канглы), бурзянский, табынский* роды. Выше мы уже писали, Абулгази-хан свидетельствует о том, что большинство башкир составляют кипчаки. По собственным преданиям, усерганцы по происхождению представляют собой род *канглы*, то есть одно из ответвлений кипчаков. Жившие по рекам Ак-Идель и Дим, рядом с местом расположения в прежние времена Ханской Орды, роды *табын, минг* были самой близкой опорой древних ханов. Табынцы до последней минуты оставались верными туринским ханам (потомкам Кучума). То же самое и минцы. О них говорилось: минские беи тюменцев¹²¹, они были опорой Абулхаир-хана. Тура *мингское* племя Кокандского ханства, взявшее в XVIII веке управление Ферганой в свои руки, было племенем, переселившимся под предводительством некоего Чемишбея со стороны Туры и Тобола¹²². Под названием Сарт роды, находившиеся в составе родов по Ногайской и Сибирской дорогам, представляли собой так же, как и бухарцы (бухариоты) из Тобола, круги, прибывшие из Мавераннахра для торговли и пришедшие в целях колонизации. В культурной жизни страны их значение было велико¹²³. В Башкурдистане в 1771 году был Бухарский улус (волость). В то время слово «сарт» означал «торговец, перемещающийся с караваном»¹²⁴. В 1771 году вблизи Уфы проживало 50 семей, в Исете – 52 семьи, а в Оренбургском вилайете** только число мужчин составляло 20 000 душ¹²⁵. Эти сарты сегодня говорят на татарском или тептярском диалекте, а большинство – на башкирском. Во времена ханов вместе с родами, составлявшими тумены, то есть тумены войск, называемых «карачи», всегда присутствовали «ясачные». В смыс-

* В соответствии с вариантом «Ор» был исправлен в караойле, то есть «черный дом» (И. Т.).

** Так у автора, не губернии, а вилайаты (А. Ю.).

ле сословном «ясак» у монголов означает «ясалы, с полными правами» и «управляющие»¹²⁶.

В Чагатайском улусе и у Тимуридов ясачные, как и в улусе Джучи, считались людьми, ведущими в войсках регулярную службу¹²⁷. Служившие в Уфимском вилайете у ханов и у потомков Кучума «уфимские татары» как раз из их числа. Ясачные татары представляли собой круг людей, которые длительное время и вместе с семьями служили в войсках. На сегодняшний день живущие около Уфы, они заселяют деревни Буздяк, Каргалы, Ташлыгёл, Ишанлыкёл, Табалыкёл и Калмыш. Кроме них, есть мишаре, которые исстари жили в Башкурдистане и служили в войсках. В 1754 году во всем Башкурдистане они состояли из 1 510 дворов.

Ввиду того, что башкирский народ в течение веков образовался из различных тюркских и монгольских племен и представляет собой смешанную массу, история башкирских племен, аймаков, их управленческие деления на тюбы занимают очень важное место в изучении этнографии тюркских племен. Их состояние к 1750 году описал капитан Рычков, а современное их положение хорошо описали профессор Руденко и из башкирских специалистов – Харис Кузеев^{*128}.

§ 18. Сословно-классовая организация

Народ в сословном отношении делился на мурз, беев, тарханов, а по имущественному, земельному праву – на группы «асаба», «тепяр», «бобыль», «туснак»^{**}. Сословие мурз возникло от беев и детей беев господствующих татарских племен как мангыт (ногай), салжавут (сыжыват) из-за того, что большинство их жило в окружении татар, они говорили на татарском диалекте, которых русские, уподобляя собственным условиям, называли князьями, или мурзами. Тесно связанные с русскими мурзы охристианились еще в XVII–XVIII веках.

---

* Речь идет о трудах проф. Р. Г. Кузеева (А. Ю.).

** По варианту «Ор» – «туснак» (И. Т.).

Ураковы (потомки Урак мурзы) и потомки Рудал мурзы еще в 1591 году поступили на службу к русским и охристианились. Из охристианившихся мурз упоминаются потомки Шыгая с 1635 года, потомки Акимбета (Акимбетов) с 1673. Так, сохранившие мусульманство – это потомки Аксаковых, Акчуры, Бекчуры, Бахмета (Бахметов, то есть Бийахметов), Дашки (Дашкин), Еникея, Сулеймана, Янбулата¹²⁹. Из них потомки мурз Урака, Шыгая, Акмамбета, Бийахмета, Султана, несомненно, происходят от ногайских мурз. Выше мы уже из этих мурз называли Шыхмамая из Бурзяна и Тетигеса из Юрматы. Шыхмамай мурза был сыном ногайца Муса мурзы. Из юрматинских башкир в 1700 году упоминается Умреш мурза. Он происходил якобы из Ишейского рода, сын Сумемет мурзы. И Тетигес, кажется, из ногайцев. Однако это оставшиеся среди башкир и обашкирившиеся мурзы. Акимбеты и Акчулпаны также сегодня чисто башкирские мурзы. Как и *катайцы*, *салжавуты* стали башкирами. Из них по-татарски разговаривавшие потомки Дашка (Дашкин) в Аргаяше дали начало деревне Муслим, а в Тамьян-Тунгауре – деревне Ахун. Основавший их мурза Муслим Ибн Али аль-Мухаммет ибн Жайынсал умер в 1794 году. Его права как мурзы не простирались далее назначения имамов в башкирские и татарские деревни¹³⁰.

«Беи» были не только командующей группой в войсках, они были также управляющими в племени, по сложившимся обычаям и традициям совершающими суд, и предводителями улуса. Русские по-своему называли их старшинами (стариками) и в бумагах употребляли это слово. Беи в основном были в башкирских улусах. Если в некоторых объединениях улусов были мурзы, рядом с ними были и беи, а в некоторых улусах только беи. Кроме того, до 1739 года это бейство (старшинство) среди предводителей племен передавалось по наследству. Затем данный способ передачи власти был упразднен и хозяевами становились беи, назначаемые русскими властями.

Среди башкир также были «тарханы». Они представляли собой слой знатных людей, возникший еще во времена ханов. Это был круг людей, которые за свои значительные заслуги

перед обществом были освобождены от податей и имели некоторые другие привилегии. Их признали и царские власти, и они сами давали некоторым полезным людям титул тарханства. Из них тархан Бурзянского улуса Алдарбай сын Исекея в 1734 году принимал участие в войнах русских в Азове и Крыму. Шимей батыр сын Карчыка говорил, что «его дед Бииш согласно древним записям (ярлыкам) был тарханом», то есть семья этого батыра была из тарханов еще в ханские времена, что учитывалось и признавалось и русскими властями. В 1733 году на Сибирской дороге тарханами были каратабыне – потомки Таймаса, в 1755 году на Ногайской дороге в Юрматинском улусе – потомки Кебеса, Апаса, в Кыпчакском улусе – Муратбаш-оглу Исенкул, в Тамьянском улусе – потомки Тенекея¹³¹. Эти последние стали тарханами за свои заслуги на военной службе. В конце XVIII века тарханство окончательно утратило свое значение.

§ 19. Система «икта асаба» (вотчинного права)

Во времена русского подданства башкиры признавались военным сословием, поэтому все мужчины от 17 до 43 лет считались солдатами. Это обстоятельство являлось продолжением того, что они еще в ханские времена находились в составе войск. Взамен башкиры имели право передавать свои земли по наследству, и это считалось их «иктой». Башкиры и мишаре, имевшие подобные права, считались «асаба». И русские слово «икта» перевели на свой язык как «вотчинник»¹³². Из следующих слов Зекерии Казвини становится понятно, что «каждая группа башкир, живущая в юртах, являясь обязанной состоять в составе войск, еще в XIII веке обладала «иктой». Слово «асаба» – правовое понятие, означающее собственника имущества. Возможно, эти права утверждались мусульманским кади, управлявшим их страной. В Башкурдистане установить различия между правами ясачных, в ханские времена долго служивших в войсках и находившихся точно на такой же

службе «асаба», из-за недостаточности сведений, не представляется возможным. Еще в 1708 году русские писали «башкиры и другие ясачные», а также известно, что в 1737 году русское правительство хотело, отняв башкирские земли, отдать их «сословию ясачных». Из русских источников, связанных с именем Канзафер мурзы, понятно, что деление земли у башкир и во времена правления русских было основано на истари существовавших документах¹³³. Круги, жившие среди башкир и мурз, назывались тептярями и бобылями. Слово «тептяр», видимо, в сущности, греческого происхождения и к тюркам перешло от арабского и фарси, и означает слово «дефтер» (тетрадь). Это слово в форме «дефтер» использовалось и в первые годы правления Чингисхана в Монголии¹³⁴. Во всяком случае, это применявшийся диваном (органом управления) порядок регистрировать в тетрадах людей из народа, находившихся на постоянной службе на какой-либо должности¹³⁵. Тептяре, разговаривающие сегодня на диалекте, который является чем-то средним между башкирским и татарским, в тот период стали многочисленными за счет переселенцев со стороны Казани, но понятно, что их число в древние времена не было большим. У них были свои, отдельные беи (старшины)¹³⁶. Слово «тептяр» означает не название племени, а название сословия, в их среде были и чуваша, и представители финских народов. Известно, что в ханские времена мангытские поселения, называемые Тура, составляли культурные центры в этой стране. Однако ставшие оседлыми мангыты, по-видимому, были не тептярями¹³⁷, а составляли ногайские деревни, в некоторых местах говорившие на татарском, а в большинстве – на башкирском диалекте. Название бобыль, богул¹³⁸ относилось преимущественно к выходцам из финских племен в смысле «пленник», «зависимый». Кажется, название племени «вогул» также идет от этого. И бобыли были на службе у башкир и мурз, но бобыли – это люди, у которых нет ни земли, ни семьи, то есть зависимые люди, рабы¹³⁹. Среди башкир существовал еще какой-то круг людей «тоснаков»¹⁴⁰. И они были людьми, зависимыми от башкир, но их правовое положение неизвестно. Возможно,

они занимали положение, схожее с положением «туленгутов» среди киргиз и казах. В 1772 году, по подсчетам русских, зарегистрированные в тетрадах башкиры-«асаба» составляли 13 042 двора. В 1745 году мишари в Башкурдистане составляли 1 510 дворов, а тептяри и бобыли – 5 655 дворов¹⁴¹.

§ 20. Башкурдистан под владычеством русских

Восстания*: Свое господство в Башкурдистане царское правительство стремилось укрепить поселением здесь волнами идущих на восток русских переселенцев, строительством городов и крепостей, то есть, с одной стороны, военными средствами, с другой стороны, увеличением числа переселенцев. Русские воеводы приняли башкирских и татарских мурз в состав русских дворян, проводили политику удержания народа под своим влиянием путем раздачи другим беям и тарханам различной одежды и чинов. Башкиры подчинялись русскому владычеству с условием сохранения прав на землю и своей самостоятельности. Но непрерывный поток идущих сюда русских переселенцев, строительство крепостей и укрепленных пунктов не оставляло сомнения у башкир в том, что русские хотят укрепиться здесь навечно, достигнув большинства населения. Башкиры, от всей души верные своим традициям самостоятельности, желали освободиться от угрозы быть постепенно уничтоженными. Ввиду этого в XVII и XVIII веках неуклонное усиление господства русских в крае сопровождается расширяющимися и усиливающимися восстаниями и бунтами башкир. Не было ни одного народа и ни одного тюркского племени, столь долгое время и с таким упорством и беспощадно боровшегося против захватнической политики. Имея в виду многочисленность, продолжительность и напряженность этих восстаний, русский историк Дубровин о башкирах говорил: «Самые жестокие враги русского владычества на востоке»¹⁴².

---

* Подзаголовок «восстания» поставлено согласно вариантам «А» и «Ор» (И. Т.).

Эта борьба ослабла лишь во второй четверти XVIII века, после принятия казахскими ханами русского подданства, в результате строительства русскими на этой основе различных укреплений по Яику, и, наконец, в последней четверти этого века восстания башкир прекратились. Однако башкиры постоянно следили за тем, когда русские переживали трудности в своих внешнеполитических делах и всегда старались, воспользовавшись именно этими обстоятельствами, начать восстания именно в это время. В ту пору, когда башкиры на востоке, будучи в связи с казахскими ханами, сохраняли свою самостоятельность, западные и центральные башкирские племена, еще в первой половине XVII века принявшие русское подданство, один за другим поднимали восстания. Во всех этих восстаниях туринские принцы, потомки Кучума, играли первостепенную роль. В 1635 году русские решили окончательно прибрать к рукам центральных башкир и из их числа время от времени набирали наемные войска. Они, подчинив себе башкир улусов Кушчи, Бала-Катай, Салжавут, Каратабын и Ай Сибирской дороги, пожелали переселить их из восточной стороны Урала на западную. Это были господствующие племена, во времена монголов принадлежали их туменам и были противниками потомков Кучума. Однако из туринских принцев сын Кучум-хана Абылай султан, объединившись с калмыками, отрезал им путь переселения на запад¹⁴³. Они вырезали беев, находившихся в связи с русскими, и таким образом, уничтожение сторонников русских способствовало началу всеобщего восстания всюду, где установилось господство русских.

§ 21. Сеит батыр

Первое и большое движение башкир против царской политики захвата их земель началось в 1661 году под предводительством Сеит батыра сына Садыра, или Сеит Жафер батыра (Сеит батыр)¹⁴⁴ в Западном Башкурдистане. Целью Сеит батыра было восстановление «правления туринских ханов». Он установил связи и с казахскими ханами. В русских источ-

никах о Сеит батыре говорится лишь в начале и конце восстания, длившегося с 1661 до 1683 года, а в ходе восстания упоминаются только имена потомков Кучум-хана, но о нем умалчивается. Во всяком случае, когда во главе движения стали потомки Кучум-хана, Сеит батыр остался в тени. В 1661 году он разрушил все крепости, построенные русскими на восточной стороне Ак-Идели и Камы. В 1662 году Москва против него послала сильное войско под началом воеводы по фамилии Языков. Сеит батыр разгромил их. В 1663 году под началом генерала Зеленского из Москвы было послано многочисленное войско, в составе которого было большое число донских, яицких и украинских казаков. Хотя силами этих войск восстание и было подавлено, движение окончательно не прекратилось. В 1663 году казанский губернатор Куракин, обвинив подчиненных ему западных башкир в том, что «они объединились с бунтовщиками и калмыками», переселил их из собственных земель и поместил в Казанской губернии. Однако центральные и северо-западные башкирские улусы, роды Катай и Табын и уфимские (тюменские) татары в 1662–1663 годах под руководством туринских принцев и с помощью калмыков начали восстание и подняли на ноги все башкирские роды. И калмыки вместе с группой войск ногайцев Едисана и Алты-оглу (Алтавул) оказали помощь восставшим. Предводитель западных башкир Давлетберди-оглу Ишметмет вместе с силами, пришедшими на помощь, напал на Уфимскую крепость и захватил русские деревни вблизи города¹⁴⁵.

После 1640 года юрматинские и другие роды считали себя подданными русских, но это подданство заключалось лишь в предоставлении заложников. Сей обычай башкиры воспринимали унижительным для себя. Письмо беев Ногайской дороги на тюркском языке, посвященное вопросу об «аманатах» (то есть заложниках), написанное и посланное 16 ноября 1663 года уфимскому воеводе князю Волконскому, было опубликовано в «Материалах по истории Башкирской АССР» (Т. 1. С. 166). В этом письме башкирские беи пишут: «Великого падишаха, хана, великого бия Алексея Михайловича, обладателя всеми великими и малыми белыми городами письмо от нас башкир

слово то. Как требуют от нас ясырей? От нас какого добра хотят? Мы от падишаха ждем добра. Прежде падишах нас через аманатов не держал, оберегал добром и милостью. Если падишах пожелает нас по-прежнему в холопстве держать, то пусть нам пришлет наших аманатов. А князь к нам посланцев посылал, [так] мы не задерживали, отпускали. Теперь мы купно со всем народом Ногайской дороги послали двух посланцев: одного – Актая, Досмухамедова сына, и другого – Кучая-Бекиша. Тех наших людей, не задерживая, отпусти, свое слово [через них] скоро скажи. Через три дня пошли к нам одного человека, [к которому] у нас доверие. Будет от падишаха добро – мы [его], не задерживая, отпустим, посоветовавшись с нашим народом. Пусть пришлет к нам скорее дворянина Юрья и Ивана, коли от падишаха добро будет. Какие наши дела, ты, князь, до падишаха не доводишь. Теперь наше слово до падишаха доведи. Коли это наше слово до падишаха не доведешь, на нас не гневайся, какой от падишаха запрос и сыск [ни] будет, на нас не гневайся. А коли мы сами через степь какой путь найдем, сам узнаешь. Пусть пришлет он ясыря Бек-Булатову дочь, данную на замену. Коли мы ясырей посылаем, тех наших ясырей берут, [а] на замену не присылают» (Мат. по истории Башк. АССР. Ч. I. М.; Л., 1936. С. 166–167).

Обычно после подобного обмена письмами русские, не дав положительного ответа, начинали войну. Башкирские беи, пославшие это письмо, были беями племен, живших вблизи от Уфы. Их взаимоотношения с Россией похожи на взаимоотношения власти страны, находящейся в состоянии полусамостоятельности.

§ 22. Родословная потомков Кучум-хана, деятельность которых проходила в Башкурдистане

Согласно записям Утемиш хаджи, хивинца Бабажан Мангыта, каракалпакскому и башкирскому шежере Муниса и Агехи, а также архивам русских по Сибири, каракалпакским

и ногайским архивам, родословная потомков Кучум-хана, сыгравших заметную роль в освободительном движении башкир, следующая: Кучум-хан умер 4 августа 1598 года. Из его сыновей известны Али-хан, Ишим султан и Чувак султан. Али-хан умер в 1616 году, его сыновья Арслан султан, Хансувар, Жансувар были взяты в плен русскими и отправлены в Москву. Позже по просьбе крымского хана они были отправлены в Крым. От Хансувара родился известный Ахмет-Гирей султан, он принимал участие в спорах Крыма, Хивы, башкир и каракалпаков.

Второй сын Кучум-хана Ишим султан стал общим ханом, его сын – Абылай султан (Абулхаир, в ногайских преданиях – Аблайыр), его старший сын – Абуга султан, младший сын – известный Кучук султан (другое имя – Каип султан) ездил в Крым и Стамбул, в Дагестане в битве за крепость Терек был ранен и попал в плен к русским, в Астрахани был осужден, тайно доставлен в Казань и там казнен. Другой сын Кучук султана – каракалпакский хан Бушай султан, его сын Ырыс-Мехмет султан был ханом в Бурзяне, Тунгауре и Тамьяне. Третий сын Кучум-хана – Чувак султан и его сын Давлет-Гирей-хан так же снискали известность. С 1661 года до его смерти Абылай султан и его сыновья Абуга и Кучук султаны этого Давлет-Гирея признавали ханом. Сын Давлет-Гирея «Ишим-Чувек султан» в Ургенче был каракалпакским ханом, его сын Хасан султан оставался у калмыцких ханов, а его сын Байбулат султан ездил в Крым и Стамбул и одновременно был султаном башкир, восставших против России. Чтобы не попасть в руки русских, ездил тайно под различными именами. Одно из этих имен – Карасакал. Его брат Ишим султан и сыновья Ишим султана Шайбак и Убейд (Убейдуллах) султаны были султанами каракалпаков. Байбулат султан был известен ученостью и красотой. Убейд султан был султаном племени *карат* (или *карай*). В то время, когда Байбулат (Бейбулат) воевал против русских в Башкурдистане, Шайбак-хан был ханом у каракалпаков. Во всех отношениях был помощником Бейбулата. Его мать Айше хатун была молочной матерью и воспитательницей Бейбулата.

§ 23. Давлет-Гирей, Абуга и Кучук султаны

Начатое Сеит батыром движение, с другой стороны, было движением потомков Кучума. Внук Кучум-хана, сын Чувака Давлет-Гирей султан со своим улусом, то есть подданными, доставшимися ему от предков, кочевал между казаками и калмыками по реке Иртыш. В 1661 году этот человек, по источникам, которыми пользовался Соловьев, вступив в связь с крымскими ханами (то есть с Мухаммет-Гиреем III), во главе табынских и катаяских родов башкир завладел землями на Западном Урале до реки Кунгур, захватил находящиеся здесь русские деревни и сжег их¹⁴⁶. В Тоболе башкиры готовились объявить Давлет-Гирея ханом¹⁴⁷. Однако движение еще более энергичного Абуги и Кучук султанов, расширив масштабы событий, с одной стороны, до каракалпакского Ургенча, с другой стороны, до Крыма и Кавказа, превратило восстание в Башкурдистане в событие международного масштаба. Общую картину хода этих событий мы еще раз сможем вкратце охарактеризовать следующим образом.

Борьбу 1662–1664 годов Кучук султан начал в Северном Башкурдистане – в Сибирской и Осинской дорогах. И калмыцкий принц Дайчин, и его зять Аючей были на стороне Кучука. В этом деле опосредованно участвовали Крым и Турция. Из башкир Ногайской дороги бей кипчакского рода Ишметет тархан, в Кунусакском* и Дуванейском улусе потомки Давлетбая, в Сибирской дороге народный герой Сары Мерген захватили и сожгли все русские деревни. Связанные с Кунгуром русские деревни колонизаторов переселились на западный берег Камы. Весной 1662 года царь под командованием казанского губернатора князя Волконского и князя Черкасского направил многочисленное войско и привлек также в Восточный Башкурдистан русские войска, находившиеся в Западной Сибири

---

* Ныне в Башкурдистане (БҖБТ 1994) называемый «Коношак» (Кунушак) район в варианте «В» написан как «Кунукак», в варианте «А» – «Кунукас». Написание в варианте «В» ближе к башкирскому, поэтому написание в варианте «А» можно считать ошибкой, допущенной при печатании текста на машинке. А в варианте «Ор» эти предложения отсутствуют (И. Т.).

в Тоболе. Этим сибирским войскам удалось победить башкир в битве, происходившей около озера Иртыш. Тем не менее на Ногайской дороге сам Кучук султан, на Казанской и Осинской дорогах Сары Мерген, Килей-Теникей-оглу, Атыгаш, Бекжан Токтамыш-оглу, Арслан Бекбакты-оглу в качестве предводителей под началом Кучук султана успешно защищали Западный Башкурдистан от русских войск. Однако в 1663 году войска Волконского и Черкасского в нескольких местах начали разбивать башкир. Ослабевшие башкиры Ногайской дороги зимой 1663–1664 годов в Москву отправили делегацию из трех человек, выразили повинование и попросили мира¹⁴⁸. Их предводителем был Юлай-оглу Тин-Мехмет. Западносибирские и уфимские (тюменские) татары, то есть буздякские и другие татары, оказывали Кучук султану всю ту помощь, на которую были способны. Кучук желал окружить и захватить Уфу, но успеха не добился. Царь запретил русским колонистам насильные захваты земель в стране башкир и согласился с некоторой частью требований башкир. Однако продолжил строительство солеварен на Ногайской дороге (Усольская) и начатой в Бирске крепости, то есть показал, что Россия решила укрепиться в Башкурдистане дальше, вследствие чего борьба разгорелась вновь.

Видно, что в 1662–1667 годы этими восстаниями руководили племянники Давлет-Гирей султана Абуга и Кучук султаны. Они, начиная еще с 1646 года, в Западной Сибири вели войну против русских¹⁴⁹. В 1664 году данная борьба стала еще более масштабной. В этой связи в русском источнике говорится: «Уфимские и черемисские татары, башкиры и вогулы были обмануты сибирскими принцами. Предводитель изменников башкир Токумбет напал на Мензелинск. В этом движении принимали участие около 4 000 калмыков и еще ногайцы. Ногайцы Едисана и Алты-оглу были той частью ногайцев, которые остались в западных казахских степях и на границе с Хивой»¹⁵⁰. Следовательно, и они участвовали в движении башкир. Я уже объяснял, что «уфимские татары» – это прежние татарские тумены, жившие по реке Идель около Уфы, в месте соединения Ак-Идели с рекой Дим. «Черемисскими татарами» в русских

источниках называли часть татар, живших в местах, граничивших с черемисами¹⁵¹. И в данном случае речь идет о татарах, соседствующих с черемисами, жившими около Уфы или о татарах, переселившихся с Казанской стороны и живших здесь в соседстве с черемисами. Все эти племена, по свидетельству русских, были «обмануты сибирскими принцами», то есть подняли восстание под предводительством этих принцев. Восставшие, вступив в связь с Крымом и Турцией, объединившись из калмыков с Дайчином тайши, в 1665 году через Астрахань напали на крепость Терек в Дагестане, которая была сооружена русскими казаками еще в 1573 году. Позже с принятием казаками верховного правления Москвы, эта крепость была укреплена Москвой. Башкиры и сибирские принцы захватили ее и разрушили. Можно установить, что это были Абуга (Бугай) султан, сын Ишим султана, внук Кучум султана, и сын брата Абуга султана Абылая – Кучук султан. В 1648 году эти два родственника были во главе Исетского и Катайского родов башкир, захватывали и сжигали деревни русских, которые поселились среди башкир вблизи Уфы, уничтожали русское население. В то же время они доходили до страны «горных черкесов», то есть объединялись с сыном калмыцкого принца Хоурлюка, с упомянутым выше Дайчином тайши, передвигавшимся из Северного Кавказа до Дагестана¹⁵². Абуга и Давлет-Гирей султаны рассказали русскому послу, что они не берут на себя ответственности за нападение на русские города, организованное Кучук султаном¹⁵³. Этот Кучук султан признавался башкирами ханом. В 1665 году во главе башкир и калмыков в Западной Сибири он напал на русский город под названием Киргиз (Киргинск) и разгромил русские деревни, расположенные вокруг него¹⁵⁴.

В русских источниках упоминается о том, что они, кроме похода в Дагестан в 1665 году, в 1667 году вместе с подчиненными им башкирами после возвращения из Черкесской стороны (Дагестана) с войском числом до 2 000 обосновались в подножиях горы Апар (в Северном Казахстане) в долине реки Иртыш и дали слово своему суверену, предводителю калмыков Абылаю тайше, никуда без его позволения не удаляться и послали

заложников¹⁵⁵. В источниках отражается и то, что эти Абуга и Кучук султаны совместно с Дайчин тайшой еще в 1648 году намеревались совершить поход в «Горную Черкесию»¹⁵⁶. Следовательно, связи этих сибирских принцев с Северным Кавказом и Крымом являются стародавними. Доказательством тому, что эти связи были давними и мощными, является и то, что башкиры, жившие по соседству с Мунжаком, о чем речь будет впереди, были связаны с калмыками с западной стороны Волги и они говорили: «Мы служим калмыкам проводниками, так как знаем все большие и малые дороги, переправы всех рек на этих землях (то есть Южной России)». Как видно из событий того времени, в тот период башкиры иногда достигали Крыма. Магьярские источники свидетельствуют о том, что в 1666 году башкиры совместно с турками и крымчанами проникли в Магьярстан и напали на город Дебрецен¹⁵⁷. Предводитель калмыков Дайчин тайши и его сын Мунжак не были для башкир надежными союзниками. Они оба, показывая верность русскому царю, сообщали ему сведения о делах Крыма и башкир. В 1661 году представитель русских Горохов, будучи в Яике у Дайчин тайши, предъявил претензии к нему о том, что из числа бунтующих против русских башкир Гаур (Гафур) Акбулат-оглу с числом до 30 других бунтовщиков в данное время находятся в окружении Мунжака, переселившегося в то время на западный берег Волги. Горохов, переправившись на западный берег Волги, встретился с ногайскими беями, считавшимися в то время друзьями русских, а также с Мунжаком, выразил недовольство тем, что они не сохраняют верности по отношению к царю, а Мунжак держит в своем окружении мятежных башкир. Мунжаку он сказал: «Мусульмане являются союзниками крымчан. Поэтому вы, калмыки, должны совершить поход в Крым и захватить его». Иными словами предложил им начать движение против Крыма. В то же самое время он, встретившись с Гафуром Акбулат-оглу и другими предводителями находившихся здесь башкир, настраивал их против калмыков и советовал вернуться на родину. Башкиры ответили: «Если мы вернемся, вы нас повесите. Мы здесь служим. И калмыки довольны нами. Так как мы знаем все большие и

малые дороги и речные переправы». Горохов, после вручения им некоторых подарков, сказал: «Значит вы, приводя в государство царя калмыков, желаете сделать нам зло». На что те ответили: «Да, именно так, иначе в ответ на ваше зло мы должны отвечать добром?»¹⁵⁸. Горохов остался в крайне неловком положении от того, что башкирские беи, приняв предложенные подарки, тем не менее дали ему столь мужественный ответ. Башкиры в эти дни угнали у калмыков до 2 000 голов лошадей. И Мунжак поставил в известность, что он узнает о связях своих врагов татар (то есть ногайцев), а также башкир с крымскими ханами и сообщит об этом царю¹⁵⁹.

Этот Гафур Акбулат-оглу вместе с товарищами, кроме службы проводниками у калмыков в их делах против русских, видимо, обеспечивал связь между Крымом и сибирскими принцами и Башкирией. В 1664 году Мунжак, сообщая русским, «что башкиры, объединившись с астраханскими татарами, крымскими ханами и азовской пашой (османской), составили соглашение», представил в данном случае башкир как своих врагов¹⁶⁰.

В 1665 году Мунжак пишет русским: «Астраханские татары и другие мусульмане состоят в союзе с крымским ханом и пашой в Азове. Суркай шамхал из Таркова и предводители Кабарды между Астраханом и Терекком в местечке Маджар со стороны Крыма пожелали построить крепость и город. И хан желает сосредоточить войска в Кара Яре (Черный Яр и Царицын) и обеспечить взаимосвязь с татарами Астраханского юрта (Юртовск) и ногайцами»¹⁶¹.

О движении башкир и Кучумовичей в 1662–1667 годах между Западной Сибирью и Дагестаном, Крымом против русских упоминает в своих путевых заметках также османский путешественник Эвлия Челеби, прибывший в Крым по пути между Дебреценом, Дагестаном и Астраханью в 1076 году по хиджре (в 1665–1666 годы по христианскому летосчислению). Этот путешественник написал о том, что он видел башкир, (их он называет хешдеками, или иштеками и истеками), во время столкновения принцев, предводителей башкир, с русскими в городке Муйик¹⁶². Достоверность его сообщений подтвержд-

дается и тем, что он в качестве союзников принцев Кучумовичей упоминает Дайчин тайши, называя его Тайси, и Мунжака, называя его Муйинжаком¹⁶³.

Эвлия Челеби, подробно характеризуя этих хишдек, сообщает, что они в качестве русских подданных привлекаются к войсковой службе, но подняли бунт и являются верными слугами Али Османа и добавляет: «Такого количества лошадей, коров, верблюдов и овец, сколько принадлежит хишдекскому народу, нет ни у одного падишаха. Они имеют удивительных коней и сабель. Все они кочевые племена. В их среде есть два принца от Дадуяна (?) и многочисленное духовенство. Постоянно воюют с калмыками, так как имеют чрезвычайно мужественных и сильных, боевых джигитов. Сто тысяч из них лучники и сто тысяч – «кемандары»*, имеют шесть полевых пушек. Более того, эти принцы, придя в городок Муйик с покорностью, сказали: «Османский падишах пусть вручит нам зеленое знамя. Мы сможем эти вилаяты оторвать от Москвы и подчинить Вам». Если объединить хишдекские племена в местечке под названием «Алты Сакуни», то Азовский вилайт мог бы быть защищенным от Москвы и калмыков. Хишдеки крайне фанатичны, очень храбры, сабли у них острые. Сами они едят конину, на голову одевают колпаки, похожие на «сурахи»**¹⁶⁴.

Упомянутый здесь хан Мухаммет-Гирей никто иной как Мухаммет-Гирей IV, известный под именем суфи Мухаммет-Гирей, который был ханом в 1641–1644 и 1654–1665 годы и, понимая угрозу со стороны русских, приложил большие усилия к тому, чтобы преградить им путь на Украину и в бассейн реки Дон. Стамбульские правители в 1665 году лишили его престола и вместо него возвели на престол Адель-Гирея, потомка ханши польского происхождения и друга русских. Он послал русскому царю Алексею Михайловичу богатые дары и предложил дружбу¹⁶⁵. Стамбул, поняв ошибочность своей политики, в 1671 году назначил ханом Крыма Хажи Селим-Гирея, который ранее принимал участие в походах против

---

* Перевести это слово не удалось (А. Ю.).

** Сосуд наподобие графина (А. Ю.).

русских. Тем не менее, Крым и Турция в это время не сумели воспользоваться одной великой возможностью: этой возможностью был бунт Степана Разина против царя. Разин, выходец из донских казаков, поднял знамя восстания в 1667 году, когда принцы Кучумовичи и башкиры вернулись обратно из Терека. В 1668 году, перейдя на восточный берег Волги, он вступил в связь с яицкими казаками, башкирами и калмыками. На ладьях по Хазарскому морю доплыл до иранских берегов и захватил их. В 1669 году Разин завладел всей Нижней и Средней Волгой, городами Астрахань, Царицын, Саратов и Симбирск. Попытался склонить на свою сторону казанских мусульман. В этой битве около Симбирска принимал участие прибывший с Востока Сеит батыр с башкирами. Ибрагим Катип повествует, что Стенька Разин в союзе с казанцами, ногайцами и казах-башкирами, которых он называл обобщенно – киргизы, обратился к османским правителям с предложением – совместными силами отнять у Москвы захваченные ею татарские области и подчинить их Османскому государству. Однако Стамбул это предложение оставил без внимания¹⁶⁶. Разин, не дождавшись помощи от Крыма и Турции, в октябре 1670 года, потерпел поражение в битве южнее Казани у реки Зуя и вернулся на Дон. Там он был схвачен казаками, сторонниками царя, доставлен в Москву и 6 июля 1671 года казнен. Видно, что события 1661–1667 и 1707–1711 годов сделали известными башкир и Кучумовичей в Крыму и Дагестане. Эвлия Челеби свидетельствует, что якобы в городах Астрахань и Казань живут также хишдеки (истеки, башкиры)¹⁶⁷. Вместе с тем Эвлия Челеби страну башкир на востоке, в отличие от тех, кто на Волге и в Крыму были вовлечены в общие дела, называл «хишдеками внутренней страны»¹⁶⁸. Если исходить из этого, то башкир, живших по реке Волге, следовало бы называть «хишдеками внешней страны» (то есть башкирами). Однако в источниках того времени, кроме упоминания в османских источниках о «Хишдекской переправе», не встречается слово «хишдеки внешней страны»¹⁶⁹. И на Северном Кавказе встречается название «хишдекские тюрки»¹⁷⁰. Указ Петра Великого 1724 года о взимании ясака и привлечении к войсковой службе башкир,

живущих в Уфимской и Астраханской провинциях¹⁷¹, а также сообщение предводителя калмыков Дорья о том, что он напал на башкир, каракалпаков и киргизов в Букей орде вблизи реки Узень и победил их¹⁷², соответствуют сведениям о «кемеликских башкирах», о чем мы напишем ниже. В этой связи можно предположить, что и «астраханские хишдеки» Эвлия Челеби, и «внешние башкиры», упоминаемые древними арабскими географами, могут представлять собой южный ареал заселения башкирского населения, который в первой четверти XVIII века простирался до реки Узень. Таким образом, и Ибн Фадлан «передние ряды» башкир мог встретить на юге Уральского вилаята (территория современного Казахстана).

Войны двух башкирских принцев в городке Терек, возможно, были объединены с более поздними войнами под предводительством Мурат султана и упоминаются в этом виде в ногайских дастанах. Эта часть дастанов включена в «Ногайскую хрестоматию» ногайца Мухаммета Усмана, изданную в 1883 году в Петербурге:

Албыйыр Бийнин баласы
Эр Көчөкнин-оглу айтар
Кадемсиз булган анавы
Каип Султан өзү айтар
«Султан идик биз өзимиз кам болдык
Сулпурлар идик биз өзимиз кам болдык,
Сонында аскер ийерттик,
Беририне келгенде
Кесме кесем сары алтын
Кесмей берген султанмын
Кесилген яман арыкга
Ял байлаган султанмын
Тувасы йок ялгызга
Тувган булган султанмын
Ат йыгылыб ер авса,
Ер алдырар көн тувса,
Кабыргадан кара канлар субурса
Тувганы йок ялгызга
Тувган булыб ат айдашкан Султанмын

«Тура»да булур илимиз
«Тунгуйуклы» булур халкымыз
Тунган балдай булур сувумуз
Яйыкын башы «Көк Шымак»
Эрте атландык Кеч төшдөк
Бу гевирнин орындан
Чабувил Мескев төринден
«Ока» деген сувындан
«Башкунчак» деген йеринден
Басыб чабыб өткенмиз
Ягасына биткен талларын
Кырыб көпүр эткенмиз
Бу гевирнин узун жепкен салдатын
Кыска чепкен майорын
Дөрт Күпчүк Кадалакга йөкледиб
Патша агама мен өзим
Бүлек савгат эткенмин
Бу гевирнин чет каласы «Терек» ни
Айланасы шымлаб сокган берикни
Ичендеги аз Мүслүман көб гевир
Һаллиси Кырым өтди деб
Ичиндеги һалсизи
Гевир булмай нейетте деб
Кайтавулга бакганда
Мен кувветсиз кайта чабыб өкиндим»¹⁷³.

То есть: Внук Албыйыз (Албайыр) бея, сын мужественного Кучука несчастный Каип султан, сам говорит: «Мы раньше были лишь султанами (принцами), ныне стали ханами. Были в низком (незнатном) и бедном состоянии, стали состоятельными, были одними из тех, у кого все дела валились из рук, стали удачливыми. Наконец, достигли того, что за нами следуют войска. Когда нужно дарить подарки, я – тот султан, который большой кусок желтого золота дарю, не разделяя его. Я – султан, который откармливает тощую, немощную, израненую скотину. Я – тот султан, который становится родным тем одиноким, у кого нет ни братьев, ни родных, ни родителей. Я – тот султан, кто становится братом героев, переживших жестокие бои, что их боевые кони падают от усталости,

а сами герои испытывают растерянность, я – брат тем героям, у которых между ребрами от ран вытекает черная кровь, кто расстался с родиной и оказался в горьком одиночестве, я – тот султан, кто становится единокровным их братом и в их путешествиях разделяю с ними путь верхом на коне. Страна наша называлась «Тура», а подчиненный нам народ – «тумбуйуклу». Вода реки, из которого мы пили, чиста и вкусна, как медовое вино. Утром, сев на коня у истока Яика под названием Кёкшымай, передвигаясь каждый день до самого вечера, мы достигли города гяуров под названием Москва, переправившись через реку под названием Ока, прибыли в места под названием Баскунчак. Захватив те места, порубив врагов саблями, срезав выросших вокруг «Баскунчака» засохших ив, мы сделали мост. Взяв в плен солдат этого гяура (то есть русского царя) в длинных шинелях, а также его майоров (то есть офицеров) в коротких шинелях, погрузили их в четырехколесную арбу – кудалак, отправили их моему старшему брату падишах Агаю (Акаю султану) в рабство. Мы бросились на стены, окружавшие город гяура (русских) Терек. Имеющие возможность (лошадей, животных, средства передвижения), считая, что в городе слишком много кафыров, переехали в Крым (избавились от русского плена), а бедные, не имевшие таких возможностей (переселения), говоря, «что нам кафыр может сделать?», остались. Оглянувшись на кайтавул (арьергард) войска (который тащит все грузы войска)¹⁷⁴, я испытал сожаление о том, что сам будучи бессильным, слабым, бросаюсь на любого врага (чтобы спасти несчастных)».

В данном случае повествуется о том, что сын мужественного Кучука, Каип султан, исконной родиной которого является Туринский вилайет, двинулся в Западной Сибири с Туры, в Восточном Башкурдистане прибыл к истокам реки Яик в местечко под названием Кёкшымай¹⁷⁵, затем двинулся в направлении к Москве, дошел до левого притока Волги реки Ока, а затем направился в Баскунчак, после чего напал на пограничную крепость русских Терек. После слова «Ока» все время следует слово «вода», то есть река, следовательно, речь идет о русской реке Ока. Это слово нельзя читать как название города Уфа,

то есть *Өфө*. А Баскунчак с засохшими ивами по краям, несомненно, является Баскунчаком, находящимся в Великой Орде. Выходит, эти башкирские и тюменские войска, направившиеся из Сибири и истоков Яика к Москве, повернули назад у реки Ока, перешли на ту сторону Волги, где находились калмыки, и оттуда напали на Терек. Если рассказывавший все это Каип султан действительно был сыном мужественного Кучук султана, то сам Кучук султан был сыном Абылай-бине Ишима, внука упомянутого выше Кучум-хана¹⁷⁶. Сын этого Абылая (Абылхайыр, Аблайыр) Кучук султан в 1671 году в рапорте Тазухина* упоминается как «башкирский хан»¹⁷⁷. Этот Кучук руководил башкирскими восстаниями (1663–1667). В его походах в Дагестан и Кубань принимали участие и некоторые мои предки (возможно, Кузян и Бақы) в качестве воинов. Когда Кучук султан был в Астраханских краях, его и его старшего брата Абуга султана видел и османский путешественник Эвлия Челеби. Русские, используя калмыков, в этих войнах одержали победу и замирили бунтовщиков, после чего Кучук вернулся в Каракалпакскую страну и был признан как каракалпакский хан. Из показаний его сына Мурат султана перед судом известно, что Кучук султан был убит в 1678 году в бою против калмыка Аюки¹⁷⁸. В других источниках¹⁷⁹ пишется, что эта война была в 1724 году, но это неверно. В рапорте из Западной Сибири тобольского воеводы, посланном 14 мая 1709 года, пишется о том, что предводитель башкир Алдар тархан пригласил из «Каракалпакии Кучук-хана»¹⁸⁰. Однако это не имеет никакого отношения к отцу Мурат султана Кучук султану. Также и едисанские ногайцы, заселявшие восточное побережье Волги, были подданными этого Кучук-хана. В источниках говорится, что в войне против русских в составе его войск было 6 400 ногайских воинов¹⁸¹.

Кучук стремился к полной самостоятельности, башкиры под его предводительством при разговорах с русскими говори-

---

* Это имя, написанное в варианте «В» Айзухиш, в варианте «А» было исправлено как Язухин. Однако эта фамилия в варианте «А» может быть прочитана и как Тазухин (*И. Т.*).

ли: «Каким мы были независимым государством при Кучумхане, ради такой самостоятельности мы и будем воевать сейчас» («Быть себе царством, как было при Кучуме царе»)¹⁸².

В вышепротитированном дастане «Кучук Абуга», упомянутый «Каип султаном» Кучук повествует, как он, погрузив русских солдат и офицеров в телеги, отправил старшему брату, «брату падишаху», то есть Абуге, и величает его «Акай султаном». Это свидетельствует о том, что старший брат является «ханом», а младший – «калгай» и означает не что иное, как совместное королевство двух братьев. Иными словами, этот «Акай султан» был старшим братом Кучук (Каип) султана и слово «Акай» (то есть *агай* – брат) не более чем уважительное обращение.

Ввиду того, что объясняет нам все эти подробности, этот отрывок дастана «Кучук Ногай» имеет к тому же чрезвычайно большое значение для истории башкир и принцев Кучумовичей. Отсюда видно, что принцы Кучумовичи, согласно порядкам древних тюркских государств¹⁸³, правили в форме «совместного правления королей-братьев». Вошло в обычай имя «Абулхайыр» сокращенно произносить как «Абылай» (см.: Современный Туркестан. С. 318–319). Поэт, видимо, говорил: «Сын Аблаир-хана мужественный Кучук сам сказал». Позже слово «хан» было заменено словом «бей»* и ко всем этим событиям присоединили деятельность Мурат султана и два события смешаны друг с другом. Поход Кучук султана и Абуги в 1666 году с войсками и калмыками по всей Волге, их приход в Дагестан и Терек и безуспешное возвращение поэты-сказители соединили с другим событием – сын Кучук султана Мурат султан в зиму 1707–1708 годов, почти достигнув успеха в завоевании Терека, был ранен и попал в плен к русским.

У нас на родине несколько шежере (родословных), сохранившихся еще со времен «Кучук султана», хранились в деревне Аскар у человека по имени Хидият суфи. В советское время один из таких документов – ярлык, выданный Кучук султаном

---

* То есть вместо «сын хана Султан» было сказано «сын бея Султан» (И. Т.).

одному бею из Бурзяна по имени Татлыбай, был опубликован в «Материалах по истории Башкирской АССР» (Т. I. С. 180).

«Из далекого места, но с близким сердцем я – султан, слово мое то. Коли от Тайчина приедут, это мой отец, он не обидит; если Ишимбет приедет, пусть он [также] не обижает. Этих людей пусть не обижают; коли будут брать продовольствие, пусть берут добровольно, насилия пусть не чинят.

Это Татлыбаю, начальнику волости.

(На обороте): «Хафиз свою руку приложил».

Смысл этого фармана, переписанного человеком, который не очень хорошо читал написанное арабскими буквами, заключается в следующем:

Бей, упомянутый как «мой отец», возможно, калмыкский бей Дайчин тайша, и «Ишмет», то есть Иш-Мехмет, был одним из беев из окружения Кучука. По существу, в этом документе говорится и то, что они, забирая у народа лошадей, не притесняли людей. Татлыбай также был одним из беев тунгаурских башкир и находился в окружении Кучука. И в нашу бытность их потомки были известны как семья «Татлыбаевых». Фарман, предназначенный для него, доводится через Хафиза, имеющего чин «главы пятидесяти» (пятидесятник), и скреплен печатью.

Имя Ишмет-бея упоминается и в других бумагах, относящихся к Кучук султану (Там же. С. 37).

§ 24. Сеит батыр*

Несмотря на то, что Кучумовичи вместе с крымскими ханами, также являвшимися потомками Чингиза, совместно возбудив великое национальное движение, попытались освободить тюрков от русского владычества и занимались этим в стране башкир, однако их старания остались на уровне областного движения. Тем не менее башкиры во главе с вышеупомянутым Садыр-оглу Сеит батыром вновь подняли восстание. Это восстание значимо тем, что оно началось во время похода Турции

---

* Так у автора (А. Ю.).

и Крыма против России. Сеит батыр, объединившись с ногайцами и частью калмыков, обеспечил себя также помощью казах-киргизов. Русские еще в 1675 году башкирам, принявшим их подданство и жившим к ним ближе, запретили изготовление оружия, но добиться полного осуществления своего распоряжения не смогли. Правители Стамбула в связи с переходом на сторону Москвы запорожских (Украина) казаков, которые раньше подчинялись Турции, в целях испытания их верности и сохранения своего господства по течению реки Узи, для захвата центра казаков города Чигирина отправили туда многочисленное войско под командованием великого визиря Кара-Мустафы-паши. Московский царь принявших его подданство мусульман привлек в это время к военной службе и присоединил к своим войскам. Именуемые османскими историками «Сорок четыре племени», большинство которых представляет собой известные племенные названия, следующие: туринские татары, искерские (Тобол) татары, чёмукейские татары, тюменские татары, сибирский народ, названные мензелинским народом татары Западной Сибири, казанские татары, алатарские (Алатыр) татары, бойлукские татары, названные зугскими татарами татары Средней Волги, касимовские татары, мангырманские татары, упоминаемые под названием кюнфёк-касимовские татары, мишаре, часть ногайцев под названием «заманские (во всяком случае, едисанские) ногайцы» с группой калмыцких татар¹⁸⁴, тургавутские калмыки и туринские калмыки, также упоминается «предводитель калмыцких татар – кафыр по имени Касбулат». Все они мусульмане, принявшие российское подданство и обязанные предоставлять ей войска. А также в русских источниках сообщается о том, что предводитель черкесов Казбулат Мирза Мутсалов принял участие в этом походе русских¹⁸⁵. Сам он был черкесским беём. Эта личность, находясь на российской службе, принимала участие в походах против Разина и крымских ханов¹⁸⁶.

Османские войска, после осады Чигирина в течение 33 дней, 11 августа 1678 года захватили его. В Чигиринской войне башкир на стороне русских не было, так как в это время они еще не предоставляли русским войска. Они не только не предоставля-

ли войска, но, видимо, под влиянием крымских ханов и Турции в это время в стране башкир восстание вступило в свой наиболее острый период. В 1667 году башкиры, объединившись у Аятской слободы в виде большой силы, находились в состоянии готовности борьбы с русскими. В 1678 году их движение распространилось на всю Каму и даже до Чардына. В этом же году русские были изгнаны со всего Южного Башкурдистана. Поход турков и крымчан на город Чигирин воодушевил восставших. В 1679 году башкиры одновременно держали в осаде городок Кунгур, расположенный у берегов Камы, и город Симбирск, расположенный на средней Волге. Согласно источникам, использованным Соловьевым, эти башкиры после осады Симбирска сказали русским следующее: «В Чигирине турки и крымцы победили и рассеяли войска русского царя, и мы воюем против вас, так как мы связаны с ними, у нас с ними (турками и крымцами) одна и та же вера и происхождение»¹⁸⁷. В том же году 15 декабря башкиры, пришедшие в татарскую деревню Арье Кунгурского тумена, русским, которых они там встретили, сказали следующее: «Летом мы придем и от вас, русских, отнимем Кунгур и Сибирь. Чигирин турки и крымчане захватили и уничтожили русские войска. Мы с турками и крымчанами – один народ. Если турки воюют с вами в Чигирине, то мы, башкиры и татары, с вами, русскими, воюем в Сибири». Донесший до царского правительства русский чиновник Арапов сообщает, что эти башкиры прибыли с предложением к татарам из Кунгура быть с ними заодно, и разъясняет, что эти башкиры откармливают своих лошадей, то есть готовятся к летним походам, имеют ружья и пистолеты, и убеждает в необходимости вооружения русских, живущих в городках Пермь, Чарын и Соликамск, в то время называемых «сибирские городки», чтобы они могли защищаться от восставших башкир.

Движение башкир все больше расширялось. К ним присоединялись и татары. Соловьев пишет: «Пришло известие, что все башкиры и татары откармливают лошадей, готовят стрелы и ружья. После этого татары и казахи прибыли совместно с ними и захватили город Кунгур и сожгли»¹⁸⁸. Северным башкирам это оружие, возможно, прислано из берегов Белого (Эгейско-

го) моря. В 1680 году калмыкский хан Аюка составил мирный договор с крымским ханом и достиг соглашения с уфимскими башкирами. Они намеревались захватить Самару. 30 июля 3 000 татар (ногайцы), калмыков и черкесов сожгли русские городки вблизи Пензы. И башкиры перешли на ногайский, то есть западный, берег Волги. В 1681 году русские, населяющие Тобол и окрестности, испытывали опасность, так как все башкиры включились в восстание»¹⁸⁹. В 1682 году на Ногайской дороге, рядом с озером под названием «Суртанлы кюль» башкиры собрали курултай. Калмыкский хан Аюка и сын Абуги Дудубек с калмыцким войском до 40 000 воинов пришли на помощь башкирам¹⁹⁰. Занимающиеся земледелием татары, чувашаи и черемисы из-за этих войн испытывали урон, поэтому были на стороне русских, а башкиры и калмыки их наказывали. Вместе с тем так называемые «уфимские татары», то есть «тюменские татары», живущие недалеко от Уфы (то есть тюменские «буждьякские» татары, в древности, во времена ханов принадлежавшие войскам), и «тюменские татары Западной Сибири» в ходе восстания были союзниками башкир¹⁹¹.

В 1683 году русские, приведя сюда большие воинские силы и сумев привлечь на свою сторону калмыков, смогли подавить это восстание. Сеит батыр (Сеит Джафер), руководивший этим движением в течение 23 лет, кажется, переселился в Казах-Киргизскую страну, так как его сын принимал участие в более поздних башкирских восстаниях, прибыв из страны казахов¹⁹².

§ 25. Восстания Кучума и Акая, и Алдар тархана 1705–1741 годов

Башкиры, готовые воспользоваться каждой трудностью, которую переживала Россия в своих внутренних и внешних делах, не преминули воспользоваться как внутренними, так и внешними войнами Петра Великого. Они, объединившись даже с калмыками, с которыми постоянно воевали, в 1705–1709 годах напали на русские вилаяты. Сначала мятежники на вос-

точном побережье Волги разрушили и сожгли все поселения и деревни русских переселенцев, расположенные между реками Самарой и Камой. Общий центр управления южных башкир и калмыков, присоединившихся к этому движению, находился на севере нынешней Букей Орды, между реками Узенью, Малым и Большим Иргизом¹⁹³. Об источнике, относящемся к башкирам, жившим по реке Узень, мы выше уже упоминали. Находящиеся вблизи этого места кемеликские башкиры, то есть башкиры, жившие по реке с этим названием, и сейчас живут там же. Башкиры, обосновавшиеся по рекам Иргиз и Кемелик, совместно с калмыками переходили на западный берег Волги и захватывали русские деревни и поселения, взятых в плен русских пригоняли в базары Хивы и продавали там. Против ответных нападений русских башкиры защищались тем, что по реке Кемелик выставляли караулы. Среди кемеликских башкир до сих пор существуют предания о событиях того времени. Например, песня и мелодия под названием «Кемелик» широко известна среди башкир, видимо, она также относится к тому периоду. Самым многочисленным нападением башкир и калмыков подвергались русские городки и деревни, расположенные вблизи Саратова (то есть Сары Тау – Желтая гора). Действовавший вместе с башкирами калмыкский хан Аюка в 1708 году подверг сожжению больше 100 русских деревень в Пензенском и Тамбовском вилаятах. Это совместное движение башкир и Аюки началось с целью воспользоваться войной между Петром и шведским королем Карлом Великим. Аюка, отправив в Стамбул послов, из числа мусульман-башкир и ногайцев, желал добиться у Османского государства помощи или, на худой конец, моральной поддержки. В 1707 году Петр под командованием своего воеводы А. Сергеева против башкир посылает в Уфу значительную военную силу. Сергеев, пригласив башкирских беев, угрожал им и тем самым еще больше ухудшил положение русских властей. Башкиры дали знать ему, что никаких угроз не боятся. Воевода потребовал, чтобы прибежавшие из государства Петра около 1 000 беженцев и укрывающиеся здесь были возвращены и, кроме того, выданы русским войскам около 500 лошадей. Сергеев, пригла-

сив в Уфу башкирских беев, батыров и тарханов, выстроив по двум сторонам карательные войска, в целях демонстрации им мощи России провел их по живому коридору. Башкиры и другие ясачные при приближении войска Сергеева, избегая встречи с ним, покинув дома, вместе с детьми и женами, бежали в лесные и горные зоны. А Сергеев думал показать свою силу и тем, что видных башкир, приехавших в Уфу, насильно поил водкой¹⁹⁴. В связи с подобными событиями башкиры вышли из терпения и под предводительством двух вожаков – Алдара Исекей-оглу и Кучум и Акая подняли восстание. Они преследовали цель полного отделения от России и обретение самостоятельности вновь¹⁹⁵. Присланные царем на восток мелкие карательные силы для использования в подавлении подобного рода движений против властей восставшими были полностью разгромлены и уничтожены. Кучум в основном действовал на востоке и севере Башкурдистана, по Осинской дороге, среди башкир около Уфы и Перми. Среди башкир Казанской дороги действовал предводитель Исмаил.

Царские власти с восставшими занимались несколько лет. Русские деревни, построенные ими по рекам Ак-Идель, Кама (Чулман), Самар, восставшие сожгли полностью и в нескольких местах казнили русское население, а часть, взяв в плен, увезли в Хиву и продали в рабство. Восставшие намеревались напрямую двинуться в сторону административного центра генерал-губернаторства – Казань и захватить его. Когда до города оставалось 30 километров, генерал-губернатор Петра Великого Кудрявцев побудил калмыков напасть на этих башкир и «уфимских татар». Так называемые ясачные татары, принадлежащие к земледельческому военному сословию, целиком были на стороне бунтующих¹⁹⁶. И чувашаи присоединились к ним. Из казанцев некоторые мурзы, купцы и торговцы были на стороне русских. Во главе с человеком по имени мулла Ишбулат татарские воинские части присоединились к российским войскам и вели беспощадную войну против восставших. Так же приблизительно около 20 000 калмыков (два тумена), прибыв в Башкурдистан, захватили различные башкирские племена и разграбили.

Таковы сообщения русских историков Н. Попова¹⁹⁷ и Н. Фирсова¹⁹⁸, изучивших архивные материалы, относящиеся к этим восстаниям. Согласно этим материалам, Кучум (Кючим) или Кючмет*, двигаясь от подлинной своей родины Тамьяна, объединив вокруг себя башкир Сибирской дороги, начал движение среди башкир Осинской дороги. Во всяком случае, он двигался со стороны Сибирской дороги. Тщательное изучение документов, относящихся к исследуемым событиям, показывает, что Кучум (Кючмет) и Акай по существу были беями из восточных башкир или тюменских татар из окружения Кучум-хана. Существуют свидетельства о том, что сын Кучума Акай, руководивший в 1738–1741 годы большим восстанием, был сыном этого Кучума¹⁹⁹. Отец Кучума Тулекей умер на востоке Урала, в Тамьянском улусе²⁰⁰. Есть также доказательства, показывающие, что Акай и Кучум по происхождению были не башкирами, а из татар²⁰¹. Однако в их окружении были башкиры, готовые умереть за них (роды *кипчак*, *тамьян*, *бурзян*, *печчак (бабсак)*, *уран-каршин*, *карай*, *чуран*²⁰²).

Во всяком случае, первым ответственным руководителем восстания был этот Кучум.

А Алдар, или Алдар тархан, участвовал в освободительном движении, возникшем 30 лет спустя, попал в плен к русским и был казнен в Мензелинске (Отец Алдара – Исекей, его отец – Кадырбакты, его отец – Байбакты – из знатных родов (ашрафов) Бурзянского рода). Алдар позже признал подданство Петра Великого, был вынужден участвовать в его войсках и принимал участие в нападении царя на город Азов. Он и там старался показать пример героизма, одержав победу над пятью черкесскими беями, получил военный чин. Такова его судьба, полная приключений. Благодаря этому он в 1734 году сумел обновить свой старый документ о тарханстве²⁰³. В целях использования его широкого влияния среди всех юго-восточных башкир русские старались не вспоминать, как он в различное время поднимал восстания против русских, захватывал их деревни и городки, разрушал их и убивал население.

---

* Кушмухаммет (?).

§ 26. Движение Мурат султана

Видно, что башкиры, считая строительство русских крепостей между Крымским и Османским государством и их собственной страной – по рекам Дон и Терек – не в их интересах и опасным для жизни, старались сопротивляться. Русские источники сообщают, что башкиры совместно с калмыками напали на русские крепости на Северном Кавказе. Царь из числа признавших его подданство мусульман набирал войска. Петр, набрав войска из западных башкир, признавших его господство, а также привлекая восточных башкир, использовал их в войнах на Балтийском море. С другой стороны, из-за недоверия к башкирам в войнах против Турции он набирал у них лишь отдельных людей. В Башкурдистане были построены русские металлургические заводы. Петр по всем этим делам уполномоченным служащим назначил Татищева. Этот человек основал по реке Исеть русские крепости и на месте, где сейчас расположен город Екатеринбург, построил Октусский завод и там же открыл учебное заведение для подготовки инженеров горно-металлургических заводов. Татищев в своей политике по отношению к башкирам выбрал путь хорошего обращения с ними. Башкир не вводила в заблуждение обманчивая политика, проводимая Петром Великим и его окружением, в основном наблюдающаяся во время сложностей во внешней политике русского государства. В конечном счете, башкиры под предводительством принца по имени Мурат султан, потомка Кучум-хана, подняли восстание. Этот султан в русских источниках упоминается как «Мурат султан», «Священный султан» или просто «султан». Он едет в Крым и Турцию и занимается установлением с ними связей. А также, побыв у калмыцкого хана Сивена Рабтана, собирает сведения о Китае, Тибете и Азии. Но его взоры были обращены на родину Кучук-хана – Башкурдистан, позже он удалился туда и кочевал в отцовских владениях и кочевьях. После приезда в Башкурдистан он разузнал о положении дел между Крымом и Башкурдистаном, особенно в Дагестане. Османский историк Силахдарага (копия «Нусратнаме в Манисе» V, гл. 88) пишет, что в это время из ногаев 10 000 и из ногайцев 2 000 семей, «отделившись от калмыков», уехали в сторону черкесов, а также едисанские ногаи вместе с «Сул-

тан Муратом мурзой» также выехали в Дагестан. Упоминание в данном случае османским автором рядом со словом «ногай» слова «ногайцы» весьма интересно. И казахи упоминают их, отличая друг от друга. Ногайцы, скорее всего, – это то смешанное население ногаев, казахов и других кипчакских групп, которые населяют область «Большой Ногай», расположенную на восточной стороне Волги. Возможно, этот «Султан Мурат мурза» – другая личность, то есть едисанский мурза. Во всяком случае, все эти события интересовали уполномоченного нами султана бине-Кучук. Сведения о его поездке в Стамбул мы можем узнать у русского историка Соловьева и от самого Мурат султана.

Соловьев пишет о нем следующее: «В 1707 году один уфимский башкир поехал в Стамбул и Крым и попросил помощи у своих единоверцев. После этого он поехал на Кубань, оттуда направился в Чечню, Мичкис и Аксай, и, представляясь богоизбранной личностью и султаном башкир, привлек их на свою сторону. Горцы объявили его как своего правителя. Временами к нему присоединялись кумыки и Астраханские казаки (то есть старообрядцы), кочевые «кокачены» на Терек и татары. Этот святой султан позже, сплотив все эти племена вокруг себя, 12 февраля 1708 года, приблизился к городу Терек, поджег все укрепления и поселения вокруг городка. Воевода Терек Роман Вельяминов достаточно долгое время оказывал сопротивление, однако вынужден был отступить к верхней части городка, но и там оказался в окружении. Астраханский воевода Апраксин для оказания помощи окруженным отправил в Терек морским путем 1 200 солдат, а по суше направил туда же из числа татар, верных русским, несколько сотен и 3 000 калмыков. 26 марта все эти силы прибыли в Терек, неожиданно напав на своих врагов, разгромили их. Раненный в бою султан был взят в плен²⁰⁴.

Доставленный после пленения в Астрахань, а затем казненный в Казани Мурат султан в ходе допросов во всех подробностях рассказал об этих событиях²⁰⁵. Он говорил: «Мой отец – Кучук – был ханом каракалпаков, киргиз и башкир. Он умер тридцать лет тому назад (то есть 1678 году) вблизи Грежуна в войне против калмыцкого хана Аюка. После него ханом стал мой старший брат Ишим султан.

Другой мой брат Ибрагим султан находился у калмыцкого хана Сивена Рабгана. Двадцать лет спустя после смерти отца (то есть в 1698 г.) из владений моего отца около Уфы, Башкурдистана, прибыли Бечин и другие и пригласили меня к себе, чтобы я стал «султаном» Башкурдистана. И я принял это предложение. Прибыл к устью Яика. Эти места были владениями моего отца. Там я оставался три месяца. До этого у башкир владельцем был мой родственник (то есть один из потомков Кучума) Сюнчелей султан. Его взяли в плен русские. Желая этих башкир сделать подданными крымского хана, я собрал подписи, взяв с собой около 2 000 башкир, направился в Крым. Но по дороге решил отобрать из них лишь пятьдесят телохранителей и с ними продолжить путь. Мы должны были переправиться через Волгу между Царицыном и «Красным яром». И там из телохранителей сорок два человека оставил на восточном берегу Волги и в сопровождении восьми человек поехал на Кубань. Здесь я вручил мурзе едисанских ногайцев Аллагувату письмо башкир о том, что я – сын хана, являюсь султаном башкир. Позже поехал в Крым, встретился с ханом и вручил ему прошение башкир принять их в свое подданство. На это он ответил, что «имеют соглашение с русскими и не будут принимать их в свое подданство, езжайте в Стамбул к падишаху». После пребывания у Крымского хана восемь дней, я направился в Стамбул. Визирь падишаха Махмут-паша не пожелал моей встречи с падишахом. Тем не менее с помощью одного из приближенных падишаха я смог передать ему наше прошение. Падишах принял и повелел вручить мне 2 000 левче (флорин) вспомоществования. Обязанность – оказать нам содействие возложил на крымского хана. После полуторамесячного пребывания в Стамбуле он повелел нам вернуться в Крым. Но крымский хан не исполнил повеления падишаха. После двух месяцев, предоставив телохранителей, отправил на Кубань. Зимой я прибыл туда. Кубанцев убедил присоединиться к войне против русских, развернувшейся в Башкурдистане. Я им сказал, что если они и не начнут войну против русских, однако должны захватывать и сжигать городков русских. Взяв у мурз и войск 96 человек, мы намеревались переправиться через Волгу по льду между Царицыном и Кара яром и в это время от плененного нами калмыка узнали, что

на противоположном берегу находится военный предводитель царя Шереметева с войсками, и мы повернули назад к Кубани. Оттуда вместе с 8 башкирами и 22 татарами прибыли в Кабарду и, пробыв там четыре дня, приехали к чеченцам. Когда они узнали, что я – сын хана, вокруг меня собрались тамошние ногаи, чеченцы, кумыки, черкесы. Решили окружить город Терек. Ввиду того что в тех же местах находился ваш сторонник Аюка, решили напасть и на него. Передвигаясь под видом группы, направляющейся вверх по течению Волги, в составе 1 600 человек, захватили город Терек, взяли десять пушек в качестве трофея. Русские отступили во внутреннее укрепление, то есть в кремль. Черкесский князь Дивей продан русским. Внутреннее укрепление мы осаждали десять дней. Но в ходе осады крепости, когда я с десятью помощниками изучал окопы и траншеи, русские внезапно напали на нас и меня ранили выстрелом из ружья. После этого я уже ничего не помню»²⁰⁶.

Мурат султан позже стал известен под именем Таип (или Каип) Султан. Я думаю, что это признак веры людей в бессмертие этого султана, который, исчезнув, вошел в число мифологических героев и якобы может вернуться вновь. Позже этим же именем были названы некоторые казахские ханы и потомки Кучума. Из узбек человек по имени Абдрахман, объявив себя Каип султаном, от его имени предводительствовал в некоторых движениях. Во всяком случае, Мурат был одним из очень любимых личностей в народе. В ранее приведенном отрывке дастана о его отце Кучук султанине речь, в сущности, идет об этом Мурате султанине и здесь смешаны события, относящиеся как Мурату султанину, так и его отцу. Русский историк В. И. Лебедев в своем труде «Башкирское восстание 1705–1711 гг.», опубликованном в 1937 году, обстоятельно описал жизнь этого султана, он воспользовался при этом и материалами допросов соратников султана, собранными в связи с привлечением Мурата к суду²⁰⁷. Вкратце суть сведений, приводимых историком, заключается в следующем: башкиры объявили ханом сына Кучук султанина – Мурата султанина. После гибели отца – Кучук султанина на войне с калмыцким ханом Аюкой, брат Мурата Ишим (то есть Ишим-Чюбек бине Девлет-Гирей) стал ханом.

Сын брата Мурата алаш (красивый) Ибрагим Султан находился у калмыцких ханов. Иногда приезжал в Башкурдистан и принимал участие в некоторых событиях. Русские его называли Овзан (Аврам, то есть Ибрам). По его совету и Мурат поехал к калмыцкому хану Сивену Рабтану. Позже башкиры пригласили Мурата к себе и объявили своим ханом. Он для укрепления дел, желая обеспечить себя помощью извне, поехал в Крым и Стамбул. Турецкий султан (Ахмет III) принял его, одарил халатом и деньгами в две тысячи флоринов. Возвращаясь из Турции, он через Крым прибыл в Кубань, а затем преданными ему 96 телохранителями направился в Башкурдистан. Но на его пути встал князь Шереметев с войском, отправленным Петром для подавления башкирского восстания. Султан в местечке «Каменный яр», не переправляясь через Волгу, повернул назад и вновь прибыл в Кубань. 12 февраля 1708 года взял в осаду город Терек и его укрепления. Войска в 12 000 человек, посланные астраханским воеводой на помощь осажденным, подоспели своевременно. В ходе боя с этими войсками 28 февраля султан был ранен и захвачен в плен. В этом бою вместе с Муратом находились и люди донского казака Булавина²⁰⁸. В центре всех этих событий находились главный военный предводитель бурзьянских башкир Алдар тархан и из тамьянских башкир – Кучум батыр. После смерти Мурат султана царь послал туда большое войско во главе с Хохловым. Башкиры разгромили это войско.

Предводитель донских казаков Булавин, поднявший бунт против царя, был союзником башкир²⁰⁹. Сведения об этом были опубликованы в «Материалах...» по истории Татарской и Каракалпакской республик. Кубанские ногаи, особенно едисанские, были также союзниками башкир. Еще в декабре 1707 года (то есть во время путешествия Мурат султана в Крым и Стамбул) башкиры отправили на Кубань людей и просили направить им одного из принцев, находившихся в их улусе, в качестве хана в Башкурдистан. После поступления известия о смерти Мурата, Алдар тархан начал переговоры с каракалпаками. И они, прибывая в Башкурдистан со стороны Ногайской дороги, оставались в землях юрматинских башкир. Сюда их привел один из султанов по имени Хузей. Башкиры объявили его своим ханом. Этот человек после переговоров с народом

и беями отправил русским военным предводителям письмо следующего содержания: «Эти места – мусульманская страна, Казанские земли принадлежат Шагали-хану, Уфимские – Гирею (то есть Давлет-Гирею). Вы захватили эти земли, как можно быстрее покиньте их, в противном случае укажите место ведения войны».

Среди архивных бумаг «русских» есть источник, относящийся к событиям тех времен: «В начале 1700 года Кучум батыр, посоветовавшись с влиятельными людьми всех четырех дорог, предложил Алдару тархану заключить мир с российским правительством и сам достиг взаимного согласия с казанским губернатором Апраксиным. Хузей султан остался среди уральских башкир. 23 мая 1709 года состояние дел было таково. В это время прибыл сын башкирского хана Ырыс-Мухаммет. Он напал и захватил русские деревни и укрепления по рекам Исеть и Миасс. Калмык Аюка достиг соглашения с царем Петром, помогая русским, послал войско против башкир. Часть башкир отступили к каракалпакам. 10 000 ясачных татар присоединились к башкирам. Ныне они свой ясак начали отдавать башкирам, нам (то есть русским) не отдают. В ходе этого восстания к башкирам примкнули вместе с четырьмя финскими народами также черемисы и удмурты».

Кем же был упомянутый Хузей султан? Среди каракалпакских султанов это имя не встречается. Этот Хузей, как и Мурат султан, установил связь с предводителями донских казаков Булавиным. Башкирские беи привели Хужея из Кубани. А откуда же он прибыл на Кубань? Он сюда, видимо, прибыл из тех мест, откуда пришел Мурат, из Сырдарьи, Арала.

Донские казаки во время последних русских революций прислали своего представителя правительству независимого Башкурдистана для извещения об объявлении донскими казаками своей автономии, а также для поздравления нашей автономии. И мы в ответ отправили им своего представителя. Они особо отметили верность башкир во время Булавинских событий. И в конце 1957 года в Нью-Йорке я был приглашен представителями донских казаков и испытал к себе с их стороны знаки внимания. Среди них эти стародавние воспоминания хорошо сохранились и имя Мурат султана упоминается

в исторических бумагах казаков. Во всяком случае, донские казаки были искренни в своей борьбе против царя и достигли сотрудничества с башкирами и каракалпаками, стремящимися освободиться от российской зависимости и обрести самостоятельность. С другой стороны, русские источники этого Хузая представляют как «сына нового башкирского хана». В 1708 году «новым башкирским ханом» был Каипхан. В своем письме, отправленном русским, Каипхан о Хузее пишет как «о сыне, посланном впереди». Хузей – значит «хужа» (хозяин)²¹⁰. Следовательно, этот Хузай – один из казахских ханов Малого Жуза. У Левина Каип-бине Тобурчук упоминается как внук Каип I сына (Кирея) по имени «Кудай Менгу султан», то есть не только потомки Кучума, также и казахские ханы были на стороне Крыма, Северного Кавказа, Кубани. Решение Мурат султана направить все свои силы к захвату города Терека имеет большое значение. Еще во времена Тимура и Токтамыша Терек был сценой второго боя между двумя правителями и тогда в войне Тимура с целью объединения всех тюрков в пределах одного государства русские принимали участие со своими полками в составе войск Токтамыша. Тимур после полного разгрома, объединив слово «рус» со словами «гу'üs», охарактеризовал их как людей, стремящихся господствовать над другими²¹¹. Иван Грозный тотчас после завоевания Казани и Астрахани направил свои взоры на Кавказ. Установив связь с черкесами и кабардинскими мурзами, эти земли думал захватить хитростью, интригами, тайными мерами. Хитростью и обманом в 1567 году добился разрешения на строительство крепости под названием Терский городок. Однако крымским ханам удалось разрушить этот город. Из-за предпринимаемого Астраханского похода между Салимом II и Иваном IV, между крымским и бухарским ханами и ногайскими мурзами произошло несколько столкновений, Иван даже согласился с разрушением крепости, однако не дал ее уничтожить. И Стамбул этого не потребовал. Бумаги, относящиеся к данным событиям, опубликовал профессор Акдес Нимет Курат. В XVIII веке этому делу русские придавали большое значение.

В первой половине XVI века русские вступили в связь с одним из кумыкских беев Полат мурзой, преподнесли ему множество подарков и получили разрешение на ввод Российских войск под предлогом защиты русских купцов и развития торговых связей. Дагестанские шамхалы, центром правления которых был Буйнак, в то время на все это особого значения не придали. Кефели Ибрагим Катип обратил на это внимание. По его мнению, русские в 1636 году сюда прислали двух фламандских инженеров по имени Корнелиус и Фламанш и построили военные укрепления. В 1670 году, когда число русских (казаков) войск перевалило за 20 000, Полата удалили от этих мест. В город, названный Эвлия Челеби как «город Мужук», приехали отец Мурата султана Кучук султан и брат Абуга. В то время, когда Мурат султан вместе с кубанцами и дагестанцами стремился обратно отобрать эту крепость у русских, Дагестанский шамхал обратился в Турцию и послал в Стамбул представителя с предложением «этот город Терек непременно нужно освободить от русских». И Стамбульские правители обратили внимание на то, что город имеет значение для связей мусульман Кавказа и Средней Азии с Турцией и другими исламскими странами, а также для свершения хаджа кавказцами, да и для самой Турции. Действительно, «Терек» стал первой площадкой для проникновения России на Кавказ, здесь она взяла под контроль связи между мусульманами. Отсюда осуществляла свои планы по раздору между мусульманскими племенами и народами, давала взятки беям этих народов. Обращение Шамиля к турецким правителям приведено в «Нусратнаме» Силахдараги (экземпляр в Манисе, стр. 153) и в произведении дагестанцев Чобан-огулов, посвященных истории шамхалов. И Мурат султан, посланный из Стамбула, был отправлен в Терек ввиду того что этот город имел одинаково жизненно важное значение как для Дагестана, так и для каракалпаков, Хорезма, казахов и башкир. Султаны Кучук, Мурат и Хузей, видевшие, что башкирские восстания достигнут успеха лишь в том случае, если они будут свершены совместно с крымскими, хорезмийскими и казахскими ханами, силы свои сосредотачивали на Кубани и придавали особое значение вытеснению русских с Северного Кавказа.

§ 27. Движение и инициативы Каип султана

Пленение Мурат султана и его казнь не остановили восстание башкир. Напротив, казнь султана, который всегда имел связь со своими башкирами, стала причиной начала нового восстания, охватившего весь Башкурдистан (рапорт астраханского губернатора Апраксина от 20 марта 1708 г.). Становится понятно, что во время пребывания Мурат султана в Дагестане, в Башкурдистане во главе восстания встал другой хан. Соловьев пишет: «Во главе азиатов стоял один хан, его называли святым Султаном. Для поимки этого хана 16 ноября 1707 года был послан один из военных предводителей Петра Хохлов с 900 солдатами. Из Казани туда же были отправлены 700 солдат под командованием Сидора Аристовя. Бой произошел у Юректау (то есть около горы с таким названием, находящейся вблизи реки Агидель, рядом находится также гора Туратау, в старину звавшаяся ставкой ханов). На службе у Хохлова были и башкиры, привлеченные к службе в царских войсках. Они, предав царя, перешли на сторону хана. Из войск Хохлова 400 человек были взяты в плен ханом. Ханские войска захватили оружие и другое военное имущество этих войск. Сам Хохлов с 500 солдатами ушел к месту добычи соли (нынешнему Усольскому заводу). Основанные в этих местах русские деревни были полностью сожжены. Башкиры окружили город Елабугу (по реке Кама) и сожгли город Заинск, находящийся в 200 верстах от Казани (январь 1708 г.). Башкиры старались привлечь на свою сторону казанских татар и чувашей. Прибыв к уральским казакам (и они были раскольниками), они достигли с ними взаимопонимания. Виду того что предстояла война со шведским королем, царь Петр всеми силами стремился утихомирить башкирские восстания»*.

Личность, которого Соловьев называет «святым султаном», сын Кучука Мурат султан. И «хан», с которым русские вступили в бой у горы Юректау, был казахско-каракалпакский хан

---

* Соловьев С. М. История России с древнейших времен. Книга VIII. М-ва. С. 173–174. (Пер. З. Валидова по существу верный, но достаточно свободный. Мы решили перевести с турецкого на русский тексты З. Валидова, не заменяя их текстами С. Соловьева и других российских авторов. – А. Ю.)

Каип султан. В XVIII веке фигурируют три Каип-хана. Один из них Каип султан, о котором мы ведем речь в данном случае. В русских источниках упоминается как «Тобурчук-оглы Каип султан» и это соответствует сведениям источников хивинских историков. Когда он в 1707 году прибыл в Башкурдистан, еще был молодым человеком в возрасте 25 лет²¹². Родился в 1684 году. Его отец Тобурчук, прибывший в 1696 году в Хиву в качестве гостя, был предательски умерщвлен захватившим город Кабаклы-ханом²¹³. Каип-хан, после смерти в 1729 году (упав с коня²¹⁴) упоминался как «Сарайгыр-хан» (*saraygyr* – саврасый жеребец). Среди казахов он считается героем дастанов и величается как «Эр Каип». Сын этого Каип-хана Богатырь-хан считался ханом Малого Жуза.

А сын Богатырь-хана – «Второй Каип-хан»²¹⁵. Он пережил множество приключений и является одним из почитаемых ханов. Был другом Надир-шаха и служил ему в Иране, даже участвовал в Муганском конгрессе этого шаха. Упоминается в историях Надир-шаха. Среди них наиболее полные сведения о Каип султানে содержатся в труде под названием «Кадирнаме», которого в 1956 году в Карачи я видел в руках Абдуллы Хабиби. Этот Каип султан был сыном Ишем-Чувек султана, сына Давлет-Гирей-хана, потомка Кучум-хана. Был ханом каракалпаков и в 1731 году принял подданство России²¹⁶. Какой-либо связи с башкирскими восстаниями у него не прослеживается. Великий (то есть второй) Каип-хан в ходе восстания Карасакала (Бейбулат султан) взял под свою защиту башкир, бежавших в Средний и Младший Жуз, но подчиняющийся ему знатный род Алим-оглу напал на башкирских беженцев. Каип находился в состоянии войны с калмыками, но вскоре заключил с ними мир, даже стремился установить с ними тайную связь²¹⁷.

Богатырь-хан²¹⁸ в источниках фигурирует как хан, вступивший в 1735 году во взаимоотношения с Турцией, в 1737 году²¹⁹ – с Россией и в 1750 году²²⁰ – с Китаем. Отец Богатырь-хана Каип-хан в 1708–1729 годах был самым великим ханом и самым любимым правителем Казахстана²²¹. В печати, поставленной в документах, посланных как в Россию, так и в Турцию, его имя написано в следующем виде: «Каип Богатырь-

хан»²²². Известный казахский Абулхаир-хан, принявший подданство России, во времена Каип-хана был в его подчинении. Каип-хан среди казахов известен как «Эр Каип» (в смысле мужественный Каип). Известно, что он много воевал с калмыками, в 1717 году в бою вдоль реки Унгуз потерпел поражение и вернулся в город Туркестан в сопровождении лишь двух человек, в 1718 году пытался установить дружественные отношения с царем Петром, но не добился этого²²³, позже, поправив свои дела, долгое время жил в Хиве и в 1729 году, будучи там ханом, умер, упав с лошади²²⁴. Каип-хан со своими войсками тотчас после прибытия в Башкурдистан отправил письмо русским командующим во главе с Хохловым и казанскому губернатору, подтверждающее требования своего сына Хузей султана. Это важное письмо, известное нам лишь в виде плохого перевода на русский язык, было опубликовано в «Материалах по истории Башкирской АССР» (Т. I. С. 265) в виде отрывка под заголовком: «Письмо Каип-Мухамет-хана (сын Тобурчука), подписанное также семью башкирскими бейями, отправленное в 1708 году российским властям»: «молюся ему, единому богу, сотворившего всего света небо и землю, и всем пророкам, и угодникам ево от отлученного ево лукавого врага зла и молю бога за них, которые веруют единому богу и пророкам, и угодникам ево, после того было бы им ведомо. Который к вам приехал хан Хозей и князья по совету семи юртов, согласясь с совету послан из 700 000 людей, покамест мы приедем верных и иноверных разберите, а верные особо живите, а будет вам так не жить, сами себе на свой грех пеняйте. И после того ведомо было: Казань был Шигалея юрт, а Уфа была Гарей-хана юрт, оба мусульманские юрты были, и вы, иноверцы, из мусульманского юрта подите вон и вы мусульманскую веру веруйте, а буде в мусульманскую веру не пойдете, давайте нам дани. А будет чего на себя не принимайте, дайте поля и скажите место и силы себе соберите, мы в то место будем готовы, и не мстите*, что того не быть; имянно которые мусюльманья к иноверцам пристанут и вспоможения учинят, и их, написав, пришлите к нам, буде бог велит сами

---

* Так в тексте. Может быть, мните? (А. Ю.)

приедем и в грехах их не простим, и прежнюю вашу вину простили, а ныне прощать не будем. Сей, который к вам приехал, сын мой и что слов и старших, которые с ним приехали, буде послушны учинитесь, отнюдь прощения не будет. А буде кто единому богу верует и пророком ево и мусюльманскому царю не покоритца, и те мусюльманья будут такие же иноверцы и на втором пришествии в вечной муке»*.

На письме хана поставили свои печати еще семь беев. На печати самого хана ясно написано Гаип-Маммет Богатырь-хан (Гаип-Мухаммет Бахадыр-хан), но тексты на других печатях прочитать невозможно. Что касается упоминаемого в документе «Герей-хана», то это свидетельствует о присвоении

---

* Перевод толмача с тюркского того времени на русский язык, действительно, настолько некачественен, что многие важные детали текста для обычного читателя остаются неясными. Знарок документов и делового тюркского того времени З. Валиди перевел этот несовершенный текст на турецкий так, что никаких неясностей не остается. Ниже приводим перевод документа с турецкого на современный русский язык: «Верую лишь единому Аллаху, сотворившему человека, небо и землю, возношу молитву всем пророкам и единственности Аллаха, его пророкам и их сподвижникам. Посоветовавшись с пришедшим к вам Хузеем и составив союз с беями семи юртов, к вам присылаем 700 000 войск. До нашего прибытия вы должны отделить мусульман от немусульман. Если вы этого не сделаете (то есть живущих среди вас предателей [вероотступников] не отделите от мусульман, верных своей религии, народу), то ответственность за это ляжет на вас. Также пусть вам будет известно, Казань является страной Шигали-хана, Уфа – Гарей-хана, обе они были мусульманскими странами. Вы, кафыры, покиньте прочь эти мусульманские страны или примите мусульманство, или же, оставаясь в своей вере, хотите быть под нашим подданством, платите нам дань. Если не желаете принять эти условия, укажите место войны, соберите свои войска, которые будут воевать. Мы вас сумеем найти и обрушиться на вас. Не думайте, что этого не будет, это так и будет. Если есть из мусульман такие, которые предав свой народ, перешли на вашу сторону, передайте их и их списки нам. Если будет на то воля Аллаха, мы их проучим. Проявляя терпимость к прошлому, старые ваши грехи мы простили, но отныне прощения не будет. Принесший это письмо вам (то есть в Башкурдистан) – мой сын, вы ему и прибывшим вместе с ним беям будьте покорны. Те, которые, веруя единственности Аллаха, его пророкам, вместе с тем не покоряются мусульманскому падишаху и присоединяются к вам, будут подвергнуты той же участи, что и вы, кафыры». (*Zeki Velidi Togan. Baskurtlarin Tarihi. Ankara, 2003. 50*).

Кучум-ханом себе, следуя обычаям крымских ханов, имени Давлет-Гирея. Один из потомков Хохлова, служивший в Лесном управлении царя, рассказывал предание о том, что его предок потерпел поражение в бою у реки «Шыйды», текущей рядом с нашей деревней. Действительно, одна из полян, поблизости к этой реке, расположенная недалеко от нашей деревни, до сегодняшнего дня носит название «Урыс кырылган» (то есть место гибели русских). Место, где Каип-хан и его сын Хузей султан собрали народный курултай (*йыйын*), называется Мечеть Хаджи и находится в 15 километрах от нашей деревни. Каип-хан Хузей султана называет своим «сыном». И в других местах о нем говорится как о сыне Каип-хана (Мат. Каракалп. С. 280–284). Человек, упоминаемый Левшиным под именем «Худай Менгу султан», был сыном не Каипа I, а сыном его сына Богатырь-хана, то есть принц, упоминаемый как внук Каипа I и Хузей, видимо, одно и то же лицо. В источнике сообщается, что Алдар тархан, когда Мурат султан в Дагестане оказался в руках русских, совместно с Кучмет или Кючмет (Кючмемет) и Уразой-беями отправили в Стамбул и Крым послов с просьбой направить им «султана» и в Башкурдистан был направлен из Кубани «султан Хазе» в качестве хана, по прибытии этого принца в Башкурдистан беи и народ поклялись ему в верности с целованием Корана (Мат. Каракалп. С. 225). Таким образом, так же, как и потомки Кучума Шибанида, казахские ханы и башкиры признали этого султана как священного султана. Более того, в источниках сообщается, что он дошел до Стамбула, башкиры, признавая его «священным султаном», при встрече с почтением целовали его сапоги, и казанские татары также его почитали и проявляли послушание. Согласно другим источникам, народ давал клятву верности этому хану на Ногайской дороге, на родине юрматинцев в Хаджи Мечети. Эти же источники говорят о том, что и он, как Мурат султан, был приведен из Кубани, ездил в Стамбул и Крым. Также в источниках сообщается, что рядом с Каип-ханом в июне 1708 года было всего 56 солдат и, когда он прибыл в страну башкир Ногайской дороги, ему было всего 25 лет от роду, и упоминается о клятве народа ему в верности. В источниках говорится, что его привел

тот же Алдар тархан с Кучук батыром, достигнув союза башкир Ногайской, Казанской и Сибирской дорог, о том, что Каип 27 июня 1709 года всех башкирских беев пригласил к озеру Ыргыдык, туда же прибыли все башкирские войска, состоялся великий праздник и торжество (Мат. Каракалп. С. 159). Каип-хан и Хузей султан дали большой бой русским войскам, выступавшим под командованием генерала Хохлова, вдоль реки Шыйды в отрогах горы Юректау и разгромили русские войска. Хохлов с 240 солдатами спасся, отступив в Табынск к солеваренным заводам и монастырю.

В этих источниках особенно сообщается, что Алдар тархан со своим соратником по имени Уракай батыр в том же 1709 году из Каракалпакии пригласили Кучум-хана, хан прибыл к окрестностям Чебаркуля, вокруг него собрались до 40 000 башкирских и каракалпакских воинов и в мае они напали на русские укрепления и деревни (Мат. Каракалп. С. 160). Этот человек в тех же источниках упоминается как Бушай-оглу Ырыс-Мухаммет. А Бушай – сын Кучук султана и брат Мурат султана. Ырыс-Мухаммета его отец Бушай султан послал для подготовки масштабного нападения на русских. Башкиры Сибирской дороги объявили его ханом и поклялись на верность целованием Корана и на этом торжестве клятвы принимали участие также люди Каип-хана. Войска Ырыс-Мухаммета были хорошо подготовлены, имели хорошие ружья и иное оружие. Возможно, это оружие было привезено из Крыма. Как будет описано ниже, их ставка располагалась в Иремельских горах. В данном случае видно, что башкирские племена дали клятву верности трем султанам: Хузей султану, его отцу Каип-хану и Ырыс-Мухаммет султану. Принятие участия в этом торжестве дачи клятвы и представителей Каип-хана показывает, что все это дело было организовано Каип-ханом, и становится понятным, что по заранее достигнутой договоренности у башкир четырех дорог ханом Ногайской дороги становится сам Каип-хан и его сын Хузей, и с его согласия ханом башкир Сибирской дороги становится потомок Кучум-хана Ырыс-Мухаммет. Между тем после раздробления Золотоордынского ханства башкиры Ногайской дороги были в

подчинении ногайских мурз. С разложением Ногайского государства в 1580 году из казахских ханов Хакназар-хан южную ногайскую часть Башкурдистана взял под свое начало, после смерти Каип-хана в 1729 году в Хиве Абулхаир-хан в качестве наследника Каип-хана к башкирам относился как к своим подданным. А в Сибирской дороге Ырыс-Мухаммет в основном опирался на предводителя Табынского улуса Уракай богатыря (Памятн. сибир. истории. II)²²⁵.

В русских исторических трудах эти войны, начавшиеся против российского колонизаторства, большею частью упоминаются как движения Акая Кучмет-оглу. Я не встретил ни одного источника, где бы сообщалось, сколько времени еще Каип султан оставался в Башкурдистане после разгрома войск генерала Хохлова. Только из одних бумаг одного гостинного двора, построенного им в Хиве, я узнал, что он был ханом Хивы в 1127 по хиджри, (а по христианскому летосчислению в 1712 году). Данный вакуфный документ хранится в городской библиотеке города Мугла в подшивке под № 581, страница 238. Этот гостинный двор был сооружен как место ночлега для путников и дервишей и строителем «Сейт Гаип-Мухамет Бахадыр-ханом» был организован для него вакуф. Этот же двор заново привел в порядок по хиджри в 1208 (по христианскому летосчислению в 1793) году из кунгратов Ивад Мухаммет Инак, организовав также «вакуф» от своего имени.

После смерти Каип-хана I в 1729 году заступивший на его место сын Бахадыр (Батыр)-хан короткое время также правил Хивой. Написанные им письма Махмуду I по хиджри в 1148, 1149 (по христианскому летосчислению в 1735 и 1736) годах хранятся в Хазианаи Эвраки (Name-i Humyun Defterleri, т. VII, стр. 430, 431, 437. Belge 10; т. IX, стр. 107). В этих письмах он настраивает Османского султана против Надир-шаха.

Бахадыр-хан после вышеуказанных годов вернулся в Хорезм и среди степных племен жил до 1770 года, еще в 1735 году вместо него к власти пришел его сын Каип-хан II, и он со стороны вмешивался в башкирское восстание, поднявшееся в том же году. Доказательством тому является то, что башкиры, по-

терпевшие поражение в войнах в устье Кинели, бежали в те стороны и по пути спрашивали: «Где находится Хива?» Этот Каип II стал зятем бухарского правителя Абдулфаиз-хана, после прихода Надир-шаха подчинился ему и вместе с ним принимал участие в походах на Иран и Мугаб, между 1741–1761 годами с перерывами, а в 1745–1756 годы непрерывно был ханом Хивы²²⁶ (Belge 11). В 1785 году стал ханом казахов всего Малого Жуза²²⁷ и скончался в 1793 году.

Что касается упомянутых выше потомков Кучум-хана, то Марджани из них упоминает лишь сыновей Кучум-хана, Али-хана и Ишим-хана как «последних ханов этой страны» и не имел сведений об Абылае, Абуге, Кучук и Ишим-Чувеке, Ырыс-Мехмете, Мурате-бин Дюшей. В действительности же и их потомки с перерывами были ханами у каракалпаков и башкир. Самым последним ханом в Башкурдистане был потомок Кучума Ырыс-Мухаммет-бин Бушай. И отец Мурат султана и упомянутый выше Кучук султан, о котором мы говорили очень подробно, еще до Каип-хана был ханом у башкир, а затем у каракалпаков. Ввиду этого его самого и Мурат султана вместе с его сыновьями называли «каракалпакскими султанами». В целом потомки Кучума после ухода с Западной Сибири больше всего опирались на каракалпаков. Все это становится понятным из деятельности Ишима, Кучука и Абылай султанов в долине реки Сырдарьи, а также из письма астраханца Вели-Мухамет-хана (1605–1611) казахскому хану Ишим-хану о взятии Абылай султаном на какое-то время Ташкента и из других писем. Все они включены в труд под названием «Бадаи ал – мишам», написанном в Бухаре одним узбеком по имени Юсуф Мюнши²²⁸. Из потомков Кучума сыновья Али-хана Хансувар и Жансувар, оказавшиеся в плену у русских в ходе войны, позже сумели бежать и прибыли в Крым к Мухаммет-Гирею султану II, им для проживания были предоставлены земли, называемые Учкыргыз. От Жансувара остался сын по имени Ахмет-Гирей Хорезм. О том, что он принимал участие в нескольких сложных событиях в Крыму и на Дону (Тен), упоминается в конце одного труда, написанного одним из его современников и завершено в июне 1601 года²²⁹. Иными

словами, потомки западносибирского Кучум-хана в начале XVIII века в пространстве между Сырдарьей и Доном находились в центре нескольких событий. Они действовали в согласии с калмыками, однако калмыцкие ханы и из них Аюка по отношению к ним и башкирам вели постоянно меняющуюся, неискреннюю политику.

Также казанский губернатор в 1707 году писал следующее: «Башкиры из русских служащих, едущих в Уфу, пропускают лишь тех, кто им нравится, остальных по пути задерживают. Не пропустили Аристова. Беглецов из татар, чувашей и черемисов все время принимают и защищают. Башкирское восстание разрастается, и татары Казанской губернии присоединяются к ним. Мы из-за войны со шведами не можем сосредоточить здесь большое число войск. С намерением использовать против варвар других варваров мы послали к калмыцкому хану Аюке офицера Бахметьева и предложили ему направить против башкир 20 000 калмыков. Он принял наше предложение. Между тем бунтующие донские казаки, раскольник Некрасов и его товарищи захватили город Камышин, направились в Саратов, намеревались соединиться с башкирами. У Аюки вновь попросили помощи. Он согласился из представленных им 20 000 калмыков половину направить против Некрасова. Но согласно сведениям, поступившим 13 июня калмыцким войскам в Яике, число башкир было очень большим. Они объединялись с каракалпаками и киргизами, донскими казаками и кубанцами (ногаи), добились согласия о помощи друг другу, если одни потерпят какой-либо урон, то другие будут оказывать им помощь в качестве союзников. Бахметьев, чтобы предотвратить объединение башкир с каракалпаками и киргизами, неожиданно напал на башкир по реке Ик с 10 000 калмыками и предал огню их жилища. Сына одного из предводителей восставших – Исмаила муллы – захватил в плен. В результате Исмаил мулла и другие батыры прибыли к Бахметьеву и предложили мир с условием, что они подчиняются воле царя. Они от имени башкир четырех дорог поклялись в верности с целованием Корана»^{230 (231, 232, 233)}.

Написано также, что в результате подобных интриг стоявшие во главе восстаний того времени знатные люди из башкир, Кучум (то есть потомок Кучума) с соратниками в начале 1709 года послали казанскому губернатору Апраксину представителя с сообщением о согласии платить дань царю. Хотя Исмаил мулла и Кучум из-за предательства калмыков были вынуждены подчиниться царю, у них не изменилась решимость – освободить народ от российской зависимости.

Казанский губернатор Апраксин в феврале 1709 года написал Петру Великому следующее: «Башкиры вот уже три года продолжают проявлять свою враждебность. Сейчас по приглашению одного из их знатных бунтарей к ним прибыл бунтарь из каракалпаков, якобы он сын хана. Убиты и взяты в плен 12 705 русских людей»^(234, 235).

В действительности хан, о котором выше упоминает Соловьев как о человеке, воевавшем против Хохлова у горы Юректау, и упоминаемый Апраксиным «сын хана», был хан Каип султан, сын каракалпакского хана Кирей султана. То есть в то время, когда Карл Великий и Мазепа в июне воевали на Украине против Петра, башкиры под предводительством Каип-хана и под началом Алдар тархана и Исмаил мурлы воевали против русских, поджигали и уничтожали их колонизационные поселения. Еще в марте 1706 года Шереметев писал: «Если будет подавлен Астраханский бунт, кубанцы (ногаи) и каракалпаки объединятся и захватят низовья Волги. Положение Аюки будет плохим». На самом деле связи с Крымом и Стамбулом усилились, этому способствовало и свершение верующими хаджа, вместе с тем эти религиозные путешествия совершались и с политической целью. Еще до начала движения Мурат султана башкирские беи совершали поездки в Крым и Турцию. Одним из них был Уразай-оглу Сулейман из Юрматинского улуса, он вместе со своими спутниками поехал в Стамбул и попросил помощи²³⁶. Об одном из башкирских предводителей, продолжавших дело Мурат султана после его казни, в русских источниках упоминается как «Кучумович Улах из Ногайской дороги». Этот человек во главе многочисленного войска переправился на правый берег Волги, дошел до местности в 30 ки-

лометрах от Казани²³⁷ (238, 239, 240). Это, кажется, упоминаемый в других источниках в качестве отца Кучума (Кючмемета) Улаксай (Улу Акай, настоящее имя – Тюбекей). В это время вместе с башкирским беём Алдар тарханом упоминается в качестве бея Сибирской дороги «Улакай батыр». Кажется, это другой человек. Также из Кучумовичей упоминается некий султан Ибрагим, родственник Мурата. И о нем говорится будто он выполнял поручения Крыма и Стамбула.

Заслуживает внимания и то, что упомянутый Бахметьев (Бейахмет-оглу) так же, как и Шереметев (то есть Шир Мамет-оглу), были принявшими христианство татарами или ногайскими эшрафами (представителями знатных родов). Приняв христианство, стали русскими. Шереметев, как и в османских документах, упоминается как «кафыр по имени Ширмет-оглу». Об этих событиях, которых мы изучили на основе российских источников, имеются некоторые сведения и в турецких источниках.

Из османских авторов Рашит Эфенди в 1122 по хиджре (по христианскому летосчислению в 1710) году написал: «Из иштяков (то есть башкир) в Стамбул прибыл представитель, и он выразил желание, и сделал предложение османскому султану следующего содержания: «Меня сюда послали к османскому правителю от имени башкир в союзе с каракалпаками и киргизами, чтобы освободить нас от проклятого гнета Московского престола». Эти иштяки совместно с киргизами ведут войну с русскими. У крепости Терек уничтожили до 40 000 русских. Раньше от этих иштяков прибыл представитель по имени Мухаммет-Салих, имя прибывшего на сей раз представителя – Пехливан Кул»²⁴¹.

В Хазинай Эвраки в «Наме-и Хюмайун Дефтерлери» этот посланец представлен как человек, присланный калмыцким ханом Аюка. В источниках отражены следующие документы: письмо, присланное в 1116, то есть в 1704 году, Аюка-ханом посредством «Мусульманского аги Ишмухамет-аги» с группой калмыков, и ответ на него²⁴², а также сведения о прибытии от Аюки-хана другого посланца Мухаммета-Салиха с письмом с выражением верности Османскому государству и отправле-

нии ответа на него в конце месяца мухаррам 1122 года, то есть в марте 1710 года с предложением ему быть союзником крымского хана Давлет-Гирей-хана²⁴³. К этим сведениям добавлено также сообщение самого Пехливан Кула о своей поездке²⁴⁴. Даже перечислены привезенные им подарки²⁴⁵. Сообщение Пехливан Кула датировано «концом месяца джемазиель эввел 1122 года», то есть концом июня 1710 года. Там содержатся следующие слова: «Аюка-хан выразил большую радость по поводу присланного через своего посланца Мухаммета-Салиха письма султана (османского падишаха) и сказал, что знак уважения со стороны падишаха обрадовало меня больше, чем бесчисленное количество подарков и исполнение всех моих желаний». Весь иштыкский народ – мусульмане. Они оказались под проклятием Московского владычества. В последнее время они почувствовали в себе некоторую силу. Из среды иштыков появился один султан и они, скрытно собрав некоторое количество войск по реке Идиль (Терек), находящийся под контролем Москвы, напали на укрепление, известное под названием Терек, захватили ее внешнюю часть, но их старания не увенчались успехом. Перед тем, как захватить внутреннее укрепление и войти туда, султан оказался в плену, и русский царь повелел казнить султана. Это событие стало причиной установления союза между иштыками, каракалпаками и киргиз-казахами. Эти три народа – все мусульмане, достигли союза и единства и определили иштыкскому народу султана из каракалпаков, и все три народа совместно с нашим ханом Аюкой составили союз на 15 лет и приняли решение всем вместе напасть на московское государство. Более того, от московского царя к Аюке-хану дважды приходили послы, и через первого посла царь просил помощи. Аюка-хан не оказал ему этой помощи. Через второго посла царь выразил пожелание, чтобы хан, если не будет оказывать помощи войсками, на худой конец помешал бы иштыкскому народу напасть на Московское государство. Однако наш хан (Аюка), отвергая и это требование, ответил, что ты (царь) казнил султана иштыков, у них есть к тебе кровная обида, поэтому я не смогу выступать против них и не выступлю. Все мы, подданные Чингиза, происходим от одного кор-

ня, составили между собой союз». Зимой прошлого года (то есть 1708–1709 годы), когда на Волге окреп лед, московские войска до 40 000 солдат отправились в поход против иштыкского народа. Аюка-хан оказал иштыкам помощь. Иштыкский народ встретил эти войска с оружием в руках. Русская армия, не сумев противостоять иштыкам, отступила на реку Идиль, и, считая, что иштыки не станут вступать на лед, укрепились на льду. Однако иштыки, взломав лед выше и ниже расположения русских, потопили русские войска вместе с конями и вьючными животными. Аюка-хан, желая, чтобы все эти наши дела и установленный между нами союз был известен падишаху, приказал мне все это сообщить вам. Взаимоотношения между нашим ханом Аюка с крымскими татарами и с Давлет-Гирейханом очень хорошие. Угнанную или украденную скотину возвращают друг другу и Аюка-хан послал меня в то время, когда посланцы трех народов – иштыков, каракалпаков и киргизов – находились у Аюки-хана. Если падишах поручит нам выполнить какое-либо дело, мы, четыре народа, это поручение постараемся исправить совместно в союзе. Сказал, что согласно повелению падишаха, мы будем друзьями его друзей, врагами его врагов и велел все это передать вам устно. И сказал также, чтобы до конца укрепить веру в наш союз, пусть султан пришлет к нам своего человека, пусть он собственными глазами увидит наш союз, и султан пусть будет нам ближе». Под этими разъяснениями поставлена дата: «фи авахири жумад ал ула сене 1122», то есть конец июня 1710 года. Источники свидетельствуют, что из посланцев, присланных Аюка-ханом, Мухаммед-Салих был ногайцем. Имена «Пехливан Кул» и «Ишмухаммет ага» показывают, что они из башкир. Если бы они были ногаями, то второе имя было бы написано «Исимбет», а в первом не было бы слова «Ага». Аюка-хан в своем письме признает башкир отдельным народом, который находится под началом своего султана, и считает правомерным их кровные претензии к русским в качестве самостоятельного народа. Он упоминает башкир как один из народов, составивших вместе с каракалпаками, киргизами и калмыками четверной

союз, в то же время свидетельствует и о том, что башкирский султан Мурат является потомком Чингиза.

Сообщение Соловьева о пленении этого султана (то есть Мурата ибн Кучука) в феврале 1708 года и о заключении вследствие этого союза между башкирским и киргизским народами и об объявлении одного из султанов каракалпакских ханов ханом Башкурдистана подтверждается этим письмом Аюки и объяснениями его посланца. В то время титул «хан» присваивался предводителю народа, самостоятельного в своей политике, а титул «султан» присваивался принцу, являющемуся предводителем племени, который в своей политике следовал хану, стоящему во главе народа. Мурат султан в ходе допросов, проведенных с ним в Астрахани до его казни (1708 г.), себя называет не «ханом», а «султаном», а также о своем родственнике Суюнжек султানে, потомке Кучумовичей, говорит как о «султানে башкир». Между тем Соловьев в отличие от среднеазиатских тюрок не придавал значения разнице между понятиями «хан» и «султан», использовал понятие «хан», когда писал о поражении русских: «бунтующими башкирами руководил хан, состоялся бой между ними и войсками под командованием Хохлова и Аристова 16 ноября 1707 года у Юректау». Этот хан был ханом киргиз-казахов и каракалпаков Каип Мухаммет. О том, что башкиры, извещая о подчинении этому хану, послали представителя в Турцию к Ахмету III, мы выше уже писали. Во всяком случае, Каип прибыл в страну башкир до горы Юректау у реки Агидель не в качестве султана башкир, а в качестве хана государства киргиз-казахов и каракалпаков, и включает в состав своих владений и башкир. О поражении русских в 1707–1708 годах у горы Юректау мы узнаем от Соловьева. Если сообщение посла Аюки Пехливан Кула о том, что «зимой прошлого года» башкиры уничтожили 40 000 русских на льду реки Идель (Волга), относится к событиям зимы 1708–1709 годов и не относится к событиям тех же 1708–1709 годов у горы Юректау, то это дает основание вести речь о том, что русские в 1707–1708 и в 1708–1709 годах в зимние месяцы дважды потерпели крупное поражение. В то же самое время эти слова Пехливан Кула, сказанные в июле 1710 года, могут относиться и к событиям, произошедшим зимой 1709–1710 го-

дов. Кроме того, если обратить внимание на то, что он говорит «прошлой зимой», а не «этой зимой», то он объясняет события 1708–1709 годов и в его словах могут найти отражение события, произошедшие в феврале 1708 года на Тереке с Муратом султаном. Нужно принимать в расчет и сведения о том, что русские потерпели крупное поражение зимой в 1707–1708 годах один раз, а зимой в 1708–1709 годах – дважды.

Казнь русскими потомка Кучума Мурат султана привела к волнению всех народов, населяющих древние кипчакские степи. Заключение соглашения между ними на 15 лет против русских, назначение башкирам султана, составление союза и возбуждение движения против России указывает, насколько мощным влиянием обладали на эти народы султаны из числа потомков Кучума.

Из показаний русским одного башкира, жившего в то время, можно узнать о том, что после казни Мурат султана некий узбек по имени Абдурахман, прибыв к башкирам Ногайской дороги, говорил: «Я – Мурат султан, меня не казнили, я спасся бегством» и пытался поднять народ на бунт²⁴⁶. Каип-хан, после известного боя, проведенного под его влиянием в 1708 году под командованием Хузей султана, и сам прибыл в Ногайскую дорогу Башкурдистана и тогда в его окружении были всего лишь 56 каракалпаков и ногайцев, однако с прибытием хана башкиры собрались вокруг него. Алдар тархан и Кучук богатырь (батыр), для ограждения Каип-хана от нападения русских войск со стороны Сибири, со своими силами расположились поблизости реки Исеть. С другой стороны, говорится, что «по предложению сына Алдар тархана каракалпакский хан Кучум с каракалпакским войском до 40 000 воинов пришли на помощь к башкирам Ногайской дороги». Этот «Кучумхан», – видимо, известный бунтарь «Кучум» (по выражению башкир – «Кусем»), упоминаемый в одной брошюре на фарси под именем «Кучмет сын Улукая». Также один из потомков Кучума, сын Бушай султана Ырыс-Мухаммет султан, прислушавшись к предложению тех же Алдар и Уракай батыров, прибыл в сопровождении до 400 каракалпаков к озеру Чибаркуль, находящегося рядом с нынешним Миассом, и противостояли

против русских, и кочевали в Иремельских пастбищах у устья реки Агидель. Они в мае с войском до 8 000 башкир сожгли русские деревни вокруг крепости Катай, расположенные по реке Исеть. Говорится также: «Ырыс Мехмет-хан объявил, что его дедом Кучуком в его распоряжении еще 10 000 войск. В его распоряжении было много оружия и снаряжения. В августе они находились еще в Иремеле. Прибывшие из Каракалпакии 100, из башкир и казах 3 000, из Каратабынского рода 250 воинов захватили и уничтожили русские деревни, расположенные вблизи нынешнего Златоуста – Миасса. В сентябре они ушли из Иремеля и захватили русские деревни, расположенные по рекам Аят и Писим. Они составляли 7 000 воинов из каракалпак и башкир»²⁴⁷.

Из османских государственных архивов мы можем узнать, что эти события среди потомков Кучума доказывают о существовании среди этих султанов политических традиций, бытовавших в древнем Джучиевом улусе. С другой стороны, то, что эти султаны напали на город Терек, явившийся самым передним форпостом русских, в целях уничтожения их контроля, расположившись между подвластными им народами и Крымом, и Османским государством, и совпадение этого большого движения с восстанием Мазепы, а также с войной Карла Великого против Российского государства показывает, что эти султаны были действительно в курсе мировых политических событий, а подчинявшиеся им народы были в достаточной степени динамичными, чтобы в нужное время перейти в целенаправленное движение. Ведь эти движения по течению Волги состоялись несколькими месяцами раньше или даже в те же самые дни, когда состоялась Полтавская битва.

Реформа Петра привела в чрезвычайно возбужденное состояние старообрядческое (ортодоксальное) русское население окраинных губерний. В то же самое время крестьяне, бежавшие из помещичьих, дворянских хозяйств, прибывали на территории, населенные калмыками и башкирами. Башкиры русских, верных царю, брали в плен, но с бунтующими казаками и старообрядцами вступали в союз. Против Петровских ре-

форм в 1705–1706 годах возник бунт и среди русских в Астрахани. В 1708 году на Дону также старообрядцы и казачья голытьба под предводительством Булавина подняли восстание. Булавинские войска, упоминаемые также и в османских источниках, напали на города Царицын, Саратов, Камышин. Царь Петр с трудом смог противостоять против них силами многочисленных войск под командованием Долгорукого и фельдмаршала Шереметева. Если бы Турция и крымские ханы воспользовались организованным движением башкир на востоке, калмыков и потомков Кучума, охватившим все пространство от Сибири до Дагестана, то Петр не смог бы добиться победы 27 июня 1709 года под Полтавой на Украине в битве против шведского короля Карла XII²⁴⁸.

Петр, с одной стороны, для исключения присоединения к шведскому королю, вел фальшивую дружественную политику с Турцией и Крымом, с другой стороны, на Востоке против башкир и каракалпаков направил калмыков и тем самым исключил объединение башкир и каракалпаков с кубанцами (то есть кубанскими ногаями) и крымцами. В то время как башкиры ожидали нападения русских с запада и севера, в результате предательства калмыков, это нападение было сделано с юга, чего они никак не ожидали, и нападение было направлено на их семьи, женщин и детей.

§ 28. Калмыки и башкиры

Прохладное отношение Османского государства по отношению к калмыкам было правомерно. Бумаги, хранящиеся в Хазинаи Эвраки и поступившие из Средней Азии того времени, содержат сведения о трагедиях, порожденных нашествием калмыков в Мавераннахр, расположенный к востоку от калмыков. Узбекский хан Абдулла 8 апреля 1706 года в своем письме сообщает османскому султану Ахмету III как об удаче о том, что калмыки (в результате давления китайцев) оставили свою исконную родину, переселились на мусульманские земли и захватили мусульманские территории, во всех местах

мусульмане (узбеки и казахи) были подвергнуты вооруженному нападению, под этой угрозой хивинский хан подчинился Бухаре, а русские, напавшие на Хиву, проявляли козни и интриги, мусульмане объединились против них, но они мечами убивали мусульманских воинов и эти события вынудили народов Казани, Каракалпакии и всего Дешт-и Кипчака (предположительно Башкурдистан и Ногай) укрепиться на своей земле²⁴⁹. Эти казаки в документе, написанном арабской графикой в виде **تتگی و خترله قزاق**, были русскими казаками, объединившимися по реке Яик, которые веком раньше петровских времен под предводительством человека по имени Нечаев напали на Хорезм и убивали его население мечами, то есть во времена Ахмета III (Салиса) тюрки-мусульмане Средней Азии и Поволжья опасность, идущую с запада, и нашествие степных калмыков воспринимали как две большие угрозы. Тем не менее против русских старались объединиться с калмыками. Аюка правил в течение 53 лет между 1671–1724 годами. Составив соглашение о дружбе с русскими 27 февраля 1673 года, вместе с русскими стал противником крымцев. Однако себя считал подданным китайского императора, он звание хана получил у Далай Ламы в Тибете. Аюка, считавший себя великим степным правителем и ведущий по существу везде двуликую политику, считая себя вассалом китайского императора, выражал покорность русскому царю и турецкому султану. В 1706 году в ходе восстания русского гарнизона в Астрахани был на стороне Петра, но тем не менее не удержался от нападения на эту губернию. В 1707 году для помощи Петру в войне против шведов в Москву послал 3 000 калмыцких воинов, но они вернулись, напав и разграбив и эту губернию. В 1708 году калмыки вместе с башкирами в Тамбовской губернии сожгли около 160 русских деревень, однако эти калмыки в 1709 году в ходе подавления восстания донского казака Булавина помогали царским войскам. Хотя и крымский хан по отношению к Турции иногда вел двуличную политику, однако некоторое время с поволжскими калмыками, вначале с потомками Кучума, с башкирами и ногаями вступил в союз и вел политику против русских, ввиду чего Аюка-хан в продолжении 40 лет

придавал значение дружеским взаимоотношениям с крымскими ханами и Турцией. Таким образом, несмотря на то, что калмыки не были мусульманами и принадлежали к чужому кругу народов, они не воспринимались как чужие. Однако после победы Петра в Полтавской битве Аюка увидел, что не сможет противостоять русским, и решил установить с ними хорошие отношения. Когда в 1701 году его сын Санжи Джаба с 15 000 калмыков откочевал от него и вместе с ними ушел в Джунгарию, у Аюки уменьшилось число его подданных, он остался в стесненном положении между казах-киргизами, Крымом, ногаями и русскими. В 1711 году он, коренным образом изменив свою политику в пользу России, согласился получать от России годичный «подарок» в 2 000 лир и оружие, около 10 000 калмыков направил против кубанских ногаев, подчинявшихся Крыму. Эта ситуация, когда калмыки, будучи в союзе с башкирскими, каракалпакскими, казахскими ханами против русских, напали на ногаев, считалось великим предательством и настоящим бедствием. Это положение вызвало озабоченность не только у казахских ханов, но волновало и узбеков Бухары, что подтверждается письмами, написанными турецкому султану Ахмету III казахского, каракалпакского и башкирского хана Каип-хана и бухарского правителя Абулфаиз-хана, а также объяснениями присланных послов. В этих посланиях, хранящихся в Хазинаи Эвраки, названных «посланиями одного из туркестанских ханов – казахского хана Каип Мухаммет-хана, переданными им через своего посла Сеита Мухамметкул-бея в Рикаби Хумаюн», хан себя представляет правителем Казахстана со столицей в Ташкенте. Если учесть это, то Каип Мухаммет-хан, о котором здесь идет речь, не является Каип-ханом бин-Бахадыр-ханом, умершим в 1793 году. Отца Бахадыр-хана, вступившего в 1718 году с Россией в связь, Эр Каипа по-другому называли просто Эр Каипом и он был Каип-ханом, сыном Кирей (Тобурчук) султана²⁵⁰. Еще в 1700 годы Эр Каип обеспечивал безопасность караванов, ходивших между Западной Сибирью, Ташкентом и Башкурди-станом²⁵¹. В 1709 году ему было всего 26 лет. Именно этот Эр Каип (Каип-хан) в письме, отправленном Ахмету III, пишет: «И

в старину между нашими предками была переписка. И в прежние времена по повелению священного османского султана и на нашу страну в виде знака благоволения были письма, где сообщалось о направлении войск против народа калмыков. В этом письме говорилось, что после получения данного сообщения и вы выступите против калмыков. Когда упомянутый Хаджи проходил от Астрахани через страну калмыков, один из них, получив сведения (о повелении, присланного из Стамбула), указал на истинность этого известия, на основании чего из страны калмыков дважды был отправлен гонец. Положение у них очень тревожное. Пришли в разрозненное состояние. Было бы очень хорошо, если бы эти две части народа калмык не смогли объединиться (то есть части народа, находящиеся на западе и на востоке от Волги). Поэтому собираюсь обрушиться на калмыков»²⁵². Здесь же приведены разъяснения посла Каип-хана Сеита Мухамметкул-бея, переданные им на словах: «Посол злодея Аюки (то есть Пехливан Кул), придя во дворец султана, засвидетельствовал почтение Аюки. Посол письмо доставил упомянутому Аюке, послы казахского хана того времени Каип-Мухаммет-хана, иштяков и каракалпаков были в то время у Аюки. Посол Каип-Мухаммет-хана написанные сообщения доставил самому хану. Но через некоторое время безбожник Аюка, нарушив свою клятву, соединился с русскими и напал на ногаев (то есть на Ногайские улусы на Северном Кавказе, подчиненные Крыму). О целях этого нападения Каип-Мухаммет-хану сообщили наши хаджи, прибывшие со стороны Астрахани. По этой причине Каип-Мухаммет-хан, почувствовав прилив религиозного рвения, дважды выступил с войной против Аюки и отправил меня к османскому султану. Хан повелел мне на словах передать османскому султану, что он вместе с братом – татарским ханом (то есть с крымским ханом) желал бы служить османскому султану. Остаюсь верным вашим повелениям»²⁵³. Посол Сеит-Мухамметкул-бей прибыл дорогой через Багдад, у него спросили, какой дорогой он намеревается вернуться. Тот ответил, что будет возвращаться той же Багдадской дорогой²⁵⁴. В ответном письме Ахмета III Каип-Мухаммет-хану отмечена дата – март 1713 года. И в письме

бухарского хана Абулфаиза, написанном в то же самое время, говорится: «Нам стало известно, калмыки, объединившись, стали врагами всех мусульман. Ввиду этого я одного из наших знатных людей – господина шейха Нигматуллу отправляю к Вам. Мы – братья по вере. Достигнув согласия в целях истребления неверных, напав на наших врагов-кафыров, предлагаю взять их в окружение, двигаясь, вы оттуда, а мы с этой стороны». Ахмет III в своем ответе сообщил, что это известие о газавате воспринял с удовлетворением²⁵⁵.

Российское правительство против бунтующих башкир использовало калмыков, войска Аюки напали на башкир с тыла. Ввиду того, что восставшие башкиры были в союзе с бунтующими донскими казаками, калмыки выступили против казаков. Несмотря на это башкиры не отказались от нападения на русские области.

В 1712 году казанский губернатор Апраксин написал Петру следующее: «Хотя в соседствующих нам мусульманских государствах мир, наши враги внутри нашего дома продолжают свой бунт. Ждать от них верности бесполезно. Мы постоянно живем под опасностью»²⁵⁶.

В 1715 году кубанский султан Бахт-Гирей ибн Давлет-Гирей, напав на калмыков, сокрушил всю их военную мощь. Разгромил подчиняющихся Аюке едисанских и жимбуйлукских ногаев и напал на город Царицын²⁵⁷, захватил ставку (центр управления) Аюки. Он же спас свою жизнь, отступив с русскими к Астрахани. В 1715 году калмыцкий хан Аюка пишет Петру следующее: «Башкиры, крымцы, кубанцы и каракалпаки – все мои враги. Если нам не помогут русские войска, нам, калмыкам, невозможно будет жить между Волгой и Яиком». Петр в ответ на эту просьбу послал на помощь Аюке известного татарского бея, стольника Бахметьева, предоставив в его распоряжение 1 600 солдат. Однако сын Аюки Чапдоржап, достигнув взаимного согласия с кубанскими татарами, выступил против России²⁵⁸.

§ 29. План Петра по захвату Туркестана.

Каип-хан и башкиры

После освобождения в Прусской войне от Балтажи* Мухаммет-паши, Петр занялся своими планами. В результате войн его казна окончательно опустела. Захватив земли на востоке, богатые золотоносными рудами, он задумал пополнить свою казну. В 1713 году один туркменский купец по имени Ходжа Нефес говорил, что восточнее Астрахани в землях под названием Эрикти имеются богатые золотоносные месторождения. Петр пригласил этого Ходжу Нефеса в Петербург и получил сведения. Эти места с золотоносными рудами, находящиеся у Аральского озера и вблизи от Сырдарьи, он решил захватить. По существу он искал также путь в Индию. Об этих намерениях Петра стало известно и в степях, то есть было ясно, что русские старались войти в тыл к башкирам. В связи с этим башкиры, киргиз-казахи, каракалпаки под предводительством Каип-хана решили организовать сопротивление, и им оказал содействие калмыцкий хан Аюка. Самые достойные доверия сведения по этому вопросу содержатся в письме, посланном в Стамбул Каип-ханом посредством человека по имени Курбан-бек Кёкелдаш. Сохранившееся в Хазинаи Эвраки (Намеи Хумаюн Дефтерлери. Т. XII. С. 351–352) письмо названо «Письмо одного из Туркестанских ханов – казахского хана Каип-Мухаммет-хана». Краткое содержание письма следующее: «Этот верноподданный (то есть Каип-хан), находясь в Ташкенте, являющимся столицей Афрасиаба, денно и ночью успешно занимается управлением со всеми своими землями с городами Туркестан (то есть Ясы), Андижан, Сайрам, Каракалпак и другими городами в соответствии с канонами шариата и денно и ночью творит молитвы в честь падишаха (Османского падишаха). Пусть также будет известно достойному султану, между Московским государством и нами есть страна, ее называют Иштяк (то есть Башкурдистан), и весь ее народ – мусульмане-сунниты. Позже, воспользовавшись труд-

* Так у автора (А. Ю.).

ным положением страны, их завоевала Москва. С некоторых пор, подчиняясь России, платят им ясак. Однако сейчас это сообщество, накопив силу и войска, оберегает себя от вреда врагов. Упомянутое иштякское сообщество повернулось к нам лицом, и они сообщили: «Мы приложим наши усилия во имя нашей веры. Они сказали, что если вы сегодня готовы нам помочь, то у нас хватит сил освободить свою страну из рук кафыра, и если мы будем едины с вами, то сможем нападать ежедневно на страну кафыров. Мы (Каип-хан) задумались об этих словах. Пусть вам будет известно, несколько раньше мы отправили преданного Саит Кула Чехре Акасы к Вам, ныне в это последнее время (из страны Иштяк) пришли новые известия о войне и о разрушении господства кафыров и мир стал для нас миром радости. Произошло действительно важное событие, потому ..., чтобы известить Вас, отправляю <к> Вам Курбан-бека Кёкелдаша. Вы нас известите о том, каково будет Ваше повеление, и дадите нам знать об этом. Взоры наши направлены на дорогу, по которой вернется посол. В зависимости от того, какое повеление оттуда к нам поступит, согласно этому мы предпримем свои меры».

В ответном письме Ахмета III от 19 января 1716 года, названном «Из Туркестанских ханов казахскому хану Каип Мухаммет-хану», признается, что этот хан является одним из эмиров, относящихся к Османскому государству, и валием одного из вилайатов этого государства, руководителем мусульманского сообщества и его героических борцов. В обращении Ахмета III содержатся слова: «В данное время сообщество иштяков, внутри страны которых все относятся к мусульманам, с помощью Аллаха в последнее время достигло мощи и приготовлены войска и, ввиду того, что ранее они были захвачены московскими кафырами, ныне, для завоевания своей независимости, распространили среди правителей окружающих их государств известия с просьбой оказать им в этом деле помощи и защиты», и Ахмет III посоветовал Каип-хану оказать им помощь во всех их войнах.

Это искреннее обращение османского императора, снижавшего безграничное почтение, производит глубокое впечат-

ление во всем Туркестане и степях. В этом письме, имеющем большое значение также и с точки зрения взаимоотношений между Турцией и Туркестаном, говорится и о том, какое личное внимание было оказано послу Каип-хана. Письмо показывает, что султан от всей души поддерживает борьбу на востоке против российских завоевателей. Он, получив известие об этих движениях, отмечает, что эти области являются частью своего государства, а правители этих областей, неоднократно обращались к султану посредством отправки послов, с нетерпением ждут, когда и с каким ответом они вернутся обратно. И о башкирах от султана поступило предложение: «С помощью Аллаха у них ныне возросла мощь, они стали исламским сильным сообществом с многочисленным войском» и им нужно оказать помощь «в деле освобождения их старой родины».

Положительные результаты этого искреннего отношения друг к другу как к родственникам и готовность протянуть руку помощи сказались в очень скором времени. Еще когда посол Каип-хана Курбан-бек Кёкелдаш находился в Стамбуле, войска российского царя Петра начали нападать на Хиву. Петр для завоевания окрестностей упомянутого Иректы послал войска, с одной стороны, в Хиву, а, с другой стороны, из Сибири к устью реки Сырдарьи и решил эти земли присоединить к России. В 1715–1716 годах царь дважды из Астрахани по дороге Хазарского моря и Мангышлака послал в Хиву под руководством кабардинского мурзы Давлет-Гирея Бековича, перешедшего к христианской вере, его братьев Суюнч мурзу и Ак мурзу и татарина по фамилии Заманов, также перешедшего в христианство и называемого в истории Хивы как «губернат», с многочисленными различными войсками (4 000 пеших солдат, 1 000 гвардейских кавалеристов, 2 000 казаков, 400 моряков и другие). В 1717 году крымский принц Бахты-Гирей бин Давлет-Гирей («юродивый султан») в Западном Поволжье напал на ставку Аюки-хана, разгромив вынудил его отступить к русским в Астрахань. Этот хан, по свидетельству русских источников, встретился с мурзой, принявшим христианство и известным по имени Александр Бекович Черкасский. Вместе с тем Аюка-хан считал опасным укрепление русских сил

за своей спиной, захватив Хиву. Исходя из этого посредством своего посла Ачинсена Кошука и башкир сообщил хивинскому хану Ширгази о планах русских и приготовлениях Бековича к походу. И подданный Аюки Дарчы султан также сообщил о целях русских в Хорезм беям конгратского и найманского племен. Перешедший в христианство черкесский мурза, выдавая себя за мусульманина, приезжал под именем Давлет-Гирей как человек, несущий ханству приветствие дружбы России, посылал Ширази-хану послов и письма. А Ширази, делая вид, что он не знает о его переходе в христианство, дал знать, что его примет как мусульманина и дорогого гостя, но ввиду того, что в его государстве слишком маленькие города и поселения, русские войска под началом черкесского бея, по свидетельству хивинских источников, состоящих из 30 000 человек, будет принимать в различных городах и сумел убедить Черкасского в целесообразности такой меры. Принимаемый в ханском дворце в Хиве Бекович и устроенные в различных городах по частям воинские формирования в начале сентября 1717 года за одну ночь были перебиты. Получивший письмо от Ахмета III Каип-хан был солидарен с поступком Ширази и поэтому даже его внук Каип-хан бин-Бахадир в своих политических взаимоотношениях опасался отрицательных последствий убийств русских, совершенных в Хиве²⁵⁹.

Известный под именем Эр Каип, живущий в окрестностях Ташкента и вблизи от Сырдарьи, тем не менее правивший Хивой и башкирами, по хиджре в 1127 году, между 9 октября и 27 ноября 1715 года передал вакуфу земли для оплаты расходов строящегося рядом с ханским дворцом в Хиве гостиного двора. Этот документ хранится в библиотеке города Мугла в подшивке под № 581 на страницах 238–239 (об этом деле речь будет впереди). В османских источниках сообщается, что один из хивинских ханов, именуемый «Мухаммед Бахадыр-хан», по хиджре в 1133 году (по христианскому летосчислению в 1720-м) дважды направил послов в Стамбул, по хиджре в 1126 году (по христианскому летосчислению в 1114-м) подписал с Россией соглашение о дружбе, однако по хиджре в 1130 году (по христианскому летосчислению в 1718-м) уничтожил российские войска, прислан-

ные в Хиву²⁶⁰. Это был тот же Каип-хан. Во всяком случае, до принятия в 1732 году казахским ханом Абулхаиром российского подданства этот хан, известный под именем «Эр Каип», сохранившийся в памяти народа как герой, бывший в тесной связи с Турцией и одновременно поддерживавший восстание башкир против России, противостоявший против нашествия калмыков и проводивший политику в масштабе всей Азии, был действительно великим правителем.

Петр в эти же годы, послав войска под командованием одного из своих офицеров по имени Пухгольц вдоль берега реки Иртыш в местечко под названием Алтуни Пул Эркети, приказал ему у истоков, как он полагал, реки Сырдарьи соединиться с войсками под предводительством Бековича. В результате этих мер предполагалось, что Аральское озеро, долины Иртыша и Сырдарьи и весь Казахстан окажутся в руках русских, а калмыки и башкиры будут окружены с тыла. Но Пухгольц понял, что этот Эркети находился не в Западном Туркестане, а является городом Яркент, находящимся в Восточном Туркестане. Когда Пухгольц подвергся нападению калмыков в крепости, отстроенной им самим по пути, он был вынужден вернуться в Сибирь с 700 солдатами, оставшимися из его отряда, насчитывавшим прежде 4 700 человек.

В это время и Османское правительство проводило достаточно большое активное движение в пространстве между Крымом и Волгой и в ноте министра иностранных дел России Остермана от 12 апреля 1736 года, врученной правительству, подробно пишется об этих военных действиях. Подробно описывается, как в 1716 году в этих местах «татарские племена с османскими войсками и азовскими пашами захватили и разграбили Воронеж, Дмитров, Харьков, Изюм и другие русские города и поселения по реке Дон», как в 1717 году в Харькове и Изюме вышеупомянутый султан (Бахт-Гирей султан), эмирские войска татар, османские солдаты и азовские паши, проникнув во владения Москвы, подошли к городам Царицын (ныне Сталинград), Пенза, Симбирск, Саратов, Инзер и еще к двум городам и поселкам с плохо читаемыми названиями, разрушили множество поселений, захватили в плен и увели 30 000 рус-

ских, как в 1718 году упомянутый султан (Бахт-Гирей султан) подошел с намерением захватить город Черкасск и взял в плен живущих в окрестностях казахов и калмыков, как в том же году кубанские татары и османские войска вновь захватили Харьков и Изюм²⁶¹. Совместные действия крымских и кубанских принцев чингизидов с османскими войсками в окрестностях Пензы, Симбирска и Саратова, на которых время от времени нападали и башкиры, в действительности оказывали поддержку и башкирским восстаниям. Несомненно то, что среди башкир и татар, начиная с того века, детям часто начали давать имя «Бахт-Гирей», является результатом положительных впечатлений, оставленных этими историческими событиями.

Вместе с тем вновь разрасталась калмыцкая беда, господствовавшая в то время на Востоке: их правитель Сивен Рабтан, потерпев поражение от китайских войск, со своими калмыками захватил степи всего Восточного Казахстана. В 1720 году калмыцкие войска захватили Сайрам, находящийся во владении казахских ханов, в управлении самого Каип-хана. Еще в 1718 году Каип-хан, потерпев поражение в бою у реки Энгюз, всего лишь с двумя воинами вернулся в свою столицу город Туркестан (Ясы). В 1723 году калмыки отобрали у казахов и Ташкент. Каип-хан в письме Ахмету III, написанном еще в 1716 году, писал, что беи мингского племени являются его подданными и тем самым ставил в известность, что он является правителем, управляющим Андижаном в Ферганской земле. И Петр предпринимал все меры: обманывая своих западных калмыков, стремился добиться их верности. В 1720 году, отправляясь в поход в Иран, он пригласил Аюку в Астрахань и устроил для него прекрасный прием и торжественную трапезу. На случай смерти престарелого Аюки достиг договоренности о том, что на его место придет тот из его сыновей, который верен России и мягок характером. Каип-хан, ослабевший из-за наступления восточных калмыков, больше не занимался башкирскими делами. Этих ханов в тот период мы всегда видим вблизи Хорезмского вилаята.

В 1720 году губернаторы Петра и другие, посланные им чиновники высокого ранга, с целью прочного укрепления

в Башкурдистане вели с ними мягкую политику. Из них полковник, граф Головкин, сын канцлера Петра, собрав знатных башкир в Уфе, объявил о прощении «их прежних великих преступлений, таких как поднятие бунта под началом изменника Алдара, объединившись с каракалпаками». В этой связи говорится, что «башкиры вместе с этим Алдаром и каракалпаками, сколотив войска в несколько тысяч человек, предали огню русские деревни в Уфимской губернии, деревни ясачных черемисов и мордовы»²⁶². Однако этот Головкин добился обратного переселения в Казанскую губернию 2 271 человека из татар и чувашей, которые сбежали от жестокостей русских и прижились было в Башкурдистане. Упомянутый в этой связи Алдар ни кто иной, как Алдар тархан сын Исека, предводитель, приведший каракалпакского хана Каипа в Башкурдистан. И тот, кто в 1709 году привел этого же хана, упоминается без имени, а только называется как «главарь башкирских разбойников», также был этот Алдар.

Упомянутый Головкин в 1720–1722 годы сделал карту Башкурдистана. В 1722 году он вынудил еще 19 815 человек из беглых татар и чувашей переехать в сторону Казани. В 1724 году башкиры по отношению к беглым, прибывшим к ним, проявили гостеприимство и беглым татарам говорили: «как же вы будите жить в Казанской губернии... В скором времени против России будут войны досель невиданных масштабов. Сибирские и яицкие казаки также будут вместе с нами». Действительно, из ясачных татар были люди, воздержавшиеся от уплаты назначенных им налогов. Башкиры в том году в Уфимской губернии, около озера Берсувен, собрали курултай. На этот курултай прибыли Алдар тархан с 750 башкирами, сын Сеит Бахадира, убежавший в 1707 году к киргизам, с 500 киргизами. Башкиры и татары со всех сторон собрались у этого озера и решили напасть на Уфу²⁶³. Сообщавший об этом русский чиновник в этой связи говорит: «Наш Царь в это время занимается выяснением того, имеется ли путь из Сибири и Камчатки в Америку, а разбойники-башкиры поднимают руку против него». Петр и на этот раз против башкир направил калмыков. В феврале 1724 года калмыкский хан Аюка умер.

Назначенный вместо него Петром Доржа по приказанию русских занимался башкирами и каракалпаками. В бою вблизи реки Узень, находящейся в Астраханской губернии, он победил объединенные войска каракалпаков, киргизов и башкир и, отрезав уши 415 убитых, отправил астраханскому губернатору Волинскому²⁶⁴. Однако в 1725 году каракалпаки, киргизы и башкиры, объединившись вблизи реки Яик, напали на калмыков. Предводитель русских старообрядцев Геннин также был на стороне башкир. Вместе с тем башкиры, как только узнавали об ухудшении отношений между калмыками и русскими, тотчас прибывали к калмыкам и предлагали дружбу. И в 1727 году предводители башкир прибыли к калмыцкому правителю Дундуку Омбо и сказали: «Вы хотите начать движение против русских. Если это так, то и мы готовы прийти в движение вместе с вами. Примите нас в качестве союзников». Русские, получившие об этом сведения, в отношении башкир вновь начали проводить дружелюбную политику²⁶⁵.

Дундук Омбо в 1731 году признал верховную власть Турции. Вначале под его предводительством находились 11 000 калмыков. А в 1728 году ему подчинялись 28 000 калмыков. Среди прибывших в Турцию от Дундука Омбо посланцев были и два иштыка. Однако русские, чтобы Дундук в войне, которая должна была состояться в 1735 году, не оказался на стороне османцев, начали привлекать его на свою сторону. Таким образом, продолжавшееся с 1707 года в течение 17 лет башкирское восстание в результате дружелюбной политики Петра было остановлено. В 1728 году делегация во главе с одним башкиром по имени Еней сына Янчуры прибыла в Петербург с жалобами на русских воевод и выразила желание спорные вопросы решать миром. Учитывая эти требования, в 1729 году Петр II отделил «башкир четырех дорог» от Казанской губернии, образовал отдельную губернию с центром в Уфе. Вместе с тем в 1735 году, во время начала Русско-турецкой войны, русские вознамерились поставить железный занавес между Башкурдистаном и Казахстаном. Против этого поднялось новое восстание, которое получило название «восстание Акая или Кильмяк-Абыза».

§ 30. Внутреннее состояние башкир в этот период

После того как русские в 1586 году в Самаре и Уфе построили укрепленные пункты и обосновались в Западной Сибири, захватив владения Кучум-хана, башкиры, населявшие земли севернее линии нынешней железной дороги Самара – Челябинск, были вынуждены признать господство России и подчиниться управлению русских. Когда в 1649 году и юрматинские башкиры подчинились русским, они южнее Уфы на расстоянии до Табынска устроили гостиные двory и укрепленные пункты и в то время в Юго-Восточном Башкурдистане сформировали пока еще формально действующую систему управления. Однако тогда в Башкурдистане верховенство России существовало лишь в номинальной форме, определенные платежи были незначительными и носили символический характер. Упомянем некоторые факты, свидетельствующие об этом: в 1722 Петр запретил дело «распространения среди башкир русских осведомителей», так как башкиры понимали, кто такие эти осведомители и выгоняли их с различных улусов. В том же году, когда везде проводилась перепись населения, тот же Петр издал указ, по которому в 1724 году отменялось взимание ясака и добровольный набор солдат у башкир Астраханской и Уфимской губерний. Однако башкиры во многих местах на эти указы не обратили особого внимания. К тому же в 1725 году казанские татары, бежавшие от солдатской службы, налогов и религиозных притеснений, расселились в башкирских землях. В упомянутом 1725 году русские из 3 892 мусульманских переселенцев, прибывших в Башкурдистан, лишь 92 человека сумели вернуть на их прежнее место жительства, то есть в Казань. Ввиду того, что башкиры были равноправными, русские не ограничивали их самостоятельность. Между 1649–1735 годами в течение 86 лет в части Юго-Восточного Башкурдистана, расположенного южнее Уфы и Табынска, эта самостоятельность была полной. Добровольно поступившие служить в российские войска состояли из лиц, которые поддались проводимой русскими пропаганде или были любителями разного рода приключений. В 1728 году во времена Петра II

о башкирах, находящихся под управлением русских воевод, вышел указ «О запрещении делать зло по отношению к башкирам и о прекращении брать у них заложников», а в 1729 году – «О направлении к башкирам для взимания ясака человеческих и великодушных, добропорядочных служащих». В 1734 году для башкир в Оренбурге был учрежден специальный судебный орган, и он был организован в виде комитета, этому суду была придана форма комитета из трех членов, двое из которых назначались сторонами, а один должен был быть нейтральным. В том же году был издан указ «О записи в тетрадах башкирских тарханов для сбора от них ясака». До этого дня эти тарханы, особенно в Юго-Восточном Башкурдистане, не были зафиксированы в русских документах о налогах. В том же упоминаемом 1734 году после объявления соли, добываемой в Илеке, в монополии государства, за соль башкиры должны были платить некоторое необременительное количество денег. Однако башкиры эти меры воспринимали как посягательство на их права и самостоятельность. До начала строительства Оренбургской крепости, с одной стороны, из числа некоторых знатных людей этой страны (из тархан) были ушедшие добровольно служить у русских, с другой стороны, в центре Юрама-тинского улуса, в местечке Хаджи Месжиде вблизи реки Сикези собрался народный курултай. Из ханов прежних времен потомки Кучума, из казахских ханов Каип-хан и его потомки во времена различных восстаний и войн у башкир признавались в качестве общего руководителя и военного предводителя, но в другие времена, то есть в мирные годы, правление этих принцев вновь становилось номинальным, то есть они не организовывали общие органы правления, признаваемые во всей стране. Каждый улус оставался под управлением своих тарханов и беев. В 1709 году казанский губернатор Апраксин в своем рапорте Петру о башкирах написал следующие слова: «Эти окаянные башкиры многочисленный, смелый и воинственный народ. Однако у них нет хотя бы атамана как у донских башибу-зук казаков, общего руководства, которого признавали бы все, и нет общепризнанного места, куда они могли бы обращаться по каким-либо их делам»²⁶⁶. Ввиду того, что башкиры не

подчинялись единому «атаману», их центром управления был «Йыйын у Хаджи Месжиди» и письма, написанные русским, посылали собравшиеся там «беи семи родов». Как в русских источниках Абылай-хан назывался «башкирским ханом», так и его сын Кучук-хан (то есть султан) именовался «башкирским ханом»²⁶⁷. Согласно некоторым источникам, в 1649 году Юрматинский улус принял верховное правление русских, однако в своих письмах русским они писали как народ свободной, или почти свободой страны. Например, письмо башкирских беев Ногайской дороги русскому воеводе Уфы князю Волконскому, направленное 16 ноября 1663 года, сохранилось до нашего времени. В этом письме они ведут речь о том, что посылаемые от них царю и присланные от царства к ним «послы» не должны быть из числа «персон нон грата» и такие не должны быть посылаемы как «послы» и пишут, что «если эти условия не будут приняты, то и мы себя будем вести как ваши враги, на что не нужно обижаться»²⁶⁸.

§ 31. Восстания Акая, сына Кучума, Алдар тархана и Кильмяк-абыза

За время, прошедшее от победы Петра Первого в 1709 году под Полтавой до восхождения на престол его дочери Елизаветы в 1741 году, в течение 32 лет положение тюрков и мусульман на востоке России превратилось в состояние завоеванных. Петр после достижения победы над Швецией через каналы, по Ладоге и Вышневолоцку открыл навигационный путь для кораблей от Балтики к Хазарскому морю и решил превратить Хазарское море во внутреннее русское море. Сам лично доплыв по Волге на кораблях до Хазарского моря, он дошел до Дербента. В 1723 году в Иране захватил Баку, Гилана, Мазендерана и Астрабада. Во времена Петра II по Сибирской дороге были установлены дипломатические отношения с Китаем (1728). В Китае великий император по имени Канхси из династии

Чинг (Джинг)* начал движение расселения в Среднюю Азию. В 1662 году китайское население исчислялось в 100 миллионов, в 1741 году достиг 143 миллионов, что вынуждало их распространяться на северо-запад. Создавший в Средней Азии сильное государство калмыцкий правитель Сивен Рабтан (1697–1727) под давлением китайских войск оставил Монголию и отступил на запад и в 1714 году обосновался по течению реки Иле. В 1720 году он захватил всю территорию по реке Сырдарья и в 1723 году – Ташкент.

Отец Первого Каип-хана Тобурчук-хан, еще в 1695 году в Сырдарье сделав своей столицей Ясы, был ханом «Младшего Жуза». А его сын Каип-хан I управлял всеми землями по течению реки Сырдарья и страной каракалпаков. Когда в 1724 году все эти территории были завоеваны Сивеном Рабтаном, Каип-хан сумел защитить свободу Яса (Ясы или можно называть также Есе), Саврана и Ташкента²⁶⁹. И в своем письме в Стамбул Ахмету III он упоминает Яса (Туркестан) и Ташкент в качестве места пребывания своего престола. Вместе с тем, когда Сивен Рабтан со своими мощными калмыкскими войсками расположился по реке Сырдарье, Каип-хан переехал в Хиву. Из потомков Кучума Каип-хан бин-Ишим (бин-Хасан) также был ханом каракалпаков и правил ими²⁷⁰.

В этот период все казахские ханы и роды вступили в период своей истории, которая затем была названа как время, «когда у народа, убежавшего пешком от врагов, белые пятки были залиты красной кровью от ран». Наследник Сивена Рабтана Галдан-Цэрэн (Черен) (1727–1745) в результате успехов китайцев, окончательно потеряв владения в Восточном Туркестане и Западной Монголии, переехал в Казахстан, Семиреченск. Казахские ханы были вынуждены принять верховное правление России. В конечном счете, в 1732 году казахский хан Малого Жуза Абулхаир-хан принял российское подданство. Тем самым исчезли надежды на освобождение Поволжья и территорий по течению Яика.

---

* Мин (А. Ю.).

Однако башкиры и на этот раз не растерялись. Они остались верны своей решимости бороться до самой последней возможности. Русские для укрепления своего положения, убедив казахского хана Абулхаир-хана, принявшего подданство России, в том, что якобы «для обеспечения тебе условий господства как над собственными племенами, так и над твоими врагами, построим для тебя крепость», начали воздвигать укрепленные пункты в башкирских землях по реке Яик. Первым делом намеревались возвести крепость на месте впадения реки Орь в Яик. Хан поверил русским, их предложение воспринял положительно. Даже счел это полезным с точки зрения обеспечения своего влияния над казахскими племенами. Но башкиры хорошо знали, что означает строительство крепостей по реке Яик, как они в результате всего этого окажутся со всех сторон в окружении российских крепостей²⁷¹. Находившийся в это время в Петербурге в качестве представителя башкир сын Тулекея Токчура сообщил обо всем предводителю рода *байлар*, влиятельному человеку среди башкир Кильмяк-абызу и дал знать, что нельзя давать возможности строить эти крепости. Абызом в то время называли человека, имеющего религиозное образование, умеющего читать и писать. Слово это – синоним слова «бакшы»²⁷². Хотя мы не знаем, в какой форме Тулекей объяснил Кильмяк-абызу новую политику русских, которую они намеревались проводить по отношению к башкирам, тем не менее мы уже узнаем, что он в своем письме поставил в известность Кильмяк-абыза о новой политике русских, заключающейся в окружении Башкурдистана с юга и востока крепостями, что, осуществляя этот план, они прибегнут к самым крайним насильственным мерам.

До признания казахским ханом Абулхаиром в 1732 году верховной власти Российского престола и строительства русскими Оренбургской крепости (Орск) на месте впадения реки Орь в реку Яик русско-башкирские взаимоотношения приняли форму, когда башкиры, населяющие территории южнее линии ныне действующей железной дороги Самара – Уфа – Златоуст, были самостоятельны, а живущие севернее этой линии были более тесно связаны с Россией. Взаимоотношения осущест-

влялись посредством «послов». Такие беи как Алдар тархан и Кучум, в определенные периоды находясь в состоянии войны против России, не посещали, как вассалы, признающие верховную власть царя, ни русских губернаторов, ни даже Петербурга, не несли ответственности за такие поступки, как продажа русских пленных в Хиву и Иран, приглашение «хана» из Туркестана, совершаемые обычно в состоянии происходящей войны. В 1732 году Алдар тархан с согласия Абулхаира вместе с его послами ездил в Петербург в качестве представителя башкир. Во время правления дочерей Петра Анны и Елизаветы эта полтика в корне изменится. Для превращения Башкурдистана и Западного Казахстана в обыкновенные российские губернии было решено на севере, западе, юге и востоке Башкурдистана постепенно выстроить крепости. По этому делу в экспедицию были направлены первый в России ученый-географ Иван Кирилов, первый историк Татищев, а также посол Петра в Стамбуле Неплюев с его пропагандистом Тевкелевым во главе большого количества войск и со значительным финансовым обеспечением. Кирилов был картографом, обучавшимся на Западе морскому делу. Энергичный ученый и дипломат, издавший книги «Атлас России», «Цветущее состояние Всероссийского государства», руководил Второй научной экспедицией на Камчатку. Потомок татарских мурз Кутлумухаммет Тевкелев считался одним из любимых и надежных слуг Петра и его дочерей. Несмотря на то, что он официально не перешел в христианство, в окружении Петра его называли Алексеем Ивановичем. Так, Н. Устюгов считает, что он принял христианство²⁷³. Петр подготовил его для азиатских дел. Он в совершенстве владел казахским, киргизским и башкирским наречиями. Участвуя в походе Петра в Дербент, он достиг успеха в привлечении на сторону царя ученых кавказских мусульман. Свой известный труд по истории Дербента он преподнес Петру. Когда казахи намеревались убить его как русского лазутчика, он сумел избежать казни благодаря своему красноречию (Левшин, II, 100). Во всяком случае, Тевкелев был военным, которому Петр доверял, и он вырос до чина генерала. В Казанской губернии и вблизи Свияжска имел боль-

шие поместья с крестьянами из татар-мусульман и тептярей. Некоторые его родственники приняли христианство (Мат. Татарст. С. 268). Также купчие бумаги мурз Аксаковых, принявших христианство ради сохранения поместий, были написаны на «татарском» языке (Мат. Татарст. С. 417). Следовательно, они еще во времена казанских ханов были мурзами, владевшими поместьями. В течение всего XVIII века служили в царских войсках. Кутлумухаммет Тевкелев среди каракалпаков на день-ги царя строил «мечети», посещал пятничные намазы. Вместе с тем, во времена отъезда в Петербург исполнял обязанности генерал-губернатора Оренбурга и творил различного рода зло по отношению к мусульманам.

Татищев был экономистом и промышленником. Во многих местах построил рудники и различные заводы. Возможно, и он происходит из татар. Был губернатором Оренбургской губернии, его заменил внук ногайского мурзы Урус-бека князь Урусов, принявший христианство. Кирилов основал 21 крепость и города. Заменявший Урусова Неплюев построил около 70 крепостей. Эти масштабные дела были совершены в 1734–1758 годы, то есть более чем за 20 лет. Акай, Алдар тархан, Кильмяк-абыз и из Кучумовичей Байбулат султан подняли страну на войну. После получения Кильмяк-абызом от сына Тулекея письменного сообщения из Петербурга о новой политике российских властей, знатные люди башкирских родов Джиханкул-оглу, Ираткул-оглу, Кемат-оглу (возможно, сын Кемека) собрали курултай в «Хаджи Месжиде» (ныне деревня «Хаджи ауылы»), здесь они решили противостоять мерам русских с оружием в руках и составили план предстоящего бунта. Это движение, названное русскими «акаевщиной», то есть «бунт Акая», и среди башкир известен как «бунт Акая, сына Кусема (Кучема)». Ни об одном из башкирских восстаний до нас не дошло каких-либо записей, написанных на тюркском языке, однако о восстании Акая одна брошюра на татарском языке дошла и его краткое содержание было опубликовано на русском языке. Позже стало известно, что существует также вариант этого источника на фарси, содержащий сведения, которых нет в варианте на татарском языке. Этот источник, получивший

название «Рассказ об Акае», был написан, возможно, спустя 30 лет после восстания (в последней четверти XVIII века)²⁷⁴. Причиной возникновения восстания Акая так же, как и восстания под началом его отца Кучума, Кечмета (Кечембета, Кечмемета), было осуществление Москвой в решительной форме мер по окружению Западного Башкурдистана путем строительства все новых крепостей и укрепленных пунктов в продолжение таких, как Кунгур, Сарапул, Мензелинск. По свидетельству брошюры «Хикайет-и Акай» война вновь между Акаем и русскими началась следующим образом: Акай сам, будучи беим тамьянцев в Восточном Башкурдистане, у башкир енейского рода, живших около Мензелинска, приобрел в собственность землю и в 50 километрах от этого города создал собственное хозяйство. Подобные хозяйства у него были также в районах Ногайских, Осинских дорог (и эти хозяйства, вне всякого сомнения, были созданы в стратегических целях). Русские против него использовали группу чувашей, которых называли «казанскими чувашами». После смерти отца Акая Кечмета (здесь написано Кючюмбет), эти чувашаи осмелели. Приходя в хозяйства Акая, начали угонять его лошадей. Однажды Акай настиг этих разбойников в деревне Ураз, расположенной у реки Ирне. Один из них, убежав, привел из Мензелинска военный отряд русских. Раненый в ходе столкновения Акай был пленен русскими, это событие, став известным во всем Башкурдистане, вызвало всеобщее восстание. Башкиры Ногайской и Казанской дорог *бекетин, кипчак, тамьян, бурзян, пчкак, уран, кырчын, джури, кубавы, байлары* (то есть *баяты*), *караи (кирайеты), шураны* и три племени из *киргиз*, четыре племени из *яланцев* (то есть из Яланского племени с Восточного Урала) со всеми знатными беями, муллами и учеными, женами с детьми собрались вместе. Четырьмя беями, руководившими этим восстанием, были Уразман батыр из пчкаков, Селим батыр из тамьян, Абдуллах батыр из яланцев, известный Кильмяк-абыз из баятов. Только предводители племени канглы, владения которых были несколько в стороне, не принимали участия в этом движении. На курултае было написано и послано русскому командованию короткое письмо следующего содержания: «На-

чинаем это дело с именем Аллаха на устах. Прежде всего, не медля отпустите к нам Акая, взятого вами в плен. Во-вторых, возвращайтесь в вашу крепость Мензелинск и не выходите за ее пределы. Если вы не примете эти наши требования, мы начинаем воевать с вами». Русский командующий войсками тотчас направил ответ: «Дайте мне пройти к реке Яик (Урал), там по велению царя я буду строить крепость. Оттуда я отпущу Акая, пока пусть остается у нас». Собравшиеся беи и народ, понимая, что если русские на Яике построят крепость, они полностью окажутся в плену у русских, будут окружены со всех сторон, решили не дать ему прохода и русскому командующему ответили: «В таком случае будьте готовы к войне» и не дали русским дорогу. В состоявшемся бою многие русские были убиты, многие попали в плен. Но из-за того что прибывали все новые и новые русские войска, эта война длилась в течение года. Русские вернулись в городок Мензелинск, но Акая не освободили. На этой войне из башкир погибли тамьянский бей Селим и некоторые другие. Весной 1736 года башкирские войска устроили свою военную ставку вдоль рек Кинель, Сазлы-йылга, «Кеше кырылган». [В боях, состоявшихся в этих местах. – *И. Т.*] погибло некоторое число мусульман. Особенно у устья реки Кинель в бою у Сазлы-йылга русские с помощью своих лазутчиков напали ночью на ставку башкирских войск, вместе с войсками убивали и мирных людей. На заре женщин, собравшихся на противоположном берегу для оказания помощи своим мужьям, ведущим тяжелые бои, русские обстреляли из пушек. Женщины, утопив своих детей в реке, поспешили на поле происходящего боя, но все погибли под саблями врагов. Воспоминания, относящиеся к этим беям, были написаны по хиджре в 1150 году в тетради, сохранившейся у человека по имени Ахмет, жившего в деревне Аслыкул. Мы знаем, что эти события умерщвления себя или собственных детей женщинами в ходе ожесточенного боя наблюдались и среди древних огузов. Такое событие произошло и вблизи Самарканда в местечке под названием Катван, во время боев с каракитаями. После поражения в боях в «Кеше кырылган» подоспели башкиры (юрматинцы и башкиры, живущие по реке Ток) и дали

бой вдоль рек Дим, Ашкадар, Салмыш и в местечке под названием Кумертау. Однако они столкнулись с полками русских, направленных для строительства крепости Оренбург, и вновь потерпели поражение. Народ пришел к выводу, что не сможет жить на родине, и пожелал откочевать на другой берег Яика, в Казахстан и Хиву. Однако русские среди племени Алим-оглу и туркменов распространили слух, что «башкиры идут, чтобы отнять у вас земли», и побудили их напасть на башкир, которые пытались найти у них защиту. Эти туркмены позже вместе с калмыками переселились на Северный Кавказ, и предки этих туркмен, ныне живут в Ставропольской губернии. В этих войнах больше всех понесли потери роды *тамьян*, *кипчак* и *юрматы*. В этот период упоминаются из кипчаков потомки Емека тарханы Абылай и Мелентей. Потомки Емека (Емековы, Имаковы) среди южных и юго-восточных башкир представляли известные знатные семьи, и они являлись частью сохранившихся башкир знатного рода Емек, много раз упоминаемого в древней истории.

Тамьянцы были признаны самыми смелыми и решительными воинами. У башкир сохранилась даже поговорка «Если речь о войне, то об этом спроси у тамьянцев, если интересуешься скандалами (то есть спорами и руганью), узнай у сарайлы». Слово «тамьян» происходит от слова «тама»²⁷⁵. А «сарайлы» означает «городской житель из города «Сарай». Жены тамьянцев, для того чтобы влиться в ряды мужей, оставшихся на противоположном берегу Сазлы-йылга, утопив детей в реке, вплавь переправились через реку, включились в бой. События на Сазлы-йылга и «Кеше-кырылган» были бессмертными примерами любви к родине и жертвенности башкир. После этих боев русские казнили Акай-бея в Мензелинске. По другому преданию, его привезли в Петербург и там казнили. Такая жестокость боев, состоявшихся в «Кеше-кырылган», Сазлы-йылга и устье Демы, объясняется несколькими причинами: прежде всего тем, что русские не отдали башкирам любимого народом Акая, во-вторых, намерение поселить калмыков, перешедших в христианство, на земли башкир, принявших участие в этих восстаниях, и, наконец, в третьих, решение по реке Яик,

от устья Тозтюбы, строить укрепленные пункты, чтобы окружить местность. У калмыков-буддистов не было твердости духа, внутренней духовной опоры, чтобы противостоять русской экспансии. Брат Аюки-хана Догар тайша со своим внуком и со всеми приближенными приняли христианство. Этот последний калмыцкий принц принял имя «Петр тайши», а его супруга – имя Елены. Калмыки, ставшие врагами башкир, имели большое влияние на русских. Все эти калмыки, перешедшие в христианство, должны были быть размещены вдоль рек Кинель, Сок, Ток, Кундруча и Ык, то есть на землях, где разворачивались упомянутые бои²⁷⁶. Войска калмыков-христиан воевали против башкир вместе с русскими войсками. Если бы это дело имело успех, то страна казахов-мусульман была бы отделена от страны башкир-мусульман с помощью этого фанатичного народа. Все принявшие христианство калмыки, построив свои деревни, должны были поселиться на этих землях. Единственный результат, чего достигли башкиры в итоге этих войн, – это то, что они испугали калмыков, вынудили правительство отказаться от мысли поселить в Башкурдистане калмыков-христиан, сумели смягчить русских. Эта страна, которая должна была превратиться в территорию многочисленных и безжалостных христиан, осталась в руках башкир и она составила позже Ток-Чуранский кантон Башкурдистана. Одним из удручающих моментов в этой большой войне было то, что в ходе боев у Мензелинска и в местечке «Кеше-кырылган» группа из казанских татар, особенно человек по имени Курманай и уржумские черемисы оказали помощь русским. Они ночью в качестве путеводителей, указывая русским дорогу, позволили им неожиданно напасть на ставку башкир²⁷⁷. Возможно, это были лазутчики Тевкелева. О переселении калмыков, о местах их расселения писал Рычков²⁷⁸, а о том, что Тевкелев взял на себя роль безжалостного слуги русского колонизаторства – Абдулла Батгал Таймас²⁸⁰. Из современных казанских историков С. Бекбулатов²⁸¹ и профессор Газиз Губайдуллин (Азиз Убейдуллах)²⁸², оценив роль этого типа людей, и особенно предводителей восстания Батырши муллы, о котором речь будет впереди, как борьбу «буржуазного класса», возложили

на них чрезмерные обязанности. Однако на самом деле этот «пацифистский», «миролюбивый» круг людей, доказывавший еще в период самостоятельности Казанского ханства, что противостояние против русских бессмысленно, показали свою сущность.

Предки таких людей, как Тевкелев и Курманай, возможно, служили еще Ивану Грозному. Об этом же свидетельствует и то, что когда этот царь готовился к завоеванию Казани, основные владения семьи Тевкелевых находились вблизи города Свияжск, и крестьяне из татар-мусульман данных поместий их не любили и взбунтовались против них (Мат. Татарст. С. 416.). А из татар, оставшихся верными Родине, – муллу Батыршу мы видим во главе большого восстания.

Я слышал, что памятники боев в «Кеше-кырылган» продолжали существовать в виде надгробных камней, относящихся к 1148 году по хиджре.

Здесь необходимо завершить написанное нами о происхождении и личности Акая и Алдара. Отец Кечмета Тулекей принадлежал тамьянскому знатному роду. Его называли также «Улу-агай». Это слово, вероятно, означает «Улу Акай». Имя его сына «Кучум» по-башкирски произносится «Кусем», в «Рассказе об Акае» на фарси это имя написано «Кечметет». В русских документах известен и в форме «Кечмет». Сущность всех вариантов восходит к «Кече Мухаммет», в то же время и к имени этого человека приставлено слово «акай». У его сына Акая какое-либо другое имя не упоминается. Хотя в русском документе Акай был назван «татаринном», это означало, что он был туркменским татаринном, подданным древнего Кучум-хана, и беем (старшиной) тамьянского рода. Кажется, слово «акай» для всех троих является формой обращения. У узбекских ханов наряду с названием «Аталык» также было название «Агалык» и их называли «акай»²⁸³. Алдар тархан вместе с такими, как Уракай-бей, все время ездили к потомкам Кучема к Аральскому морю и приглашали их в Восточный Башкурдистан. Вместе с Акаем они занимались тем, что стремились стать беями всего Башкурдистана, включая Казанскую, Ногайскую

и Осинскую дороги. Имя Акай дано согласно шаманским традициям. Он является потомком бурзянских родовых тарханов, предки которых служили еще древним ханам. Его родословная показана в ярлыке от 22.1734 года, выданном ему русской царицей в подтверждение его тарханства и по решению русского правительства, где написано, что его отцом был Кадырбек, дедом – Бабахты. Этот Бабахты был беем, жившим в XVI веке во времена старых ханов. Алдар был самым искренним сторонником потомков Кучума и казахских ханов. В 1649 году после официального признания юрматинским родом русского подданства как Западный Башкурдистан, так и Центральный Башкурдистан вошли в состав России. Восточные башкирские роды, хотя и оставались верны потомкам Кучума, российские правители и из числа их беев набирали войска, поэтому и этот Алдар несколько раз служил в русской армии. Вместе с тем он не признавал русского владычества, их вмешательства во внутренние дела башкир, в этом отношении оставался верен ханам. В 1740 году из-за преклонного возраста он оставался в стороне от восстания Карасакала, тем не менее русским командующим Самойловым вместе с другими известными предводителями башкир был приведен в Мензелинск и там казнен. И Акай, несмотря на то, что в конце жизни вел по отношению к русским лояльную политику, 4 года спустя после Алдара был взят в плен и казнен. Как Кучум, так и Алдар для распространения в стране ислама и грамотности приводили из Дагестана, Хивы и Бухары ученых людей.

В 1708 году Кучум батыр (то есть Кучмет) расширил свою деятельность. Он по реке Ик Ногайской дороги, в стране Юрматы, вблизи Мензелинска по Казанской дороге у енейских башкир приобрел земли, может быть, эти земли ему были подарены и занял положение среди влиятельных людей данных мест. Его целью было стать земляком жителей многих местностей Башкурдистана. Между тем его настоящей родиной был Тамьянский улус Сибирской дороги. В 1708 году он, пройдя из Западной Сибири через Тюмень, запад Урала, напал на Кунгур в Пермской губернии и рассеял его русское население

по берегам Камы. Со стороны Пьяного Бора они перешли на сторону Казани и с 2 000 башкир, находившимися в их распоряжении, окружили городок. Его сподвижник Исмаил мулла с Ногайской дороги с 3 000 башкир также пытался захватить этот городок. Часть населения тамьянского племени переселил в окрестности Мензелинска Казанской дороги и образовал там круг населения, на который он мог положиться. Кечмет батыр иногда вместе с Алдаром, иногда независимо от него выезжал в Каракалпакию к потомкам Кучума и приводил их в Башкурдистан. Ввиду того, что Алдар тархан и Акай Кучумоглу ради одной и той же цели многие годы вели дела совместно, русские источники, иногда объясняя их восстание под названием «бунт Алдара-Кучума», объединяло их движение как дело одного и того же человека (Мат. Татарст. С. 386). В действительности же дороги, по которым они шли, имели некоторые различия. В 1709 году приглашенному Алдаром из Каракалпакии Ырыс-Мухаммету Кечмет время от времени был как противником, так и сторонником. Он в одном из своих писем казанскому генерал-губернатору Апраксину писал: «С ханами и султанами никаких дел не имею. А Алдар никто иной, как разбойник». Написал также, что он сам и его подданные – башкиры Осинской, Сибирской и Казанской дорог – готовы подчиниться русскому царю (Мат. Башкортост. Ч. I. С. 42). Несмотря на подобные заявления, он оставался верен своей политике самостоятельности. Во всяком случае, написанное им Апраксину представляло собой некое тактическое движение: так как, с одной стороны, написал письмо губернатору, а с другой стороны, захватил близкий к Казани городок Пьяный Бор и Трисвятское и разрушил их. В восстаниях, происходивших под предводительством Кечмета, Алдара и Кильмяк-абыза в 1735–1737 годы, башкиры показали удивительное упорство и самостоятельность. Все это может быть охарактеризовано событиями, происходившими в ходе движения Кирилова и командовавшим войсками Румянцева из Уфы на Южный Урал к месту поворота Яика на запад и впадения реки Орь в него, где предполагалось строительство крепости. Башкирские беи

заранее знали, по какой дороге будут двигаться русские, и согласно этому предпринимали свои меры. Кильмяк-абыз был человеком ученым и не из робкого числа. И он, как и Алдар Кечмет и Акай, пригласил казахских и каракалпакских ханов для того, чтобы они возглавили восстание. Кильмяк-абыз пригласил казахского хана Шимеке-хана и Мурат султана, сына Дусея, в Башкурдистан, чтобы они стали ханами. А Мурат султан – родственник упомянутого Мурат султана, свою деятельность начал 30–40 лет спустя. Это сын султана Дусея, старшего брата Байбулата (Карасакала), о котором речь будет впереди. Этот человек всегда упоминается вместе с Ишим султаном, который также был братом Дусей султана. На самом деле Шимеке-хан, оказав помощь Мурат султану войсками, послал его вместе с Алдар тарханом в Башкурдистан. Когда командовавший русскими войсками Румянцев с большим числом войск сопровождал Кирилова, чтобы переправить его через реку Орь, Кильмяк-абыз с Мурат султаном во главе с 8 000 войском дали бой вблизи Стерлитамака у горы Туратау (Мат. Башкортост. Ч. I. С. 334). Мурат султану полностью повиновались башкиры всех «семи улусов (волостей)», являвшихся тогда их основными территориально-управленческими единицами. Когда Мурат султан находился в Башкурдистане, прибыл также некий «турецкий посол». О нем русские коротко сообщают как о «представителе» (Мат. Башкортост. Ч. I. С. 323). Военские части Румянцева понесли большие потери, но Кирилов сумел продолжить свой путь. 15 августа он прибыл на место, где ныне находится город Орск, начал строительство и крепость назвал по-немецки «Оренбургом», то есть «Орская крепость». Таким образом, Кирилов сумел установить связь между возведенными крепостями. И Мурат султан, потерпев неудачу в своих попытках остановить продвижение русских, был вынужден вернуться в Каракалпакию. Этот Мурат султан, который вел активную деятельность как в 1722 году, так и в 1747 году, был чрезвычайно энергичной личностью. Побывав в Джунгарии, а также у калмыков в Поволжье, он пытался достичь единства между Крымом и Хорезмом. Ханы Среднего

Жуза Абульмамбет и Барак-хан были его близкими друзьями, а принявший русское подданство Абулхаир – врагом. Абулхаир однажды организовал нападение на его улус. Кильмяк-абыз самоотверженно нападал на русские крепости и некоторые из них разрушал. По отношению к восставшим русские проявили никем досель не виданную и нигде не слыханную жестокость. Русские командующие Останков и Кирилов, воевавшие на Ногайской дороге, подвергли казни 600 мужчин и женщин, плененных ими в деревнях между реками Яик и Сакмар. Башкир из кипчакского и юрматинского родов, взятых в плен в крепостях под названием Сакмарск, построенных в том же году, посадили на копья. Также подчиненный Кирилову генерал Соймонов башкирам, попавшим в его руки, отрезал руки, ноги, языки и губы как разбойникам. В это время в Уфе в услужении у Кирилова был один из татарских мурз Кутлумухаммет Тевкелев (то есть потомок Тевкеля). Петр I находившихся у себя на службе татарских мурз, не желавших креститься, снимал с должностей и отнимал поместья. Однако Тевкелев, который вместе с мусульманским именем Кутлумухаммет, носил и русское имя Алексей, оставаясь мусульманином, прилагал немало усилий, претворяя в жизнь меры русских, направленные против мусульман, поэтому поместья остались в его собственности, а сам он был возведен в чин полковника. Он и перед наследниками Петра сохранил свое влияние: был произведен в генералы. Из-за зла, причиненного им по отношению к собственному народу, об этом мурзе А. Баттал сказал: «Нет числа вредным делам, сотворенным нашим домам и нашей родине этим предателем и чудовищем ради богатств и чинов. Имя этого человека достойно быть высечено на черном камне нашей истории рядом с именем пособника русских, продажного казанского хана Али-шаха». Кутлумухаммет Тевкелев был известен и среди киргиз-казахских ханов своим богатством, значимостью и влиянием среди русских. Побудивший Абулхаир-хана, оказавшегося под калмыкским давлением с востока, к принятию российского подданства и убедивший его в принятии этого подданства также был этот Кутлумухаммет мурза Тевкелев. Этот

мурза и в принуждении башкир к окончательному и полному подчинению русским проявлял большое старание. Его сферой «подавления» восстания были башкирские улусы Сибирской дороги. На территориях Дуванского и Аргаяшского (ныне) кантонов он разрушил и сжег около 50 башкирских деревень. Башкирскую деревню под названием Суянтуш поджег ночью, из 1 000 жителей деревни большинство убил. Из них 105 человек запер в амбаре и велел их сжечь заживо. И в подавлении восстания башкир Казанской дороги русские проявили чрезвычайную жестокость. Около 500 бунтующих башкир генералом Румянцевым были казнены в Мензелинске.

Восстание длилось два года. Крепости, построенные между Уфой и Оренбургом, то разрушались, то вновь отстраивались. Один из приближенных Петра I Кирилов хорошо понимал идеи русского империализма. В 1735 году в ходе своей большой экспедиции задержал купцов, прибывающих из Ташкента в Башкурдистан, и собрал сведения о путях, ведущих через Ташкент в Индию. Точно так же он получал информацию у купцов, прибывающих из Ташкента в Астрахань. В рапорте, отправленном царице 23 июня упомянутого 1735 года, Кирилов пишет: «Великая государыня матушка, будь уверена, мы подавим башкир. Мы завоюем Арал и Ташкент. Сегодня мы в некоторой мере понесли жертвы, но богатая Бухара, Самарканд, Бадахшан будут принадлежать нам. Башкиры даже безоружные не боятся. Их не успокоить только резней и вешанием. Против них надобно использовать калмыков и испортить их взаимоотношения с кайсаками, то есть с казах-киргизами. Башкиры, даже будучи безоружными, не боятся нас, ясак не платят и не идут в военную службу²⁸⁴. Их нельзя замирить лишь вешанием и казнью. Для того чтобы их подчинить, всюду нужно содержать воинские отряды²⁸⁵. Нынешнее состояние Башкурдистана следующее: 1. Башкирские тарханы нам ясак не платят, но воинскую службу несут. Однако они свою воинскую службу используют, чтобы поднимать против нас бунт. Следует упразднить это тарханство. 2. Мещеряки со «служилыми тарханами» несут службу в Уфе. Но у них нет собственной земли. Проживают на землях башкир и платят им

налог. Они верны нам. 3. Есть тептяри и бобыли, то есть беглецы из других губерний из числа татар, чувашей, черемисов и вотяк. И они поселились на башкирских землях, и платят им. 4. Есть также недавно окрестившиеся «ясачные татары». Всего 300 дворов. В действительности они верны нам. Башкирские лазутчики везде бывают»²⁸⁶. В том же году в декабре Кирилов и граф Румянцев в рапорте, написанном царице, сообщили: «Если не воспрепятствовать им (башкирам) размножаться за счет многоженства и не помешать связям с киргиз-казахами, они будут представлять большую опасность в будущем. Они будут представлять большую опасность в особенности в те времена, когда мы будем вести войны с другими государствами и с их единоверцами – с Турцией. Если среди них появится такой умный и деятельный предводитель, как Стенька Разин, эта опасность возрастет еще больше. Если предпринимаемые ныне меры не дадут каких-либо результатов, то это среди народов Юго-Восточной Азии будет воспринято как наша слабость. Так как башкиры из-за того, что принимают у себя и беглых (татар), склонны выдавать себя народам Юго-Восточной Азии не за подданных России, а как самостоятельный народ, способный принять под свою защиту других. Если башкиры будут полностью подчинены нашей воле, то и соседние с ними народы примут наше подданство, во всяком случае, учитывая опыт башкир, не будут выступать против нас. Для этого первым условием является строительство крепости под названием Оренбург (на реке Яик)».

Восстание в марте-апреле 1736 года среди башкир Ногайской и Казанской дорог обострилось до крайней степени. Русские, напав большими силами на башкир Осинской и Сибирской дорог, уничтожив до 2 000 отборных войск, сумели предотвратить объединение с башкирами Ногайской и Казанской дорог. Соловьев пишет: «В марте Кирилов воевал против бунтовщиков вдоль рек Ак-Идель, Уршак, Нугуш, Тур и Селевек. Там он сжег до 200 деревень, 4 000 домов. Он разрушил деревню Хаджи Месжиди, которая была центром всех восстаний, местом сбора башкирских родов, где они обычно приносили клятву с целованием Корана, здесь он казнил 158 человек.

В бою здесь погибло до 700 башкир, 160 попали в плен, 99 человек были отправлены на каторгу к Балтийскому морю»²⁸⁷. Румянцев и против башкир, живших по реке Дема, вел беспощадную войну. И Тевкелев проявил такую же жестокость в подавлении башкир Осинской и Сибирской дорог. Майор Останков, подавлявший башкир по реке Сакмар, со своими войсками сжег там деревни. 29 июня Кильмяк объединил башкир Ногайской и Сибирской дорог и начал воевать с Румянцевым. В тот день русские войска потеряли 150 человек. Российские правители в качестве важной меры в подавлении башкир привлекли калмыков. Румянцев в этой связи в Петербург написал следующее: «Если мы в этой войне с башкирами будем настойчивы и разгромим их, то сумеем наладить торговые дела с народами Южной Азии. Сможем освободить пленных христиан в мусульманских странах Хивы, Бухары, Балха и Бадахшана. После этого татарские племена, живущие по реке Яик (то есть башкиры и киргизы), не смогут пленить и продавать (в Среднюю Азию) их. На расстоянии от Башкурдистана до Аральского озера (в Казахстане) следует построить до 45 крепостей и городов. Нужно создать на Аральском озере русский флот. Воспользовавшись помощью казах-киргизов, подчинившихся нам, нужно все это сделать»²⁸⁸. В начале 1737 года Кирилову, Хрущеву и Татищеву поступил приказ от кабинета (то есть от главного министра в Петербурге): «Если бунт башкир будет подавлен, необходимо найти средства для уменьшения численности их населения. Нужно уничтожить их путем привлечения к воинской службе». В этих последних боях были схвачены военные предводители потерпевших поражение башкир Кильмяк-абыз, сын Кучума Акай и его сын Юсуф, сын Токтара Гумер, бей по имени Салан. Кильмяк-абыз, приведенный в Мензелинск, в ходе допроса дал и некоторые сведения о своей биографии. Он ездил к Аралу и к казахским, и каракалпакским ханам и приводил хана из их числа. Кроме того, согласно его собственным объяснениям, он был в дружеских отношениях и с крымскими ханами, в 1705 и 1711 годы ездил также и в Крым²⁸⁹.

Это восстание длилось два года. В течение этих двух лет крепости, построенные русскими между Уфой и Оренбургом то разрушались, то восстанавливались. Наконец, в начале 1737 года русские войска добились преимущества. В Табынском улусе, в боях на месте, где ныне расположен Табынск, в феврале 1737 года башкиры не смогли противостоять русским, которые численно и по вооружению намного их превосходили. Из предводителей восстания Кильмяк-абыз, и немного позже сын Акая Юсуф-ага были ранены и попали в плен. Русские их долгое время держали в Уфимской тюрьме, и, пользуясь их безграничным влиянием среди народа, надеялись утихомирить бунтующих. Наконец, Кильмяк и Юсуф в Петербурге были казнены.

После подавления основных сил восставших русские во всех местах приступили к наказанию башкир. Они принимали чрезвычайные меры к тому, чтобы довести их до того состояния, когда они будут уже не в силах поднимать новые бунты. Очень много скотины и табунов лошадей были отняты, многие деревни были сожжены. Тысячи безоружных башкир были отправлены к берегам Балтийского моря на каторжные работы. Некоторые башкиры, не выдержав истязаний, сами покончили с собой. Предводители, которых должны были схватить, предпочли умереть, повесившись на деревьях. Так же, как это делали в наше время русские большевики, царская Россия свое движение по подавлению восстания выдавала за политику «освобождения». Предлагая казахским ханам Западного Казахстана принять зависимость России, генерал Тевкелев всегда вел речь «об освобождении казахов от калмыцкого нашествия». И в то же время посланный Петром в 1719 году посол Иван Чередов и – в 1722 году Барабаш Унковский калмыкскому хану Сивен Рабтану, теснившему со своими калмыками казах с востока, «предложил» принять подданство России якобы для их защиты от китайцев. Теперь в ходе восстаний в Башкурдистане они использовали ту же политику. Ввиду того что в Башкурдистане издревле, со времен правления ханов, башкиры были владельцами и хозяевами, нашедшие на их землях пристанище мещеряки и татары жили на их землях за арендную плату. К тому

же среди них были, как упоминалось выше, тептяре и бобыли. Тептяре, как это было у ильханидов и османцев, представляли собой крестьян, записанных в особые тетради. А бобыли были напрямую в услужении башкир, большинство из них произошли из финно-угорских племен. Якобы русские отныне их «освободят» и, если они объединятся с враждебными башкирам русскими, они будут освобождены от обязанностей платить башкирам за занимаемые ими земли. Русские этой своей пропагандой достигли успеха. В 1736 году императрица Анна Иоанновна издала указ, в котором объявила, что она освобождает эти народы от уплаты налогов башкирам, что занимаемые ими земли отныне принадлежат им самим. С другой стороны, она объявила также, что упраздняются привилегии башкирских тарханов, которые составляли знатные роды со времен правления ханов. В другом указе, обнародованном в том же 1737 году, она перевела башкир в сословие «ясачных», освободила живущих на землях башкир мещеряков, тептярей, и бобылей от уплаты башкирам поземельных платежей, а им самим под угрозой смертной казни запретила изготовление оружия и кузнечное дело. Так же было принято решение – башкирам Ногайской, Сибирской, Казанской и Осинской дорог назначить в качестве религиозного руководителя лишь по одному ахуну, им была вменена в обязанность испрашивать специального разрешения для открытия медресе и строительства мечети у правящего от царского имени генерал-губернатора. Ахунам было строжайше запрещено вести пропаганду в пользу ислама, о чем они должны были дать клятву. Также было решено без особого разрешения казанского генерал-губернатора запретить башкирам брать в жены татарских девушек (чтобы пресечь их политическое влияние на казанских татар), то есть запрещались между ними тесные взаимоотношения. А за разрешенные женитьбы между ними полагалось взимать большие налоги²⁹⁰. Ввиду того что в этих восстаниях казахи участвовали вместе с башкирами, русские в своей политике более позднего времени осуществляли меры по расстройству взаимоотношений между казахами и башкирами. Система управления башкир, до этого времени сохранившая самостоятельность, была изме-

нена и они были подчинены русскому воинскому управлению. Хотя и были рассеяны бунтующие башкирские воинские силы, однако отдельные группы во всех местах продолжали нападать по ночам на русские отряды. В 1737 году восточные башкиры считали себя подданными казахского и каракалпакского Каип-хана. Этот Каип-хан не был великим «Каип-Мухаммет-ханом» (Эр Каип) отцом Батыр-хана, а был сыном Батыр-хана Каип султаном. Переписывавшийся с Ахметом III великий Каип-хан умер в 1729 году, будучи хивинским ханом²⁹¹. Национальный курултай башкир, называемый «йыйын», все еще существовал. Царица Анна 9 июля 1737 года в своем указе запретила собрание этих «йыйынов». Тем самым был положен конец самостоятельности Башкурдистана.

§ 32. Движение Карасакала-Бейбулата

Несмотря на все эти варварские меры, борьба башкир за самостоятельность не прекратилась. Русские, воспользовавшись Турецко-Иранской войной, в 1736 году захватили крепость Азов. Маршал Миних, войдя в Крым, завоевал Бахчисарай, разрушил город и сжег. Крымский хан выгнал русских из своего государства. В этой связи среди восточных тюрков распространяется пропаганда против русских. Соловьев пишет: «В 1738 году беспокойные башкиры вновь пришли в движение и сожгли деревни верных России мусульман. Правительство из Петербурга отправило Татищеву распоряжение. Правительство Турции послало киргиз-казахам послов и обратило внимание на казанских татар, повсюду занимающихся торговлей. И вы обращайтесь на это внимание». Татищев ответил: «Эти послы поехали через Астрахань и Яик и письма свои могли направить посредством казанских и уфимских татар. Татары поселились также на Дону среди казаков, занимаются торговлей, их невозможно контролировать»²⁹³. Также Соловьев пишет следующее: «Башкиры, зная, что одни не смогут одолеть русских, обратились к казахскому хану Абулхаир-хану и признали его своим предводителем. Абулхаир обрадовался этому и же-

нился на башкирской девушке. Он начал свое движение против России и, приблизившись к Оренбургу (Орская крепость), собрал вокруг себя бунтующих башкир и наказал тех, кто подчинился русским. Командующий Оренбургской крепостью майор Останков послал хану человека и велел предложить ему не слушать слова бунтовщиков и не наказывать людей, верных России. Абулхаир рассердился, вынул из ножен саблю и, размахивая ею, сказал: «Этот город принадлежит мне, и он построен для меня. Если кто-то с этим не согласится, отрублю ему голову». 9 мая Татищев вновь написал императрице: «Мои надежды на то, что мы сумеем подчинить себе башкир, оказались напрасными. Их представители Кусеп и Ахмет мулла вместе с четырьмя людьми, находившимися у Абулхаира в качестве послов, схвачены (командующим Орской крепости) Останковым. Башкиры в состоянии бунта». Восстание, о котором Татищев сообщает императрице, – движение, вспыхнувшее под предводительством лидера по имени Карасакал.

Оренбург стал отдельной областью и ей были приданы права губернии с назначением во главе генерала в качестве «начальника экспедиции». 17 июня 1739 года на эту должность был определен крайне жестокий и беспощадный русский князь Василий Урусов. Этот генерал произошел от рода Урус мурзы, знатного бея ногаев, правивших в Южном Башкурдистане в XVI веке. Насколько его дед, будучи врагом русских, совместно с сибирскими и бухарскими ханами, проводил активную политику против русских, Василий Урусов, потомок одного из его сыновей, принявших христианство и служивших русским, совершил столь же фанатичные действия в пользу русских, что оставил в тени дела своего предка, действовавшего в пользу мусульманства. Оренбургскую крепость он переместил из устья реки Орь в устье реки Сакмар. После этого городок, ранее основанный здесь, отныне стал по-русски называться «Орск». А казахские тюрки этот город называли «Тал кала» (то есть Ивовый город). Князю Урусову было поручено между этим новым Оренбургом и Орском, между Орском и крепостью, называемой Верхнеяицк (императрица Екатерина II позже ее переименовала в Верхнеуральск),

построить различные крепости, также возвести по рекам Уй и Тобол несколько крепостей и укрепленных пунктов, этим путем окончательно отрезать пути сообщения между башкирами и киргиз-казахами. Он должен был осуществить все эти меры вопреки всем попыткам сопротивления башкир.

Урусову в ходе управления Башкурдистаном было поручено проводить политику чрезвычайной русификации. При определении беев, обязанных руководить башкирскими улусами, было запрещено на эту должность назначать потомков из старинных беев. Отныне на эту должность будут определены и утверждены только те, кто соответствует требованиям российского правительства²⁹⁴. Урусов для демонстрации силы правительства России объявил, что он 20 августа 1739 года соберет известных людей башкир и перед их глазами устроит казнь ранее прощенных предводителей, в том числе Джиханкула, Уразая и Юлдаш муллу. Генерал Соймонов под видом поиска бунтовщиков среди башкир заставил совершить среди населения особенно много зла. Так, схватив старого тархана Алдара, казнил его в Мензелинске. Наконец, в марте 1740 года под предводительством Карасакала началось большое восстание. Русские историки не смогли выяснить, кем же был этот Карасакал. Причина этого заключается в том, что они пользовались лишь собственными источниками. Вместе с тем можно выяснить, кем был этот человек на самом деле, из истории Бабаджана Мангыта и из шежере башкир и каракалпаков. Этот человек был одним из последних принцев каракалпакских племен. Имя его – Бай-булат (или Бейбулат). Он был сыном Хасан султана бин-Ишим Чювека – внука Давлет-Гирея, сыгравшего важную роль после Кучума. И его брат Ишим султан известен как каракалпакский хан. Этот Карасакал воспитывался у матери сына Ишим султана – Шайбак султана по имени Айша ханум. Позже Карасакал стал известен также как Гирей султан. Ввиду того, что отец Бейбулата Хасан султан, который в одно время был валием Ургенча, долгое время оставался в ставке калмыцких ханов (возможно, в качестве аманата), Бейбулат с малых лет калмыцкий язык знал так же, как родной, и на этой основе присваивал себе титул калмыцкого принца. Исламским наукам

обучался с детства, позже ездил в Дагестан, Крым, Стамбул и во время возвращения оттуда оставался у кубанских ногаев. В качестве «абыза», то есть «хафиза», приехал в Башкурдистан и, встретив башкир «Сибирской дороги», объяснил, кем он является. Позже под именем «Минлегул» переехал к башкирам Ногайской дороги и вновь вернулся к башкирам Сибирской дороги и, установив связи с казахскими ханами Среднего Жуза, занялся подготовкой восстания против русских. Соловьев об этом человеке написал следующее: «Князь Урусов в марте 1740 года сообщал: “Среди башкир Сибирской дороги появился один предводитель. По одним рассказам, якобы он турок (то есть из Турции), по другим рассказам, он – кубанский Гирей султан (то есть принц из рода крымских ханов на Кубани), прозвище – Карасакал. Он объявил, что его войска состоят из 8 200 человек. Жил вдоль реки Кубань (на Северном Кавказе), но его прежняя настоящая родина – Башкурдистан. Ныне он хочет освободить свою родину от русских. Узнав о том, что его родина захвачена русскими, с войском в 8 000 человек из ногаев (то есть с ногаями и другими кубанскими мусульманами), 2 000 калмык и с 500 киргиз, прибыл в Башкурдистан. Эти войска он оставил у реки Джим (ныне Эмба), а сам прибыл к башкирам Сибирской дороги и башкиры объявили его ханом”»²⁹⁵.

В апреле губернатор Урусов пишет следующее: «Войсковые части, отправленные нами против «Карасакала», ничего сделать не смогли. Он же напротив все больше усиливается. Из башкирских бунтовщиков мы смогли схватить одного их предводителя по имени Алан Джиханкул. Он рассказал, что Карасакал не является кубанцем, а из башкир Ногайской дороги, имеет дом, мать, жену и дети находятся там же». А в июне тот же Урусов пишет: «Карасакал, увидев объединенные русские силы, чтобы предотвратить полного разгрома башкир, отступил в степи с противоположной стороны реки Яик. Полковник Павлутский преследовал его до реки Тобол и подверг его поражению. Однако все еще продолжали преследовать их дальше и подвергать наказанию. Сам Карасакал ныне среди киргизов. Сейчас из его сторонников-башкир казнены 432 че-

ловека. Ныне, казнив 170 человек, 1 862 человека взяли в плен, 1 735 человек отправили на каторгу к берегам Балтики, сожгли 107 башкирских деревень».

Карасакал ханами Среднего Жуза Абылаем и Бараком был хорошо встречен. Казахи и алтайские тюрки знали его как Шуна батыра. Казахи называли его «Кара-хан». Его очень почитали из казахских беев Среднего Жуза Найман Кабакбай батыр, и Казбек-бей из племени аргун-каракисек и отдали в его распоряжение до 2 000 войск из рода кирей-найман. Это число, включая и членов их семей, достигло достаточно большого количества. Одно из ответвлений племени найман, способное выставить до 2 000 войск, было отдано в распоряжение Карасакала в виде «арпалыка». В это время калмыцкий хан Галдан Церен и русские занимались расстройством взаимоотношений между Карасакалом и Барак-ханом и, в конечном счете, добились успеха. Карасакал со своими ближними отъехал к упомянутому выше Казбек-бею, предводителю племени каракисек, подчиненному Абылай-хану. В рапорте, поступившем 30 июня 1749 года сибирскому губернатору, сообщалось, что за 2 месяца до прихода рапорта, то есть в апреле, он умер естественной смертью, находясь рядом с Казбек-беем²⁹⁶.

Казахи и алтайцы считали Карасакала сыном калмыцкого хана Контайши и братом Галдан-Церена. Его брат Барчи, ослепленный Галдан-Цереном, прибыл к нему и после смерти старшего брата остался жить среди племен, принадлежавших Карасакалу. По преданиям казахов и алтайских (Телевутских) тюрков, Шуна из-за интриг своего брата Галдана Церена подвергался преследованиям своего отца Контайши, сбежал к каракалпакам и казахам и позже прибыл к знаменитому Аюке, к хану Западной Калмыкии, который ему был зятем. Позже покровительствовавший ему Найман Кабакбай батыр находился у него в окружении. Против этого принца, бывшего очень красивым внешне и человеком великого мужества, ставшего любимцем народа, плелись интриги и в окружении Аюки. Он был вынужден убежать и оттуда. Согласно алтайским преданиям, он приезжал и в Москву. По рассказам казахов, из-за того, что Аюка мог его убить, он вместе с Кабакбай батыром прибыл на Кубань, а оттуда уехал в Турцию и там перестал разгова-

ривать по-калмыцки. Позже, посетив Москву, оттуда приехал в Башкурдистан и 12 лет жил у башкир Ногайской дороги в Юрматинском и Каратабынском улусах. Захваченный в плен башкир Джиханкул-оглу объяснял, что Карасакал – башкир из Ногайской дороги, выдавал себя за «кубанского султан Гирея», то есть за одного из султанов из числа Гиреев из Кубани. Также и башкир по имени Туркен, отправленный русскими в 1745 году в Казахстан к Барак-хану, видел там Карасакала и в рапорте, отправленном 16 июня 1745 года губернатору Сибири, объяснил, что Карасакал знает калмыцкий язык, и лицо у него калмыцкое, говорит на чистом башкирском наречии, рассказал о приезде к нему для встречи из Джунгарии принца Барчи с беом по имени Бак-Кашка, однако, слепой Барчи спросил у Туркена о личности Карасакала, на что Туркен ответил уклончиво, сказав «своего брата ты знаешь лучше, чем я». В 1746 году джунгарские калмыки обратились к российскому правительству с просьбой «Если Шуна находится в вашей стране, то пришлите его к нам». Человека, которого другие называли «Шуна», казахи называли Карасакал. Этот человек и на Сибирскую дорогу башкир приезжал в течение 12 лет, и был признан народом как султан Гирей, прибывший из Кубани, и как в Казахстане, так и среди башкир считался произошедшим от кубанских султанов. Только казахи его считали произошедшим от рода калмыцких ханов. Известно, что широкое распространение у башкир имени «Султангирей» получило как имя этого Карасакала, так же, как среди нас распространилось ныне имя Энвер. В последнее время были опубликованы сохранившиеся в русских архивах разъяснения Джафера Юлдаш-оглу, находившегося в окружении Карасакала во всех его походах и во время жизни в Казахстане и позже возвратившегося в Башкурдистан. По его сообщениям, Карасакал называл себя то Султангиреем, или у юрматинских башкир Минлегулом, или по-калмыцки Шуна, но все эти выдуманные имена служили ему для сокрытия его личности. Карасакал-Бейбулат был дядей султанов аральских каракалпаков Каип- и Шайбак-ханов. Это знали все казахские султаны, но для того, чтобы не навредить своим взаимоотношениям с русскими, скрывали. Этот Бейбулат и его брат Ишим были сыновьями Хасан-хана, некоторое

время правившего в Хиве. Хасан-хан уехал из Хивы и прибыл к калмыцкому хану (Аюке) и оставался там вместе с сыновьями. Позже каракалпаки попросили Хасана отпустить к ним сына Ишима, чтобы объявить его ханом, а Бейбулат предпочел остаться у калмыков. Наконец, в 1738 году прибыл в Башкурдистан и, прожив на Ногайской дороге, встал во главе здешнего восстания²⁹⁸. Мать Бейбулата Айше, жившая у калмыков вместе с сыном его брата Ишима, сказав, «наш Бейбулат жив», велела принести жертву в честь Аллаха и устроила праздник. Согласно этим объяснениям, нет никаких сомнений в том, что Карасакал был султаном Байбулатом. Видные башкиры, разумеется, знали, что он – каракалпакский султан, но считали более полезным выдавать его за одного из кубанских Гиреев, так как крымские ханы среди народа были более популярны и имели связи с Турцией. Карасакал, несомненно, был одним из потомков Кучума. Эти сведения соответствуют сведениям, данным Джафером Юлдаш-оглу, и сообщениям из истории Бабажана Мангыта об Ургенчском правителе Хасан-хане и его сыновьях Байбулате и Ишим султানে. Будучи у себя на родине, я ознакомился с судьбой Байбулата (или Бейбулата), известного у нас как «Султан Гирей», на основе записок, сохранившихся в частных руках. Сейчас ни одной из этих записей у меня на руках нет. В памяти сохранилось следующее: Байбулат был очень смелым, однако осторожным, подготовленным, хладнокровным человеком, способным предвидеть события. Благодаря этому он смог сыграть роль преданного защитника народа в течение 12 лет, будь то на Кубане или в Башкурдистане и Казахстане. Он перемещался между Стамбулом, Крымом, Кубанью, Астраханью, по Жиму, Чебаркулю, Сырдарье, Джунгарии и Алтаю, когда нужно было, изменяя свою внешность и имя, и олицетворял собой любовь восточных тюрков к свободе и преданность своим правам, их приверженность к национальной воле. Он был женат на двух девушках из семей беев найманских знатных родов, однако после него не осталось потомков, носящих его имя.

Когда Карасакал, оставив свои войска на юге Яика, по реке Джим, сам тайно действовал внутри страны, то есть против России разворачивал партизанские войны в широком масшта-

бе, его родственники, жившие вокруг Аральского озера, не знали, где и какими делами он занимается. Мы из сообщений Джафера Юлдаш-оглу узнаем об отъезде Байбулата из захваченных Россией территорий, о прибытии живым и здоровым к найманам, а позже его племянник Шайбак (бин-Ишим бин-Кучук) принес в войска это радостное известие, что было отпраздновано приношением жертвы (курбан) Аллаху. В этой связи важным является следующая подробность событий: среди каракалпакских ханов и султанов, почти 10 лет тому назад признавших верховное правление России, распространился страх перед Россией. Точно так же, как бывало в наше время при большевистском режиме, каждый думал: «Не дай бог, не узнал бы кто-нибудь о том, что мы в честь Байбулата приносим курбан Аллаху». У казахов Младшего Жуза, во владениях признавшего подданство России Абулхаира, положение было таким же. Свобода сохранилась лишь в Среднем Жузе, в областях найманов, кипчаков и аргынов, а также во владениях Абылай-хана. С этой точки зрения предводитель каракисеков и Барак султан из-за того, что сумели не подчиниться русским, считались «батырами». Карасакал не кичился своими успехами, не падал духом от неудач. Он был истинным предводителем. Восставшие, большинство которых были вооружены лишь луком со стрелами, под предводительством Карасакала успешно противостояли хорошо вооруженным регулярным войскам русских²⁹⁹. После отъезда Карасакала в Казахстан восставшие продолжали нападать на русские крепости и отдельные гарнизоны, а русские преследовали их, и такая война длилась еще два года. У алтайских тюрков мужество Карасакала рассказывается в виде преданий и в форме дастанов. Отъезд Карасакала в Казахстан еще до подавления русскими восстания объясняется тем, что он знал, если он и дальше останется во главе движения, то злодеяния русских по отношению к восставшим будут еще больше. В конечном счете, Карасакал оказался прав. После того как русским стало известно, что Карасакал уехал из Башкурдистана и отступил в Казахстан, весной 1740 года они начали проводить «показательное наказание». Князь Урусов для по-

давления этого бунта создал два военно-полевых суда, один из которых находился в Оренбурге, другой – в Мензелинске. Они со всех сторон ловили и приводили тысячи башкир в качестве бунтовщиков и подвергали их допросу, подвергали их досель невиданным страданиям, сжигали в огне, сажали на кол, ломали ребра, резали и вешали. Эти злодеяния были начаты еще до подавления восстания Карасакала войсками. Именно это побудило Карасакала остановить восстание. Это дело происходило в июне. Вслед за этим Урусов и генерал Соймонов объявили, что бунтовщики, добровольно подчиняющиеся властям, будут прощены от имени царицы. Однако было много тех, которые не пришли к царским чиновникам с повинной и, пойманные с оружием в руках, мужественно переносили истязания. Такие приняли наказания с великой терпеливостью. Однако казненных башкир вешали на деревьях вдоль дорог, вместе с тем было много и тех, которые кончали жизнь самоубийством в тюрьмах, подвергая себя голоду, разбивая собственные головы об стены и, как и во время восстания Кильмяк-абыза, вешались на деревьях при приближении русских карателей³⁰⁰.

Около 5 000 восставших напали на крепость Оренбург (Орск). Но Урусов сумел заставить их отступить и 25 августа на холме в 6 километрах от крепости осуществил казнь и наказание участников движения Карасакала. Из сподвижников Карасакала тептяр Кантюре, из башкирских предводителей Юнус Исмаил-оглу, Джиханкул Усекей-оглу, Карабаш, Якуп Кармишев (или Карамыш-оглу) были повешены на высоких деревьях и прикованы железными гвоздями. Из них Карамыш-оглу происходил из беев села Макар, находящегося в 7 километрах от моей родной деревни Кузян. Позже его потомки стали офицерами высокого ранга в башкирских войсках³⁰¹. Из есаулов Карасакала 7 человек были повешены за ребра на железных крючьях. Из знатных башкир 85 человек были повешены, 21 человеку отрубили головы и прикололи их на длинные шесты. Из предводителей Алан Джиханкул был схвачен русскими и, будучи в плену, покончил с собой. Подвергли казни его труп: отрубив голову, прикололи

на длинный шест. В сентябре русский полковник по фамилии Пальчиков вновь возобновил эти «показательные варварства». Он детей казненных людей раздал русским в Россию. Тысячам людей, отрезав уши, вырезав ноздри, отправил в Россию в качестве пленных рабов. Некоторую часть этих людей без носов и ноздрей он оставил жить в их собственных деревнях. Предводитель восстания в 1707 году старый Алдар тархан Исекей-оглу, хотя и не участвовал в последних восстаниях, был казнен в Мензелинске.

В восстаниях 1735–1740 годов и потери русских были немалыми. Потери башкир, если учесть малочисленность этого тюркского народа, были чрезвычайно большими. Из них 18 134 человека были убиты, 3 236 человек были взяты в плен и отправлены к берегам Балтийского моря на каторжные работы, 5 983 человека были проданы русским помещикам в качестве рабов. Кроме того, было очень большим число наказанных отрезанием ушей и вырыванием ноздрей. По подсчетам Рычкова общие потери башкир составили 28 190 человек³⁰².

Ввиду того что среди российских мусульман крымские ханы считались центром движений против российского завоевания, преемники Петра решили любым способом присоединить Крым к России. Вместе с тем в 1735 году восстание Кильмяк-абыза побудило русских принять решение, прежде всего, захватить крепость Азов и уничтожить поселения мусульман – татар и ногаев, служивших местом остановки между Азовом и Астраханью для мусульманских купцов и совершающих хадж, подвергнуть окончательному обрусению территории по течению Дона. Эта крепость Азов и другие деревни по течению Дона играли роль центров связи между восставшими по Волге и Уралу с Крымом и Турцией. В рапорте, посланном в Петербург в 1738 году Татищевым, было сказано: «Контролировать татар, поселившихся среди донских казаков и занимающихся торговлей, невозможно. Турецкие и крымские послы к башкирам и киргизам проезжают по этим путям»³⁰³. В действительности российское правительство в 1739–1746 годы уничтожило и их, а территории по течению Дона привело полностью в вид русской области.

§ 33. Восстание Батырши

Во времена правления Елизаветы (1741–1762), дочери Петра в 1754 году в Башкурдистане произошло еще одно восстание и оно было подавлено в жестокой форме. Столь злодейское усмирение восстания Карасакала не смогло успокоить башкир, за прошедшие после этого 14 лет злодеяния со стороны России еще больше возросли. Между тем, как это было видно и из слов Кирилова и Румянцева, их целью было задавить башкир до такого состояния, когда они не будут иметь никакой политической значимости. Вместо обычая назначения волостных беев из рода ранее признанных беев порядок их выбора по усмотрению русских из числа людей, которые, ввиду своей ничтожности, не будут способны к какой-либо деятельности, повсюду постепенно начал претворяться в жизнь. Вдобавок началось осуществление мыслей, написанных в рапорте Кирилова о том, что для успокоения башкир следует во всех местах их страны построить крепости и укрепленные пункты, поселить в них воинские части. Это дело осуществлялось под видом строительства заводов и фабрик: таким образом в Ногайской дороге по реке Усол были построены Богоявленский медеплавильный завод (1751–1752), на Агидели по реке Аскын – Архангельский медеплавильный завод (1752–1753), на реке Ик – Покровский медеплавильный завод (1754), на реке Авзан Агидели – Авзяно-Петровский железодельный завод (1754), на реке Кана – Кананикольский медеплавильный завод (1751), на реке Иргизли Агидели – Вознесенский медеплавильный завод (1754), среди башкир Сибирской дороги были построены на реке Касли Каслинский медеплавильный завод (1751), по рекам Сатка и Куваши – Златоустовский железодельный завод (1751), среди башкир Казанской дороги по реке Кидеш – Верхне-Троицкий медеплавильный завод (1752), по реке Шаран – Архангельский медеплавильный завод (1752), по реке Бараш – Ищерекский медеплавильный завод (1751) и в них были поселены не башкиры, а тысячи русских крестьян и рабочих³⁰⁴. Эти заводы послужили самой серьезной мерой в деле упразднения самостоятельности башкир. С дру-

гой стороны, дело христианизации пассивных по сравнению с башкирами казанских тюрков, проводимое с XVI века, было намного убыстрено и наступила очередь проводить эти же меры в стране башкир. В 1750 году на территории прежнего Казанского ханства число чувашей и татар, официально переведенных в христианство и названных христианскими именами, достигло 269 213 человек. Лишь в 1741 году были окрещены 9 159 человек, среди них 3 670 человек – татары-мусульмане. В 1742 году в Казанской губернии из 516 мечетей 418 были разрушены³⁰⁵. Часть татар, подвергаемых насильной христианизации, с целью остаться мусульманами, бежали в Башкурдистан. Перед лицом всех этих трагедий башкиры вновь пришли в волнение и начали новое восстание. При подобных обстоятельствах башкирские беи приглашали к себе в качестве предводителей каракалпакских и казахских ханов. Но к этому времени они стали подданными России. Башкиры приняли решение призвать к руководству представителя духовенства, имеющего влияние на народ. По свидетельству Мурата Рамзи «в Уфимской губернии» в мишарской деревне «Карыш» жил Батырша мулла, который был самым большим ученым округа. Он стал предводителем, отправив в Казань и казахским тюркам представителей, предложил составить союз. Такой союз был составлен. Основными силами муллы Батырши были племена тунгаур, усерган, тамьян, сувар-кипчак, сенким-кипчак. Они решили воспользоваться тем, что Россия тогда переживала критический момент своего существования из-за начала войны с Германией, находящейся под правлением Фридриха II. Поэтому восстание начали на 15 дней раньше назначенного ранее срока, войну развернули 25 мая 1755 года. Людей, посланных Российским правительством, и других русских убили. Губернатор Оренбурга Неплюев считался чрезвычайно умным, но в его руках не было ничего, кроме умения вбивать клин между башкирами и татарами. Об этом он писал в Петербург. Казанцам была присуща двойственность. Предводитель населения Алтайской дороги Исмаил Абукеев положительно относился к восстаниям, но другие были на стороне российского губернатора Головкина и в качестве помощи предоста-

вили ему пять тысяч татарских всадников и послали их в сторону Оренбурга на войну против восставших. И каргалинские татары около Оренбурга были на стороне Неплюева. В итоге это движение претерпело неудачу. Из башкир около 50 000 населения перешли на противоположный берег Яика и переселились к казахским тюркам. Однако в это время начал действовать механизм интриг, созданный Тевкелевым и Неплюевым. Вдобавок к тому, что к руководству пришли такие, как Нуралихан и Айчувак, готовые везде увильнуть от сотрудничества, во главе дела были поставлены те, которые будут встречать башкир с оружием в руках, агенты-провокаторы. Казахи в своей измене башкирам, воспользовавшись и «каргалинскими» шейхами, достигли успеха. Представители знатного рода Алчин из казах отняли жен и дочерей беглецов. Мужчины воевали с казахами в целях освобождения от них своих семей и вернулись на родину, и здесь были порублены русскими карателями. Мулла Батырша сам скрывался в лесах, 6 августа 1756 года российское правительство объявило, что тому, кто поймает Батыршу, будет выдано вознаграждение в размере 1 000 золотых рублей. Но в течение десяти месяцев достичь успеха не смогли, лишь один из собственных мишарей, служивший у русских, Сулейман Диваев, 8 августа 1756 года сумел поймать Батыршу. Этот Сулейман был дедом известного этнографа Абубакира Диваева. Батырша был доставлен из Оренбурга в Петербург. Царское правительство определило ему пожизненное заключение и заточило его в Шлиссельбургскую крепость у истока Невы на Ореховом острове. Хотя пять лет спустя Батырша сумел бежать из заключения, убив охранников, но освободиться не смог и умер, возможно, отравился. Тело его нашли у стен крепости. Он был чрезвычайно мужественным и настойчивым человеком. В свое время не было равных ему в знании исламских наук. И отец у него был ученым человеком по имени Абдулла-абыз. О Батырше были известны еще следующие сведения: вначале с ним были очень преданные ученики, собравшиеся около него в Аргаяше. Батырша еще молодым объездил весь Башкурдистан, побывал и на Казанской стороне, посетил киргиз-казахов, был чрезвычайно энер-

гичным человеком и неутомимым пропагандистом. Был учителем во многих губерниях в известных медресе. В Бугульминском уезде в деревне Тайсуган был известным учителем, учился у Абдурахман хазрета³⁰⁶. После окончания учения был имамом и учителем в Осинском уезде у гайнинских башкир, еще позже – в Аргаяшском уезде в деревне Муслим Минбаши (4 года), наконец, в деревне Карыш Бирского уезда (6 лет), где создал свое медресе, получил звание ахуна. Вместе с тем, он стал очень известен среди кипчакских и бурзянских племен Ногайской дороги. Он был политической личностью. Мало говорил, но много слушал. Как только разразилась война между Фридрихом Великим и Россией, он решил воспользоваться этим. У него были связи с башкирскими офицерами, служившими в российской армии. Однако самой большой его надеждой была помощь казанцев и казах Среднего Жуза и их ханов. Связи с казахами обеспечивали башкирские беи кипчакского рода. Мулла Батырша в начале 1754 года приступил к приготовлениям. Русские в то время возводили цепь крепостей по реке Ишим между крепостью Звериноголовск (Баглан) и Омском, соединяли линию Яик – Уй с Иртышской линией, укрепляли российские границы длиной в несколько тысяч километров, при ширине 50–200 километров. Из-за того, что русские проводили политику распространения своего влияния дальше вглубь реки Иртыш, волновались все казахи. Казахский хан Среднего Жуза Абылай-хан должен был присоединиться к этому восстанию. Общим днем начала восстания был определен 3 июня 1755 годов. Но казахи начали движение еще раньше. Зимой 1754–1755 годов они, напав на сибирские границы русских, выйдя на западную сторону Иртыша, объединились между Юмышем и Семипалатинском и твердо утвердились в мысли не отступать назад³⁰⁷. Русские и во владениях Младшего Жуза, захватив в свои руки земли вблизи Илека, в 1754 году начали строить укрепленные пункты. В действительности в результате всех этих событий между башкирами и казахами было достигнуто соглашение о совместном движении. Вновь воздвигнутые русские крепости и укрепленные пункты должны будут совместно уничтожены и русские долж-

ны быть вытеснены на западный берег Волги. Казахи, веря в этот союз, откровенно говорили это самим русским: «Всех русских по линии (то есть линия российских крепостей) отбросим за Волгу». У казахов предводителем этого движения был глава кирейского рода по имени Усенбай. Этот человек, придя в ставку хана Среднего Жуза Абылай-хана, напрямую заявил представителю России: «Пришло время выставить вас, русских, на противоположный берег Волги»³⁰⁸. Таким образом, намерение получить помощи у казахов было твердым. Этому очень верили в особенности знатные люди бурзянских и кипчакских родов башкир и кипчакского рода казахов. Башкиры Аргаяшского, Дуванского и Гайнинского родов находились под непосредственным руководством самого Батырши, он обеспечил себе также помощь, получив в свое распоряжение военную силу в 500 человек из мишарей, 1 000 человек из тептярей и бобылей. Батырша, в июле 1754 года совершивший пропагандистскую поездку к башкирам Ногайской дороги, написал письма влиятельным людям во все места. Царское правительство что-то подозревало о складывающемся положении. В Уфу с целью испугать башкир был послан Кутлумухаммет мурза Тевкелев, бывший в свое время глазами и ушами Петра. Батырша в своих посланиях этого генерала называл «проклятый мурза»³⁰⁹. Сохранились тюркские подлинники обращений Батырши и сделанные в то время их русские переводы. Некоторые части из них были опубликованы Витевским и Чулошниковым: в обращении, датированном 6 июня, он характеризует благополучное состояние Башкурдистана до захвата Россией, бедствия, принесенные сюда Российским владычеством, меры по русификации в национальных и религиозных делах, уничтожение народа, насаждение среди народа раздора и объявляет о решимости избавиться от зависимости в результате движения вместе с казахскими тюрками. Он в этом обращении писал: «В Казанской губернии более 5 000 наших братьев-мусульман сделали христианами. Они теперь во имя освобождения от нравственных страданий присоединяются к нам. Они ждут, когда же мусульмане поднимутся против этих злодеев русских. Мы должны освободить этих несчастных. Если не бу-

дет поставлен предел беспрепятственному движению русских дальше, казах-киргизы целиком окажутся в плену, и мы, башкиры, останемся посередине в состоянии полного окружения. После возведения крепостей на землях казах-киргизов русские захотят завоевать Ташкент и Бухару, другие города и области. Их цель заключается в этом. Они намерены полностью уничтожить здесь мусульманское правление. Их намерение, как в свое время разрушили сохранившийся в целости город Булгар, разрушить и уничтожить исламские шедевры в других мусульманских странах. Русские, испортив взаимоотношения между башкирами и киргиз-казахами, желают облегчить себе захват мусульманских областей. Мусульмане, сколько лет уже мы не смогли объединиться, между собой лишь тайно встречались, теперь объединились, мы должны воспользоваться этим счастливым часом. Если мы не сможем достичь успеха этим своим движением, потом будет совсем поздно»³¹⁰. Его самыми близкими сподвижниками были из гайнинских башкир Акбаш и Мустай, из Ногайской дороги предводители Джилман Иткул, Акынчак и Кучукбай, сыновья известного Алдар тархана, из бурзянских беев люди по имени Алкас и Бикбулат. С помощью сотника Аликея была обеспечена договоренность, чтобы офицеры, служившие в Российской армии, не открывали огня по восставшим и переходили на их сторону³¹¹. Начало восстания было определено на 3 июня, но из-за того что бурзянские башкиры должны были выступить против поисков золоторудных месторождений одним русским инженером по имени Баргин в Ирандыкских горах, восстание началось еще 15 мая. Роды тунгаур, усерган, тамьян, суун-кипчак, бушман-кипчак, сенким-кипчак – все в один день и в один час начали восстание. Зарезали русских чиновников и солдат, находящихся на их землях. В это время губернатором Оренбурга был Неплюев. Этот генерал, как мы упоминали уже выше, был русским военным и политиком, выросшим во времена Петра Великого. Некоторое время был послом России в Турции. Хорошо знал положение и духовную жизнь восточных народов. Его деятельность в Оренбурге и война против башкир подробно описана Витевским в его публикациях, а его собственные воспо-

минания были опубликованы в 1871 году в журнале «Русский архив». Русские сооруженные ими в различных местах Башкурдистана рудодобывающие и металлообрабатывающие заводы построили в виде военных крепостей и укреплений. В распоряжении самого Неплюева находились 13 полков войск, насчитывающих в своих рядах 24 000 солдат, были также воинские части из донских и яицких казаков, а также из калмыков, принявших христианство, приведенных из Северного Кавказа, Ставрополя. Вместе с ними число его войск достигло 30 000. Самые серьезные бои восставших произошли в июне, июле и августе. Отряды Батырши уничтожили несколько русских крепостей. В августе Неплюев был вынужден попросить помощи в Петербурге. Движение юго-восточных башкир бурзянского рода развернулось быстро. К ним присоединились роды усерган, тунгаур, тамьян, суун-кипчак, бушман-кипчак, сенким-кипчак. Все эти роды пришли в движение в один день. Они в своих улусах убивали русских чиновников и военных там, где их настигали. В тех же улусах русские назначали старшин из числа верных им мишарей. Башкиры и их поубивали так же, как и русских. В том числе был убит мишар Абдельхай, назначенный старшиной в Бурзянском улусе. 12 августа бурзянские башкиры отправили послание русским Зилаирской крепости со словами «Сейчас весь Башкурдистан в состоянии восстания, выходите сражаться». Построенные русскими ямы (почтовые станции) все были сожжены. Русские, находившиеся на заводах, играющих роль крепостей, не могли выйти за пределы городков. Выходившие были убиты. 15 августа были сожжены Покровский и Преображенский заводы. 18 августа в 30 километрах от Зилаира род бушман-кипчаков, несмотря на потерю в бою своего предводителя – мужественного Кучукбека, в сражении одержали победу. Таким образом, в Восточном Башкурдистане кроме русских гарнизонов, отступивших на некоторые заводы, врагов не осталось, тем не менее башкиры вывезли собственные семьи из своих деревень, ставших местом военных действий, на другой берег Яика и отправили к казахским родам Среднего и Малого Жуза. В результате к концу августа реку Яик перешли 50 000 семей. Одной из

причин этого было то, что от казахских улусов не поступало широкой помощи. Эти большие сражения произошли в августе, сентябре и ноябре. В Восточном Башкурдистане были осаждены Воздвиженский, Преображенский, Авзяно-Петровский, Кананикольский заводы, несколько русских было убито и многие места сожжены. В этом движении принимали участие казахские войска из рода жагалбайлы³¹². Батырша, ввиду того что сам был мишарем, надеялся на свое племя и на татар. Казань он считал местом скопления мусульман и верил, что если они окажут помощь, то восставшие смогут достичь успеха. Ввиду этого он оставался на северо-западной, соседней с Казанью, части Башкурдистана. Он потратил много времени, чтобы убедить мишарей и татар, которые сомневались, включиться в борьбу. Восстание началось 3 июня, но Батырша начало своей деятельности отложил до 20 августа. Наконец, не сумев убедить мишарей и татар, а также получив плохие новости из Казани, он остался с башкирами Сибирской, Казанской, Осинской дорог и «ясачными татарами». Это событие оставило неблагоприятное впечатление даже у мужественных башкирских родов, живущих по реке Дим (Демы), которые играли решающую роль во всех предыдущих восстаниях, ибо они жили непосредственно на путях передвижения российских войск. У гайнинских башкир Осинской дороги беи по имени Чурагул и Исхак, из ясачных татар Акчура Ягуты убили группы людей, оставшихся на стороне русских, в том числе бея по имени Ходжа-оглу Абдюка (27 августа). В сентябре восстание в этой части Башкурдистана распространилось полностью. В восстании участвовали ясачные татары и татары Сеитовской слободы около Оренбурга. В это время Неплюев свою политику интриг использовал в полной мере. Генерал Кутлумухамет, глаза и уши Петра Великого, фальшивый мусульманин, 15 сентября из Петербурга прибыл с особой миссией испортить отношения между башкирами и казахами. Петербургское правительство и Неплюев первым делом предприняли меры, которые должны были помешать объединению казанских татар и башкир. На всех дорогах, мостах и речных переправах были поставлены войска охраны. Казанский губернатор Го-

ловкин для привлечения на свою сторону казанцев добился у царицы издания некоторых благоприятных для них указов. По указу 3–4 сентября были облегчены военные повинности татарских мурз, и их двухмесячное жалование было выдано заранее. Для привлечения народа также были уменьшены подати, приостановлены преследования по религиозным делам. Два епископа (Лука Конашевич и Сильвестр), оказывавшие давление на казанских тюрок, были освобождены от занимаемых мест. Мусульманам было разрешено строить мечети. 26 сентября Неплюев разрешил казанским тюнкам, служившим в русской армии, продавать башкир, попавших в плен, оставлять в своем распоряжении их жен и дочерей, отнимать имущество. Благодаря этим мерам казанский губернатор для отправки в Оренбург в распоряжение Неплюева из казанских татар собрал до 5 000 конных войск. Кроме того, Неплюев сумел оторвать от башкир мишарей и тептярей, живущих в Башкурдистане, обещав освободить их от платежей башкирам за занимаемые земли. Обо всем этом историк Мурат Рамзи пишет с большой болью³¹³. Участие казахов в восстании расстроилось по двум причинам: калмыцкий хан Амурсана после поражения в борьбе со своими внутренними врагами попросил помощи у казаха Абылай-хана и с его помощью в 1754 году захватил территории Эмела и Верхнего Иртыша и подчинился Китайскому правительству. В 1755 году, как раз во время восстания Батырши, Китайское правительство, послав два военных корпуса, за три месяца захватил всю калмыцкую страну. Но Амурсана восстал против Китая и убежал к Абылай-хану. А он ждал нападения китайских войск на территории Среднего Жуза и у него не было возможности оказать содействие Батырше. Казахи всего Среднего Жуза, приостановив нападение на русских, вынуждены были заниматься вопросом калмыцко-китайских взаимоотношений³¹⁴. Другая причина заключалась в том, что хан Младшего Жуза, сын Абулхаира Нурали-хан и его брат Айчувак султан, после недолгих сомнений склонились на сторону России. Неплюев Нурали-хану и его брату Айчуваку, послав одного татарского майора по имени Асланоглу, находившегося в его окружении, дал знать, чтобы они не

оказали никакой помощи башкирам, а прибывшие к ним башкирские семьи отдаются в распоряжение Айчувака. Казахи получают право превратить их в своих рабов или продать другим. В то же время Неплюев побудил «Мусульманского главного религиозного деятеля – ахуна» в городе Оренбурге отправить «частные» письма предводителям казахских родов. Эти письма были написаны в форме искренних советов мусульманского шейхульислама, который якобы в сущности является сторонником этих восстаний, и в них содержались следующие слова: «Как мусульмане, мы от всего сердца сторонники этого восстания. С одной стороны, я радуюсь движению братьев-мусульман за освобождение, однако, из-за того что башкиры являются предателями и изменчивы, освободившись от России и став самостоятельными, они добьются того, что вы, казахи, станете их пленниками. Я боюсь того, что казах-киргизы, оказав им помощь, не принесли бы в жертву самих себя». Понятно, что этим великим духовным лицом мусульман в Оренбурге был ахун Ибрагим Абдуррахман-оглы. Этот ахун, как приверженец России, согласно повелению Неплюева, отправил письма и башкирам, тем же способом настраивая башкир против казахов и призывая их прекратить восстание, не доверяя казахам, характеризовал и их ненадежными. В этих письмах ахун также пугал башкир, что они будут наказаны казахами за их собственное легкоеверие. В то же время Неплюев дал знать, что женщины и дочери башкирских семей, сбежавших к казахам, являются добычей казах, из-за них никто не будет привлекаться к ответственности. Он послал подарки султану Нурали-хану, султанам Айчуваку и Эрали, пригласил Эрали султана в Оренбург и вместе с Тевкелевым настроил его против башкир и повелел взять их в плен. Между Абулхаир-ханом и ханом Малого Жуза Батыр-ханом по вопросам правления над племенами существовала вражда, делящаяся со стародавних времен. Сын Батыр-хана Каип, оказавший помощь в ходе восстания башкирам еще в 1735 году, и на этот раз башкирам, прибывшим к родам под его подданством, проявил уважение, хорошо обращался с ними и взял их под свою защиту. Неплюев, дав знать Батыр-хану и его сыну Каип-хану, что они будут

наказаны за их дружественную политику по отношению к башкирам, направил ханов Нурали и Айчувака против ханов Батыра и Каипа. Нурали и Айчувак приказали подчиняющимся себе племенам напасть на башкир. Это предложение принял лишь род Алчин, они взяли в плен беглецов и отняли у них женщин и детей. Другие роды, подчиняющиеся Айчувак султану, не стали вредить башкирам и приняли подданство Батырхана и его сына Каип-хана. Это положение окончательно толкнуло Нурали и Айчувака в объятие русских. Неплюев послал и к казахским племенам, проявившим гостеприимство к башкирам, казахского бея и убедил его со своими войсками напасть на башкир. Не вытерпев нападений на их семьи, часть башкир вернулась на родину обратно. Неплюев не стал преследовать их, через других пробудил начать войну против казахов по вопросам чести и совести. На этом пути обеспечил возможность для ведения широкой пропаганды. Башкиры во время восстания Карасакала, потерпев неудачу, отступили к казахским племенам и были очень хорошо приняты. В то время они прибыли к казахам со всем своим имуществом, скотом и со всеми ценными вещами. И действительно, племена жагалбайлы, табын, тама и житеру (семь родов) Малого Жуза не забыли башкир и в защиту начали войну против рода Алчин. По рекам Ырбайлы, Караганда, Камишан в конце августа между казахскими племенами из-за переселенцев башкир в течение четырех дней происходила война и некоторое число воинов погибло. Тем не менее Алчины пленили башкир, попавших им в руки. Некоторая часть башкир, оказавшихся в плену у Алчинов, сбежали в Башкурдистан, захватив скотину Алчинов, и начали готовиться к ответному нападению на своих обидчиков. Неплюев, для того чтобы башкиры могли отомстить казахам, оставил им открытыми пути нападения на казахов. Таким образом, между башкирами и казахами началось движение нападения друг на друга и грабежа. Левин в этой связи говорит: «В самом деле, стараниями Неплюева между двумя воинственными народами началась беспощадная война и нападения. Российское правительство 25 августа послало султанам Нурали, Айчуваку и Эрали большие подарки. Этих

ханов народ, считая продавшимися России, не любил и считал их предателями. Теперь эта ненависть многократно возросла, они не смели появиться пред народом. Айчувак известил Неплюева о том, что останется верным России, даже, если будет нужно, готов, оставив свой народ, переселиться в Россию»³¹⁵. Так, Л. Мейер пишет: «Война, начатая против России, осталась в стороне. В результате интриг Неплюева тысячи башкир и казахов напали друг на друга. Родственная кровь текла рекой. Из башкир особенно большой урон понесли жители девятого кантона (Усерган). Натравливание этих двух воинственных народов друг на друга было большой бесчеловечностью. Но иного средства не было. Россия для этого потратила очень много денег»³¹⁶. В этом взаимовстречном столкновении (показахски барымта) потерпели урон казахские роды под названием кити, чекли, каракисек, а у башкир – усерганский род. На Внутренний Башкурдистан эта война не имела влияния. Казахи Среднего Жуза вовсе не трогали башкир, но тем не менее на этот раз башкиры напали на их кипчакское племя из-за того, что они вступили во взаимоотношение с русскими. Кипчаки также напали на башкирские земли, на некоторые роды совершили ночные набеги. И позже под впечатлением этих событий время от времени случались столкновения между казахским родом кипчаков и башкирскими кипчаками. Однажды, когда казахские кипчаки напали на тамьянский род башкир, один народный батыр из казахских кипчаков по имени «Акча батыр» один на один сразился с народным батыром из тамьянских башкир Карас Кашка и погиб. Карас Кашка кипчакского богатыря Акча батыра похоронил с почетом в торжественной форме около деревни Навруз (ныне). Карас Кашка на могиле Акча батыра, которого убил из-за интриг русских, соорудил мавзолей и курган и, будучи сам и поэтом, рассказывал о случившемся с Карасем следующий, сочиненный им самим, баит (стихотворение-повествование): «В жизни много ты пережил войн. Нескольких богатырей ты прогнал из их родины. Не считая себя равным башкирским мастерам боя, ты гордо пропутешествовал по всем киргиз-казахским улусам. Ты – богатырь, своей стрелой насквозь пробивший железную кольчугу. Пре-

восходя близких, ты был мужчиной, родившийся сыном богатырей. Не найдя никого, кто мог бы соперничать с тобой в борьбе, ты был одним из тех, кто разгуливал между улусами. После твоей смерти мои глаза не увидят другого богатыря, подобного тебе. Действительно, чтобы ты ни говорил, хвастая, все было к месту. С огненным сердцем, похожий на льва Акча богатырь, я тебя сам похороню со всеми почестями. На могиле твоей сооружу высокий курган из камней, вокруг велю вырыть ров. Это место отныне будет носить твое имя. На изголовье я воткну стрелу, чтобы видевшие могилу говорили: “Здесь умер один богатырь”»³¹⁷.

Неплюев, похваляясь успешностью своих интриг и хитростей, написал царице Елизавете нижеследующее: «Мои стараниями отношения между казах-киргизами и башкирами настолько испортились, что отныне можно не опасаться их объединения для совершения каких-либо общих дел»³¹⁸. Чулошников разъяснил, что Неплюев обманулся в этих своих расчетах, среди киргизов умные, здравомыслящие люди не поддались этим провокациям и столкновения между собою в ордах башкир и татар не привели к общему враждебному движению, и сказал следующее: самая последняя часть казахов – казахи Среднего Жуза не изменили своего отношения к башкирским беглецам, более того, даже то, что кипчакский род казахов, принадлежавший Среднему Жузу, испытал вред от нападения башкир в ходе встречных набегов друг на друга, не повлияло на общее положение. Кучук ходжа, имевший большое влияние на народ, вел пропаганду того, что недопустимо нападение мусульман друг на друга, обманувшись провокациями русских. Из Младшего Жуза роды тама, табын и житеру также не тронули башкир. Напротив, семьи башкир, прибывшие к ним после поимки Батырши русскими, были приняты казахами как гости. А казахский род жагалбайлы в ходе этих встречных набегов был един с башкирами и в августе, сентябре и октябре они в одном ряду с башкирами принимали участие в нападении на русские заводы. В этой связи бытуют интересные стихи, сочиненные акынами того времени. В них дела, совершенные Алчинским родом и их

предводителями Нурали и Айчувак султанами, характеризуются как неблаговидные, а они сами оцениваются как предатели, продавшиеся русским. Нурали-хан в своих письмах оренбургскому губернатору пишет откровенно и говорит, что из-за верности вам перед своим народом он остался в постыдном положении. Сын Нурали по имени Абылай султан находился в Оренбурге в качестве заложника. Абылай султан был влюблен в дочь Путятина, ставшего губернатором в Оренбурге после Неплюева, и перешел в христианство. Нурали взял этого сына к себе в орду и вместо него в качестве заложника отправил другого по имени Бугали³¹⁹, но из-за того, что его сын перешел в христианство, ненависть в народе к Нурали многократно возросла и народ это воспринимал как наказание Нурали за его предательство. Рассказывалось, что по этому поводу Нурали много плакал. Все это также повествуется в стихах акынов. Нурали, в конечном счете, дошел до положения, когда не мог жить среди своего народа. На его родине влияние переходит сыну Батыр-хана Каип-хану. Хотя Россия и не признавала его в качестве общего хана Малого Жуза, народ его принял в этом качестве. А Нурали не стал жить среди народа, в униженном состоянии прибыл в Оренбург в качестве заложника и остался там, в распоряжении русских. Российский губернатор отправляет его из Оренбурга в Уфу. Когда он в 1785 году умер, из городских мусульман и башкир никто не принимал участия на его похоронах.

Потеря надежды на помощь казанских мусульман оказала плохое воздействие на душевное состояние Батырши. Через некоторое время он начал бояться собственных мишарей, и, наконец, 20 сентября, с прибытием правительственных войск с намерением арестовать его, он оставил место своего жительства, деревню Карыш Башы, и скрылся в лесу. Выступлениями на Восточном Башкурдистане, которые там все еще продолжались, после этого он руководить уже не мог. Из всех сил старался, чтобы мишаре и тептяре не заняли положения против башкир. Затем приехал в Бугульминскую волость и, прибыв в улус Табынских башкир, с небольшим числом сопровождающих вновь скрылся в лесах. Императрица Елиза-

вета в октябре 1755 года опубликовала указ, объявив, что за голову Батырши будет уплачено 500 золотых рублей. Несмотря на то что башкиры знали, где он, тот еще год скрывался в лесах. Некоторые группы, его сторонники, продолжали там и сям нападать на русских и предавали огню русские деревни. По другому указу, опубликованному 6 августа 1756 года, за голову Батырши была обещана плата в 1 000 рублей. На этот раз один мишарский бей по имени Сулейман, не принимавший участия в движении Батырши, чтобы угодить царю, поймал его. Этот бей деревни Азяк (старшина) был Сулейманом, сыном Дивая. Он, арестовав Батыршу, 8 августа сдал его русским. (Этот Дивай приходится дедом полковнику русской армии Абубакиру Диваеву, позже опубликовавшему несколько трудов по этнографии тюрков Средней Азии. И его дед Дивай был старшиной, служившим в российской армии.) Русские привели Батыршу в Оренбург, а оттуда отправили в Петербург. Допросы завершились в 1757 году, и он был приговорен к пожизненному заключению в кандалах в Шлиссельбургскую крепость вблизи Петербурга. После пребывания там в течение 5 лет, в июле 1762 года он совершил попытку бегства, но был схвачен и убит. Жена и дочери были привезены в Москву, но их дальнейшая судьба неизвестна³²⁰. Русские и калмыцкие военные силы и в 1756 году были заняты подавлением волнений в Восточном Башкурдистане. Восстание Батырши, на первый взгляд, потерпело поражение, однако оно имело и положительный результат. После этих событий прекратилось сжигание мусульманских мечетей, деятельность священников и миссионеров, которые приходили в мусульманские деревни под охраной офицеров и открыто предлагали жителям поменять религию, были прекращены. Все это дело разрешилось несколько лет спустя созданием для башкир и татар особого «Оренбургского Духовного управления». А Тевкелев был оценен как бессовестный предатель, крестьяне и батраки в его собственных поместьях открыто выступили против него самого. Он не мог показываться им на глаза. Попытка – отдать замуж одну из дочерей, желающую выйти за мусульманина, за христианина превратилась

в трагедию и этот случай стал причиной появления песни «Тэфтиляу» (то есть Тевкелев), которая пелась среди башкир до нашего времени³²¹. Восстание муллы Батырши было не столько политическим, сколько религиозным движением во имя мусульманства. То, что он был мишар, показывает ложность утверждений некоторых русских, а также отдельных татарских авторов о том, что татары были против башкирских восстаний за освобождение и показывает, что в нашей борьбе против угнетения русских мы были правы. Батырша из-за того, что был сведущ и в истории, был борцом, призвал и народы Туркестана, Хивы и Бухары быть осторожными по отношению к русским. До нашего времени дошедшие в виде рукописей эти пропагандистские обращения Батырши были написаны на восточно-тюркском литературном языке, называемом нами «поздночагатайским», и выраженные им требования были изложены в предельно ясной форме.

§ 34. Переселение калмыков на восток

Калмыки, пришедшие к берегам Волги, переправились через реку Яик, они, вынужденные в течение прошедших полутора веков часто вступать в самые тесные взаимоотношения с башкирами, все же не сумели установить с ними прочных, добрых отношений. Калмыцкие роды, которые пришли на кипчакские земли вместе с потомками Чингиза в древности, состояли из частей родов, разговаривавших как по-моногольски, так и по-тюркски, они в течение одного поколения отуречились и, наконец, приняли мусульманство. Однако настоящие калмыки из родов *тургаут*, *хойит*, *хошут* и *дербент*, пришедшие вместе с Хоурлюком, не отуречились, лишь некоторые круги из них, приняв ислам, восприняли язык башкир, ногаев и татар. Из них, то есть из ставших мусульманами, одна группа калмыков в середине XVII века, находясь в окружении одного нашего предка, Айчувака, из противоположной нам стороны горы Ирендык переселилась к нам и основала свою деревню рядом с нашей.

В 1758–1759 годах, не выдержав происходивших в Джунгарии нескончаемых внутренних раздоров между собой и для принятия покровительства России, монголы-калмыки числом около 15 000 семей прибыли в бассейн реки Иртыш на его среднем течении. Однако, узнав о том, что калмыки запада, то есть тургаутские калмыки, которые находились в связи с Россией в течение 130 лет, ныне вступили в схватку не на жизнь, а на смерть, они остановились и, сказав, будь что будет, решили остаться в Средней Азии. Дело состояло в следующем: после смерти Аюки-хана его сын и наследник Серен, с одной стороны, признав верховенство Турции, а с другой стороны, – Китая, стремясь воспользоваться также влиянием иранского шаха Надира, увлекся идеей создания великого калмыцкого государства. Петр I, считая, что это может представлять опасность для России, решил принять меры против возможности возникновения калмыцкого государства. Как и коммунисты в наше время, заигрывавшие с понятием «демократия» и «народность», и Петр I решил уничтожить господствующую династию калмыков. И Петр, и его внуки вместо «ханского яргу» (традиционное собрание, состоящее из предводителей родов и беев), составлявшего основную силу калмыцкого государства, создали «народное яргу», туда были привлечены сторонники России и круги, не относящиеся к знатным династиям и из их числа образовали правительство. Сын Серена и его наследник Убаши поняли, что их государству приходит конец и тут же, придя в движение, приняли решение вернуться в Джунгарию. Так как они своими глазами видели, к каким последствиям ведет то, что русские, упразднив у казахов их ханов, вместе них во главе дел ставят «народных представителей». Зная, что тех калмыков, которые переселились на западный берег Волги, он не сможет освободить и, оставив их, Убаши с находившимися в его собственном распоряжении калмыками, состоявшими в целом из 169 000 человек и составлявших 33 000 семей, вышел на дорогу, покинув пространство между Яиком и Волгой. Весной 1771 года, двигаясь приблизительно по пути, по которому ныне проложена Сибирская железная дорога, он знал, что будет подвергнут нападению казахов и башкир. Во главе

дел стоял энергичный калмыцкий принц по имени Дорджи Зебек. Он выяснил, что по пути они будут непременно подвергнуты нападению кипчакского рода казахов и башкирских племен усерган и бурзян. Обратившись к руководителям русских гарнизонных войск Орска (прежний Оренбург), он просил оградить его от нападения башкир. Но от этого никаких результатов не было. Движение переселенцев продолжалось восемь месяцев. Казахи и башкиры, грабя, в полном смысле слова разгромили их. Башкиры создали вооруженные конные войска числом около 10 000. Китайско-Манчжурский император Джиенлунг возвращение западных калмыков в Джунгарию встретил хорошо, но из 169 000 калмыков вернулось на старую родину лишь 70 000 человек. Остальные погибли от сабель казахов и башкир, их скотина была отнята, женщины и дети захвачены в плен и проданы в Хорезме и Бухаре. Эти трагические события освещали из англичан Генри Говорот в «Монгольской истории» и Томас де Куинджи в «Восстании татар», а также русские авторы и чиновники живо описывали эти события в своих трудах. Так, например, Игнатьев в середине прошлого столетия опубликовал несколько статей, посвященных истории башкир и, кроме того, обнаружил несколько ценных документов, сохранившихся в архивах Оренбурга и Уфы. Он пишет: «В войнах против Урусова и Кирилова башкир погибло столько же, сколько в восстаниях под руководством Карасакала, Батырши. В лесных местах деревья были покрыты их повешенными трупами, они были убиты, посажены на кол, сожжены, а оставшиеся сосланы на каторгу. После всего этого каким образом они для преследования и уничтожения бегущих калмыков, для отмщения могли создать войска из 10 000 вооруженных воинов? Этому невозможно не удивляться. Следовательно, у этого народа есть уму непостижимая жизненная сила». В этой связи приходит к памяти слова арабского ученого географа Истахри, жившего в X веке нашей эры, оставившего свои суждения о тюрках, составлявших войска Саманидов и Аббасидов. Он говорит: «Как войско не может быть другого такого народа, как тюрки, приспособившегося к управлению страной, так как... другому народу, потерпевшему

поражение как войско или утонувшему в воде, для размножения и новой организации потребуются годы. А у тюрков если одно племя терпит поражение в войне, то другие его части тотчас организуются со скоростью ветра. Для понимания этого достаточно взять в качестве примера из военных предводителей тюрка Парса, который, потерпев поражение в Хорасане, бежал в Ирак и там вновь создал самое мощное войско». Бегущие калмыки хотели насильно увести с собой калмык-мусульман, поселившихся среди башкир, но башкиры их не отдали. Предков калмыков-мусульман, живущих в своей деревне по соседству с нашей, освободил наш предок Айчувак. Это событие, называемое «калмыцкое нашествие», среди башкир оставило достаточно большое количество воспоминаний. Часть из них один из беев Усергана Мухаметжан Куватов записал в своей тетради. Он был одним из тогдашних знатоков родословных (шежере), то есть историком.

§ 35. Юлай и Салават

После подавления восстания Батырши страна башкир в течение 20 лет оставалась сравнительно спокойной. Событие, случившееся в это время, – переселение калмыков на восток и трагедия, обернувшаяся на их головы на этом пути. Они перед лицом довольно усилившегося русского давления на восточной стороне Волги и политикой поселения переселенцев, озабоченные потерей своей самостоятельности, решили вернуться обратно в Джунгарию. В течение полутора веков хорошо ли, плохо ли соседствовавшие калмыки населением до 169 000 человек по Казахстанской дороге двинулись в Монголию. Но их поубивали по пути казах-киргизы. Из них дошли до Джунгарии живыми лишь 70 000 человек. Таким образом, оставление калмыками территории «Букей Орды, названной во времена Золотой Орды как «страна пребывания престола», открыло дорогу для захвата русскими Урала. А это означало, что башкиры будут окружены территориями, подвергнутыми русской колонизации. В этой связи в нижнем течении

Яика значительно возросло число русских казаков, называемых «яицкими казаками». На этот раз бунт, возникший между ними, привел в движение и башкир. Это было восстание Пугачева и восстание присоединившихся к нему башкирских предводителей Юлая и его сына Салавата. Среди яицких казаков движение Пугачева, поднявшего голову против царя, происходило в 1773–1774 годы. Русские в течение последних 20 лет придавали большое значение увеличению числа заводов, занимающихся добычей и обработкой руды. В этой связи в нескольких местностях произошли захват и покупка земель. Самый большой вред от этого испытали башкиры кудеевского и табынского родов, жившие вблизи Уфы. Когда вдоль Яика казаки подняли бунт, башкиры не упустили возможности принять участие в этом движении. Это дело начал бей Шайтан-Кудейской волости кудейского рода Юлай. Он был известным человеком не только в своем роду, но и во всем Среднем Башкурдистане. Его 20-летний сын Салават был офицером в одном из полков российской армии. Мужеством и решимостью он стал известен и среди других племен. В то же время он был певцом-импровизатором и хорошо играл на курае (народный инструмент). Когда Пугачевский бунт начал распространяться и среди башкир, русский военный руководитель в Уфе, назначив Салавата командующим одного укрепленного пункта, отправил его с отрядом против Пугачева. Однако Салават, придя в деревню Берды около Оренбурга, присоединился к Пугачеву. Он, Салават, еще находясь здесь, различным беям башкирских улусов отправил послания о восстании. В апреле 1775 года Салават с войском около 2 000 воинов двинулся севернее Уфы и разгромил русские войска во главе с генералом Михельсоном, захватив крепость Оса. Позже находившиеся в Башкурдистане русские чиновники бежали в города или были убиты. В нескольких местах были разрушены крепости. В 1755 году и после поимки Пугачева и казни его в Москве Салават продолжил свою борьбу. Однако русские достигли успеха в разгроме его в различных местностях. Наконец, после одного неожиданного нападения Салават, несмотря на сопротивление, был взят в плен. Он и его отец были отправлены в Москву. Ког-

да там завершились допросы, их направили обратно в Оренбург. Российское правительство решило этих двух башкирских предводителей подвергнуть казни после наказания кнутом на заводах и в крепостях, на которые они нападали и грабили, и в гарнизонах, которые они захватывали. Старик Юлай был приговорен битью кнутом вблизи Симского завода 40 ударам, в Катав-Ивановске – 45, рядом с Уст-Катавским заводом – 45, в русской деревне Орловке – 45, в целом – 175 ударам. А Салават был приговорен битью кнутом вблизи Симского – 25, рядом с их родной деревней, называемой Юлай – 25, в городе Красноуфимске – 25, в Кунгуре – 25, в Осе – 25, в целом – 125 ударам кнутом. Позже Юлай-аге в русской деревне Орловке, Салавату в деревне Елдек на лбах железным клеймом были выжжены тамги, вырваны ноздри и 21 сентября 1777 года их вновь отправили в Москву, а затем – в Петербург и заключили в крепость Рогервик на берегу Балтики. Они оба умерли здесь после долгих мучительных лет заключения. Салават был любимым народом батыром. О нем существуют песни и легенды. Песни, сочиненные Салаватом, опубликовали Рыбаков и Янски, а часть легенды (дастан) о нем – Игнатъев³²². Жизнь Салавата нашла отражение в новой башкирской литературе и в театральных произведениях. Одно из этих произведений было сочинено Фатхелькадиром Сулейманом (Абделькадир Инан), опубликовано в 1922 году. Одно из русских произведений – роман Степана Злобина под названием «Салават Юлаев» – опубликовано в 1953 году.

§ 36. Духовное собрание

Наследница Елизаветы Екатерина II из-за того, что у нее было много проблем в отношениях с Европой и Турцией, решила проводить с собственными подданными мусульманами совершенно иную политику, направленную на привлечение их на свою сторону. Так как отныне Россия, будучи одним из больших христианских государств, из-за значительного увеличения численности подданных мусульман, становилась на

путь превращения и в мусульманское государство. И местные губернаторы побуждали царицу становиться на этот путь. Своим указом от 14 сентября 1785 года Екатерина повелела оренбургскому губернатору, по происхождению шведу, барону Игельstromу в Оренбурге и Троицке за счет правительства построить по одному медресе и мечеть. Более того, она отдала деньги, чтобы в Бухаре и Самарканде от своего имени выстроить мечеть, чем хотела показать, что якобы она царица, покровительствующая мусульманам везде. Она желала подготовить имамов для казах-киргизов и повелела строить мечети настолько большими, чтобы там могли поместиться 5 000 молящихся. Наконец, 10 сентября 1787 года обнародованием специального указа в Оренбурге было создано Духовное Собрание, к нему были назначены муфтий и несколько казиев. Цель всего этого заключалась в том, чтобы с помощью этого учреждения контроль за назначением имамов среди мусульман взять в руки российского правительства и побудить этих имамов вести пропаганду в пользу России. Она достигла своих целей. Тем не менее создание ею Духовного Собрания и свобода в делах вероисповедания были положительным результатом восстаний Батырши и Салавата. В публикации Казахской Академии наук об этих событиях, выполненных в широком плане, показано, что Пугачевское восстание пробудило среди казахов большие надежды и даже после смерти Пугачева среди них росло желание присоединиться ко все еще продолжающемуся движению Салавата. В этой связи генерал-губернатор Оренбурга советовал Екатерине вести по отношению к мусульманам доброжелательную политику.

§ 37. Заселение Башкурдистана русскими

Русские, с одной стороны, подавляли восстания, с другой стороны, придавали значение делу заселения переселенцев. Для увеличения числа переселенцев каждому осужденному каторжными работами и бунтующим крестьянам на землях помещиков в России объявляли, что, если они поедут в Баш-

курдистан, их освободят от преследований и там они будут считаться вольными. Число русских, переселившихся на этой основе, в 1745 году достигло 20 000 человек, то есть их было еще немного. О рудных заводах, построенных до восстания Батырши, выше я уже говорил. Численность переселенных русских и других народов в конце XVIII века значительно возросла. Так, в Западном и Южном Башкурдистане были построены следующие: Воскресенский, Архангельский, Праволенский, Катав-Йуруз*, Белорецкий, Катайский, Минский заводы. В Восточном Башкурдистане: Алапаевский, Сувалинский, Белговский, Шайтанский, Егушеминский, Исетский, Благодатный, Верхнетуранский заводы. Для этих заводов земли как будто покупались: родовым беям давались деньги в небольшом количестве. Например, для Архангельского завода за 39 069 десятина (гектар) земли было уплачено лишь 200 русских рублей, то есть за каждую десятину – 0,5 копеек. Для Белорецкого (Идельбаши) завода за 300 000 десятин земли – 300 рублей, то есть за каждые 10 десятин – 1 копейка. Для Авзяно-Петровского завода за 180 000 десятин земли уплатили 20 рублей, то есть за 90 десятин – 1 копейку. В некоторых местах земли были просто отняты русскими, то есть за них ничего не было уплачено, а объявлены казенными землями. Там обосновались русские. Таким образом, заселение Башкурдистана русскими происходило, с одной стороны, строительством городов, приведением военных, чиновников и сословия торговцев, с другой стороны, беглые русские крестьяне становились деревенскими жителями, а на заводах они поселялись в качестве рабочих.

В России перепись населения началась при Петре I в 1718 году. Эту меру русские называли «ревизией», а башкиры, приспособившая к своему языку, «ревиз». В I и II «ревизии» башкиры не были вовлечены, так как они находились в полузависимом положении. В Башкурдистане лишь в ходе III ревизии в 1761 году и IV ревизии в 1781 году в перепись

---

* Так у автора (А. Ю.).

были вовлечены и башкиры и по данным IV ревизии численность башкир-вотчинников была несколько меньше полумиллиона.

§ 38. Кантоны

Собственная система управления башкир с учетом земельных угодий («дач») отдельных племен или союза племен была сохранена под названием «кантонов», используемых в Швейцарии и Италии под тем же латинским названием «кантон». Все башкиры-вотчинники, подобно русским казакам, были объявлены членами военного сословия. Это событие произошло в 1798 году. Ввиду того что башкиры составляли 12 родов или улусов, их разделили на 12 кантонов. Деление на 12 частей, видимо, идет со стародавних, ханских времен, когда народ делился на 12 родов. Эти кантоны были разделены на «юрты». А «юрты», как и в Хорезме, и у каракалпаков, были разделены на «тюбы». До 1789 года упоминается 12 кантонов. В 1798 году число этих кантонов стало 13 и в них насчитывалось 497 522 башкира. В более поздних управленческих делениях русских вместо «кантона» был принят термин «уезд», мы называли это деление по-тюркски «туменом». Позднее название «уезд» не соответствует делению на «кантоны», тем не менее в целях однообразного деления места каждого кантона, мы сохранили это название. Местонахождение кантонов, всегда упоминаемых под номерами первый, второй, и т. д., и число проживающего на них населения таковы:

Первый кантон – Осинский тумен (уезд) Пермской губернии. 17 086 дворов, разделенных на 9 юртов.

Второй кантон – башкиры Екатеринбургского, Красноуфимского туменов. 13 038 дворов, разделенных на 7 юртов.

Третий кантон – башкиры Шадринской тумени. 17 952 двора, разделенных на 11 юртов.

Четвертый кантон – башкиры Троицкой тумени, нынешний Тамьян-Катайский кантон. 11 864 двора, разделенных на 9 юртов.

Пятый кантон – башкиры Троицкой тумени. 12 047 дворов, разделенных на 6 юртов.

Шестой кантон – башкиры Челябинской тумени. 34 874 двора, разделенных на 19 юртов.

Седьмой кантон – Восточная часть тамьян-катайских башкир, который позже назывался Верхне-Уральским. 54 147 дворов, разделенных на 30 юртов.

Восьмой кантон составлял Стерлитамакский тумен, в основном состоящий из юрматинских башкир. 47 208 дворов, разделенных на 25–28 юртов.

Девятый кантон – башкиры Уфимской тумени, состоящие из табынских и кудеевских башкир. 26 280 дворов, разделенных на 14 юртов.

Десятый кантон – башкиры кипчакского, едиуругского, усерганского и бурзянского родов, живущих в Южно-Стерлитамакском, Бузавлыкском, Оренбургском туменах. 89 477 дворов, разделенных на 41 юрт.

Одиннадцатый кантон – башкиры Бирской тумени. 58 858 дворов, разделенных на 25 юртов.

Двенадцатый кантон – башкиры Сарапульского, Алабугинского (Елабужского) и Мензелинского туменов. 53 693 двора, разделенных на 25 юртов.

Тринадцатый кантон – башкиры Бугурусланского, Белебеевского туменов. 61 033 двора, разделенных на 29 юртов.

§ 39. Башкирские войска в распоряжении Российского государства

Царское правительство составление войск из башкир, готовых добровольно служить, начало давно. Во время «семи-летней войны», то есть в 1756–1763 годы, 12 полков башкирских войск, состоящих из 15 000 человек, принимали участие в войне под командованием генерала Апраксина и вошли в Берлин. В этой связи есть свидетельства о том, что башкирские войска вызвали страх у жителей Берлина. Башкиры

проявили мужество в больших боях вблизи Эгерсдорф – Гроссе, находящегося в окрестностях Кенигсберга, и они хорошо себя показали в важной победе войск в 1759 году под командованием графа Салтыкова в бою на Куннерздорфе рядом с Франкфуртом на Одере. В следующем году, то есть в 1760, когда российские войска под командованием генерала Чернышева временно захватили Берлин, башкирские полки были в передних рядах ворвавшихся в город. В городских кварталах и религиозных кирхах соблюдение порядка было поручено башкирским войскам. Некий немец у русского офицера спросил, почему их вооружили луком со стрелами. Русский ответил: «Это только недавно выдрессированные звери, если им дадим пистолеты, они тут же начнут убивать вас». Раньше отдельные войска из башкир состояли из добровольцев или насильно привлеченных «солдат». В 1798 году все вотчинники-башкиры возраста от 17 до 45 лет составляли войска. Из них и были сформированы иррегулярные части. Организация этих частей началась еще в 1782 году. Лишь в 1798 году эта служба приобрела обязательную форму. Им не выдавались ружья и иное огнестрельное оружие. Разрешалось вооружаться лишь луком со стрелами. И военная одежда, которую они носили, была униформой ханских времен. Шляпы у них были похожи на те, которые описаны еще в путевых заметках Эвлия Челеби: похожи на графин, поля в трех местах надрезаны и подняты вверх, надевают кафтаны с украшениями, выполненными вручную. Эта форма была достаточно красивой. Сегодня ее можно увидеть в военных музеях России. Башкирские воинские части несли пограничную службу на востоке, на землях, принадлежавших казах-киргизским ханам. Русские цари, правившие до Петра, следовали по отношению к мусульманским народам тем законам и обычаям, которые действовали среди них в золотоордынское время. Только некоторые названия поменяли на русские. Также и назначение башкир на охрану границ на востоке казахских ханств, похоже, восходит к старым временам. Например, в середине XV века во время отделения казахских ханов (потомки Тукайтемира) от потомка Шибана

Абулхаир-хана башкиры были на востоке этого ханства. Только первые казахские ханы Ахмед и Гирей этих башкир из восточной стороны Казахстана перевели на запад, на их родину³²³. Российские цари, узаконив ношение башкирскими войсками униформ ханских времен, отправили их в западные губернии России, даже западные страны. Мы уже говорили об использовании башкирских войск в событиях в Берлине. Следующим были башкирские войска, посланные на Запад в 1802 году. Они состояли из 5 500 человек. В 1812–1813 годы в войне против Наполеона в российской армии башкирские части принимали участие в виде 20 полков, 60 эскадронов. Как и в Берлине, и в этом походе они были одеты в национальные униформы и вооружены луком со стрелами. Они показали большое мужество в битвах в Германии у Лейпцига, Веймара, Ганновера и во Франции у Шатобриана, а также в Париже.

Башкиры достойными похвалы военными качествами, удивительными униформами привлекли внимание и французов. Они своими луками и стрелами напоминали древних гуннов. Немецкие и французские поэты и писатели описывали их. В газетах и журналах того времени напечатали их изображения. В Веймаре башкир видел великий немецкий поэт Гете, и эта встреча стала причиной возрастания интереса у поэта-философа к Востоку. В это время германские войска, вернувшиеся из Испании в Веймар, привезли неполный текст Корана. Чудесная каллиграфия текста поэту понравилась, не зная языка, он дал перерисовать этот текст. Гете этот отрывок Корана дал перевести на немецкий язык и читал его. Прибытие башкир именно в это время в Веймар показалось прибытием самого Востока в этот город. У башкир был один офицер высокого чина. Его называли принцем. Видимо, он был одним из потомков ханов. Они в Веймарской гимназии совершили намаз, возможно, праздничный намаз. Все это видел и Гете. Позже он встретился с другими башкирами. Они ходили и в театр, где их приветствовал Гете. Они подарили поэту стрелы и лук. Гете этот лук со стрелами как память всегда держал дома и даже, будучи в преклонном возрасте, в 75 лет, иногда их брал в руки

и забавлялся, стреляя из него у себя в саду. Во всяком случае, это посещение башкир вызвало у поэта глубокий интерес к Востоку. Об этом написал секретарь поэта «Кеммерман»³²⁴. В Париже башкиры проявили много раз мужество и главнокомандующий российской армией сотням башкирских офицеров и солдат вручил медали с надписью «За взятие Парижа». Как от французских поэтов, писателей и художников остались произведения о башкирах, так же и от самих башкир остались некоторые воспоминания, посвященные этому походу. В том числе сохранилась следующая часть письма имама башкирского войска Якшыгула Зианчура-оглы, отправленное в 1812 году Мусе тархану Кучук-оглу:

Судьба оторвала нас от родины, чтобы мы горевали, «ах».
Чтобы наши головы вернулись, каждый день мы глотаем горе.
Мы решились, отдав голову богу.
Будет удивительно, если нам будут спутниками небесные ангелы.

Эти строки, написанные на позднечагатайском литературном языке, используемом в то время у башкир и казахов, показывают, что войсковой имам был поэтом, хорошо знавшим старые классические формы чагатайского языка, к тому же он свои стихи удачно оживляет вкраплениями в текст некоторых слов из башкирского наречия. Разумеется, и Муса тархан – человек, получающий удовольствие от подобного рода стихов. Но у нас нет об этих личностях каких-либо других сведений. Отрывок еще одних стихов башкир, посвященных походу во Францию, был опубликован в итальянском журнале «Revista Orientalis».

Российское правительство к башкирским войскам всегда относилось с недоверием, особенно опасалось использовать их в деле защиты восточных границ. Много раз принималось решение об их роспуске, но позже ее исполнение откладывалось, так как среди российских губернаторов и генералов было много людей, которые по сравнению с политической опасностью башкирских войск, придавали большое значение их ка-

честву как воинов. Точно как и прежде, в 1834 году принято решение распустить эти войска, но вновь дело было отложено. В 1838 году учредили Управление башкирских и мишарских войск, названное «Башкирско-Мещерякским войсковым управлением», и в качестве центра управления был построен в Оренбурге Караван-Сарай с обширным садом вокруг и с прекрасной мечетью, где служил войсковой имам. Но чуть позже было принято решение – уменьшить численность башкирских войск и в 1840 году в 4, 6, 7-х и 10-х кантонах, то есть из тамьян-катайских, кипчакских, усерганских и бурзянских башкир начали набирать солдат, а другие кантоны были освобождены от воинской службы. В 1850 году была отменена национальная униформа башкирских войск и вменена им в обязанность ношение русской униформы, похожей на форму русских казаков. В Крымской войне принимал участие башкирский кавалерийский полк, состоящий из 1 500 всадников. В 1853 году башкирские войска в Финском заливе служили в охране государственных границ. В 1862 году российское правительство приняло решение – упразднить самостоятельность башкир, их кантоны и войска, и 13 мая были упразднены кантоны, 2 июня – войска. До этого времени, хотя у башкир и не было общего руководителя, внутри кантонов они были автономны и кантонные начальники были в распоряжении не министров внутренних дел, а в ведении Министерства внешних дел. С 1872 года башкиры, став в правовом отношении такими же, как другие подданные России, стали призываться как рекруты в общую обязательную воинскую службу, но из них формировались отдельные кавалерийские части. Это был период полного перехода в российскую войсковую службу, который сами башкиры называли «периодом эскадронов», то есть временем кавалерийских частей. В 1878 году из этих частей был составлен один полк, но четыре года спустя, в 1881 году, и он был расформирован. Тем не менее, этот период эскадронов нашел отражение в башкирской национальной музыке, в некоторых песнях.

В 1862 году жизнь башкир до упразднения их самостоятельности охарактеризована различными авторами как жизнь ори-

гинального полукочевого тюркского военного и воинственного народа. Среди них русский историк капитан Рычков, который в XVIII веке занимался изучением жизни башкир, казах-киргизов и калмыков, оставил три важных труда о них. Он в своих произведениях под названием «История Оренбурга», «Топография Оренбургской губернии» и «Ежедневник капитана Рычкова» хорошо отобразил жизнь башкир. О племенной организации башкир сведения содержатся лишь у данного автора. Кроме того, приведены весомые сведения о башкирах в трудах немецких ученых Фишера и Миллера об истории Сибири, в путевых заметках Георги, Палласа, Лепехина и Гмелина, описавших естественную историю, природу Урала и Сибири. Так, Гмелин путешествовал в 1733–1743 годы. В четвертом томе путевых заметок предметом описания является жизнь башкир, живущих вблизи Челябинска, Верхне-Уральска и Миасса. Здесь он побывал в 1742 году. Там говорится о печах башкир по выплавке железа, находящихся на том месте, где ныне расположен город Магнитогорск, в 5–6 километрах от реки Яик. Он пишет: «Башкиры еще несколько лет раньше, то есть до запрещения царем у них добычи и обработки железа, на западном склоне Магнитной горы, называемой ими «Оло Утассы тауы» (большая Утассинская гора) создавали свои железоделательные печи. Здесь, хотя и плавиле железо, но производилась самая хорошая сталь и для этого они добывали особенную железную руду, которая находилась в самых глубоких слоях земли. На этой земле башкирские юрты расположены на западной стороне Яика, а казахские – на восточной стороне. Утассы, видимо, имя одного древнего багтыра». Сведения о добывании руды башкирами содержатся и в путевых записях Лепехина³²⁶.

В сфере управления башкиры подчинялись особым законам, которые составляли отдельную часть в сводах Российских законов под названием «Положение о башкирах». Но эти законы были последовательно уничтожены и до революции 1917 года из этих законов, текст которых составлял достаточно толстую книгу, кроме некоторых статей о земле и лесах, направленных против интересов башкир, ничего не осталось.

Вследствие чего в 1881 году в Башкурдистане начался досель невиданный захват земель.

Как становится понятно из труда Шарифа Идриси, башкиры в XII веке не были полностью кочевниками. Они с самых древних времен остаются связанными с одними и теми же территориями. И в XVIII и XIX веках они родами жили в тех «иктах», по-русски «дачах», границы которых были определены и документированы. В некоторых документах об этих «дачах» даются разъяснения на основе их тюркских оригиналов. Определены и места зимовок и летовок. Наконец, русский закон об асаба (вотчинниках), предоставив каждому башкирскому собственнику 15 десятин (гектаров) земли, оставшуюся часть объявил «запасным», изъял из использования, разрешив их распродавать, и по этому поводу были изданы законы. Точнее, башкир вынудили распродавать эти «запасные» земли, так как эти земли были нарезаны им вдали от их деревень и поэтому не могли быть использованы собственником-башкиром. И это было сделано для того, чтобы заставить башкир продавать свои земли.

§ 40. Башкиры во время последних русских революций

Во время революции 1905 года башкиры к какому-либо особому движению не пришли. Из казахских султанов Чокан Валиханов с сожалением писал о том, что отныне башкиры оставили борьбу с оружием в руках против несправедливостей России: они сидят и на музыкальном инструменте, называемом курай, играют и поют свои песни о древних батырах. Во время революции 1905 года из башкир Тимур Али-оглу в Казахстане и в Гульдже, подчиненном Китаю, создал революционные организации и созывал конгрессы, и показал, что башкиры, когда будет возможность, вместе с казахами смогут защищать свои права в организованной форме. Башкиры этой возможностью во время революции 1917 года немедленно воспользовались, организовав национальные войска и национальное правительство, до июля 1920-го в течение трех лет, вели борьбу. В апреле 1917 года на общем конгрессе Туркестана в

Ташкенте представители башкир играли активную роль. В том же году собравшемуся с 1 по 10 мая в Москве Всероссийскому мусульманскому съезду послали около 50 представителей. Чтобы заниматься проблемами разграбленных и отнятых земель, был организован комитет из трех членов – «Башкирское областное шуру». Опубликовали протоколы, подписанные «Шуру», начали выпускать газету «Башкорт», где в основном поднимались экономические проблемы. Главные представители казахских тюрок находились в Оренбурге. Посоветовавшись с ними, решили в одни те же дни созвать конгрессы и действительно вступить на путь осуществления национальной самостоятельности. Ввиду того что большинство интеллигенции казанских тюрок было против объявления областной самостоятельности, претендующей на политические, экономические и военные права, выдвигало идею о не связанной с экономическими вопросами «экстерриториальной», религиозной и культурной самостоятельности и на этой основе национальное движение в Башкурдистане столкнулось с мощным противостоянием. Несмотря на то, что большая часть татарской интеллигенции с самого начала присоединилась к движению башкир, это не дало результатов, способных изменить общее положение дел. 20–25 июня собрался Первый общий башкирский курултай и выбрал Центральный национальный комитет, состоящий из девяти человек, и выбирались местные шуру для 11 кантонов, в которых в будущем предполагалось создавать национальные организации. Русские, которые понимали, что в будущем в самостоятельном Башкурдистане появятся и местные административные единицы, забеспокоились и начали выступать против в печати. 28–29 августа, собравшись в Уфе на Второй башкирский курултай, решили на выборы Учредительного собрания России идти отдельным списком, составленным Башкирским национальным комитетом. При участии и некоторых татарских интеллигентов Центральный орган Башкирского национального комитета был расширен. Башкирский национальный комитет, действовавший в единстве с Казахстаном и Туркменистаном, вступив в связь с национальными организациями Финляндии, Украи-

ны, Белоруссии, Азербайджана и с донскими казаками, 15 ноября официально объявил о национальной самостоятельности Башкурдистана. Об этом событии телеграфом сообщили организованному именно в это время Украинскому правительству, национальным организациям Азербайджана и другим национальным объединениям на Кавказе. Образовалось национальное правительство и 22 декабря 1917 года Третий (учредительный) башкирский курултай собрался в Оренбурге в здании Караван-Сарая, построенного в середине прошлого столетия для башкирских войск. По решению этого курултая в окрестностях Баймака, в Восточном Башкурдистане, где находились золотодобывающие рудники, началась организация «Национального башкирского войска». В это время советские войска, захватившие Оренбург, вынудили бежать членов Казахского национального комитета, находившегося в этом городе, и начали заключать в тюрьму членов национального правительства Башкурдистана. Кроме того, пришедшие в Баймак из Орска в качестве гостей солдаты-охранники советских представителей, позвав командиров башкирских полков якобы для переговоров, предательски убили их. Это событие стало причиной начала вооруженной борьбы всего Башкурдистана против Советов. Члены Национального правительства Башкурдистана, убежавшие в различные места, действуя в организованной и плановой форме, в лесных местностях Уральских гор начали создавать партизанские отряды. Во время Первой мировой войны были организованы чешские военные формирования. Они располагались на железнодорожных станциях от Самары до Сибири. 22 мая эти чешские части подняли бунт против Советской власти в Челябинске. Случайно башкирские деятели, занимавшиеся организацией башкирских отрядов, оказались вблизи от места этих событий. Они объединились с чехами. Таким образом, в июне из башкир были организованы несколько пехотных и кавалерийских полков и они очистили Башкурдистан от большевиков. В Оренбургской и Уральской губерниях и русские казаки, добиваясь самостоятельности, выступили против большевиков. И они уничтожили советские воинские части, захватившие города по реке Яик (Урал). Баш-

кирское правительство, переведя центр из Челябинска в Оренбург, разместился в историческом Караван-Сарае. В это время в Башкурдистане единственной властью было Башкирское национальное правительство. Осенью этого года (1918) в распоряжении Башкирского правительства были 2 пехотные, 2 кавалерийские дивизии. 3-й пехотный полк организовывался. Они приложили большое усилие к тому, чтобы открыть путь в Туркестан, отбросив назад ташкентских коммунистов, захвативших Актюбинское направление. Однако в то время воинские части союзников (Америки, Англии, Франции и Японии), не зная положения вещей в регионах, вмешались в дела и создали очень плохую ситуацию. И Казахстан, организовав в Семипалатинске Алаш-Ордынское правительство, в деле создания войск действовал совместно с башкирами. В Тургайской губернии с помощью башкирских офицеров были организованы казахские национальные войсковые части. В это время существовало «Демократическое правительство Российского Учредительного собрания», сделавшее своим центром город Самару. Это правительство оказывало помощь башкирским и казахским воинским формированиям. С его помощью башкирские и казахские воинские части были объединены и был создан совместный башкирский и казахский корпус. Все это, преувеличенно изображая, как Советы, так и белые русские генералы, развернули пропаганду, что в Восточной России мусульмане объединяются и они, присоединившись к немцам на Украине, с турецкими войсками, захватившими Азербайджан, «оторвут Россию от Туркестана, Казахстана и Урала». Американские и французские генералы приняли решение – распустить правительства Казахстана и Башкурдистана и расформировать их войска и тем самым решительным образом уничтожить это движение. В это время Башкирское и Алаш-Ордынское правительства установили связи с советскими войсками, которые тогда, переходя на восточную сторону Волги, успешно наступали дальше. Советы согласились с самостоятельностью этих двух областей в экономике и военных делах и обещали нашим войскам предоставить оружие и военное снаряжение. В результате 9 марта 1919 года Башкирское и Алаш-

Ордынское правительства заключили мир с Советами и начали приводить в порядок свои войска. Но Советы были против того, чтобы Башкирское правительство, как прежде, обосновалось в Оренбурге. Правительство, сделав своим местом пребывания Стерлитамак, организации свои создавало там. В мае 1920 года башкирские войска состояли из 27 000 боеспособных солдат и милиции. Были созданы несколько войсковых школ. Однако Советская власть в начале 1920 года по решению комиссии, созданной под руководством Калинина, приняла серьезные решения против сотрудничества башкир и казахов в той или иной форме. Еще в 1918 году проводимую правительством и союзниками политику, ныне в еще более спланированной форме, начала проводить и Советская власть. Наконец, 20 июня 1920 года часть национального правительства, созданного большевиками, присоединилась к борьбе, развернувшейся в Туркестане, а другая часть, подчинившись требованиям Советов, решила участвовать в создании коммунистического советского Башкурдистана.

§ 41. Башкиры во время последних русских революций*

С середины прошлого столетия до 1917 года в Башкурдистане никаких восстаний не было. Хотя и были движения местного характера, и некоторые попытки бунта, они были оставлены волею российских властей. В 1868 году даже упразднение кантонов и войск решилось без всякого сопротивления. Башкиры показали, что отныне не ожидают какой-либо пользы от восстаний против России. И это казахский султан Чокан Валиханов объяснил следующим образом: «Башкирские кураи

---

* Продолжение труда с данного параграфа А.-З. Валиди Тоган не послал А. Касимову. Его основное содержание предпочел изложить вкратце в предыдущем параграфе. Для того, чтобы не вносить в текст автора никаких изменений, сокращений, добавлений, мы публикуем и посланную в Башкортостан, и не отправленную части труда друг за другом без всяких изменений. Поэтому названия предыдущего и данного параграфов повторяются (А. Ю.).

отныне не распространяют той мощи и надежды, как во времена Карасакала»³²⁷. Вместе с тем и в это время было немало бунтарских отрядов. В большинстве случаев они оставались ограниченными движениями отдельных мятежников, которых в древнем Хорасане называли словом «айяр» (то есть решительный). Об одном из них по имени Шагибарак, пойманном и отправленном в Сибирь, во всем Башкурдистане известны легенда и песня. Такого рода бунтари нападали на русские заводы, поджигали поместья русских дворян. В 1905 году Тимур Али-оглы из Башкурдистана образовал революционную организацию в Казахстане и Гульдже, находящегося в подчинении Китая, и созывал конгрессы³²⁸.

§ 42. Независимая Башкирская область

В 1917 году башкиры вновь пришли в движение. Это движение длилось до июня 1920 года в течение трех лет. Это движение за самостоятельность имело целью, объединив все кантоны и войска башкир, из самостоятельного Туркестана в пределах России создать одну мощную страну. Это движение не было восстанием, похожим на старые восстания Карасакала, Батырши. Это было стремлением воспользоваться начавшейся в России революцией, опытом строительства демократической системы государства, выборов, свободы печати, а также использование переходного момента государства от одного режима к другому и на этой основе попытка вновь обрести самостоятельность и при этих обстоятельствах организация национального существования.

§ 43. Московский съезд

В марте 1917 года в Петербурге председатель бюро мусульманской фракции Думы Ахмет Цаликов и другие ее члены находились под влиянием кадетской партии и были сторонниками «Неделимой, унитарной, демократической России»

ской республики». Другой круг людей, куда входил и я, были сторонниками того, чтобы Россия была демократической республикой, которая объединяет отдельные самостоятельные нации и страны. Но из-за того, что противоположная сторона составила большинство и большинство казанцев, начавших объединяться вокруг упомянутого бюро, также были унитаристами, было невозможно убедить их принять идею федерализма и автономии. Это бюро «думской фракции» также было тем учреждением, которое занималось организацией «Общероссийского исламского съезда», открытие которого намечалось на 1 мая в Москве. Однако в этом бюро проводилась мысль, чтобы на съезд пригласить побольше казанцев, а представителей других народов привлечь в очень малом количестве. Они не желали привлекать людей, которые могли стать сторонниками идеи самостоятельности. Старались затруднить прибытие на съезд башкир, казахов и туркестанских узбеков в организованной форме. И автономисты пред лицом сложившихся обстоятельств, видя, что для участия этих тюрков на данном съезде не остается иных возможностей, кроме как лишь организовать их на местах, 20 марта выехали из Петербурга в Оренбург и Ташкент. В Оренбурге они встретились из башкирских представителей с Идельбаевым и из казахов с Алимарданом Букейхановым. Приняли решение – обеспечить из каждого тюркского народа направления на съезд 1 мая достаточного количества представителей. Послав в различные губернии письма и отправив людей, дали знать о важности отправления на съезд своих представителей. Приехав в Ташкент, приняли участие на двух конгрессах. На обоих конгрессах они стали инициаторами принятия идеи федерализма. На мусульманском конгрессе по теме «Система государственного управления» с докладом выступил представитель Башкурдистана и совместно с покойным Махмут Ходжа Бехбуди побудил участников принять идею федерализма. Издатели газеты «Вақыт» в Оренбурге были против идеи федерализма и редактора газеты Кабира Бекира прислали в Ташкент на конгресс. Он много делал против федерации, но успеха не добился. Был избран Центральный комитет под названием «Центральное шуру Туркестанских

мусульман», председателем этого комитета был выбран М. Чокаев, а общим секретарем и заведующим организационными делами Заки Валиди. Он был послан на Московский съезд как представитель Башкурдистана и Туркестана.

На Московский съезд прибыли из Оренбургской, Уфимской, Челябинской, Пермской и Самарской губерний до 50 представителей башкир. Они, кроме монархиста Абдулхая Курбангалиева, все вместе с азербайджанцами и туркестанцами подали голоса за федерацию и, составив фракцию, приняли идею о создании в Башкурдистане самостоятельного государства. Эти 50 представителей на собрании 10 мая образовали «Башкирский областной комитет» из 3 человек в составе Сагита Мирасова, Аллаберды Ягафарова и Заки Валиди и поручили им в Оренбурге распространить идею самостоятельности Башкурдистана и организации Всеобщего башкирского съезда. Решение об этом было подписано собравшимися представителями. Оно стало самым первым документом, открывшим путь к последнему башкирскому движению.

§ 44. Башкирский областной комитет

Я был выбран представителем Туркестана во «Всероссийский мусульманский исполнительный комитет» (ИКОМУС). В то же время был приглашен также башкирами. Приняв участие в первом заседании упомянутого комитета в Петербурге, позже, согласно принятому в Москве решению, 1 июня мы встретились в Оренбурге. Сагит Мирасов и Аллаберды сюда приехали еще раньше и в номере газеты «Вақыт» от 19 мая (№ 222) объявили о создании «Башкирского областного шуро» и о том, что 20 июля начнет свою работу Первый башкирский съезд. После моего приезда был выпущен номер газеты «Башкурт» как Центрального печатного органа областного Шуро. Написал передовицу газеты, а на четвертой странице поместил свои статьи против тех, кто на Московском съезде и в ИКОМУСе выступил против федерализма. В передовице были высказаны мысли о том, что башкиры представляют со-

бой мост между казанцами, начавшими присоединение тюрков к миру славян и являющимися их представителями среди тюрков, и туркестанцами, призванными осуществить цель обретения независимости, а также между татарским культурным движением и чагатайской культурой. Выказано было и то, что если присоединение башкир к казанцам приведет к тому, что весь Туркестан, следуя за казанцами, окончательно отойдет от пути борьбы за самостоятельность, то это будет способствовать распространению и у них мысли жить «счастливым меньшинством» среди русского большинства, и наоборот, если башкиры, казахи и туркестанцы будут едины, то и казанцы, отказавшись от иллюзий «счастливого меньшинства», присоединятся к мысли о независимости.

После определения плана работы Башкирского шуро в Оренбурге, что именно предстоит делать для работы башкирского курултая, я для организации деятельности «Туркестанского центрального шуро», созданного в аналогичной Башкирскому шуро форме, поехал в Ташкент. Там как печатный орган Шуро организовал издание газеты «Кингеш». В первом номере газеты была опубликована написанная мною передовица, на последних страницах – статьи с тем же смыслом, что и в газете «Башкурт» в Оренбурге. В первых номерах второй газеты был опубликован также подготовленный мною Устав «Центрального шуро Туркестанских мусульман». Этот текст Устава в то же время был использован для составления аналогичного документа «Башкирского областного шуро».

§ 45. Первый башкирский курултай

Первый башкирский курултай был назначен на 20 июня. И я в тот же день, приехав из Ташкента, принимал на нем участие. Курултай желал провести свои заседания в Караван-Сарае, который был местом пребывания Центрального управления исторических башкирских войск, но из-за того, что это здание было в распоряжении губернатора и рабочим местом оренбургского губернатора, назначенного правительством

Львова, и он находился там, нам не дали разрешения. Но, в конечном счете, удалось получить разрешение и курултай состоялся до 25 июня в течение 5 дней, где были приняты важные решения. И здесь о государственном управлении и земельном вопросе докладчиком был я. Доклад состоялся 22 июня. На курултае было решено, что башкиры, объединившись с решительными тюркскими народами на юге и юго-востоке, выступившими на путь обретения независимости, должны добиться самостоятельности³²⁹ и восстановления прежних башкирских национальных войск. Были выбраны также члены областного шура, куда вошли Заки Валиди, Шариф Манатов, Сагит Мирасов, по аграрным вопросам Абидов и Фатих Давлетшин. Известив, что я буду заниматься и в Ташкенте, не согласился стать председателем Шура, стал руководителем отдела по организационным вопросам. Председателем стал Шариф Манатов.

Важнейшей задачей дня были выборы членов Российского Учредительного собрания, которое должно собраться осенью текущего года. Для того, чтобы вести подготовительную работу, было принято решение – собрать в Уфе Второй башкирский курултай. Кроме того, были распространены указания о том, чтобы были созданы местные органы под названием «тюбек шура» для восстановления прежних кантонов, и о проведении подготовительной работы по постепенному взятию в собственные руки всех дел по управлению этими кантонами.

В это же время русские казаки в Оренбурге под руководством генерала Дутова хотели организовать для себя отдельную автономную область. И уральские казаки с центром в городе Уральске приняли аналогичное решение. Казах-киргизы во главе с предводителем Алиханом Букейханом и единомышленниками в эти же дни собрали Первый «Джалпы казахский» (решительный казах) конгресс. Но в то время еще являющийся членом русской кадетской партии Алихан советовал казах-киргизам не торопиться с присоединением к движению за автономию. И казахский конгресс, отложив на время вопрос об объявлении автономии, принял решение о подготовке к этому. В этом положении то, что оренбургские и уральские казаки были сторонниками самостоятельности, являлось для нас важ-

ной поддержкой. Они искали с нами встречи. И мы, приняв их предложение о встрече, сказали, что будем поддерживать их движение за автономию. В такой же форме было принято решение – установить связи с азербайджанскими, украинскими и белорусскими сторонниками самостоятельности и для осуществления всего этого, а также для взятия в распоряжение Башкирского шуро так называемых «башкирских капиталов», собранных распродажей башкирских земель, ответственными были назначены Усман Куватов, Ибрагим Мутин и я.

Казанские тюрки претендовали на роль центра всех тюрков России. В том же году 21–23 июля в Казани состоялись «II съезд Российских мусульман», «Съезд мусульманского духовенства России», «Военный союз мусульман России». Все они были съездами казанцев, так как в это время туркестанцы, азербайджанцы и дагестанцы были заняты на своей родине организационными делами. Вместе с тем, на этом съезде смогли принять участие и несколько туркестанцев и азербайджанцев, поэтому его называли «Всероссийским съездом мусульман». В действительности там обсуждались вопросы, касающиеся казанцев. 22 июля состоялось общее заседание этих трех съездов, были приняты основы закона о «Национально-культурной автономии мусульман тюрко-татар внутренней России и Сибири». Это было решение, далекое от земельных и государственных вопросов, посвященное всего лишь вопросам управления религиозными и образовательными учреждениями, которое взяло за основу закон, принятый российскими евреями о национально-культурной автономии. 24 июля один из авторов газеты «Вақыт» Бурхан Шараф, придя на курултай, предложил нам отказаться от решения о территориальной автономии и присоединиться к принятому в Казани решению об экстерриториальной национально-культурной автономии. Это предложение было воспринято с удивлением и со смехом. Были и такие, которые Бурхану Шарафу дали ответ с гневом. В результате было принято решение – отправить на Казанский конгресс следующую, составленную мною, телеграмму: «Мы приветствуем объявление казанскими тюрками культурно-национальной автономии. Между тем общий баш-

кирский курултай совместно с родственными народами, живущими на востоке и юго-востоке, приняли решение о создании территориальной автономии и тем самым взяли на себя еще более тяжелую ответственность. В этой связи надеемся, что наши казанские братья будут нам содействовать». В конце опубликованных протоколов упомянутого съезда в качестве приложения приводится и текст этой телеграммы. Зная, что демагогия этой татарской группы авторитаристов по вынуждению башкир подчиниться их воле приведет к плохим результатам, я и Усман Куватов по пути в Петербург остановились в Казани. Их конгресс совсем недавно закончился. Но участники еще не разъехались. В доме Загита Шамиля встретились с руководителями конгресса. Но они решение башкир об автономии встретили с издевками. И мы, видя, что наши разговоры на эту тему будут бесполезными, продолжили свой путь. После того, как в Петербурге в аграрном министерстве правительства Керенского занимались вопросами о земле и о башкирском капитале, а в ИКОМУСе – с делами этого общества, поехали в Москву и принимали участие в организованном под управлением Керенского «Российском Государственном совещании». Там от имени всех мусульман России выступил Алимардан Топчибашев. В школе, организованной бакинцем Асадуллаевым, состоялись собрания и совещания. И здесь мы, защищая идеи федерализма, совещались с представителями Украины, Белоруссии, прибывшими для участия в Государственном совещании, начали разяснять проблемы башкир и Туркестана.

§ 46. Второй башкирский курултай

Во время нашего пребывания в Петербурге «Центральное башкирское шуро» приняло решение провести Второй башкирский курултай в Уфе, и 28–29 августа он был созван. В соответствии с решением конгресса, состоявшегося в Казани 22 июля, созданное «Центральное шуро тюрко-татар Внутренней России и Сибири» прибыло в Уфу. Председатель этого Шуро Садри Максуди и председатель его Духовного управле-

ния Алимджан Баруди также находились в Уфе. К ним пришел писатель Хади Атласи и предложил включить в национальное управление и башкир. 26 июля мы прибыли в Москву. Началась подготовка к выборам членов Российского Учредительного собрания и, приняв решение объединиться с социалистами во главе с писателями Галимзяном Ибрагимовым, сторонником территориальной автономии из татар, составили блок против так называемой «национальной буржуазии» во главе с Садри Максуди, Гаяза Исхаки и других национальных управленцев и женщин* и определили кандидатов в члены Учредительного собрания: 1) Заки Валиди, 2) Шариф Манатов, 3) Сагит Мирасов, 4) аграрник Айытбаев, 5) Салих Азнагулов, 6) Фатих Давлетшин и 7) из татар Ахмадуллин, 8) Ибрагим Мутин, 9) Аллаберды Ягафаров и другие. В целом были выбраны 12 человек из членов Башкирского центрального шуру. Против участников организованного в это время «Мусульманского съезда Уфимской губернии», объединившихся вокруг Садри Максуди и других, составив единый фронт, башкиры, татарские социалисты и сторонники территориальной автономии, начали борьбу. Из-за резкого неприятия идеи башкирского курултая о территориальной автономии в газете «Турмуш» («Жизнь»), издаваемой уфимскими татарами, один из ее авторов – Закир Кадири опубликовал особенно злобные статьи (в основном в № 726). И Хади Атласи в издательстве «Тан» («Заря»), организованном в Белебее, опубликовал брошюру под названием «Обращение к башкирам» и призвал нас отказаться от мысли о самостоятельности, и для достижения этой цели он использовал все свои силы. Хади Атласи в 1920 году я встретил в Баку, и он говорил, что ныне стыдится этих своих потуг. Центральное шуру, вернувшееся из курултая в Оренбург, все свои силы приложило подготовке к предстоящим выборам.

В выборах членов Учредительного собрания общий список башкирских и татарских сторонников территориальной автономии везде достиг успеха. В члены Учредительного со-

---

* Возможно, у автора опечатка. Вместо «кадимистов» написано «кадынлар» (т. е. женщин) (А. Ю.).

брения были избраны по Уфимской губернии – Шариф Манатов, по Оренбургской губернии – Заки Валиди, по Пермской губернии – Фатих Тухватуллин (родственник доктора Хамита Зубаира Кошая, являющегося сегодня в Турции деятелем в сфере просвещения). В это время я поехал на Второй Всетуркестанский конгресс, собравшийся в Оренбурге. И там обсуждались те же вопросы выборов. Меня там избрали также членом городской управы Ташкента. Приняв участие в ее крайне шумных заседаниях, в октябре я вновь вернулся в Оренбург. Для меня Оренбург и Ташкент были двумя центрами деятельности. Татарам в корне не понравилось наше сотрудничество с туркестанцами и казахами, и они были очень недовольны этим. Главный редактор газеты «Вакыт» Фатих Карими опубликовал статьи, комически изображающие меня, находящегося то и дело в Оренбурге и Ташкенте, как человека, стоящего одновременно на двух лодках. В Оренбурге собрался конгресс мусульман, в основном татары Оренбургской губернии. И там мысль о национально-культурной автономии защищал Фатих Карими, а идею о территориальной автономии представлял я. И здесь разогрелись ожесточенные споры.

§ 47. Объявление самостоятельности Башкурдистана

В это время из-за того, что во всех местах России установилась власть Советов, правительство Керенского переживало период кризиса. Оно везде утрачивало свою власть. Башкирское шуру и Оренбургское казачество, пользуясь этими обстоятельствами, желали объявить о самостоятельности наших областей. Чтобы привлечь к этому делу и казахов, мы много обсуждали вопрос с ханом Букейханом, Ахметом Байтурсуном и Шахингиреем султаном Букейхановым. Из-за того что Алихан был назначен правительством Керенского губернатором, он не соглашался с идеей объявления автономии Казахстана в ближайшее время. Башкирское областное шуру, намереваясь решительно воспользоваться сложившейся ситуацией, 30 октября (по старому стилю 11 октября), опубликовав под

названием «Приказ № 1» текст величиной в одну большую газетную страницу, сообщил башкирскому народу о том, что большевистская власть никак не соответствует духу нашего народа и он не желает получить свободу как подарок от большевиков, а объявляет о самостоятельности как о воле народа от имени Центрального башкирского шуро, народ не будет ждать об этом акта Учредительного собрания и начнет создание национальных войск. Наконец, 28 октября (по старому стилю 15 ноября) Башкирская национальная автономия была официально провозглашена. Об этом тотчас телеграфом было отправлено сообщение в Киев только что созданному Украинскому правительству. К этому моменту ни один из тюркских народов России еще не объявил о своей самостоятельности.

Еще на Первом Башкирском конгрессе я предложил два проекта о Большом и Малом Башкурдистане. Я подготовил также карты Малого и Большого Башкурдистана, а также «Союза самостоятельных мусульманских областей Восточной России», включающие в себя Башкурдистан, Казахстан и Туркестан. Конгресс, учитывая, что в пределах Большого Башкурдистана численность тюрков-мусульман была мала, и земли по линии железной дороги между Россией и Сибирью, в особенности территория вблизи Уфы, были заселены русскими и управлять этими территориями башкирам будет трудно, отказался от плана создания Большого Башкурдистана, предполагая, что, если татары примут идею о территориальной автономии, у них будет возможность вместе с татарами составить одну автономную область. Был принят проект «Малого Башкурдистана». Его предполагаемая по проекту площадь составляла 90 545 квадратных верст (79 560 квадратных километров), население – 1 259 059 человек, из которых 72 процента были мусульманами и тюрками. Весь Башкурдистан, как и в старые времена, был поделен на 11^{*} кантонов. Эти кантоны: 1) Токчуранский, 2) Джитиру-Кипчакский, 3) Усерганский, 4) Бурзяно-Тангаурский, 5) Юрматинский, 6) Табынский 7) Тамьян-Катайский, 8) Кудеевский, 9) Дуван-Кушчи, 10) Ар-

---

* Так у автора (А. Ю.).

гаяшский, 11) Яланский. Объявление народом автономии было встречено хорошо. Это движение оставило хорошее впечатление также у казахов и узбеков, все еще сомневающихся в объявлении ими автономии своих стран. Но русские относились к этому движению крайне грубо. 4 декабря (по старому стилю 21 ноября) представлявший к тому времени уже ликвидированное правительство Керенского губернатор Оренбургской губернии Архангельский и «Оренбургское мусульманское шуро» (то есть татары), объединившись, протестовали против нас, говоря, что объявление автономии – посягательство на права Учредительного собрания. Брат редактора газеты «Вақыт» Гариф Карими был вместе с ними. Но мы этому не придали значения.

§ 48. Третий башкирский курултай

С 20 (по старому стилю 8) декабря 1917 года до 4 (по старому стилю 22 декабря 1917 года) января 1918 года в Оренбурге, в Караван-Сарае, состоялся Третий башкирский курултай. Это был самый большой курултай. И третий казах-киргизский большой конгресс по договоренности между нами собрался в эти же дни. Мы обменялись приветствиями. Курултай утвердил объявление Центральным шуро территориальной автономии «Малого Башкурдистана» и разработал ее основной закон. Русский губернатор Архангельский занимал две комнаты Караван-Сарая, принадлежащего башкирам. После открытия курултая он, вместо приветствия, выступил, выражая различного рода угрозы. Но этого бывшего губернатора никто, кроме татар «Оренбургского мусульманского шуро», не поддерживал. Составлявшие в городе основные воинские силы оренбургские казаки, будучи и сами сторонниками автономии и противниками Керенского, были нашими союзниками, и губернатор Архангельский ничего предпринять не смог. Только упомянутое «Оренбургское мусульманское шуро», то есть организация татар, с помощью губернатора Архангельского занявшее место в Караван-Сарае, не воздержалось

от того, чтобы сделать нашему курултаю различного рода пакости. Их лидеры Баширов и Мухаммет Тагиров, придя на курултай и попросив слова, опираясь на губернатора и в качестве руководителей некой военной организации, выступили против курултая с различными угрозами. Но курултай не придал всему этому значения, продолжил свою работу. Попытки татар оказать давление на курултай еще больше возросли после того, как прибыл писатель Галимзян Ибрагимов из Уфы в качестве представителя татар из «Национального правления Меджлиса» и старался убеждать нас в том, чтобы Башкурдистан стал следовать решениям Казани. Этот человек, разговаривая со мной и другими участниками курултая, старался оказывать влияние на весь курултай. Он прибыл с новым планом: татары и башкиры, объединившись, должны образовать «Татаро-Башкирский штат» (Татаро-Башкирское государство). Я и большинство участников, оставаясь верными плану создания «Малой Башкирии», согласились с созданием отдельного штата, присоединив к Татарстану ту часть Башкурдистана, которая оставалась за пределами «Малой Башкирии», но в категоричной форме оговорили необходимость объединения «Малой Башкирии» с Казахстаном. Однако они отрыв «Малой Башкирии» от Казани восприняли как отрыв от татарского единства и предательство по отношению к татарской культуре и, если бы могли, испортили бы, с одной стороны, наши отношения с казахо-киргизской интеллигенцией, а, с другой, отношения с Оренбургскими казаками. Казах-киргизам они оказать влияние не могли, но с помощью «Оренбургского мусульманского военного шуро», особенно посредством губернатора Архангельского, довели до сведения генерала Дутова слова, направленные против нас, пожаловались ему о том, что мы «заняты панисламистскими и пантюркистскими планами». Галимзян Ибрагимов и его товарищи, принадлежавшие к партии «социал-революционеров», наше сотрудничество с казахами по вопросам автономии пытались показать как реакционное движение. Я ему рассказал, что генерал Дутов вступает с нами в связь лишь временно, с того дня, когда он увидит, что самостоятельные Башкурдистан и Казахстан, объединившись, добьются усиления в военном плане, он выступит против

нас, а мы же до достижения своих целей будем сотрудничать с любым человеком или кругом людей, выступающих сторонниками принципов автономии и федерализма. К сожалению, и эти мои слова были немедленно, в тот же день, доведены до сведения генерала Дутова. Иначе говоря, в первые же дни курултая произошли ожесточенные споры по поводу идей присоединения «Малой Башкирии» к «Союзу самостоятельных мусульманских областей Восточной России» или, наоборот, вместе с казанцами – к Татарской культурной автономии. Однако Галимзян Ибрагимов, увидев, что его старания, по его собственному выражению, натолкнулись на «жесткую как скала волю большинства», прекратил свои пропагандистские усилия и вернулся в Уфу.

До этого дня председательствовавший в Центральном шуру Шариф Манатов был башкиром из Яланского кантона. В свое время учился в Психоневрологическом институте в Петербурге, позже выехал в Стамбул, а оттуда – в Швейцарию. В Швейцарии познакомился с Лениным и был близок к коммунистам. Вместе с тем на курултае он объединился против нас с кругом сторонников Абдулхая Курбангалиева, с самой реакционной группой среди нас. Этот круг людей, составлявший меньшинство в курултае и насчитывающий в своей группе 10–15 человек, в демонстративной форме преподнес Шарифу Манатову приветственный адрес и подарил ему шубу. К тому же Шариф Манатов проявлял положительное отношение к идее Галимзяна Ибрагимова о «Татаро-Башкирском штате». Большинство в курултае, состоявшее из более ста человек, поддерживая меня, подарило мне серебряный чайный набор, портфель, на внешней стороне которого содержался текст, нанесенный серебром, и адрес с текстом, отпечатанным типографическим способом. Это был в моей жизни самым прекрасным подарком, который можно было подержать в руках, преподнесенный моим народом с самыми искренними, от сердца идущими чувствами.

Шариф Манатов, выступающий всегда против решений, одобренных большинством участников курултая, отныне потерял свой авторитет перед народом. Его подвела поставленная им цель – стать главой правительства и президентом

республики и попытка добиться этого сомнительными способами. А мы (то есть большинство) приняли решение, не объявляя Башкурдистан республикой и не учреждая должности президента республики, создать лишь «Областную автономию Башкурдистана» и управлять этой самостоятельной областью руками «председателя правительства». Согласно этому решению, в Башкурдистане председателем правительства был избран заслуживший уважения своей отменной службой народу, человечный и любимый народом адвокат Юнус Бикбов, его заместителем – Заки Валиди, религиозными делами ведал Сагит Мирасов, экономическими вопросами – Ибрагим Мутин, просвещением – Абдулла Адигамаев, аграрными вопросами – Аитбаев, кроме того, я, будучи заместителем председателя, должен был ведать внутренними и военными делами, в которых моим помощником был назначен молодой офицер Амир Карамышев. Было принято решение для ведения дел войск Башкурдистана учредить «Башкирское войсковое управление» и его руководителем был назначен Заки Валиди. Офицерам, участникам курултая, Амиру Карамышеву, Абдулле Идельбаеву было поручено ехать в деревню Баймак, где находились золотодобывающие прииски, и начать формирование первого башкирского полка. Также на курултае был избран «Малый курултай» (Предпарламент) из 22 членов и принят план разделения Башкурдистана на кантоны, которые должны быть административными единицами управления. Работавший в эти же дни казахкиргизский конгресс в такой же форме 25 декабря принял решение и объявил автономию. Собравшийся в Коканде Третий Туркестанский конгресс 10 января (по старому стилю 22 декабря), то есть 13 дней спустя после объявления Башкурдистана автономией, объявил об автономии Туркестана и назначенный в качестве министра иностранных дел Мустафа Чокаев, прибыв в Оренбург, принимал участие в казахском и башкирском конгрессах. Желая составить вместе с Украиной союз под названием «Юго-Восточный союз», обсуждали вопрос о достижении соглашения с донскими казаками. Было принято решение – достичь соглашения с Украиной, но не иметь дела с донскими казаками. Из трех карт, подготовленных для конгресса,

карта «Союза самостоятельных мусульманских областей Восточной России» раскрывала суть наших целей. Ее мы вручили и членам казахского конгресса. Башкурдистан был объявлен не отдельной республикой, а лишь «автономным Башкурдистаном» (автономная область в составе союза мусульманских областей Восточной России и Федеративной России). У него не было собственного флага и не выдвигалась идея создания особого флага. В этой связи Фатхелкадир Сулейман по поводу идеи создания Татаро-Башкирского или Идель-Уральского флага, вынашиваемого некоторыми казанцами, сказал: «Флаг Башкурдистана – это флаг Туркестана, другого флага, который заставил бы отвернуться башкирский народ от этого флага и заставить его повернуть в сторону Москвы, быть не может». Ввиду того что Башкурдистан, Казахстан должны входить как члены в Российскую Федерацию, речи о создании особой финансовой системы и собственных денег не было, было предусмотрено, что и войска должны быть подчинены Российскому Верховному командованию, иных мыслей ни у кого и не было. В это же время находившимся там офицерам Абдулле Магазову и Абдулле Идельбаеву было поручено выехать в деревню Баймак для создания 1-го башкирского полка. Казахами было решено создать Алаш-Ордынское правительство, определив столицей город Семипалатинск.

Мы после завершения заседаний курултая к делу организации армии и созданию органов кантонного управления приступили со всей энергией. 5 января 1918 года, назначив польского офицера Бритца помощником, в Баймак направили Абдуллу Магазова. Оренбургское казачье правительство предоставило нам некоторое количество оружия. К тому же в различных местах нам удалось заполучить оружие, оставшееся от прежней власти. Таким образом, началось создание 1-го полка. Но денег не было. И здесь нашелся выход. Мы захватили водочные заводы Орского уезда («завод Самакина»). Найденные здесь запасы водки распродали в русских деревнях и за 10 дней выручили 400 000 русских рублей. Однако Красная армия, захватив Самару и Бузулук, быстро продвигалась дальше и 18 января 1918 года заняла Оренбург.

§ 49. Башкирское правительство и Советы

От башкирского правительства Шариф Манатов для ведения переговоров об организации автономии Башкурдистана и башкирских войск с «Мусульманским военным шуру» был послан в Казань. Мы его наделили также полномочиями: если в этом будет необходимость, поехать в Москву и заниматься в пользу признания Советским правительством нашей автономной государственности. Понимая, что борьба с большевиками в Оренбурге не имеет никакого смысла, мы не оказали помощи русским казакам, занимающимся защитой города, полагая, что управлять нашей областью будет возможно и, находясь в Оренбурге, в противном случае можно будет переехать в Баймак. Большевики в городе дали нам слово. Члены Алаш-Орды Алихан Букейханов, Ахмет Байтурсун, Миркаип Дулат бежали в степи. Мы, несмотря на захват города, не бежали. Посетив лидера большевиков Цвиллинга, я объяснил наши желания. Когда этот человек устроил общее собрание, из татар Бурхан Шариф, Калимулла Хасанов, показывая себя большевиками, а нас врагами Советов, занимались по отношению к нам неприличным, ложным доносительством. В особенности старались показать создание нами войск в Баймаке как движение, направленное против России, и дали слово помочь большевикам распустить их.

Назавтра Цвиллинг вызвал меня и предложил выехать в Баймак к войскам и дать им установку подчиниться Советской власти и установить связь с Москвой. Я, объяснив эти вопросы членам правительства, вместе с Аллаберды Ягафаровым поехал в Баймак. В деревне Кадырша встретились со всеми нашими офицерами. Офицеры на местах безоговорочно решили быть вместе с нами на путях обретения самостоятельности. Мы встретились и с солдатами полка и от их имени послали телеграмму в Москву о том, что мы готовы сотрудничать с Советской властью. Но как только мы уехали, татары в Оренбурге развернули против нас активную деятельность. С Аллаберды мы приехали в Оренбург. Между тем 4 февраля (1918) запи-

савшиеся большевистскими войсками татарское военное шуро получило от Советской власти Оренбурга разрешение арестовать нас, членов Башкирского правительства. На этом основании в полночь, ворвавшись ко мне домой, несколько солдат, разговаривающих между собой на плохом русском языке, то есть татарские солдаты, арестовали меня и привели в тюрьму. Между тем оказалось, что тюремщикам никто не давал распоряжения заключить меня в тюрьму. Выяснилось, что это дело только татар, но они сумели заполучить и это распоряжение и нас поместили в общую камеру. Арестованными оказались я, Абдулла Адигамов, Сагит Мирасов, Аллаберды Ягафаров, Ибрагим Мутин. Каждого из нас арестовали дома, разбудив со сна. В тюрьме, прочитав в газете «Известия» Оренбургского Совета от 5 февраля сообщение следующего содержания, мы узнали, что являемся гостями татар: «Рассматривалось обращение татарского военного комитета разрешить им арестовать Башкирское правительство, обвинив его членов как контрреволюционеров. Было решено удовлетворить их просьбу». Отдел того же Оренбургского мусульманского комитета в городе Орске командиру городского гарнизона Баранову охарактеризовал башкирский полк в Баймаке как врагов Советской власти, и в результате Баранов во главе русской войсковой части вместе с татарами двинулись к Баймакским золотым приискам. Баранов, сообщив, что они приезжают для простого посещения тех мест и ведения переговоров, 20 февраля прибыл в эти прииски и пригласил якобы для переговоров командиров полка Абдуллу, сына Гимрана Магазова, Абдуллу Идельбаева и некоторых других; там подверг аресту, и не допрашивая, расстрелял их. В это время полк лишь организовывался, командира полка Амира Карамышева там не было. Баранов не стал убивать поэта Хабибуллу Габитова и некоторых других и видя, что столкновение с башкирскими войсками становится неизбежным, тотчас уехал. Это событие стало причиной того, что среди башкир распространилось убеждение в необходимости борьбы против Советов с оружием в руках и в том, что иных средств не существует. Для этой борьбы считалось, прежде

всего, необходимо освободить нас из тюрьмы. Народ отправил делегацию в Москву и Советский комитет Оренбургской губернии с требованием выпустить нас. Эти требования показали наше влияние и авторитет среди башкир и в результате мы, арестованные в качестве «гостей татар», стали «гостями» самих русских. Наблюдавший за всем этим один из членов Оренбургского мусульманского (татарского) военного шуро Мухаммет Тагиров, раньше бывший моим шакирдом, принес в тюрьму еду и со слезами на глазах рассказал, что он ошибся, но дело приобрело очень дурной оборот. Амир Карамышев, посещая деревню за деревней в окрестностях Темясово, встречался с авторитетными башкирами и занимался подготовкой движения против Советов. Получивший обо всем этом сведения большевистский губернатор Оренбурга Цвиллинг, придя в тюрьму, объяснил нам, что все это усугубит наше положение, я должен дать приказ башкирам, взявшимся за оружие, чтобы они отказались от своих намерений и сдали оружие Советской власти. Если они этого не сделают в течение недели, в конце недели мы будем расстреляны. И меня, отделив от других моих арестованных единомышленников, велел закрыть в отдельную камеру. В то время я занимался приведением в порядок и переписыванием набело материалов о ногах Северного Кавказа, накопленных мною в архивах Петербурга и Москвы, то есть в начале была разрешена доставка бумаг и книг в тюрьму и работа над ними. Цвиллинг распорядился забрать у меня все книги, записи, бумагу и ручку. В это время два приглашали нас и на допрос. На допросе основными обвинительными материалами были статьи, написанные Фатихом Карими и его братом Камилом Карими с Ибрагимом Бикчентаевым под названием «Башкирское движение» и опубликованные в газете «Казачья правда». В этих статьях башкиры были представлены как хозяева земли и феодалы-монархисты, даже прошлые восстания башкир против России были охарактеризованы как движения в защиту интересов землевладельцев, а я был изображен как идеолог башкирских националистов. Тотчас после нашего ареста в Караван-Сарае, в занятых национальным пра-

вительством Башкурдистана комнатах, было создано Красное башкирское правительство. Его председателем был назначен Багау Нуриманов (родом из окрестностей Уфы), и Оренбургский татарин Давлет Шафиев*. Они захватили и деньги нашего правительства, официальное издание правительства газеты «Башкурт» продолжали выпускать в советском духе. Но считавшиеся в народе предателями эти люди занимались лишь доносительством оренбургскому губернатору Цвиллингу.

§ 50. Подготовка к борьбе в горах

Между тем 3 апреля случилось одно событие. Когда оставался один день из отведенного нам времени до расстрела, оренбургские казаки и вместе с ними группа башкир ночью напали на ту часть города, где располагалась тюрьма. Вместе с политиками из рядов русских казаков освободились и мы. Выйдя из тюрьмы, я у казаков, находящихся у здания тюрьмы, спросил, в какой стороне находятся мои друзья, сидевшие со мной в тюрьме, и башкиры, пришедшие нас выволочь. Они сказали, что, надеясь на мое еще более раннее освобождение, они быстро направились восвояси и показали, по какой улице они ушли. И я направился в ту сторону; отовсюду была слышна стрельба, казалось, вся округа является полем напряженного боя. Большевики старались вновь овладеть зданием тюрьмы. Ввиду весеннего таяния снега, везде были лужи. Я был обут в валенки (пимы, то есть «сапоги», сделанные из шерсти), а на плечах – шуба, поэтому каждому встречному было понятно, что я только что вышел из тюрьмы. Один из красногвардейцев подошел ко мне и арестовал, затем завел в один глухой переулок и там объяснил, что он был моим учеником, я вспомнил этого татарского паренька. Оказывается, он был шурином татарского историка и литературоведа Ямалетдина Валиди. Этот молодой человек прямоком привел меня в дом Ямалетди-

---

* Речь идет о Бахтигарее Шафиеве (А. Ю.).

на Валиди, расположенный вблизи моста через Яик. Оттуда, обменявшись мнениями с Сагитом Мирасовым и Абдуллой Адигамовым, я дал знать, что убегу в горы. Наняв подводу, в тот же день, проезжая по улицам, где лежали убитые, направился в Каргалы, а оттуда через Токчуран поехал на станцию Абдулино и дальше в Уфу. Моя цель заключалась в том, чтобы запутать следы своего маршрута и посоветоваться по некоторым вопросам с единомышленниками, в Уфе.

Прибыв в Уфу, обнаружил, что здесь находятся командир Баймакского полка Амир Карамышев, Салих Азнагулов и еще несколько наших людей. Я пребывал здесь скрытно. Обсуждался вопрос, уехать ли в горы или направиться в Москву, так как в Москве я как будто был «прощен». Более того, об этом «прощении» было сообщено Советам Оренбургской губернии, но они это игнорируют и поэтому якобы меня приглашают в Москву. И это было связано с планами создания Советским правительством «Татаро-Башкирской республики». Этот вопрос нуждается в особом разъяснении. При «Комиссариате по национальным вопросам» Советского правительства, руководимого Сталиным, был создан «Центральный мусульманский комиссариат». Во главе находился известный коммунист из татар Мулланур Вахитов. В начале 1918 года уехавший из Башкурдистана в Казань Шариф Манатов после установления Советской власти и роспуска Мусульманского шура направился в Москву и присоединился к Муллануру Вахитову. Там же находился татарский писатель Галимзян Ибрагимов. Он был послан Уфимским национальным управлением в конце декабря 1917 года на Третий башкирский курултай, где внес предложение о создании Татаро-Башкирской республики. Но мы вместо идеи создания отдельного государства, объединившись с татарами, остались верны идее в качестве «Малой Башкирии» присоединиться к большому Туркестану. У Галимзяна была цель – претворить в жизнь свою идею с помощью Советской власти, потому он и отправился в Москву. Мулланур Вахитов, приняв эту идею, объяснил Сталину, который тоже согласился, и для обсуждения плана создания Татаро-Башкирской респу-

блики было решено собрать в мае совещание. 10–17 мая упомянутое совещание состоялось. Там Сталин сделал доклад. Согласно этому докладу должны быть три автономных области – «Татаро-Башкирская», «Киргизская» и «Туркестанская». Об этом движении по инициативе Газима Касимова была издана брошюра (60 стр.) под названием «Татаро-Башкирская республика», которая вышла в Москве в 1918 году. Кроме того, Галимзяном Ибрагимовым была написана прекрасная статья о движении среди татар и башкир за самостоятельность и о движении унитаристов, противниках самостоятельности. На это совещание, планируемое на май, был приглашен и я. Если я надумаю ехать, то мог бы в Уфе тотчас официально объявить о своем пребывании, сесть на поезд и направиться в Москву. Но я, зная, что мысль о Татаро-Башкирской республике является ничем иным, как ловушкой и, видя несерьезность этой затеи, не принял ее, а решил, в соответствии и с желанием Амира Карамышева, выехать в горы и заняться организацией боевых отрядов.

Была середина апреля. Везде весенние ручьи. Особенно труден был переход через глубокие тающие снега на отрогах гор и через реки, ставшие полноводными. Мы вдвоем, облачившись в одежды деревенского башкира, пошли по дороге Архангельского и Аскинского (по-русски название – Шамов) заводов, переправились через реку Агидель, прибыли в деревню Ахмет Тамьян-Катайского кантона и приступили к организации дела.

По дороге Аскинского завода мы попали-таки в руки красных, но служившие в Красной армии и знавшие нас деревенские люди помогли нам скрыться. Я не берусь излагать подробности этого события, которое было от начала до конца единым приключением. Одним словом, мы ночью чудесным образом освободились от ареста (были заперты в помещении завода). До утра смогли переправиться через Агидель и пришли в деревню Азнагул. Когда преследовавшая нас русская красная воинская часть добралась до реки, лед уже тронулся. Таким образом, по воле случая, мы избежали и этой беды.

Председателем Тамьян-Катайского кантона был Талха Агайдаров, а руководителем милиции (полиции) – Муса Муртазин. С помощью этих людей мы занимались увеличением численности милиции и, сделав мечеть деревни Ахмет центром управления, поместили там шапирограф и размножили обращения. В то же время написали меморандумы представителям союзников, находившимся в Сибири, и особо обратились с меморандумом к японцам. С ними Талха должен был встретиться сам. При необходимости он поедет в Японию. В то же время договорились, что члены Правительства Башкурдистана и некоторые другие авторитетные и влиятельные люди должны встретиться в Кустанае в доме одного известного им человека (отца журналиста Абдуллы Гисмати).

Однажды ночью большевики напали на нас, но ввиду того, что один из местных людей об этом известил нас вовремя, мы смогли предпринять меры против этого нападения. Оставив Амира Карамышева здесь заниматься делами организации милицейских отрядов, с Талхой пришли из деревни Ахун вместе с тунгатарскими башкирами в деревню Тулек и пошли к хозяину золотодобывающих приисков Адельшаху Давлетшахову. Этот человек был самым состоятельным среди деловых людей Башкурдистана, а также из всех мне известных людей самым прекрасным человеком. И при строительстве завода преследовал национальные интересы: хотел помочь местному населению освободиться от кабальной зависимости русских заводчиков. Поездку Талхи он обеспечил золотыми деньгами. Приехав в Яланский кантон, я направился к Мусе Келиму и Галимзяну Тагану. С Галимзяном встретился, пригласив его в дом Мусы Келима, который был одним из самых авторитетных и интеллигентных людей здешних мест. Участвовал на башкирских курултаях. Галимзян был офицером в чине поручика и руководителем Яланского кантона. Повсеместно во всех своих совещаниях мы дали слово, что «если возникнет где-либо движение против Советов, нам нужно быть всегда готовыми с самого начала этого движения присоединиться к нему». Везде ожидалось антисоветское движение крестьян и казаков.

§ 51. Восстание чехов

Я приехал в Троицк. Здесь я оставался вначале в доме Тамьян-Катайского башкира Мухаммета хальфы, а затем в жилище одного дервиша. В Троицке местом нашего сбора был дом мугаллима Муллаяна Халикова, это был присоединившийся к башкирскому движению, участвовавший на курултаях интеллигент. Я сам в середине мая ездил в Кустанай. Остановился у отца Абдуллы Гисмати. При возвращении оттуда 22 мая пришло известие о восстании чехов. И Талха находился в Троицке. От совещания в Кустанае отказались. Тотчас направившись в центр Яланского кантона, придя в дом Мусы Келима в деревню Бодяз, пригласили туда Галимзяна. Если будет решено присоединиться к восстанию чехов, то передать Талхе, чтобы он поехал в Москву для встречи с японцами, для чего должен сесть на поезд на станции Чемлек. С этой целью он и отправился туда. Из наших местных людей одного мы послали в Челябинск к руководителям чехов. Письмом от имени председателя правительства Башкурдистана мы, объявив мобилизацию башкир, известили чехов о нашем присоединении к восстанию. Два дня спустя, думаю, 1 июля, я и сам направился в Челябинск. Здесь встретился с руководителем «Чехословацкого национального совета» Богданом Павлу. Из-за необходимости ездить не узанным, я был одет как деревенский житель и в этом виде зашел к нему. Но он не придавал значения моей одежде и со мною разговаривал как с председателем Башкурдистанского правительства. Он обещал, что при мобилизации башкир предоставит нам деньги и оружие (этот человек, позже ставший в Чехословакии министром внутренних дел и послом в нескольких странах, оставил у меня очень хорошее впечатление). Обо всем подробно и всесторонне поговорили (их ставка помещалась в задании станции и в вагонах). Эти люди желание Башкурдистана быть автономной областью воспринимали как его естественное право и сказали, что поговорят с генералом Ханжиным, занимающимся организацией русских войск, и предложили не медля начинать дело.

§ 52. Организация первых башкирских полков

С генералом Ханжиным разговаривал я. Этот человек взял на себя должность командира корпуса. В его распоряжении не было никаких войск, но в его руках было значительное количество оружия и снаряжения, часть которых он решил предоставить нам, а часть – чехам. Я и прибывшие из Аргаяшского, Яланского кантонов мои друзья Нуриагзам Тагиров, Таки Гисмати, Талха Агайдаров и Галимзян Таган вместе, с одной стороны, начали создавать учреждения Башкирского правительства, а, с другой стороны, собирать войска и 10 июля объявили мобилизацию башкир Челябинского уезда пяти призывных лет. На успех призыва от имени Башкирского правительства некоторые наши единомышленники не верили, так как Башкирское национальное шуро и Башкирское правительство, особенно я, находились в Оренбурге, считали, что в этих местах мы народу не были известны. Однако объявление мобилизации показало, что правительство среди народа снискало расположение, влияние и авторитет. Все мобилизованные люди за пять призывных лет из всех волостей прибыли добровольно и включились в создаваемые войсковые части, никто не отказался. Большинство прибывших, собрав в Челябинске, Аргаяше и Мухаметкуле, направили в Аргаяш и начали формирование полков.

Моим помощником в военных делах в качестве адъютанта был польский мусульманин Исмаил Мухлия. Вместе с ним и с другими друзьями мы, прежде всего, организовали Башкирское войсковое управление. Начали формирование 1-й башкирской пехотной дивизии и 2-й башкирской конной бригады. 1-й и 2-й полки 1-й конной дивизии мы собрались организовать на этой стороне, 3-й полк – в Златоустовском уезде, 1-й кавалерийский полк – в Агидели, в Тамьяно-Катайском кантоне и это решение начало претворяться в жизнь. 1-й батальон 1-го кавалерийского полка, в основном вооруженный местными ружьями, был организован в Аргаяше, и немедленно вместе с чехами войдя в бой, прогнал большевиков с тех мест, с окрестностей

Каяша. В освобожденных местах, в Буре, Кунашаке, Карабулакских волостях в том же виде были организованы войсковые части. Туда я поехал сам. Здесь был создан 2-й батальон. От сбежавших большевиков осталось много вооружения, в обоих батальонах вооружение и униформы были новенькие.

Другим местом сбора призванных из этой округи был Челябинск, они прибыли сюда. Создали 3-й батальон 1-го кавалерийского полка и командиром назначили татарина из деревни Кугарчи штабс-капитана Хариса Туймакаева. Вскоре после этого мы его перевели командиром всего 1-го полка. Из оставшихся людей после организации этого полка создали 2-й кавалерийский полк. Командиром этого полка стал прапорщик Габидов, так как у нас не было офицеров высокого чина. В Челябинском уезде сборщики налогов правительства собрали налоги. И это наш народ выполнил с огромным желанием.

В Тамьян-Катайском кантоне, также и в Верхнеуральском и Троицком уездах башкирские деревни и волости были охвачены мобилизацией, и они вливались в наши полки. Однако в этих местах ни оружия, ни снаряжения не было. Поэтому собравшихся людей разделили на милицейские отряды и решили составлять из них войсковые части по мере нахождения оружия. В силу одной счастливой случайности в руки Амира Карамышева, руководителя Тамьян-Катайской милиции, и Мусы Муртазина в большом количестве попало оружие. Из города Миасс, который все еще был в руках большевиков, красным, находившимся в городе Верхнеуральске, а также красным казакам во главе с известными Каширинами, было послано в большом количестве оружие. Получившие об этом сведения Амир Карамышев и Муса Муртазин, напав на них, все забрали и привезли в Белорецк и, согласно данному заранее распоряжению, 1-й башкирский пехотный полк был организован там. К сожалению, Амир Карамышев здесь заболел и скончался. Прекрасно игравший на курае Амир Карамышев родился в деревне Макар, соседней моей деревне, и был потомком упомянутого мной в книге «Сегодняшний Туркестан» (стр. 293) майора Юсуфа Карамыша и Карамыш тархана, жившего несколько веков назад.

Амир был прекрасным офицером и организатором. Вместо него назначили его заместителя Мусу Муртазина. В царской армии он служил унтер-офицером, родом был из тамьян-катайцев.

В июле того же года башкиры Златоустовского и Уфимского уездов, освобожденных от большевиков, были охвачены мобилизацией и собрались в Златоусте. Из них мы образовали 3-й кавалерийский полк, а командиром назначили поручика Галимзяна Тагана. Сюда (в Златоуст) я приехал сам и завершил формирование полка. Присоединившись к частям полковника Каппеля, который тоже сотрудничал с чехами, полк в различных местах воевал с большевиками и вытеснил их из родных мест. Галимзян Таган в одно время в Уфе со своим полком выполнял обязанности гарнизона.

§ 53. Переговоры с Алаш-Ордой в Семипалатинске

В это же время вместе с поэтом Саитгиреем Магазовым мы поехали в Омск и встретились с генералом Гришин-Алмазовым, организовавшим Сибирское правительство, и занимались обеспечением наших войск вооружением и другим снаряжением. Мы представили правительство Башкурдистана этому правительству официально. Саитгирея отсюда я направил в Семипалатинск, к Алаш-Ордынскому правительству. Нами был составлен план сотрудничества с Казахстаном. Саитгирей вступил в связь с членами правительства Алихана Букейхана, находившимися в той части Семипалатинска, которую Алихан называл как бы отдельным городом «Алаш Орда», и получил от них разъяснения по поставленным вопросам. Мухамметджан Тынышпаев, раньше бывший председателем Туркестанского правительства, здесь стал министром внутренних дел. И при его участии они приняли решения об общей судьбе Башкурдистана, Казахстана и Туркестана. Часть из этих решений записав, а часть, поручив Саитгирею в рифмованной форме заучить наизусть, довели до меня. Это сове-

щение состоялось с 18 по 21 июля. Там общее политическое положение было обсуждено в широком плане.

Это было первым общим совещанием, которое дало некоторые общие результаты, важные для Туркестанского, Башкурдистанского и Казахстанского республик.

С начала июля до начала августа в Челябинске были восстановлены все отделы правительства Башкурдистана. Их нельзя было разместить в маленьком городе, где расположились чешские и русские воинские части. Поэтому мы находились здесь временно, до переезда в основной наш центр – Оренбург. Согласно принятым в Семипалатинске решениям и намерениям, Оренбург должен стать общим центром управления Башкурдистана и Западного Казахстана. В этой связи мы хотели достичь взаимопонимания и с оренбургскими казаками, которые всю эту округу освободили от большевиков. Часть организованных в Челябинске учреждений управления мы начали перемещать в Оренбург и, создав там Войсковое управление, послали туда из офицеров Ахмета Биешева и члена правительства Сагита Мирасова. Они и в Темясово организовали кантонные учреждения и войсковой отдел, во всех кантонных центрах создали «кантонные отряды». Народ записывался в эти отряды, придя с собственными лошадьми. Наконец, правительство Башкурдистана со всеми своими учреждениями переехало в Оренбург и расположилось в Караван-Сарае. От имени правительства в Челябинске издавалась газета «Башкурт», редактором был Фатхелькадир Сулейман (Абделькадир Инан). В Оренбурге начали издавать ежедневные газеты «Известия правительства Башкурдистана» на тюркском и «Вестник правительства Башкирии» на русском языках. Редактором газеты на тюрки был сын Ризаитдина Фахретдинова Абдурахман Фахретдинов. Издание газеты в Челябинске продолжалось и после переезда правительства в Оренбург.

Здесь мобилизация была объявлена среди башкир Усерганского, Бурзянского, Токчуранского, Юрматинского кантонов

и было создано из них 4 кавалерийских полка под командованием штабс-капитана Низаметдинова. Но из призванных солдат в начале были составлены милицейские отряды, несколько позже они обрели вид полков. Все войска с Челябинского фронта были приведены в Оренбург, только 3-й полк не удалось вырвать из окрестностей Уфы. Мы преследовали цель, согласно договоренностям в Семипалатинске, сосредоточить наши войска в Оренбурге и вблизи Актюбинска, освободить Ташкент и создать там правительство. В это время несколько туркестанцев прибыли в Оренбург. Среди них были министр военных дел бухарского правительства Абдельхамит Арифов и великий поэт Узбекистана Чолпан. Абдельхамит Арифов некоторое время выполнял обязанности секретаря в нашем правительстве. Он был молодым человеком, получившим образование на русском языке.

§ 54. Совещание в Самаре

В это время в августе в Самаре члены Учредительного собрания создали правительство Учредительного собрания России. Мы и оренбургские казаки подчинились им. Это правительство, большинство членов которого принадлежало к эсеровской партии, положительно относилось к нашим национальным проблемам. Веденяпин, занимавшийся национальными делами, помогал нашему правительству и нашим организационным делам и объявил об официальном признании правительства Башкурдистана. Наша цель заключалась в том, чтобы все башкирские войсковые формирования и казахские войсковые части, которые будут созданы в Оренбурге, Тургае, объединить в один мусульманский корпус. Для командования этим корпусом мы пригласили известного татарского генерала Ишбулатова. Самарское правительство и к этому отнеслось хорошо: казакам и нам в большом количестве предоставили оружие и иное снаряжение. Предна-

значенное для казахов оружие и снаряжение все время находилось в распоряжении «интенданта» башкирских войск, организацией их 1-го полка занимался командир 2-го башкирского полка Габитов. Во второй половине августа мы вновь обсудили план создания «Союза автономных областей мусульман Восточной России» (федерации). Были накоплены относящиеся к этому вопросу статистические материалы. Между 29 августа и 3 сентября из Башкурдистана председатель правительства Юнус Бикбов и я, руководители правительства Казахстана Алихан Букейхан, Ахмет Байтурсун, председатель Туркестанского правительства Мухамметджан Тынышпаев собрались в Самаре. Ввиду того что все мы были членами Учредительного собрания, так же входили в состав Совета правительства, образованного данным Собранием под названием «Комитет членов Учредительного собрания». Наше собрание здесь было вторым общим совещанием после создания национальных правительств. Карта будущей федерации, сделанная в июле 1917 года и опубликованная в виде кроки (схемы), на этот раз была начертана на «40-верстной» карте русских. Согласно этой карте площадь федерации мусульманских областей составила 4 010 139 км², население по данным переписей 1911 и 1917 годов – 15 673 680 человек, из них 12 833 129 человек, то есть 82,54 процента, составляли мусульмане, 2 276 494 человека, то есть 17,46 процентов, были не мусульмане, русские и другие народы. Было принято решение: мусульман, оставшихся за пределами этих границ, переселить в федерацию, среди татар принять меры по распространению мысли о самостоятельности. То есть по этому вопросу будет развернута пропаганда³³⁰. Наши войска воевали на фронте Актюбинск – Орск. Нам казалось, что можно будет покончить с властью красных в Ташкенте. Для ведения переговоров обо всем этом мы послали бухарскому эмиру наших представителей. В это время в Оренбурге находились и руководители народного правительства Бухары Осман Ходжаев и Файзулла Ходжаев.

§ 55. Уфимское Государственное совещание

8–23* в Уфе состоялось «Российское Государственное совещание». Здесь собрались и видные татарские деятели. Из туркестанцев, кроме тех членов казахского правительства, которые были в Самаре, в Уфе находился и Мустафа Чокаев. И он согласился с решениями Самары. Об общих планах работы мы совещались и здесь. Между нами не было разногласий ни по одному вопросу. С некоторыми казанцами, в том числе с Гаязом Исхаки, полковником Бигловым, Ишмухаметовым в «Сибирской гостинице» состоялся разговор. Они настаивали на мысли, чтобы мусульманские воинские части, в том числе башкирские и казахские войска, подчинились «Азиатскому отделу» войск, которые будут организованы под командованием генерала Болдырева в Омске. Но башкиры и казахи, преследующие цель объединения национальных войск в самостоятельный корпус и фактически достигшие этого с помощью самарского правительства, не позволили подчинить свои воинские части в качестве меньшинства русской армии через ее «Азиатский отдел». Обсуждение этих же вопросов на следующий день продолжалось в здании медресе «Госмания». В эти дни и Юсуф Акчура находился в Уфе. Алихан Букейхан, Мухамметджан Тынышпаев беседовали с ним и, желая присоединить его к нашему движению, предложили взять на себя обязанности нашего представителя за рубежом. Но он сказал, что, будучи представителем Красного Месяца, вынужден будет вернуться в Турцию. Впервые от него стало известно о том, что Турецкие войска вошли в Азербайджан. Соблюдение порядка в Уфе в то время обеспечивал 3-й башкирский полк под командованием Галимзяна Тагана. Поэтому мы имели влияние на русских, прибывших в Уфу на совещание. На этом совещании мы отдавали свои голоса партиям эсеров, социал-демократы и другие партии, объединившиеся вокруг комитета

---

* Так у автора (А. Ю.).

Учредительного собрания, голосовали против «контрреволюционных» партий кадетов и других, которые придерживались сторонников диктатуры. Мы же были с этим не согласны. Согласились только с тем, чтобы генерал Болдырев был на стороне Учредительного собрания. Однако руководитель казаков в Оренбурге Дутов, объединившись с союзниками в Сибири и «контрреволюционными» генералами, стал сторонником диктатуры. Мы с ним беседовали, находясь в одном и том же поезде, когда возвращались из Уфы с совещания в Оренбург. Он предпринял меры против увеличения башкирских войск в Оренбурге и его окрестностях, против объединения их с казах-киргизами, а также был противником приведения 3-го полка, находившегося в Уфе, в Оренбург.

§ 56. Башкиры и татары

Татары, занимавшиеся в Сибири и Уфе совместно с русскими генералами созданием «Азиатского отдела», не достигли никаких результатов. Наконец, некоторые унитаристы, выступавшие против нас, начали присоединяться к нам. Прежде действовавший против нас Фатих Карими и другие, прибыв в Башкурдистан, занялись у нас делами просвещения. Многие стали офицерами в наших войсках. В их числе прибыл бывший председатель Казанского военного шуро Ильяс Алкин. Однако в Оренбурге руководители казаков начали проявлять по отношению к нам враждебность, а в Сибири принимались меры против демократических учреждений и Учредительного собрания. Диктаторские поползновения усиливались и мы понимали, что остаемся прижатыми меж двух огней, то есть красными и белыми врагами. Понимая, что в этом положении наше правительство однажды будет вынуждено покинуть Оренбург и расположиться где-нибудь в середине Башкурдистана, центр управления постепенно начали перемещать в центр Бурзян-Тангаурского кантона, в село Темясово, и заня-

лись подготовкой зданий для размещения учреждений. 7 октября большевики захватили Самару и станцию Кинель и нам пришлось правительство переместить в Баймак. В Оренбурге осталось лишь наше Войсковое управление.

Ввиду сложной обстановки и запутанности событий того времени среди татар широко распространилось настроение — «Режимы меняются, кто придет к власти, а кто уйдет, неизвестно», но среди башкир никакой растерянности не чувствовалось, слухи о столкновении различных фронтов еще больше оживляли их. К началу октября в южных кантонах число солдат в добровольческих воинских частях превысило 3 500 человек. Наше войсковое управление, опубликовав 5 декабря приказ, создало 2-й кавалерийский полк, назначив его командиром уважаемого молодого офицера Ахмета Биешева, так же создав 6-й кавалерийский полк, командиром назначили столь же уважаемого татарского офицера, моего близкого друга Усмана Терегулова. Они были переданы 2-й башкирской кавалерийской дивизии (5-й полк, составленный из башкир северных кантонов, вместе с еще раньше организованным 3-м кавалерийским полком, должны были составить 3-й башкирский кавалерийский корпус, поэтому, чтобы не нарушить плана, из добровольцев, собранных в южных кантонах был организован 6-й кавалерийский полк).

§ 57. Большие планы, составленные в сложное время

Время было весьма сложное. Несмотря на это между Башкурдистаном и Казахстаном установилось хорошее сотрудничество, и были составлены несколько планов. Об этом хочу привести из своей книги «История Туркестана» (стр. 370–376) следующие отрывки: «18 июня с переходом Ашхабада в руки меньшевиков, появились возможности для установления связей между Азербайджаном и Туркестаном. Туркестанские мусульмане с целью представления Туркестана в правительство

Турции в составе ташкентцев Садреддин-хана, Нуретдин-бея, Саитнасир Миржелиля, из Туркменистана Эмир хаджи Бердиева и из Кызылсу Мехмет Кульмухамет-оглы через Азербайджан двинулись в Турцию. Из Туркестана пожилой казахский интеллигент Ширали Лапин через Стамбул поехал в Германию. Он придерживался мнения приглашения на Туркестанский престол какого-либо принца из Турции»³³¹. Также и в Турции Зия Гекальп в журнале «Ени Межмуа» опубликовал статью в том же смысле³³². Ширали Лапин от имени туркестанцев отправил даже меморандум императору Вильгельму и маршалу Гинденбургу. Но обстоятельства быстро изменились. Правительство Ашхабада было под влиянием английского военного командования, в то время прибывшего в Мешхед. В начале сентября генерал Малиссон закаспийские дела взял в свои руки. О деятельности турецких сил на Южном Кавказе и об их движении в Баку у нас сведений не было. Напротив, приходили известия о том, что у самой Германии, захватившей в то время Украину, осложнились дела внутри страны. Западное Алаш-Ордынское и Башкурдистанское правительства решили установить связи с азербайджанско-тюркскими и ашхабадскими меньшевистскими правительствами. Стало известно о том, что в Самарканде Махмуд Ходжа Бехбуди и его соратники решили установить связь с ашхабадским правительством и меньшевиками. В то время первоестепенной задачей было, прежде всего, для нахождения какой-либо меры против страшного голода, свирепствовавшего в то время в Туркестане, уничтожение большевистской власти в Ташкенте, препятствовавшей присылке продуктов питания из Поволжья, образованию демократической национальной власти, соответствующей к условиям Сибири и Закаспийской территории. Это было время, когда международные отношения запутались самым удивительным образом. Все висело на волоске. Положение ташкентских коммунистов было крайне сложным. Если бы тюркские колонии Восточной России – узбеки, казахи, башкиры и туркмены – обладали какой-либо

общей политической организацией, ведущей дела как в самом Туркестане, так и за ее пределами, имеющей представление о состоянии международных дел, при условии, что все ее деятели были бы едины в духовном и политическом смысле, то была бы возможность и силы, оставшиеся в стороне из-за их географического расположения, направить в единое русло и тогда можно было бы совершать великие дела для будущего Туркестана. Малочисленные, но сплоченные, войсковые части правительства Башкурдистана были готовы вступать в бой в Туркестане, на Актюбинском фронте, и сражались против ташкентских большевиков: в Закаспийске и Хиве были туркменские силы, в Фергане – басмаческие отряды Мехмета Эмин-бека. Дядя бухарского эмира Саит Акрам-тюре в Шахрисабзе (Кеш) сплотил значительную военную силу. К нему присоединились и те узбеки, и таджики Самаркандской губернии, которые еще сохраняли в себе воинственный дух (под управлением Бахрам-бека и его единомышленников). Но они находились на стороне большевиков. Большевики тюркской частью города Ташкента управляли через своего ставленника, местного интеллигента по имени Кемал Ходжа. Все это в силу целого ряда причин еще более усугубляло положение. Прежде всего генерал Дутов и я, послав бухарскому эмиру представителей, предложили для уничтожения ташкентских большевиков, удерживающих в своих руках области на севере от Аральского озера, послать 5 000 войск через Кызылкум, который в то время был совершенно незащищенным, на Казалы и отрезать железнодорожное сообщение со стороны Самарканда. Эмир через Кушбеги сообщил нам, что «он заключил мир с большевиками Ташкента, и они не будут захватывать принадлежащую ему область». В то время прибывший из Ирана по дороге через Хорсан и Бухару в Оренбург русский консул Минорский также объяснил, что Бухара не предпримет никаких действий против ташкентских большевиков. Если бы эмир по дороге через Кызылкум послал два полка, то было бы неизбежно отступление ташкентских большевиков на Ак-

тюбинском фронте, и они тогда не смогли бы удержаться и в Ташкенте. Эмир старался избегать любых действий, которые могли бы обернуться против России. По его мнению, кто хозяйничал в Петербурге и Москве, тот и был «российским правительством». Одним словом, эмир и Саит Акрам-тюре боялись тени России, которая к тому времени была мертва. Я одному из своих друзей, с чувством сожаления объяснив ответ эмира, написал по-арабски строки в стихотворной форме, смысл которых заключается в следующем: «эти люди, влачимые судьбой, похожи на быка и осла без узды. Человек, едущий верхом на ишаке, умер. Но ишак своим ослиным умом понять это не может и таскает свой груз поныне»³³³. Напротив, они варварски зарезали Махмута Ходжу Бехбуди и его единомышленников как джадидов (25 марта 1919 г.), которые прибыли в город Карши, чтобы разъяснить положение. С другой стороны, и в Оренбурге произошло одно досадное событие: в то время мы вели подготовительную работу по устранению генерала Дутова и его окружения, пытающихся установить диктаторские порядки в Оренбурге, чтобы затем образовать общее правительство, включив в его состав из Башкурдистана меня, из Казахстана Саитгазима Кыдырбаева, из казаков атамана Каргина и назначив главнокомандующим войск полковника Макхина (6 ноября 1918 г.). Если бы этот план осуществился, можно было бы в конце года, двигаясь от Актюбинского фронта, уничтожить большевиков, обосновавшихся в Ташкенте, поместить в Ташкенте башкирские и казахские войска, объединить ферганские и самаркандские военные силы. В Тургайской губернии Алаш-Ордынцами был организован вооруженный казахский полк. Из аргын-кипчаков вышеупомянутый предводитель Абдулгафар также вел борьбу с большевиками. Российские демократические партии, члены «Учредительного собрания» в Оренбурге поддержали бы эти меры, направленные против Дутова. И уральские казаки присоединились бы к этому новому оренбургскому демократическому правительству. Но подготовительные работы

в Оренбурге из-за глупости одного мусульманского офицера и предательства другого так же мусульманского офицера были сведены на нет. Генерал Дутов предпринял против нас ответные меры.

С другой стороны, и старания в Туркестане не дали никаких результатов. Между прочим, в ноябре и декабре 1918 года и служащие ташкентской железной дороги стали выступать против Советов. Военный комиссар ташкентских большевиков царский офицер Осипов был в связи с железнодорожниками и левыми эсерами. В Оренбурге и мы с Дутовым много занимались тем, чтобы установить с ним связи. 18–19 января 1919 года Осипов, захватив внутреннее укрепление города и сумев привлечь на свою сторону один из полков большевиков, поднял против них мятеж. Стремился установить связи со всеми врагами большевиков. Он попытался посредством знакомых ему людей в Ташкенте привлечь местных тюрок к участию в начатом им мятеже, собирался раздать им богатые запасы оружия, хранившиеся в арсенале внутреннего города. Но население Ташкента осталось к этому равнодушным. Причина объяснялась просто: мусульманская интеллигенция была на стороне Советов. Эта мусульманская интеллигенция в основном находилась под влиянием казанцев и оценивала победу русских казаков и таких, как Осипов, как «конец революции», и повсеместно очерняла наши попытки достичь взаимопонимания с русскими казаками. В то же время нам, державшим фронт в Актюбинске лишь силами башкирских и казахских воинских сил, невозможно было противостоять против двух русских политических сил: против ташкентских большевиков и уральско-оренбургских казаков. Наш призыв – помочь басмачам и противникам Советской власти в Ташкенте был безрезультатным. Находившиеся в Ташкенте азербайджанец Мехмет Эмин Эфендизаде, турецкие офицеры Кязим-, Зия- и Хайдар-беи чрезвычайно решительно выступали против установления в Туркестане власти белых русских. Венгерские и австрийские пленные полностью были на стороне большевиков. Между тем Осипов выразил желание в ходе свое-

го мятежа опереться на мусульманское духовенство. В любом случае из-за того, что такие центры, как Бухара и Ташкент, не смогли проявить активного участия во всех этих событиях, в Сибири и в долине Зеравшан советский режим продолжал свое существование. Вместе с тем в то время Оренбург из-за своего географического положения сыграл очень важную роль. Благодаря пребыванию наших людей в Хан Ордасы, являющейся центром Букей Орды, недалеко от Астрахани, мы были в курсе дел немцев на Украине, а также на Кавказе, через наших представителей у Омского правительства мы знали о делах чехов в Тургае, получали сведения о Туркестане. Чтобы получать сведения из Азербайджана, послали человека в Гурьев (Уйшук).

Один из отрядов находившихся в Ашхабаде англичан однажды прибыл в форт Александровск. В случае если в Сибири продлится существование русской демократической власти, была надежда договориться с союзниками и сделать некоторые дела. Мы считали, что исчезнет недоверие союзников по отношению к мусульманским войскам, проявленное ими в 1918 году во время разрушения Германского фронта. Лидеры эсеров и руководители чехов верили, что мы искренни в своем желании в качестве самостоятельных областей оставаться в составе Российской федерации. Убеждением в этом представителей союзников занимался Алихан Букейхан. Упомянутый самаркандец Махмуд Ходжа Бехбуди, по словам Кязим-бея, придерживался мнения о достижении соглашения с англичанами напрямую. И мы в то время в состав делегации, посланной членами «Учредительного собрания России» в Европу, включили Мустафу Чокаева для представления Туркестана, Казахстана и Башкурдистана, и отправили его через Баку.

§ 58. Крушение демократии

После того как адмирал Колчак в Сибири прибрал власть к рукам, союзники усилились и у Учредительного собрания не осталось никакого авторитета и влияния. И чехи покорились

этому. В этой связи будет уместно разъяснить вышеупомянутое событие 6 ноября. Крушение дел Учредительного собрания раскрыло лицо Дутова как «контрреволюционера» и монархиста. Этим самым он оттолкнул от себя и собственных казаков. В конце ноября я поехал проверять состояние наших войск на Актюбинском фронте. Командующий этим фронтом полковник Макхин был из эсеров и врагом Дутова. Он раскрыл мне собственные планы. Его люди пришли к мнению: устранив Дутова, назначить главнокомандующим атамана Каргина, также состоявшего в эсеровской партии. Он поинтересовался моим мнением по поводу присоединения к этому плану. И я ответил утвердительно: присоединимся. Приехавший из Екатеринбурга в Башкурдистан Мустафа Чокаев, член правительства Западного Казахстана Миргазим Кыдырбаев в то время находились в Оренбурге. После моего возвращения из Актюбинска, посоветовавшись вместе, решили создать правительство с участием трех политических кругов. Членами будут атаман Каргин, Макхин и третий я. В эти месяцы Чокаев и Миргазим Кыдырбаев, Файзулла Ходжаев все время были вместе. Все эти перемены, произошедшие 1 декабря, случились из-за предательства челябинского татарина Алиева, служившего в наших войсках в окружении Абидова. Из-за него наш план стал известен Дутову, и он в танке сбежал за пределы города, арестовать его не удалось, он был лишь ранен³³⁴. И эта неудача свидетельствовала о происходящем на Урале крушении демократии, установлении диктатуры.

В это время, отдав приказ от имени «Войскового управления», мы перевели 1-й полк, размещенный в Белорецке, в Оренбург. В летние месяцы из солдат, находившихся в составе милицейских частей, организовали 6-й кавалерийский и 2-й пехотный полки. Их сосредоточили вокруг Оренбурга и, опираясь на них, части из Актюбинского фронта в тот же день, 6 ноября, через Оренбург переместили на станцию Сакмарск, расположенную на северной железной дороге Оренбург – Орск³³⁵. А оттуда они направились в деревни Иманкул

и Якуп и там расположились. Из них 1, 2, 4-й кавалерийские полки составляли 1-ю кавалерийскую дивизию. 2-ю дивизию составляли 2-й кавалерийский, 1-й пехотный полки и прибывшие из различных кантонов добровольческие воинские части. Все башкирское воинское формирование носило название «Отдельный башкирский корпус». Всеми войсками командовал генерал Ишбулатов, начальником штаба был назначен генерал Федоров. Все войска находились под моим руководством, а Ильяс Алкин был начальником штаба. Об организации войск в такой системе было объявлено 5 ноября. Мустафа Чокаев из Екатеринбурга вместе с членами Учредительного собрания уезжал в Европу, он перед лицом народов мира будет представлять Туркестан, Казахстан и Башкурдистан. Когда 6 ноября планы потерпели полную неудачу, Мустафа Чокаев через короткое время по Хазарской дороге уехал в Азербайджан, а оттуда – в Тифлис. К концу ноября положение полностью переменялось в пользу Советов.

После объявления 25 ноября в Сибири адмиралом Колчаком себя диктатором взаимоотношения с Башкурдистаном в корне изменились. Было несомненно, что этот диктатор упразднит нашу республику и распустит нашу армию. Перед лицом этих обстоятельств мы ощущали неизбежность зондажа возможностей переговоров с Советами и в Москву послали Салиха Азнагулова, который раньше занимался делами в Москве. Этот человек, не обращаясь к правительству, должен был с помощью знакомых нам людей выяснить возможность или невозможность заключения мира. В то же время председателя Юрматинского кантона Абдуллу Ильясова и Абдулхамита Арифова послали в Тургай и Алаш-Орду, чтобы сообщить о том, что мы вынуждены вести переговоры с Советами, и что если они думают о том же, необходимо двигаться в этом деле вместе. В это время человек, посланный нами в Бухару, вернулся и, сообщив нам о заключении эмиром соглашения с большевиками, передал его слова: «В Москве кто находится во главе власти, тот и царь». Эмир воздержался от встречи с нашим

представителем. Если бы он, приняв наше предложение, послал через Казалы конные войска числом в 2 000, Актюбинский фронт давно бы перестал существовать, а Ташкент был бы освобожден.

С одной стороны, когда мы послали своих представителей в Алаш-Орду, 6 декабря на Урал, в поместье Шотта, прибыли представители Алаш-Орды Азим-бей Беримжанов, Мухтар Ауезов, Миргазим Кыдырбаев. В это время, кроме 3-го полка, все наши войска были сосредоточены на наших собственных землях. Собрав всех офицеров, в этом поместье я устроил ужин. Были также люди, прибывшие из различных кантонов. В наших войсках были и великолепные кураисты. Много было и медовухи, и пива.

Мы поздравляли друг друга тем, что переживаем время, когда сами являемся хозяевами собственной страны. На второй день представители Алаш-Орды, приняв решение, что все мы будем едины в деле достижения соглашения с Советами, уехали на родину. И мы свою ставку переместили в Кызыл Мечеть, а потом через Кананикольский завод в Темясово, постепенно начали претворять в жизнь решение объединиться, а в это время в Екатеринбурге комитет Учредительного собрания окончательно распался. Руководитель эсеров Виктор Чернов и некоторые другие из Екатеринбурга приехали к нам. В Кызыл Мечети я организовал в их честь официальный обед. В 1923 году, позже в Париже, а в 1929 году в Праге я увидел, что у Чернова и у его единомышленников этот праздничный прием оставил чудесные воспоминания. В одном из своих выступлений в Праге он рассказал о том, что в конце 1918 года, когда на Урале везде всех охватило уныние, только в Башкурдистане господствовало, вместе с полным спокойствием и безопасностью, вера в себя. Говорил он и о прекрасных видах природы вокруг Кызыл Мечети. Чернов и его спутники увидели воочию, что все движения против Советов Заволжья (то есть на востоке от Волги) переживали полное разложение. Они также считали, что перед этим горьким обстоятельством не останется никакой

иной меры, как достижение соглашения с Советами. Чернов, уехав в Москву, некоторое время будет там жить инкогнито. Я с ним несколько позже встретился и в Москве.

Чернов на наших лошадях и под нашей охраной уехал к уральским казакам. Этот человек был видным теоретиком социал-революционером. У него есть большой труд под названием «Конструктивный социализм», объясняющий основы народного социализма. Он был революционером, не признающим марксизма. В то же время, после отъезда Чернова и эсеров, вместе с ним находившихся у нас, мы сумели перехватить бумаги, которые везли офицеры, посланные Колчаком и союзниками Дутову, во время их проезда через границы Башкурдистана. По ним было ясно, что колчаковцы предпринимают твердые меры по упразднению нашего правительства и роспуску наших войск. Эти дела происходили еще в то время, когда мы были в Кызыл Мечети. В конце декабря мы послали наших представителей к командующему 5-й Советской армией, ставка которой находилась в Уфе. Решили вступить в прямую связь с московским правительством, и Хидиатуллу Сагадиева и Муллаяна Халикова послали в Уфу. Наши условия заключения мира: принятие самостоятельности нашей области (в Башкурдистане коммунизм не должен быть принудительным), сохранение экономической самостоятельности (наши войска должны оставаться как национальные части). Шариф Манатов приехал из Москвы еще в декабре и в одной из деревень был занят подготовкой к женитьбе. Мы назначили было его на должность в Темясово. Он проявил себя как интриган. Был в сговоре с Абдулхаем Курбангалиевым. В правительстве мы поговорили о нем и сочли за благо, дав ему задание, отправить за пределы России. Сказав ему, чтобы в пользу Башкурдистана занимался по собственному разумению, мы отправили его через Гурьев в Азербайджан³³⁶. Январь прошел в переговорах. Западный и Северный Башкурдистан был захвачен Советами. С тыла нашим врагом стала армия Колчака, а на юге – Дутов. Однажды он вызвал меня к телефону: якобы меня и Юнуса

Бикбова вызывает на совещание. Я же, выругавшись по телефону по-русски, прервал разговор. У войск закончились военные припасы. 9 января 1919 года наши представители, посланные в Уфу, вернулись оттуда вместе с татарским коммунистом по имени Галимзян Аминев для переговоров. Наша ставка находилась на Кананикольском заводе. Туда же были приглашены и члены правительства, и офицеры войск и обсуждены вопросы заключения мира. В это время прибыли посланцы находившихся в Ташкенте афганских представителей – индо-станца Мевлеви Баракатуллы и турецкого офицера Мехмета Кязим-бея – с письмами на руках, в которых они выражали нам советы следующего содержания: «Борьба с большевиками не имеет смысла. Весь исламский мир во главе с Турцией сегодня, объединившись с большевиками, стоит перед необходимостью борьбы против англичан. Если бы Актюбинский фронт исчез, представители Афганистана и Индии прибыли бы в Москву. Советуем вам заключить мир с Советами». Мы к этому времени уже ушли из Актюбинска. Мы обсудили необходимость заключения мира, вопросы о массовой гибели населения в захваченных землях, о расстреле сотен крестьян, особенно в окрестностях Кызыл Мечети, о распространении грабежей и оскорблений населения, о необходимости положить конец всему этому, о невозможности перехода оставив родину на восточную сторону Яика. Во всяком случае, в Шотте по поводу достижения мира с Советами письма Мевлеви Баракатуллы и Кязим-бея на казахстанских представителей оказали большое влияние, склоняющее их в пользу соглашения. Позже с этим Мехмет Кязим-беем мы встретились в Турции и в 1927–1928 годы в Стамбуле вместе выпускали журнал «Ени Туркестан» (Новый Туркестан). Кязим-бей был ответственным редактором этого журнала. В это время он написал подробные воспоминания о своей деятельности в Афганистане и Туркестане и там писал о своих размышлениях в Ташкенте, об отправлении в Башкурдистан и о получении в то время сведений с сильными преувеличениями о националь-

ных войсках, ведущих войну в Башкурдистане против Советов³³⁷. Еще летом 1918 года пленный офицер из Турции Гумер Лутфи-бей был в башкирских войсках и был послан в Ташкент для установления связи. По разъяснениям, полученным от офицеров, прибывших через Казахстан в Ташкент, мы узнали, что Кязим-бей думал, при достижении соглашения с Советами можно будет воспользоваться башкирскими войсками в борьбе против англичан. Но в то время у нас не было сил для уничтожения красных русских на Актюбинском фронте. После состоявшегося на Кананикольском заводе совещания с людьми, прибывшими из Ташкента, и с нашими офицерами, я сам направился для проверки наших войск между Стерлитамаком и деревней Макар. И Ильяс Алкин был вместе со мной. Мы были и в моей родной деревне. В деревне Макар прошли сильные бои. Мой родственник Баишев был командиром нашей войсковой части, проявив большое мужество, они с солдатами отбросили большевиков из деревни Макар в Петровское. И 1-й кавалерийский полк Муртазина в направлении Ишимбай – Сайран держал фронт. Несмотря на отсутствие боеприпасов во время боев они проявляли большое героизм. Воевали лишь теми боеприпасами, которые отвоевывали у самих большевиков³³⁸. На обратном пути, рядом с деревней Салих, когда мы слезали с лошадей, подверглись нападению большевиков, сидевших там в засаде. Вместе со мною был лишь отряд охраны. Произошло столкновение. Большевистские пули разорвали подол шубы, в которую я был одет, но слава Аллаху, меня самого не задела. Не обошлось без жертв, хотя большевиков мы вынудили отступить. Но мы не были в состоянии удерживать весь фронт. Вновь прибыли в Макар, оттуда в Кулгуну, затем в Галиакбер и на Кананикольский завод. В войсках падения духа и растерянности не было. Только нехватка боеприпасов, общее плохое положение у командующих вызывало беспокойство. Мы на фронте длиною в 300 километров держались силами войск в несколько тысяч солдат без боеприпасов. В этих сложных условиях наши совещания в имени Шотта,

Кызыл Мечети, Кананикольске были предельно искренны. Мы разносторонне обсуждали вопрос о том, отступить ли нам в этих условиях, чтобы спастись, вглубь Казахстана или достичь соглашения с Советами. В ходе этих совещаний было решено, что если преимущество будет дано достижению соглашения, то офицерам и солдатам – сторонникам отступления в Казахстан, будет предоставлена полная свобода.

С другой стороны, истина, которую в данном случае следует подчеркнуть со всей определенностью, заключалась в том, что в эти дни среди татарских интеллигентов, служивших в правительстве Башкурдистана и в башкирских войсках, произошел резкий поворот в пользу самостоятельности. Во главе с Ильясом Алкиным вся татарская интеллигенция и офицеры в Башкурдистане в эти критические дни защищали идею самостоятельности Башкурдистана. Татары, бывшие еще в начале ноября сторонниками Алиева, раскрывшего Дутову наши планы по его уничтожению, то есть приспособляющиеся к белым русским против Башкурдистана, ныне все дружно стали искренними сторонниками нашей самостоятельности. В этом, несомненно, была большая заслуга генерала Ишбулатова, полковника Бикмеева, полковника Ахмерова, Ильяса Алкина, Абдурахмана Фахретдинова, Абдуллы Адигамова. Как бы там ни было, в конце 1918 и начале 1919 годов в течение 3 месяцев до достижения соглашения с Советами между интеллигентами башкир и татар не осталось никаких идейных разногласий. Все были преданы самостоятельности и объединились вокруг мысли о том, что необходимо ее уберечь и после достижения соглашения с Советами. Поэт Шайхзада Бабич чистоту помыслов наших людей в те дни отразил в своих стихах. Даже татарский коммунист Галимзян Аминев после заключения соглашения, когда позже я встретил его в Москве, рассказывал мне о том, что в те дни на Кананикольском заводе, поговорив с татарскими офицерами, служившими в наших войсках, он испытал на себе влияние их «веры в будущее нашего народа в эти кризисные дни» и что, вернувшись в Уфу, он не стал гово-

рить обо всем этом советским руководителям. Во всяком случае, наблюдавшееся в те дни в башкирских войсках духовное единение и твердость воли могли оказать влияние на любого тюркского и мусульманского интеллигента. Полагаю, что все сказанное мною по этому случаю имеет значение и для нашей будущей судьбы. В эти дни, если бы было принято решение не заключать мира с Советами, отступить к китайским границам, этому все бы подчинились. Позже мы поняли, если бы мы последовали по пути Дутова и полковника Каппеля, то совершили бы великую ошибку. В то же время, когда мы достигли взаимопонимания с Советами и заключили соглашение, некоторые башкирские и татарские офицеры распрощались с нами и с нашего согласия остались на стороне белых русских.

§ 59. Воспоминания поручика Исмагила Шарипова

Одним из тех офицеров, которые не пожелали переходить на сторону Советов, а остались на стороне белых, был капитан Гани Карамышев. Этот Гани Карамышев был братом Амира Карамышева, о котором речь шла выше. Позже Гани перешел на сторону Советов и присоединился к нам. Другой, оставшийся у белых, был Шагибек Узбеков. Этот офицер, родом из деревни Ахмер, был интеллигентом и чрезвычайно умным человеком. Мой большой друг с детских лет. Он не верил Советам. Ушел к уральским казакам, оттуда перешел к войскам Деникина и погиб в бою против большевиков в Крыму. Другой, не перешедший к красным, – Абдурашит Хусаинов, сын оренбургского татарского богача Гани Хусаинова. И он присоединился к армии Деникина, и некоторое время оставался на Балканах, а затем пропал без вести. Еще один офицер, поручик Исмагил Шарипов, был командиром эскадрона 1-го кавалерийского полка, затем в бригаде Муртазина – командиром 2-го полка. И он ушел к уральским казакам, затем присоединился к Деникину, позже уехал в Стамбул и работал на одной

из фабрик, заболел и умер. Этот Исмагил, по происхождению казанский татарин, о времени своего служения в башкирских войсках, видимо, с целью вручения их кому-либо из тюрков, написал воспоминания, которые после его смерти перешли в мои руки. Исмагил был одним из тех офицеров, который не хотел примириться с большевиками. Я думал, что в его воспоминаниях будет резкая критика в мой адрес. А между тем этот человек о том времени хранил самые хорошие впечатления. Я нашел полезным привести некоторые отрывки из этих воспоминаний, в которых, даже после перехода башкирских войск на сторону Советов, сражения бригады Муртазина описаны с использованием схем боевых действий: «В 1918 году, когда полковник белых русских войск Каппель во главе своих воинских частей форсировал Волгу и заставил большевиков отступить до станции Инза, я был в его окружении. Заболев, приехал в Самару. После выздоровления меня послали в Оренбург в распоряжение генерала Дутова. Когда начальнику его генерального штаба генералу Вагину я выразил свое желание служить в башкирских войсках, он меня послал туда. Получив у Вагина письменное распоряжение, я пошел в Караван-Сарай. Мне сказали, что меня примет сам председатель республики Заки Валиди³³⁹. Председатель был занят каким-то другим делом и мне сказали, что следует подождать, и указали на стул, находившийся в длинном коридоре. Когда прошел час, пригласили войти в рабочий кабинет господина председателя³⁴⁰. Открыв дверь, я вошел вовнутрь. Приветствовав в официальной форме, представился. Господин председатель принял меня очень приветливо. Указав на стул, попросил сесть. Расспросил: «Вы откуда родом? В каком полку служили? Какими судьбами оказались на башкирской земле?» После ответа на поставленные вопросы, он сказал мне, что, если я пожелаю служить в национальных башкирских войсках, то нужно определиться, в каком полку хотел бы служить, и что я буду назначен туда, где мне больше всего понравится. Сказал, чтобы я это дело выяснил до завтрашнего дня, а на завтра пришел и сказал

о своем решении полковнику Емельянову. Я сказал, что о своем желании выскажу и самому высокочтимому председателю. Когда мне было разрешено покинуть кабинет, я вновь вышел в длинный коридор. В коридоре правительственного здания, полного национальным чувством и национальным духом, несколько офицеров из башкирских национальных войск и несколько человек в штатском ждали своей очереди, чтобы попасть к главнокомандующему. Пока я по коридору шел к кабинету начальника штаба полковника Емельянова, нельзя было не обратить внимания на то, что в период господства разлада и разложения России, переживающей революцию, учреждения Башкурдистанского правительства проявляли такой порядок и дисциплину, что нельзя было не восхититься тому, как правительственные круги были организованы согласно единой системе и порядку.

Бросалось в глаза то, как увиденный мною отдел по сбору информации, относящийся к органу национальной безопасности, и другие отделы помещались в отдельных кабинетах, гражданские и военные служащие занимались своим, каждому из них порученным, делом, относясь к своим обязанностям с рвением, исполняя свои дела с чувством долга перед народом. Такого рода деятельность пробуждала надежду на наше будущее и напоминало, с какой искренностью и серьезностью занимались делами такие великие герои нашего мужественного народа, как правившие миром Аттила, Чингиз, Тимур и Бабур.

В тот день я устроился в отеле, отдохнул. На второй день в десять утра вновь направился на прием к господину главнокомандующему. Он считал целесообразным назначить меня на службу в 1-й башкирский кавалерийский полк. Для вхождения в состав полка приказали не медля направиться на Белорецкий завод. Я поехал на поезде. Так как в последней части пути железная дорога в Белорецк не работала, после Миасса путь свой продолжил на лошади. После выезда из станции нужно было проехать через нескольких русских деревень. Повозчик башкир, когда мы проезжали через одну из деревень, сказал:

«Эти русские очень враждебны к нам. Ночевать мы будем не у них, а остановимся в наших деревнях. Был случай, когда они ночью напали на служащих правительства Башкурдистана». И мы на ночь останавливались лишь в башкирских деревнях. Когда мы были там, деревенские жители, собравшись, читали в нашу честь молитвы и говорили: «Командующему, вам и войскам нашим Аллах пусть дает силу, врагов не бойтесь. От 18 до 60 лет все мужчины идем за вашей спиной. Ради родины и свободы мы жертвуем нашими жизнями». В некоторых деревнях пожилые отцы сами добровольно приводили сыновей с собственными оседланными конями и, записав в войска, предоставляли в мое распоряжение. То есть, приходя в какую-либо башкирскую деревню, можно было наблюдать, как люди переполнены национальным чувством и волнением и насколько они готовы ради национальной свободы и судьбы пожертвовать собой.

Так же стремление к национальной свободе, открытое и искреннее национальное чувство и готовность ради своего народа к самопожертвованию, прожив столько лет, я не встречал ни у немцев, ни у русских, ни у других народов. Национальное движение такого мужественного народа достойно описания не только в его собственной истории, но и в истории народов, так как представляет собой свойство, способное вызвать восхищение у любого.

Вместе с 20-ю добровольцами, присоединившимся ко мне по пути, я прибыл в Белорецк. Первой моей обязанностью была встреча с командиром полка Амиром Карамышевым. И я начал свою службу как командир 1-го эскадрона.

Две недели спустя, согласно приказу из Оренбурга от командующего башкирской бригады генерала Ишбулатова, наш полк походным маршем направился в Оренбург. После десяти дней похода прибыли в Оренбург. Расположились в заранее отведенных домах. На второй день перед господином главнокомандующим (то есть Заки Валиди) около Караван-Сарая был устроен официальный парад. Здесь перед главнокоманду-

ющим, окруженным офицерами высокого звания, эскадрон за эскадронам, приветствуя главнокомандующего, прошли наши войска, состоящие из солдат, подобных львам. На второй день главнокомандующий, выразив свое удовлетворение тем, что 1-й полк на официальном параде проявил свою организованность и приподнятый дух, объявил свой специальный приказ по полку.

Ввиду того что правительство приняло решение определить местом расположения правительства Баймак (Темяс) как географического центра Башкурдистана, мы, пробыв в Оренбурге месяц, получили приказ направиться в Баймак. Когда стало известно, что мы поедем из Оренбурга поездом и перед погрузкой в вагоны наши солдаты пели песни, играли на национальном музыкальном инструменте, называемом курай, пускались в национальные танцы, вся округа станции была заполнена жителями города и многие мусульмане, наблюдая эту картину, плакали, кричали «Да здравствуют башкирские войска!» Из-за того что все происходило в совершенно организованной форме, происходящее оставляло у людей глубокое впечатление. На второй день, сойдя с поезда, мы сели на коней и за шесть дней добрались до Баймака. В Баймаке остались лишь командующий полком и эскадрон, назначенный для охраны городка. Другие эскадроны устроились в деревнях, расположенных где-то в 15 километрах от городка. Ввиду того что между этими деревнями постоянно ездили солдаты связи, казалось, что мы все живем на одном месте. В деревне, где находился мой эскадрон, башкирское население солдат очень любимых ими национальных войск приглашали словами «Живи в моем доме, живи в моем доме» и, хватая за уздечки их лошадей, тянули к себе. Еще до приезда они ждали нас с нетерпением, так как мы превратились для них в символ гордости. Имам деревни поселил меня в собственном доме. Привязанные к своим войскам эти деревенские жители, когда они пришли к ним, зарезали жертвенных овец. Иными словами, что я наблюдал во

время поездки из Миасса в Белорецк в распоряжение полка в первый раз, те же национальные чувства наблюдал и здесь.

В этой деревне мы каждый день занимались обучением солдат военному делу. Солдат правилам военного искусства обучали так, как шакирдов обучают основам ислама. Башкирский солдат очень метко стреляет и знает, как пользоваться саблей. Кроме того, мы неграмотных солдат обучали читать и писать».

§ 60. Бой в Покровском

«После того, как мы оставались там три месяца, получили приказ: полк «завтра в 10 часов направляется на фронт». Вечером я собрал эскадрон на площади перед мечетью. Жителям деревни выразил благодарность за их гостеприимство. Выросшие в среде башкирского народа наши солдаты подобные львам, в полном боевом порядке восседая на своих лошадях, выстроились в ряд как стальная нить и мы расстались с народом, распевая песни, под дружное их одобрение и слезы, создавая прекрасное зрелище. По приказу командира полка мы направлялись в поместье Шотта, расположенное по дороге между Оренбургом и Стерлитамаком. Весь полк своим ходом к месту назначения прибыл за десять дней. Это было поместье одного видного чиновника царя (предводителя оренбургского дворянства) генерала Шотта. Через несколько дней после нашего прибытия было получено известие, что сюда прибьет главнокомандующий господин Заки Валиди (6 декабря 1918 года)³⁴¹, и началась подготовка к его встрече. Господин главнокомандующий в этот день, прибыв со своим окружением, устроились в доме Шотта. В тот вечер господин главнокомандующий офицеров всех полков пригласил на обед. В большом зале дома все офицеры заняли каждому персонально определенное место, в это время главнокомандующий зашел в сопровождении своего окружения и представителей казах-киргизов (Алаш-Орда)³⁴² и они поздоровались со всеми

офицерами. После этого произнес речь: «Большевики начали нападать на Башкурдистан со всех сторон. Как и город Стерлитамак, они захватили и все деревни и наводят ужас на башкирский народ. Они уничтожают народ. Ввиду происходящих горестных событий на наши войска возлагается большая обязанность. Чтобы оградить родину, народ от такой агрессии, мы приложим все наши силы. Родина нуждается в вашей самоотверженности. Отбросим врага с нашей земли. Завтра направляетесь напрямую в Стерлитамак». На место скончавшегося командира полка Амира Карамышева главнокомандующий назначил Мусу Муртазина. После приема мы, вернувшись в полки, начали готовиться к походу. Утром (7 декабря) мы тронулись в путь. Боевых припасов было крайне мало. Каждому солдату приходилось по 20 патронов. В полку не было ни одного пулемета. Несмотря на это, мы должны двинуться вперед. Когда мы пришли к поселку Зирган, находящемуся на полпути до Стерлитамака, узнали, что красные захватили русскую деревню Покровское, расположенную в четырех километрах от деревни Аллагуват³⁴³, находящуюся чуть впереди нас. Второй эскадрон под командованием Ямбулатова из Аллагувата по шоссе атаковал русских³⁴⁴. И я с 1-м эскадром, которым командовал, двигаясь от деревни Айгуль, выступил вперед. 3-й эскадрон, по решению штаба полка, двигаясь от деревни Ишимбай³⁴⁵, расположенной на восточном берегу Агидели, должен занять всю округу. Командир полка с остальными частями (с 4-м эскадром) прибыл в Аллагуват. Мы создали все условия, чтобы сведения о наших передвижениях не дошли до русских. 3-й эскадрон ночью в 23 часа прибыл в Ишимбай и занял его, а когда 2-й эскадрон прибыл из Аллагувата в Покровское, мы в 3 часа по полуночи со стороны деревни Айгуль вышли в тыл Покровского. Русские, как только получают сведения о том, что 3-й эскадрон переправился на северный берег Агидели, будут считать, что полк отступил туда и двинутся в том же направлении. А мы часов в 5 перейдем в наступление с нескольких сторон. Наше наступление проходило полностью

по намеченному плану и расчету. Противник был невнимателен. Как только русские получили сведения о ложном движении 3-го эскадрона из Ишимбая, они все свои силы повернули в том направлении, подвели туда и свои батареи и начали обстреливать Ишимбай. В это время, увидев, что 2-й эскадрон со стороны Аллагувата, мой эскадрон со стороны Айгуль переходят в наступление, русские части повернули назад и начали воевать с нами. Действительно, башкирские солдаты в полной мере показали, что они потомки мужественного народа. Хладнокровие наших солдат, умение каждого из них действовать самостоятельно было просто удивительно. Иногда, когда мы не нападали на стратегические укрепления, эти храбрые солдаты, проявляя боевое нетерпение, спрашивали меня: «Дядя командир, когда мы их изрубим саблями?» Когда мы давали им приказ «На коней!» и они, вынув сабли из ножен, бросались на русских, перед нашими глазами вставали такие сцены боя, которые показывали, что башкиры живут все еще как в стародавние времена, и истиной было то, что они свою историю написали кровью. Здесь русских было больше двух пехотных полков. Они не смогли найти время узнать, что нападавшие на них башкирские части состоят всего лишь из трех кавалерийских эскадронов. Бросив по дороге много раненых, боеприпасы, винтовки, бежали в паническом состоянии. Мы их дальше преследовать не стали, о том, что эти полки решили, не останавливаясь в Стерлитамаке, направиться в Уфу, узнали позже. И 3-й эскадрон, находившийся недалеко от Ишимбая, направив по той же дороге, вслед за ними направился в сторону Стерлитамака. Приблизившись к Стерлитамаку, мы не вошли в город, вернувшись в Покровское, все расположились там. Нашим солдатам в большом количестве достались боеприпасы и вооружение. Однако в Башкурдистане (от Оренбурга до линии Уфа – Златоуст) на расстоянии длиной в 400 километров фронт защищался лишь малочисленной башкирской военной силой. Нам неоткуда было ждать помощи. В то же время лишь в Стерлитамаке находилась целая дивизия красных. Было ясно,

что из-за нашего наступления против нас будут направлены дополнительные силы из Уфы. Перед лицом этих обстоятельств мы приняли решение не оставаться на шоссе между Оренбургом и Стерлитамаком, а расположиться на востоке от Агидели, в деревнях, находящихся вблизи места расположения второго кавалерийского полка под командованием Усмана Терегулова и других воинских частей».

§ 61. Бой у деревни Ахмер

Войсковые части были раскиданы на больших расстояниях. Та часть этих войск, которая расположилась между Стерлитамаком и Авзяно-Петровском, была под командованием Усмана Терегулова. И нам, расположившимся по соседству, было поручено прогнать большевиков из захваченной ими деревни Ахмер и его окрестностей. Стратегическое значение этой меры было очень важным. Мы, оставив 3-й эскадрон в Аллагувате, сами расположились в деревне между этим городком и деревней Ахмер. Оставаясь здесь в течение месяца, занимались отражением нападений красных на подконтрольные нам территории. Но к деревне Ахмер не приближались, так как там были сосредоточены значительные силы, для нападения на них мы ждали соответствующих возможностей. И они, видя, что мы никак не подходим к деревне, сделали, видимо, вывод, что у нас нет намерения захватить деревню Ахмер. В это время мы нашли возможность (кажется, 15 января 1919 года)³⁴⁶ ночным нападением выгнать их из этого пункта. Двинувшись вечером в 8 часов из деревни Салих, не выдавая наше движение врагу, шли различными дорогами и в 1 часу в полночь вышли на шоссе между Стерлитамаком и деревней Ахмер. Войска врага в деревне Ахмер составляли один полк или два батальона. Мы должны напасть на них ранним утром. Прибыв на место, мы дали отдохнуть солдатам в течение двух

часов. После боя в Покровском красные, даже зная, что мы малочисленны, тем не менее очень боялись нас. И мы хотели воспользоваться этим. Утром в 3 часа мы приблизились к деревне Ахмер, где находился полк русских. Из-за того, что жители русских деревень, расположенных слева и справа от этой деревни, были очень враждебны по отношению к нам, мы считали своим священным долгом разгромить русских именно здесь. В непосредственной близости от деревни мы объявили, что каждый солдат, начинавший отступать самовольно, будет приговорен к расстрелу. Почувствовавшие наше приближение вражеские часовые открыли огонь из четырех пулеметов. Но они о нашем неожиданном нападении узнали слишком поздно. Пока их солдаты, одевшись и захватив винтовки, вышли из домов, мы уже завладели улицами. Развернулись напряженные уличные бои. Тут мы поняли, что вражеские силы в деревне состояли из двух батальонов. Деревня Ахмер превратилась для них в место бедствия. Мы их убивали как беззащитных овец. Вражеские солдаты, спасшиеся от этих уличных боев, длившихся до 6 утра, бежали в сторону Стерлитамака (находившегося отсюда в 15 километрах). Кроме множества убитых и раненых, они оставили нам свои боеприпасы, пулеметы, санитарный госпиталь со всем оборудованием. Этот санитарный госпиталь для нас был крайне необходим. Это было целое санитарное отделение. Многие русские бежали в Стерлитамак несмотря на зиму босыми, в одном нижнем белье. Утром мы все занимались сбором трофеев. Несмотря на столь напряженный бой, из наших погибло 4 человека, 15 человек были ранены. Погибших мы похоронили, соблюдая все обычаи, предусмотренные исламом. В тот же день русские войска, насчитывающие до 20 000 солдат, с артиллерийскими батареями через деревни Аллагуват и Юлдаш напали на нашу ставку, находящуюся в деревне Салих. Состоявший всего из 700 солдат наш кавалерийский полк только своими силами не смог бы противостоять против них. Нам от командования башкирского

корпуса был дан приказ – отступить на Авзяно-Петровский завод, находящийся в 80 километрах отсюда. И Усман Терегулов со своими частями находился в деревнях Петровское и Макар. Он тоже должен отступить вглубь, так как и наш север (Уфимская сторона), и южная сторона – Аллагуват-Оренбургская сторона – были совершенно открыты для врага. Нам требовалось отступить в горные, безопасные места. Я понял, что приказ об отступлении был также связан с переговорами в деревне Макар с Советами о мире».

§ 62. Бой у деревень Юректау и Янырыс

Поручик Исмагил Шарипов описывает, как они шесть месяцев спустя вышеописанных событий вместе с Мусой Муртазиным, оставшимся на стороне белых, вновь придя к окрестностям Петровского, столкнулись с войсками красных. В это время Муса Муртазин командовал своим 1-м кавалерийским полком, а Исмагил Шарипов командовал 2-м кавалерийским полком. Он пишет: «В моем полку боевых солдат осталось лишь около трехсот человек, но они были меткими стрелками, прекрасно владеющими саблями, и чрезвычайно мужественными джигитами. С двумя пехотными полками и одним кавалерийским эскадром, всего с 5 000 солдат, мы, из Стерлитамака перейдя через деревню Юректау (находившуюся в противоположной стороне этого города в сторону Агидели), напали на противника в деревне Янырыс³⁴⁷. Наша цель – захват Петровского. Мы держали фронт по шоссе между Янырысом, Петровском и Стерлитамаком. Я со своим полком расположился в лесочке в двух километрах от Петровского. Муса Муртазин со своим полком занял место слева от меня. У нас была возможность -- превосходящие силы противника победить лишь внезапным нападением. Русские войска двигались по открытой местности. Мой полк полностью расположился

в лесу. Когда значительная часть красных войск прошла мимо нас, мы напали на них, выскочив из леса, и перешли напрямую к бою на саблях и пиках. Противник не смог применить свои пулеметы. Оставив там 55 убитыми, 200 ранеными и около 200 пленными, они отступили к деревне Янырыс. Русским полком рядом с этой деревней был выкопан глубокий окоп. Сейчас противник, вернувшись к этим окопам, занял место в них. И батареи, помещенные ими для стрельбы в сторону Юректау, начали обстреливать нас. Мы, оказывая слабое сопротивление, старались привлекать внимание противника на себя. В это время Муса Муртазин с 1-м полком по правому флангу противника вышел в его тыл. И мы по левому флангу вышли в тыл окопов. Хотя у противника впереди было открыто, а мы наступали с обоих флангов, он все это воспринял так, как будто башкирские части заняли позиции со всех сторон, и начали отступать, оставляя много убитых, побросав оружие, в сторону Юректау для соединения со своими резервными силами. В это время генерал Церетели с 24-м казачьим полком вышел из Петровского, передвигаясь севернее нас, напал на деревню Мурак³⁴⁸, расположенную севернее Юректау, и вышел в противоположную сторону Юректау. Большевики были вынуждены, побросав все, что у них было, на восточной стороне Агидели, в беспорядке вернуться в Стерлитамак».

§ 63. Бой у деревни Сермен

«В этих войнах существовали фронты, но тем не менее эта война проходила большею частью как партизанская, а фронты были изменчивы. Когда белые русские части слева и справа от нас отступили, и мы получили приказ от командующего войсками отойти к верховьям Агидели в деревню Сермен. Мой полк состоял тогда из трех эскадронов. В 1-м эскадроне командовал подпоручик Абдурахим, во 2-м – поручик Уча-

ров, а в 3-м – Атжитаров. Командиром тыловых частей и обозом был Вагизов. Все они были храбрыми молодыми людьми. Мы сердились из-за такого бессмысленного отступления, так как оно происходило из-за слабости белых русских и казачьих частей, находившихся справа и слева от нас. А большевики наступали. Но мы решили им дать бой в Сермене. Здесь 1-й и 2-й полки были вместе. Два полка под командованием Мусы Муртазина были объединены в одну кавалерийскую бригаду.

Чуть позже после боя у Юректау мы расположились на верховьях Агидели на Авзянском заводе. А красные, наступая очень быстро, заняли Белорецкий завод и центр Тамьян-Катайского кантона деревню Сермен. Это означало, что нас отбросят от бассейна реки Агидель. Командующий бригады Муса Муртазин решил оттеснить их от Серменя. У нас, у 1-го и 2-го полков, стало правилом не ждать нападения противника, а начать атаковать его первыми. Было решено и на этот раз напасть на них раньше, внезапно. Оба полка двинулись от Авзяна ночью в 23 часа. По дорогам, нам хорошо известным, мы к утру в 4 часа пришли в башкирскую деревню под названием Шыгай³⁴⁹, находящуюся как раз напротив Сермена. Послали на шоссе между Белорецком и Серменем эскадрон войск, чтобы русским в Сермен не могла поступить помощь из Белорецка. От попавших к нам в плен красных мы узнали, что в Белорецке находятся советские матросские части, «латыши» и коммунистические воинские части, а в Сермене – венгерская пехотная дивизия, одна полевая батарея артиллерии, одна батарея тяжелой артиллерии и один бронированный автомобиль. В наших двух полках было всего две пушки. Поместив их сзади деревни Шыгай в лесу, спешили оба полка и начали наступление на Сермен. Подвергнутые нашему неожиданному нападению мадьярские полки оставили деревню и расположились в лесу за нею. Наши артиллеристы, обстреляв снарядами полевые батареи противника, находившиеся с правой стороны фронта, окончательно их разгромили. Напряженный кровавый бой длился с утра до вечера. Наконец,

наши эскадроны левого фланга сумели выйти в тыл замолчавшей полевой батареи противника, то есть в тыл правого фланга врага. Мы заняли Сермен. Фронтовые обозы красных мы полностью прибрали к своим рукам. Все венгры вместе с русскими матросами, пользуясь ночной темнотой, отступили в Белорецк. Против целой дивизии мы выставили всего два полка, а против двух батарей – две пушки. Из-за того, что уроженец этих мест Муса Муртазин хорошо знал поле боя, а местное население всячески помогало нам, у нас потерь было немного. Только погибли наши хорошие кони. Вместе с тем мы захватили боеприпасы и продукты. Многих врагов уничтожили. Венгры никогда не смогут забыть свою службу в Сермене. Однако плохо было то, что башкиры одерживают победу, но белые русские и казаки по флангам непрерывно отступают и нас оставляют одних. И на этот раз колчаковские войска слева покинули свои позиции».

История борьбы башкирских полков на фронтах в Аргяше, Актюбинске и Орске была очень хорошо описана на родине одним комитетом при «Башкирском войсковом управлении». В то время, когда 1-й кавалерийский полк у Стерлитамака выиграл бой вблизи Покровского, 1-й и 2-й пехотные полки в Каракипчакской волости около деревень Юлдыбай и Бикбулат полностью разгромили кавалерийский полк красных. Захватили все их вооружение, боеприпасы и другое имущество в качестве трофеев. 3-я бригада 1-й Красной армии была отброшена за пределы границ Башкурдистана. Северную часть фронта удерживал только 3-й полк под командованием Галимзяна Тагана, входящий в войска под командованием Каппеля. Мужество этого полка в защите этой линии тоже было достойно восхищения. Галимзян Таган позже жил в Венгрии и написал свои воспоминания. 29 июня 1948 года скончался в Германии, в Гамбурге. Его бумаги остались в захваченном красными Будапеште. В моих руках находятся воспоминания Исмагила Шарипова, посвященные боям 1-го и 2-го полков.

§ 64. Соглашение с Советами

Я был непосредственным участником всех этих событий, о которых писал Исмагил Шарипов в своих воспоминаниях, еще в начале января 1919 года, когда выезжал для проверки всех фронтов, где воевали наши войска. Вернувшись из этой поездки, 11 февраля на Кананикольском заводе мы собрали всех членов правительства и войсковых офицеров, и вопрос заключения соглашения с Советами обсуждался еще раз. В это время из Москвы и некоторых других стран пришли газеты. До нас дошли сведения о нахождении турецких войск в Баку, о захвате англичанами форта Александровск. Вернулись некоторые наши представители, посланные нами в ставку Колчака. Узнали мы и то, что некоторые из них были задержаны. 16 января для встречи с членами Сибирского правительства и руководителями чехов Стефаником, Богданом Павлу, Мздеком, Гайда мы послали поручика Ганишева и Хидоята Сагадиева. Но 23 февраля вышел приказ о том, что в Западной Сибири и на Урале запрещается существование мусульманских войск наподобие башкирских и казахских, об их немедленном роспуске, о переходе всей власти генералам Колчаку и Дутову и было строго запрещено предоставление казахам и башкирам оружия. Некоторые наши офицеры были задержаны в Омске и Челябинске. Воинская часть оренбургского казачьего офицера Богданова, который казался оппозиционным к Дутову, якобы для объединения с нами прибыла в Башкурдистан. Но это было провокацией. Мы их разгромили и рассеяли. Наконец, 11 февраля на Кананикольском заводе мы еще раз собрали членов правительства и офицеров войск и вопрос о соглашении был окончательно решен. Офицерам, не принимавшим идею о соглашении с большевиками, было разрешено уехать в Сибирь. Из этих офицеров упомянутого выше Шагибека Узбекова и Гани Карамышева, с почетом и пожелав здоровья, проводили на сторону белых. Такие, как генерал Ишбулатов, полковник Ахмеров, не пожелали расставаться с нами, и мы

сообщили командованию 5-й Советской армии, что 18 февраля в 10 часов утра все наши войска перейдут на сторону Советов. Это решение будет доведено до войск 15 февраля, было принято также решение принять меры, чтобы за эти три дня не были предприняты какие-нибудь провокации против перехода. А Колчак 15 февраля, будучи в Челябинске, представителям Башкурдистана, требующим от него оружия, официально объявил об упразднении Башкурдистанской республики, роспуске правительства, о сдаче членов правительства военному трибуналу и о расформировании национальных частей. И наши представители немедленно сообщили об этом приказе правительству Башкурдистана. И после получения этих сообщений мы увидели, что кроме защиты нашей самостоятельности, объединившись с красными, у нас иных путей не осталось и для доведения до сведения Советов о своем переходе вновь послали наших представителей.

Переход всех войск в один назначенный день и час на сторону Советов не был легким делом. Ввиду того что башкиры несколько не доверяли большевикам, они боялись разоружения. Такая вероятность существовала. Но иного пути не было. Во главе войск ехал я сам и, окруженный десятью солдатами, лично перешел на сторону Советов. За мной полки один за другим также совершили переход. У окружавших меня людей оружие не забрали. Прибыл в Кызыл Мечеть. Мне предоставили отряд солдат. Оттуда я поехал в Оренбург и встретился с командующим 1-й Советской армии. Через некоторое время после моего прибытия туда же приехали и представители Казахстана. Руководителем у них был поэт и писатель Ахмет Байтурсун. Вместе со мною там был и начальник штаба наших войск Ильяс Алкин. Наши представители, посланные в Уфу, доктор Кулаев, Муллаян Халиков поехали в Москву. Я с целью надзора над переходом войск еще раз поехал на фронт. Но красные пожелали, чтобы я немедленно поехал в Москву. Вместе с Ильясом Алкиным мы направились в Москву. Тотчас после приезда встретились со Сталиным. Наконец, между

правительством Советов и представителями Башкурдистана 22 марта было подписано Соглашение, а 23 марта оно было опубликовано в центральной официальной газете Советов «Известия».

§ 65. Первые дни Башкурдистана в подчинении Советов

Переход, несмотря на подписанное Советами соглашение, не смог произойти без осложнений. В первые же дни мы поняли, что большевики совершенно не доверяют тем, кто не из их круга. Во время нашего пребывания в Москве из-за этого недоверия в Башкурдистане произошли горестные события. 21 февраля в Темясово собрался съезд Башкурдистана, где старое правительство было распущено и согласно советским порядкам был выбран «Революционный комитет» (ревком). Он состоял из 12 членов: 1) Заки Валиди, 2) Аухади Ишмурзин, 3) Ильдархан Мутин, 4) Саитгирей Магазов, 5) Гарей Карамышев, 6) Аллаберды Ягафаров, 7) Тагир Имаков, 8) Яхья Салихов, 9) Муллаян Халиков, 10) Абдулла Адигамов, 11) Фатих Тухватуллин, 12) Ильяс Алкин. И то, что среди избранных никто не был коммунистом и этот новый Революционный комитет состоял из одних прежних членов башкирского правительства, большевики встретили с сомнением. Переход башкирских войск на сторону Советов оказал на белых русских, казаков и окружение Колчака удручающее воздействие. Дутов тотчас отступил от Орска. Колчак прибыл на общий съезд оренбургских казаков, собравшихся в городе Троицке. Здесь ему прямо в лицо было сказано, что, дав приказ об упразднении правительства Башкурдистана, роспуске их войск, была сделана большая ошибка. И он признался, что в башкирском вопросе совершил ошибку и обещал это дело исправить. Дал разрешение создать новое башкирское правительство. Но никто этим воспользоваться не захотел. Абдулхай Курбангалев и его брат Бурхан хотели воспользоваться предложением

Колчака, но желающих присоединиться к ним не нашлось. Но проявление недоверия красными по отношению к той части башкирских войск, которые перешли на сторону Советов, и возникшее на этой основе непонимание друг друга, разоружение солдат дали благоприятные возможности для агентов Колчака. Объяснение этому делу заключается в следующем: командующим 1-й Советской армией, ставка которой находилась в Оренбурге, был один армянский партизан, враждебный к мусульманам. А окрестности Кызыл Мечети, где происходил переход наших войск, был захвачен Пензенской дивизией, ставка которой находилась в Уфе. Ее командир Воробьев был фанатичным русским. Командный пункт дивизии находился в Стерлитамаке. А в окрестностях Кызыл Мечети находилась 3-я бригада этой дивизии. Ее командиром был Зеленков, настоящий разбойник. Они боялись оставлять башкир в тех местах, которые они занимали в тот момент. Поэтому вопреки заранее достигнутым договоренностям желали разоружения 1-го и 4-го полков, находившихся при штабе наших войск. Ввиду того что нельзя было снова начинать с ними войну, а мы были в отъезде в Москве, командиры полков согласились с предложением красных. Их привели в Стерлитамак. Народ остался без защиты, начался грабеж, а солдаты подвергнуты оскорблениям. Полки, остававшиеся в окрестностях Темясово, в местах, граничащих с белыми, получив известие обо всем этом, дали знать, что категорически отказываются от сдачи своего оружия. Самой активной частью этих войск был 1-й кавалерийский полк. Этот полк, чтобы немедленно начать войну против белых, находился вместе со Смоленским полком красных. Командир 1-го кавалерийского полка Муртазин был мужественным, но очень молодым военным. Деревню Абзеллил он три раза отбивал от казаков и каждый раз охрану деревни передавал Смоленскому полку. Но солдаты этого полка не знали ничего, кроме грабежа населения и с приближением казаков заранее разбежались. Поэтому между муртазинцами и смоленскими произошел конфликт. Командир красного пол-

ка предложил Муртазину и другим нашим частям в Темясово переместиться в тыл с намерением разоружить их. Понимавший это Муртазин начал переговоры с казаками. Он получил известие и от командиров частей, подвергнутых разоружению в Стерлитамаке. И они посоветовали ему ни в коем случае не отдавать оружия. Наконец, Муртазин столкнулся в Абзелиле с красным полком и ушел на сторону белых. Это событие оказало плохое влияние на наши переговоры в Москве и на положение наших разоруженных войск в Стерлитамаке. Советские воинские части отступили от бассейна Яика. Но 3-я бригада, в которую входил и Смоленский полк, проявила крайнюю жестокость по отношению к башкирскому населению, живущему в тех местах, а это, в свою очередь, побудило и другие наши воинские части в Темясово перейти к белым и присоединиться к Муртазину. Красные, отступая, убили и несколько башкирских интеллигентов. Национальный поэт башкир Шайхзада Бабич и из писателей Абдулла Иркабаев находились в то время в деревне Зилаир. Русские арестовали их. Правительственные учреждения в Темясово отъезжали в сторону Стерлитамака. Типографское оборудование и бумаги Шайхзада с Абдуллой Иркабаевым перевозили под сопровождением некоторого числа солдат. На Зилаирском (по-русски «Преображенский») заводе, на них напали красные и убили их. Это было самой большой нашей трагедией при переходе на сторону красных, так как Шайхзада был любимым народом национальным поэтом. У него имеются чудесные стихи на татарском и башкирском языках, а также другие опубликованные произведения.

Ревком в середине марта переехал из Темясово в деревню Морак Кипчак-Етиурусского кантона. Ввиду того что русские придерживались мнения о переходе Муртазина на сторону белых по приказу Ревкома, отношения между 20-й дивизией и Ревкомом были плохими. Русские пытались разоружить войсковые части, охраняющие Ревком, но Ревком этого не допустил. И мы послали из Москвы распоряжение, чтобы не трогали части, которые уже подчинились. В распоряжении Ревкома

продуктов было много. Чтобы обеспечить солдат продуктами, не было необходимости обращаться к красным. Красные, которые на помощь башкирских полков ответили неблагодарностью и в конечном счете вынудили Муртазина обратно уйти к белым, несколько утихомирились. Но тем не менее число присоединяющихся к Муртазину башкир увеличивалось. Для превращения кавалерийского полка в кавалерийскую бригаду он сумел получить у белых вооружение. В это время белая армия заняла Уфу. Правительство Башкурдистана вновь переехало в деревню Мураптал, расположенную в том же Кипчак-Етиурусском кантоне в 90 километрах севернее Оренбурга. В это время после подписания 22 марта в Москве соглашения и отступления красных, у них поубавилось высокомерия по отношению к башкирам. Московское правительство предложило нам подсчитать количество имущества и скота, которое было разграблено в башкирских деревнях. Ревком все это сделал с большой тщательностью и прислал в Москву. Я их самолично отдал в руки Ленину. Получилась очень большая сумма. Ленин распорядился эти издержки полностью возместить. Но, как я разьясню в дальнейшем, раздачу этой суммы людям, подвергнутым грабежу, Советское правительство превратило в средство пропаганды в свою пользу и этот вопрос станет причиной возникновения глубоких противоречий между Москвой и Башкурдистаном.

Когда в конце апреля я вернулся из Москвы, весь Башкурдистан вновь перешел в руки белых. Ревком со всеми войсковыми частями переехал через Бузавлык в городок Тоцк. После моего приезда всех переместили в город Саранск Пензенской губернии. Ввиду того что солдатам наших частей, приданных 20-й дивизии, находящимся в Стерлитамаке, разрешили разъехаться по домам, и 75 процентов из них разошлись. Поэтому в этих полках солдат было мало. 1 мая мы прибыли в Саранск. Мы все были крайне уставшими. Захват Башкурдистана белыми стал причиной еще одного грабежа мирного населения русскими казаками. Только нахождение там Муртазина для

населения было в некоторой степени опорой. Они там, где находились, защищали население. Но в северной части Башкурдистана дела обстояли плохо, так как защищать население было некому. 3-й пехотный полк под командованием штабс-капитана Галимзяна Тагана, который должен был находиться в тех местах, не смог вместе с нами перейти на сторону красных. Более того, Колчак 9 февраля за несколько дней до нашего перехода на сторону красных сумел распустить этот полк. Таган, прислав к нам своего офицера по фамилии Назиров, просил передать через него, что ему делать в дальнейшем. Мы через этого офицера известили его о своих переговорах с красными. Но другой офицер, через которого мы передали ему время нашего перехода, по дороге был задержан белыми. Я ему приказал, чтобы они, если между нами не окажутся большие препятствия, с боями пробивались к нам для воссоединения, в противном случае, если такой возможности не будет, распустить полк по домам. Таган не смог получить этот приказ. Колчак, видимо, почувствовав наши приготовления, за 2–3 дня до нашего соединения с Советскими войсками приказал распустить полк. Распорядился, чтобы солдаты влились в русские полки, но очень немногие из них были направлены в русские воинские части. Остальные с винтовками разошлись по домам. В полку было всего 670 человек. Таган в своих воспоминаниях пишет, что он плакал, отдавая соседним русским воинским частям вооружения полка, захваченные в ходе боев у большевиков, среди которых было 29 пулеметов, около 150 тачанок и телег, лошадей в том же количестве со всей сбруей. Таган после расставания с полком, солдатами и офицерами служил в Колчаковской армии в качестве офицера по доставке приказов командования воинским частям. Отступил на Дальний Восток, о чем речь будет впереди.

Одним словом, Северный Башкурдистан, Табынский, Кудеевский, Дуванский кантоны из-за отсутствия кого-либо, кто мог бы их защитить, испытали много мучений как от красных, так и от белых. Вместе с тем я, поговорив с командующим

Восточным фронтом Фрунзе, еще до прибытия в Саранск составил Совет уполномоченных. Они, будучи в окружении командующих дивизий, бригад и полков 1-й и 5-й армий, должны были, с одной стороны, защищать народ, а, с другой стороны, обеспечивать связь этих воинских частей с мирным населением. Они выполнили свои обязанности.

Когда мы переехали в Саранск, как это было отмечено и раньше, мы были крайне уставшими. Все, особенно солдаты, нуждались в том, чтобы некоторое время отдохнуть. Здесь в Ревком мы внесли некоторые изменения. Председатель правительства Башкурдистана Кулаев выразил желание отойти от политических дел и уехать к семье. И мы этому не воспрепятствовали. Вместо него председателем Ревкома назначили Хариса Юмагулова. Харис на Первом башкирском курултае представлял кемеликских башкир. Как и его старший брат Джигангир, он был энергичным националистом. Ввиду того, что в 1918–1919 годы записался в Коммунистическую партию, был близок к ним. Занимался в Москве в Мусульманском комиссариате, офицер.

Башкирское войсковое управление, в котором я ранее председательствовал, изменив название, стал Башкирским народным военным комиссариатом (Башкирский военкомат) и обрел еще более совершенную форму. В Саранске самым важным нашим делом было приведение в порядок войска. Как я уже говорил, из состава прежних войск осталось лишь 25 процентов людей. Из Москвы я привез им полный комплект вооружения, новые формы и другие военные припасы. Согласно договоренностям с Советским правительством, у башкир будет создана 1-я башкирская стрелковая армия и некоторые кавалерийские части. Ввиду того, что здесь у нас было очень мало лошадей, я определил создание одной башкирской дивизии, которая должна состоять из 1-го и 2-го пехотных полков и двух кавалерийских полков, то есть из четырех полков. На освобожденных территориях Башкурдистана будут организованы 3-й и 4-й пехотные полки и часть способных двигаться

самостоятельно солдат будут посланы в Саранск для пополнения находящихся там четырех полков. Это дело было поручено полковнику Ахмерову, и он был отправлен в Самару. Он обосновался в городе Белебей.

Переформирование воинских частей в Саранске еще не завершилось. Несмотря на это Реввоенсовет, руководителем которого был Троцкий, 10 июня прислал мне приказ, чтобы мы послали имеющиеся части на Украинский фронт для помощи 14-й армии. И я, ссылаясь на то, что их переформирование еще не завершилось, приложил много усилий, чтобы отправление на фронт было на некоторое время отложено. Но мне не удалось убедить Троцкого, особенно его заместителя Вацетиса и мы были вынуждены отправить войска. Из них в распоряжении Ревкома и военного комиссариата оставили две части, а остальных направили в Харьков. Прибыли они 16 июня в этот город. Громя деникинские части, они как красным, так и белым показали мужество тюрков, так как к моменту их прибытия 14-я армия была в состоянии полного разложения. Но когда руководитель штаба совета обороны Харькова со всеми своими помощниками перешел на сторону Деникина, башкирские части вынуждены были отступить от Харькова. Командующий Советской армией, считая оставление башкирской бригадой города проявлением неповиновения, арестовал командира бригады и некоторых командиров частей. После содержания под арестом в течение 16 часов командующего и офицеров наших частей командующий армией увидел, что они могут быть освобождены башкирскими солдатами силой, и, вопреки своему желанию, освободил их. После этого события я тотчас направился на Южный фронт. Прибыл к ним в момент, когда они около города Миргорода воевали против частей Врангеля. Оставаясь у них несколько дней, изучил их потребности. Ввиду того, что они находились на передовой и не могли оторваться от линии фронта и продолжали вести бои, я посещал их на месте и изучал состояние дел. Они захватили некоторые трофеи. Их я отправил поездом в Стерлитамак, адресовав на

станцию Шафраново, находящуюся на нашей родине. После прибытия в Стерлитамак 16–17 августа отправил им из Белебея пополнение и лошадей. Мы, создавая кавалерийские части, начали формирование отдельной башкирской кавалерийской дивизии. В июне колчаковские войска начали отступать. Уфа вновь была занята красными. Командующий Восточным фронтом Фрунзе был интеллигентным и хорошим человеком. Он проявлял готовность исполнять все желания правительства Башкурдистана. И я, имея привычку верить тому, кто доверяет мне самому, не отказывал ему в том, что он желал. Еще в то время, когда я занимался в Саранске переформированием войск, он сообщил, что если я прибуду на Восточный фронт, то он окажет мне содействие и будет возможность на освобожденных территориях создавать государственные учреждения и формировать войсковые части. И я направился на родину. Взяв из оставшихся в Саранске комиссариатов по одному человеку, составив из них «походное правительство», взяв также кавалерийский отряд охраны, направился в Белебей, а оттуда в Стерлитамак.

Полковник Ахмеров в Белебей прибыл еще 5 июня, объявил мобилизацию и приступил к формированию 3-го, 4-го пехотных и 3-го кавалерийского полков. Фрунзе оружие и другие материалы предоставил в большом количестве. Все эти войска должны были составить 2-ю башкирскую пехотную дивизию. Для подготовки командного состава должны были открыться небольшие офицерские курсы. Когда я приехал, Ахмеров уже всю работу. Начальником штаба у него был башкирский офицер по имени Гареев. Прибыв в Стерлитамак, я разместил там «походное правительство» и занялся организацией местных кантонных управлений. Нашим войскам на Южном фронте было отправлено пополнение.

1 августа правительство Башкурдистана, войсковые части, находящиеся в его распоряжении, все учреждения двинулись в Стерлитамак. Мы хотели обосноваться сразу в Оренбурге. Решение, принятое вместе с казахами, было твердым. Но Со-

ветское правительство приняло решение между Казахстаном и Башкурдистаном создать русскую губернию под названием «Оренбургская губерния». Решили, что Казахское правительство обоснуется не в Оренбурге, а в Актюбинске, а наше – в Стерлитамаке. Несмотря на то, что я, будучи в Саранске, поехав в Москву, смог убедить Ленина решать вопрос в нашу пользу, Сталин, внешне казавшийся нашим сторонником и ругавший русских за их шовинизм, категорически не дал возможности объединиться двум мусульманским областям в Оренбурге. Это мне объяснил Рыков, тогдашний председатель Совнаркома. По его мнению, мой тезис о том, что объединение управления экономикой Казахстана и Башкурдистана в Оренбурге будет полезной и с точки зрения организации экономической жизни всей России, Ленин воспринял хорошо. Только Сталин свел эту идею на нет. Наконец, Ревком Башкурдистана двинулся из Саранска в Стерлитамак.

Одно из важнейших дел, которое мы были обязаны здесь сделать, заключалось в том, чтобы воинские части Мусы Муртазина не отступили на восточную сторону Яика, а вновь присоединились к Красной армии. Взяв с собой отряд кавалерийских войск и одного из большевиков – Бройду, а из единомышленников – Тагира Имакова, в середине августа мы поехали из Стерлитамака в сторону Яика. После посещения отца в своей родной деревне приехали в деревню Ташкисеу, расположенную на берегу Нугуша и там гостили у друга моего отца Бермекли Хаджи. Собрались башкиры со всей округи. Наше возвращение для них превратилось в праздник. На мясо зарезали нескольких животных и кумыса было вдоволь. Приехав в Темясово, мы были гостями муллы Абубекира Хусаинова. После поехали в Кызыл, расположенный по реке Яик. Белые отступали. Нигде столкновения с ними не было. Муртазинских частей в конце августа мы нашли в деревнях ногаев. С беями этих ногаев, сомневающимися в том, мусульманами им быть или оставаться христианами, у нас были очень интересные беседы. Они были действительно несчастными людьми.

Солдатами Муртазина были прекрасные джигиты, но у них не хватало оружия, для пушек не было снарядов, телеги были, а лошадей не хватало, а одежды у них – драные обноски. Как только у белых начали расстраиваться дела, большинство солдат не переправились через Яик, а разошлись по деревням. Оставшаяся с ним «кавалерийская бригада» насчитывала не более 1 000 солдат. Оторвав их от белых, перевели на западный берег Яика и приказали, не останавливаясь, двигаться в сторону Оренбурга и воссоединиться с красными в Новосергиевске, расположенном на железной дороге Самара – Ташкент. После этого по делам своей женитьбы я поехал в Абзелил. Был гостем у тестя хаджи Мехмета. Во время свадьбы Троцкий вызвал меня к телефону в Магнитогорск. Разговаривал со мною из Москвы через Екатеринбург. Желал наши войска, формировавшиеся в Белебее, направить на Петербургский фронт. Я сказал, что мы не в состоянии отправлять их немедленно. После свадьбы отправился в Стерлитамак и больше всего занимался организацией милиции. А Имаков был занят созданием правовых органов. Моя цель заключалась в том, чтобы все башкирские войска сосредоточить вокруг Стерлитамака и Оренбурга и направить их в Туркестан. Командующий «Восточным фронтом» Фрунзе любил башкирские войска и решил после своего перемещения из занятого им Оренбурга в Ташкент перевести все наши части туда же. В этой связи мои предложения, написанные Ленину согласно предложениям индостанца Мевлеви Баракатуллы, были приняты и 12 июля в соответствии с нашими просьбами в Ташкент был отправлен радиотелеграф³⁵⁰. И Троцкий согласился направить наши войска на Восток. Однако настоящие прарусские коммунисты добились изменения этого решения. И Троцкий, по его словам, из-за необходимости, возникшей на Петроградском фронте, присоединился к их мнению. Наши части, находившиеся на Украине, в конце июля были отправлены в Башкурдистан. Троцкий их развернул по дороге и направил в Петроград. Как я уже говорил, он потребовал у меня и полки, формировавшиеся в Белебее, отправить

в ту же сторону. И то, что я сердился на советских вождей за их отказ посылать наши войска на Восток, было еще одной причиной усиления у них сомнений по поводу моих планов. Эти их сомнения увеличил и рапорт Турара Рыскулова о том, что для создания в то время опоры в Ташкенте национальному правительству «Туркестанской Советской республики» необходимо прислать башкирских полков. Одним словом, нам не суждено было, послав на Восток наши полки, создать опору национальному правительству Туркестана.

В конце октября Троцкий прислал приказ – сосредоточить все башкирские части в Петербурге. Полки, воевавшие на Южном фронте, на поездах двигались в сторону Башкурдистана, но 16–17 сентября их повернули в сторону Петербурга и после прибытия они были подчинены Петроградскому военному совету. Они состояли из двух пехотных и двух кавалерийских полков. После прибытия частей из Белебея в Петербург была создана башкирская дивизия, состоящая из трех пехотных полков. Их общее число составляло 11 000 человек, но из них воевали 6 233 человека, остальные составляли вспомогательные части, обоз и другие отряды. Солдаты, отправленные из Белебея на Южный фронт в качестве пополнения, а также под командованием полковника Ахмерова напрямую в Петербург, еще не были хорошо обучены, так как были из числа недавно мобилизованной молодежи. Поэтому они не сразу включились в военные действия. В первые месяцы башкиры использовались против войск Юденича как средство пропаганды. Ввиду того что башкиры были известны как воинственный народ, красные, говоря, что «к нашим рядам присоединились и башкирские войска», еще более преувеличенно преподносили их имя.

В боях против Юденича башкирским частям был предоставлен отдельный «боевой участок». Башкирские части составляли отдельную группу, их командный пункт размещался в десяти километрах от Петербурга в Пулковской обсерватории. Состояние частей (по отдельности каждой из них) было таковым:

Пехотная бригада (командир Ахлов), прибывшая из Южного фронта, отправленная в свое время туда из Саранска и превращенная там в «отдельную кавалерийскую дивизию». Родом Ахлов был из Яклабашских ногаев с Северного Кавказа, начальник штаба – военный офицер Кудрявцев. У них в 1-м кавалерийском полку было 14 офицеров, 43 солдата, 67 лошадей. Во 2-м кавалерийском полку – 16 офицеров, 41 солдат, 56 лошадей. В 3-м кавалерийском полку – 7 офицеров, 393 солдата, 267 солдат различных служб. Техническое отделение состояло из 47 человек, 443 лошадей. В этой части, носившей название дивизии, 13 лошадей, 16 офицеров и 41 солдат предназначались для пополнения частей, прибывающих из Белебея.

Командиром 3-го кавалерийского полка был Каплан, комиссаром – Абдрашитов. Там было два эскадрона, всего лишь 240 солдат и два пехотных отделения. Командиром 3-го пехотного полка был Абдеев, комиссаром – Юлыков. Там были собраны в Усерганском, Аргаяшском, Тамьян-Катайском кантонах старые солдаты, всего 575 человек.

Командующий «отдельной башкирской пехотной дивизией» – полковник Ахмеров, начальник штаба – Кирачев. Дивизия состояла из трех полков:

Первый полк – 31 офицер, 1 650 солдат;

Второй полк – 47 офицеров, 2 160 солдат;

Третий полк – 25 офицеров, 950 солдат.

У нее была артиллерийская часть. Две батареи. Там было 353 солдата. В целом под командованием Ахмерова находились 128 офицеров, 4 761 солдат. Четыре пушки обслуживали 29 лошадей.

Вся эта кавалерийская дивизия и пехотная бригада составляли «башкирскую группу». Командующим был молодой офицер Алишев. Этот человек был мужественным татарским офицером, получавшим удовлетворение, постоянно находясь на переднем крае боев. Начальник штаба – Кальметьев. Относились к 6-й дивизии. Часть воинских формирований, прибывшая из Южного фронта, была размещена в Московском

направлении. 23 сентября она столкнулась там с частями армии Юденича.

Лишь в середине октября башкирская группа вышла из Петербурга в театр военных действий и подчинилась в стратегическом плане 6-й дивизии 7-й Советской армии. Центральный командный пункт находился в окрестностях Пулковской обсерватории. 17 октября здесь были мелкие стычки с войсковыми частями Юденича. 20 октября 3-й кавалерийский и 3-й пехотный полки наступали вблизи «Царского Села» на деревню Хамиляйне. Части Юденича не особенно сопротивлялись, отступили. В тот же день башкирская группа была переподчинена 2-й дивизии 7-й армии. В этот день на Петербургском фронте состоялся самый напряженный бой. В этом бою башкиры показали чрезвычайное мужество. Число убитых и раненых достигло 70 человек. Из офицеров был ранен только один человек³⁵¹.

22 октября на том же месте рядом с деревней Кульма также состоялся напряженный бой. В этот день из наших 100 человек были ранены, погибших не было²⁵². Последние бои произошли 24–31 сентября. К счастью, никаких потерь – ни раненых, ни убитых не было. Наконец, 1 ноября башкирская группа, ввиду того что на этом фронте дела завершились, был отправлен в Петербург и размещен в зимних казармах. И я в эти же дни из Башкурдистана поехал в Петербург, посетил раненых в госпиталях и всем раздал привезенные из родины продукты, вручил подарки.

14 ноября, когда красные заняли Ямбург, с Юденичем было покончено. Часть башкирских войск отправили в Новгородскую губернию в так называемые «Муравьевские казармы». История этих войн всесторонне описана в книге Мусы Муртазина «Башкирия и башкирские войска в Гражданскую войну» и Алишевым в книге «Краткая история башкирской революции». Он с сожалением пишет о том, что, несмотря на его обращение к командованию 7-й армии и лично Троцкому, когда тот приезжал, собрать воедино под его, Алишева, командова-

ние все башкирские части, разрешения получить не удалось. Он с любовью пишет также о том, что прибывшие из Белебея организованные из только что мобилизованной молодежи войсковые части, успевшие, однако, пройти хорошее обучение и воспитание, в полной мере доказали, что башкиры являются одним из самых воинственных народов. По его мнению: «Бои вокруг Пулковских высот показали, что башкиры верны правилу «победа или смерть» и в своих поступках тверды. Несмотря на то, что здесь война была короткой, башкиры показали беспримерное мужество. Наступая плечом к плечу, не отставая друг от друга, как единое тело, героически, они отбросили врага назад, не затягивая боя, избежали потерь»³⁵³.

В зимние месяцы Советский военный совет предпринял хорошие меры по приведению в боеготовность башкирских войск. Это делал Троцкий. С другой стороны, исходя из политических соображений, желали вовсе упразднить самостоятельность этих войск. А это делал Сталин. 5 апреля Военный совет приказом Троцкого объявил следующий план для башкирских войск. Эта армия будет состоять из одной пехотной бригады, имея в составе 3 полка, и из одной кавалерийской дивизии, имея 4 кавалерийских полка. В целом, армия будет насчитывать 40 000 человек.

Пехотная бригада будет иметь дивизион легкой артиллерии с 12 пушками и 2 артиллерийские батареи, 1 отряд по обеспечению связи, 1 военно-инженерный отряд. Для кавалерийской дивизии были предназначены 4 артиллерийские кавалерийские дивизионы. Для обеспечения пополнением всех этих войск было предусмотрено создание одного запасного пехотного полка и одного кавалерийского полка. Пополнение, переформирование, приведение в порядок всех этих войск было поручено башкирскому военному комиссару Заки Валиди. Приказ 5 апреля таков. Троцкий предоставил нам даже аэроплан. В мае 1920 года я расстался с родиной и армией. К этому времени у нас были войска в 27 000 человек, включая сюда и милицию Башкурдистана.

В мае 1920 года, когда началась война между Советами и Польшей, башкирские воинские части были отправлены против поляков. В это время Советское правительство не спрашивало согласия Башкирского Военного комиссариата об использовании и управлении башкирскими частями. Во всех отношениях они были подчинены Советскому командованию. Группа Муртазина всю зиму оставалась на станции Новосергиевск. 28 апреля 1920 года состоящую из 800 пехотинцев, 200 кавалеристов, 600 лошадей эту группу отправили в сторону Киева. И из кавалерийской дивизии, находящейся в Петербурге, один полк и из войск в Новгороде один полк из 200 человек были посланы в распоряжение Муртазина.

Но Башкирское правительство значительную часть дорог наших войск устроило в качестве милиции. Эта мера была предпринята во избежание того, чтобы русские не возбудили столкновения внутри Башкурдистана. Были у нас и части по охране правительства, работала «школа младших прапорщиков». Здесь у нас были 2 пехотных и 1 кавалерийский отряды.

PRIMEÇANIA

- ¹ Batlamyus [Ptolemaios]. *Geographia*. Γεωγραφία Ὑψηλῆς III. 5. 22, 25, VI. 14.1
- ² Z. V. Togan, *Ibn Fadlān's Reisebericht*, Leipzig. 1939, s. 147, 157, 24.
- ³ Batlamyus [Ptolemaios], *age*. VI. 14. 9.
- ⁴ Z. V. Togan, *Türk Tarihi*, İstanbul, 1928, s. 125.
- ⁵ Batlamyus [Ptolemaios], *age*. VI. 5. 4.
- ⁶ Z. V. Togan, *Türk Tarihi Dersleri*, s. 125: bu kelimenin İran dillerinden gelen bir kelime olduğu hakkındaki umumî kanaat için bkz. Nöldeke, Th., "Ueber irânische Ortsnamen auf kert und andre Endungen", *ZDMG*, 33 (1879). 143-156.
- ⁷ *ZVO*, XV. 247.
- ⁸ Z. V. Togan, *Ibn Fadlān*, s. 156, 223, 312.
- ⁹ *age* s. 147.
- ¹⁰ Németh Gyula, "Magna Hungaria", *Beitraege zur historischen Geographie, Kulturgeographie, Ethnographie und Kartographie, vornehmlich des Orients*, neşr. Hans (von) Mzik. Leipzig und Wien, 1929, s. 96.
- ¹¹ Bk. Markwart, *Caucasica* VI. 1930, s. 36 v. d. [Ayrıca bkz Z.V. Togan, *Ibn Fadlān*, s. 35, n.1-- İ.T.].
- ¹² Reşideddin, *Cāmi' al-tavārikh*, Paris-Bibliothèque nationale, suppl. Pers. 1364 vr. 134a. [Ayrıca bkz A. Zeki Velidi Togan, *Oğuz Destanı. Reşideddin Oğuznamesi, Tercüme ve Tahlili*, İstanbul, 1972, s.22 ve 87. İ.T.]
- ¹³ Ibn Fadlān'da da (metin s. 9; tercüme s.17) Kalyc sözü Фалyc şeklinde yazılmıştır. [Metindeki cümle A nüshasına göre tanımlanmıştır.—İ.T.]
- ¹⁴ *Oğuzname*'nin Farsçası, Reşideddin *Cāmi' al-tavārikh*, Topkapısarayı, III. Ahmed no. 2935, vr. 310 b *البيباغور* yani *بالوغور* Hafız Abru, *Külliyat*, Bağdad Köşkü no. 282, vr. 593 *مالوغور*. Damad İbrahim no. 919 *مالوغور* [Ayrıca bkz Z.V. Togan, *Oğuz Destanı*, s. 23 ve 87--İ.T.] Z.V. Togan, *Ibn Fadlān's Reisebericht*, s. 147-148. Samanilerin cedleri ile muasır son bir "Qaraşid" hakkında bk. Reşideddin, aynı yazma vr. 323a. ve Ebülgazi, *Şecere-i Terakime*, Kononov neşri, satır 1125-1134. [Ayrıca bkz. Zuhul Kargı Ölmez, (yay.) Ebülgazi Bahadır Han, *Şecere-i Terākime (Türkmenlerin Soykütüğü)*. Ankara, 1996, metin 746.5 (s.136). -- İ.T.]
- ¹⁵ Oğuz destanlarının tesbit edildiği zamanlar ve ayrı sülâlelerin yaşadıkları zamana dair fikirler, Z. V Togan, Reşideddin Farsça *Oğuzname*'sinin tercümesi, (basılmak üzeredir), haşiyelerinde gerekli malumat verilmiştir. [Zeki Velidi Togan'ın vefatından sonra eseri Tuncer Baykara yayına hazırlamıştır.bkz. "Kaynakça" -- İ. T.]

- ¹⁶ Prof. Chang'ın Çince çıkan eserinin unvanını ve makalelerini Ligeti Lajos "Atila Hunlarının aslı" nam makalesinde (*Attila és Hunjai*, nşr. Németh Gyula, Budapest 1940 s. 25, 272) zikretmiştir. [Burada, Németh Gyula'nın makalesinde (s. 25) bu isim *pa-su-ki-li* şeklinde yazılmıştır, s. 272'deki notta ise, adı Csang Saing-lang diye yazılan Chang Hsiang-lang'ın 張星娘 eserinde söz edilen Francis Clougherty'in makalesine atıf yapılmaktadır. F. Clougherty makalesinde ise (s.74) bu isim *Ba-su-ki-li* şeklinde geçmektedir. -İ.T.] T'ieh-le'leri teşkil eden 15 kabilenin isimleri önceden de malûm idiyse de bunlardan birini Ba-şu-ki-li olarak okuyan ilk alim Çang'dır [Kaynakçada gösterilen eserinde Prof. Chang Hsiang-lang bu ismi 北褥九特 karakteriyle göstermiştir (s.137-139). Eski Wade-Giles transkripsiyonuna göre Pa-ju-chiu-li, yeni *pin-yin* sistemine göre Ba-ru-jiu-li okunan bu imler, Prof. Chang Hsiang-lang'ın işaret ettiği gibi *Sui-shu* 84. cilt s. 1879-80'deki T'ieh-le bölümünde T'ieh-le boylarından biri olarak geçmektedir. Daha önce de Shiratori Kûrakichi (*Mem. Toyo Bunko* no 15. 236/43) bu adı Başkurtlarla ilişkilendirmiştir. Bkz Liu Mao-tsai II: 570 n. 663—İ.T.]
- ¹⁷ Bunun en mühimi Plinius Secundus'daki Camacae'dır, ki Sogdiana'da gösterilmiştir, şüphesiz Kimak demektir. Pliny (Plinus Secundus), *Natural History with and English Translation in Ten Volumes*. H. Rackham, W. H. S. Jones, D. E. Eichholz (neşr. ve çev.) [Loeb Classical Library] Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 1938-1962. [Ayrıca bkz Pentti Aalto ve Tuomo Pekkanen, *Latin Sources on North-Eastern Eurasia*, Wiesbaden: Otto Harrassowitz, 1975, s. 141. Camacae'ler hakkında bilgiler-Plinus'un eserinde 6, 21 yani 6. cilt, s. 21 olarak gösterilmiştir. Bu ek bilgiler Evrim Binbaş tarafından sağlanmıştır. -İ.T.]
- ¹⁸ Bk. *Ibn Fadlân*, 224; Χουνοι.
- ¹⁹ Meselâ Nügüş ve Rudek (İrendik).
- ²⁰ XVIII. Asırda Yemek oğullarından Ablay malumdur. *Zap. Akad. Nauk*. 1864 cilt. IV. kitap 2, s. 22, 29.
- ²¹ Liu Mao-tsai, *Die chinesischen Nachrichten zur Geschichte der Osttürken*. Wiesbaden, 1958, cilt I, s. 127, 128; cilt II, s. 566-570. [(Liu Mau-tsai 'ın eserinde kullanılan transkripsiyonla bu pasajdaki kavim ve kabilelerin isimleri şu şekilde yazılmaktadır: Bunlar A-te (yani Edil) nehri üzerinde Ho-tie (yani Hazarlar), Ho-tsie (yani Guzlar), Pi-ts'ien (yani Peçenekler), Su-pa (Sabirler), Ye-wei (yani İbirler), Po-hu (belki de Bulgarlar), Pei-ju (ihtimal Başkurtlar), En-k'ü (ihtimal Uğur kavimleri), A-lan ve Xun (yani Hun).-İ.T.]
- ²² Muhammed Selim Umıdbayev, *Yadigâr*, Kazan, 1900.
- ²³ Rabi' bin Ahmed al-Akhavâni al Bukhârî, *Hidâyat al-muta'allimîn fi'l-tib*. Meşhed 1965, s. 148. Horasan'a gülen şimal rüzgârının çıktığı yerlerden bahsederken diyor ki:

“Şimal rüzgarı Maçin'den, Kencak'tan, Saqlāb (Slavlar) ve Türklerden bazıları ve Kimakların hasları tarafından gelir”

و بذا شمال از ناحیت کنجاک و بعضی از سلاطین و ترک و خصة کیماک می آید

- ²⁴ Kencek ismindeki sülâleden Kincekev, Kincakov'lar bilinir.
- ²⁵ 'Ali ibn al-Hüseyn al-Mas'ūdī, *Kitāb al-tanbīh va'l işrāf*; De Goeje neşri, Leyden, 1894= BGA VIII. Fransızcası: *Le Livre de l'avertissement*, traduit par B. Carra de Vaux, Paris, 1896. s.186; J. Marquart, *Osteuropäische und ostasiatische Streifzüge. Ethnologische und historisch-topographische Studien zur Geschichte des 9. und 10. Jahrhunderts..* Leipzig: Dieterich'sche Verlagsbuchhandlung, 1903, s.63.
- ²⁶ Abū İshak İbrahim bin Muhammed al-Fārisi al-İstakhrī, *Kitāb al-masālik va'l-mamālik*, c. 951, s.225; Abū'l Qāsim İbn Havqal, *Kitāb al-masālik va'l mamālik*, 976, yeni tab'ı, s. 396.
- ²⁷ İbn Fadlān, s. 35, 37, 40-41.
- ²⁸ Aynı eser, aynı sahife.
- ²⁹ *Hudūd al-‘Ālam*, nşr. Barthold (*Hudūd al-‘Ālam, Rukopis' Tumanskago*, Leningrad, 1930); *The Regions of the World. A Persian Geography 372-982 A.D.*, çev. V. Minorsky, London, Gibb Memorial S., 1937, vr 19a ; Z. V. Togan, “Völkerschaften des Chazarenreiches im 9. – 11 Jh.” *Körösi Csoma Archivum*, III, 1940 s. 52.
- ³⁰ *Hudūd al-‘Ālam*. vr. 18b.; Z. V. Togan, *age*, s. 52-53.
- ³¹ Avfi'de bulunan malûmat için bk. J. Marquart, “Skizzen zur geschichtlichen Voelkerkunde von Mittel und Sibirien” *Ostasiatische Zeitschrift* 8 (1919-1920), pp. 289-299. [*Festschrift fuer Friedrich Hirth*] ; burada kelime مضربه şeklinde yazılmıştır, bk. KCSA. III, 52.
- ³² İstakhrī, 225.
- ³³ Al-Birünî, *al-Taḥḥīm*, (nşr.) Wright, s. 241-42.
- ³⁴ Z. V. Togan, *Bugünkü Türkistan*, yeni tabı, s. 140-41.
- ³⁵ Abu Sa'id 'Abd al-Hay bn Zakkak al-Gardīzī, *Zayn al-akhbār*, 1040, Barthold'un neşrettiği kısımlar, *otçyot o poyezdke v Sredniuyu Aziyu*, s. 85.
- ³⁶ Bu hususta bk. Z. V. Togan, *Ibn Fadlān*. s. 187, 328; bu rivayetleri nakleden Abdullah ibn Muqaffa'nın verdiği malûmata birçok yerlerde İran rivayeti esas olmuştur.
- ³⁷ Bk. Z. V. Togan, *Ibn Fadlān*, s. 37, haşiyeler s. 147-156.
- ³⁸ *Ibn Fadlān*, s. 148-153.
- ³⁹ *Ibn Fadlān*, s. 153-154.
- ⁴⁰ Abu Hāmid al-Andalūsī al-Gharnāti, *Tuhfat al-albāb ve nuḥbat al-a'cab*, 1162, (nşr.) G. Ferrand, s. 129-131.
- ⁴¹ *Festschrift für Chwolson* [Baron David Günzburg, *Recueil des travaux rédigés en mémoire du jubilé scientifique de Daniel Chwolson*. Berlin: S. Calvary, 1899], s. 236.

- ⁴² Wilhelm Tomaschek, *Kritik der ältesten Nachrichten über die Skytischen Norden*, 2 cilt, Wien: Tempsky, 1888 [Österreichische Akademie der Wissenschaften; Philosophisch-Historische Klasse; Sitzungsberichte; cilt 116, bl. 715-780; cilt 117:1.], bu nehri Yayıq ile birleştiriyor ve kelimeyi سويق okuyor.
- ⁴³ KCsA. III. 54.
- ⁴⁴ KCsA. III. 54, 74.
- ⁴⁵ Bu Kastrā şehri Oka Macarları ülkesine yakın Kastrama'yi hatırlattığı gibi Tuna havzasındaki bazı coğrafi isimleri de hatırlatmaktadır.
- ⁴⁶ Bk. C. Nallino, *al-Xowarizmi e il suo rifacimento della geographia di Tolomeo*. Roma 1896 s. 44: اسقوثيه Σχουφια, J. Marquart, *Über das Volkstum der Komanen*, s. 103.
- ⁴⁷ Ural dağlarında alış kırmızı yemişi olan balan ağacı latince *viburnum apulus*, bunun yemişinin suyuna Almanca "Massholderbeermass" denmektedir.
- ⁴⁸ Al-Birünî'nin buna ait kayıtları için bk. Zeki Velidi Togan, *Birünî's Picture of the World, Memoirs of the Archeological Survey of India*, vol. LIII, New Delhi, 1940, s. 129.
- ⁴⁹ Yine orada s. 86.
- ⁵⁰ Bu seyahatnamenin metni Kuun Géza, *Relationum Hungarorum cum oriente gentibusque orientalis originis historia antiquissima*, cilt 1, Claudiopoli, 1892-1895, s. 58-63; bunun hakkında tetkikler Pfeifer Nicolaus, *Die Ungarischen Dominikanerordensprovinz von ihrer Gründung 1221 bis zur tataren Verwüstung, 1241-42*, Diss. Freiburg in der Schweiz, Zürich, 1913, Zoltán Gombos (Nyelvudományi Közlemények, cilt. XLVI. s. 1-33).
- ⁵¹ Bk. Nemeth Gyula, "Magna Hungaria" (Mzik nşr. *Beitraege zur historischen Geographie des Orients*, Leipzig 1929), s. 92-98; L. Rasonyi, *Dünya Tarihinde Türklük*, Ankara. 1942, s. 78.
- ⁵² Mészáros Gyula, *Magna Ungaria (A Bashkir-Magyar Kérdés)*, Budapest, 1910.
- ⁵³ KCsA. III. 73
- ⁵⁴ Ebülğazi Han, *Şecere-i Terakime*, İstanbul, 1937, vr. 13b-14a: "Çoçi Han galib keldi ve Qıpçaq'tan koluna tüşkenin öltirdi, qutulganlar İştək'ge bardi, İştək'nin köbireği bu vaqitda şol Qıpçaq'nın neslinden turur."
- ⁵⁵ *Divan Lügat it-Türk I*, 30.
- ⁵⁶ Murad Remzi, *Talfiq al-akhbār va talqih al-āsār fī ahvāl-i Qāzān va Bulgār mulūk-i'l-Tātār*, Orenburg, 1908, s. 225.
- ⁵⁷ Bk. J. Marquart, *Osteuropäische und ostasiatische Streifzüge. Ethnologische und historisch-topographische Studien zur Geschichte des 9. und 10. Jahrhunderts*. Leipzig: Dieterich'sche Verlagsbuchhandlung, 1903, s. 69.

- ⁵⁸ Nemeth Gyula, "Magna Hungaria", (*Beitraege zur historischen Geographie des Orients*, Leipzig 1929 vs. s. 95.).
- ⁵⁹ Abu Hāmid al-Andalūsī al-Gharnāti, *Tuhfat al-albāb ve nuhbat al-a'cāb*, 1162 (nşr.) Gabriel Ferrand, JA, cilt. CCVII, 1925, s. 194-195.
- ⁶⁰ *Tuhfat al-albāb va nuhbat al-a'cāb*, Başkurtlara ait bahisler s. 131, 195.
- ⁶¹ Abu Hamid el Granadino y su relacion de Viae por tierras Euroasiaticas, publie par Cesar Dubler, Madrid, 1953; tenkitler: Dr. Ivan Hrbek, "Abu-Hamid al-Andalusi und sein Werk Mu'rib" *Archiv Orientalni*, XXIII, 1955, s. 109-135; I. Hrbek, "Ein arabischer Bericht über Ungarn," *Acta Orientalia Hungarica*, cilt. V, 1955, s. 205-230.
- ⁶² *Tārīkh-i Qaratay*, al-İzzi al-Haznedarī, cüz VII. Gotha nüshası arab. 1655 vr. 99a, 96-97: [yukarıda Türkçe çevirisi verilen Arapça metin Zeki Velidi Togan'ın elyazısından aşağıya aktarılmıştır—İ.T.]

ومعهم اي مع الاقونج جنس يقال له باشقرد وهم جنس معروف بالشر والنحس وخلق شرار وجميعهم يتحدون بلسان التركية و ليس لهم ملك يدبر امرهم ولاكبير يرجعون اليه وكذلك جنس من الفرنج يقال لهم لبندافة فانهم ايضا كذلك و كان البنداقه تجار محتشمون و اناس معروفون لهم اموال و جنس لباشقرد فقرا شريرون مقاتلون معروفون بالشر والفتن و ما حضروا في مكان الا و نصر من كانوا معه وهم يتقون ان الموت لهم في الارض المقدسة خير من الحيوة

- ⁶³ R. Rohricht, *Geschichte der Kreuzzüge*, Innsbruck, 1898. s. 258.
- ⁶⁴ Ibn Sait al-Magribī'nin eseri Paris nüshası anc. Fond. Arab. 2234 vr. 105. Ibn Sait'in bu malumatını Abu'l Feda da nakletmiştir. Xvolson, *İzvestiya*, İbn Dasta [Yani İbn Rusta, bkz. Kaynakça —İ.T.], s. 110, bu Qurat'ın yerini tayin etmemiş, Barthold ise *Festschrift für Chwolson* s. 231-de bu ismi Raab ile birleştirmek istemiştir.
- ⁶⁵ A. Kunik and V. R. Rozen (eds.), *İzvestiya al-Bekri i Drugix Avtorov o Rusi i Slavianax*. Sanktpeterburg: Tip. Imp. Akademiyi Nauk, 1878-1903, 43, 61.
- ⁶⁶ Ibn Fadlān, s. 217-218.
- ⁶⁷ Bkz. yine orada s. 219-220.
- ⁶⁸ Yāqūt al-Hamavī, *Mu'cam al-buldān*, nşr. Wüstenfeld, Leipzig, 1866-73, 468, maddesi.
- ⁶⁹ Zekeriya al-Qazvīnī, *Acā'ib al-mahlūqāt ve āsār al-bilād*, nşr. Wüstenfeld, Göttingen, 1848-49, s. 411-412.
- ⁷⁰ Bk. Xvolson, *İzvestiya*, İbn Dasta [yani İbn Rusta—İ.T.], vs. s. 108.
- ⁷¹ Bk. Bretschneider, *Mediaeval Researches from Eastern Asiatic Sources* I., London, 1882, s. 326-331.
- ⁷² *Manghol un Niuca Tobca'an*, (nşr.) Haenisch s. 117. [*Moğolların Gizli Tarihi* (nşr.) Ahmet Temir, Ankara, TTK, 1948 s., - - İ.T.]
- ⁷³ Reşideddin, (nşr.) Blochet, 42; 'Ala-u'din Ata Malik Cuvaynī, *Tārīkh-i Cihānguşā*, nşr. Mirza Muhammed Khan Qazvini, *Gibb Memorial Old Series*, 1912, 1915, 1937, s.225; M. C. D'Ohsson, *Histoire des Mongols*

depuis Tchinguiz-Khan jusqu'a Timour Bey ou Tamerlan. 4 Vols. (2nd edition) The Hague and Amsterdam, 1834-5, II, s. 120, II, s. 620.

⁷⁴ Bk. Z. V. Togan, "Völkerschaften des Chazarenreiches", *KCsA*. III. 53, 71-73.

⁷⁵ *Cāmi' al-tavārīkh*, ikinci cilt, Topkapı nüshası no. 3475 vr. 326a; *Historie Universelle de Raşid al-din I. Historie des Franks* (nşr.) K. Jahn, Leiden. 1951; textes. 9,43; transl. 22, 65.

⁷⁶ *Şiybani-nāme*, 1502-3, nşr. I. Berezin, Kazan, 1849, s. 75. Toqtagu Han zamanında memleketin büyük beğlerinden olup ondan sonra Sırderya havzasında diktatör kesilen Toqbuga Beğ'e aynı zamanda Baçqır Toqbuga da denilmektedir. Bu zat kâfir olarak tavsif olunduğuna göre müslüman değildi, Uygurlardan olduğu da mervidir. Bu beğ'in ismi "*Tārīkh-i Dost Sultan*"dan naklen Hacı Abdülğaffar'da (*Umdat al-tavārīkh* İstanbul tab'ı, s. 33 باجر توقبوغا yazılmıştır. Fakat Ali Celayır, (*Cāmi' al-tavārīkh*, Kazan tabı, 1851 s. 155)'da باجر توقبوغا yazılmıştır; باج قیر kelimesi Berezin neşri anonim *Şiybani-nāme*'de (s.75) Şiban Han'a tâbi kabilelerden sayılmıştır. Yani Başkurt demektir. Fakat Toqbuga Beğ aynı zamanda Uygur olarak yazılmıştır. *Z.V.O.* XV. 231, Mamafih bu zamanda "Uygur" kelimesinin "budist" manasında kullanıldığı da hatırdan çıkarılmamalıdır.

⁷⁷ Reşideddin, *Cāmi' al-tavārīkh*, Topkapı nüshası no. 1518 vr. 284a.

⁷⁸ Abdullah Qāşānī, *Tārīkh-i Olcaytu*, Ayasofya nüshası N. 3019, vr. 211a.

⁷⁹ İbn Tanrıberdi, *al-Manhal al-sāfi*, ناصرالدين maddesi. Yine Sarim al-Dīn al Başkurdī, İbn al Furāt'da zikr edimiştir.

⁸⁰ *Tarikh-i Qaratay*, Gotha col. Arab. 1655, vr. 46b 49b.

⁸¹ Yine orada İbn Ayas.

⁸² K. Zettersteen, *Beitraege zur Geschichte der Memluken Sultane*, Leiden 1919, s. 110.

⁸³ "Tura" kelimesi için bkz. *Bugünkü Türkistan*, s. 41-42.

⁸⁴ "Tag-Urek" şimdi Ak-Edil boyundaki Yürek Tav olabilir. Marquart, *Über das Volkstum der Komanen*, s. 138 bu ارق طاع'in Ural dağları olacağını zannettiği halde Tura hanlarını Kıpçak hanları zannetmiştir. Halbuki bu kelime sadece تورا dan muharref olacaktır.

⁸⁵ *Bugünkü Türkistan*, s. 41.

⁸⁶ *Başkurt Aymağı* mecmuası.

⁸⁷ İbn Fadlallah al-'Umārī, بلادالمبر وچولمان مضافة لي باشر [Klaus Lech, *Das Mongolische Watreich. Al-'Umārī's Darstellung der Mongolischen Reiche in seinem Werk Masālik al-absār fi mamālik al-amsār*. Wiesbaden, Otho Harrossowitz 1968 - metin - s.77 ve Almanca çevirisi s. 143. Bu pasaj "Sibir ve Çulman Başkurt sınırındadır" anlamındadır. - - İ.T.]

⁸⁸ İbn Fadlallah al-'Umārī, ويلي خوارزم ارض منقشلاق وسكانها لم كثيرة من البرجان [Klaus Lech, *age*, metin s. 82, Almanca çeviri s.147.—İ.T.]

⁸⁹ Bkz. İbn Fadlân, s. 140.

⁹⁰ Bu husus Ötemiş Hacı'nın "*Tārīkh-i Dost Sultan*" kitabında bulunmaktadır, benim nüsham, vr. 46a.

⁹¹ Aynı eserden, vr. 47b.

⁹² Aynı eser 62b – Hacı Abdülğaffar, *Umdat al-tavārikh*, İstanbul tab'ı, s. 80.

⁹³ Bu hususta ben, 1913 yılında Orenburg'da münteşir *Şura* mecmuasında "Bürçen Başkırtları arasında" nam makalemde yazmıştım, sonradan bu havaları bilen Başkırtları ikinci Bürçen nahiyesinde Ahmer köyünde buldum. Bunu bilen zat Hasan isminde bir "koraycı" (kavalcı) idi.

⁹⁴ Ötemiş Hacı vr. 72b.

⁹⁵ Bk. M. Osmanov, *Nogayskiye i Kumyksiye teksty*, St. Petersburg, 1883, s. 58.

⁹⁶ Borşçev, *Aral-Hazar Sahasının Nebatatına ait Eser*, s. 29.

⁹⁷ Bu şecerelerin *Başkırdistan'ı Tetkik Cemiyeti Hizmetleri*'nde çıkan şekillerinde bu mirzaların Quban'a hicret tarihleri 959 hicri yani 1549 milâdî olarak gösterilmiştir, ki yanlış olacak.

⁹⁸ Bk. A. Novoselski, *Bor'ba Moskovskago gosudarstva s Tatarami v pervoy polovine XVII. veka*, Moskva – Leningrad 1948. Bu eserde Nogay Mirzaları şeceresine ait verilen malumat Hacı Abdülğaffar'daki şecereye tam olarak uymaktadır.

⁹⁹ Bk. *Bugünkü Türkistan*, s. 145.

¹⁰⁰ Bu hususta tafsilat *Bugünkü Türkistan*, s. 139 – 147'de verilmiştir.

¹⁰¹ P.P. Pekarsky, "Kogda i dlya çego osnovany goroda Ufa i Samara?", *Sbornik Otdeleniya Russkago Yazıka i Slovesnosti İmperatorskoy Akademii Nauk*, cilt X, no. 5, St. Petersburg, 1872, s. 8.

¹⁰² Aynı eser, aynı s.; Rusların Başkırdistan'a müdahalesi Batı Başkırtları dolayısıyla başlanmış görülüyor. Kama havzasındaki Başkırtların bir kısmı Kazan Hanlığına tâbi olmuş olacak ki bu hanlığın Rus idaresine girmesinden 5 yıl sonra 1557 yılında Ruslara vergi vermeleri dolayısıyla 1572'de Çar IV. İvan'ın fermanında "Kazan Hanlığı ve Başkırdiya" sözü geçmektedir.

¹⁰³ "Ostiak" kelimesi Astiak kelimesinin Rus telaffuzuna göre "O" ile söylenmesinden ibarettir. Kelime Zoltan Gombocz'in izahatına göre fince olup As-yâkh demektir. Türkler ise bu kelimeyi "i" ile konuşmuşlar. Kazak-Kırgızlar "istek" diyerek Başkırtları ve Baraba Tatarlarını tesmiye etmektedirler. (G. N. Potanin, *Oçerki Severo-Zapadnoy Mongoliyi. Rezul'taty Puteşestviya*. S. Peterburg, 1881-1883, IV 19) Ebülğazi Han Başkırtları "Başkırt" diye adlandırdığı gibi "İstek" diyerek de adlandırmıştır. Kırım müelliflerinde de her iki kelime kullanılmıştır. *Raşit Tarihi*'nde اشك Evliya Çelebi'de ve diğer bazı müelliflerde اشك şekli görülüyor. Bazen Başkırtlar Kırım müellifleri tarafından Kırgız diye adlandırılmışlardır. Kefeli İbrahim

Kâtib'in *Tavârih-i Tâtârkhân ve Tağstan ve Musquv ve Deşt-i Qıpçaq ülkelerininindir*"adlı eserinde Rus Kozaklarından Stenka Razin'in kıyamına iştirak eden Başkurlara Kırgız denilmiştir. *Raşit Tarihi*'nde III. 327 "iştek"lerin müttefiki sıfatıyla "Kara ve Kırgız" (قرغرا) yazılmış) zikredilmiştir. Galiba "Kara Kalpak ve Kırgızlar" demektir. Ötemiş Hacı'da büyük Şiban Hanı İbaq Han hakkında Bulgar, Başkurdistan ve Tura ve Altay taraflarının heyeti mecmuası manasiyle olsa gerektir ki "meşhur han bolup cemi Kırgız ve Kazan memleketine hüküm kılğandır" denilmiştir. (*Tarih-i Ötemiş Hacı* vr. 74a). 1572 Kama havzasındaki Ostiak, Başkurlara ve Stroganof'lara ait kayıt: Petr Keppen [Peter Koeppen], *Materialy dlya istoriyi prosv'şeniya v rossii*. S.Peterburg: Meditsinskaya Tipografiya, 1819, s. 29 - N. M. Karamzin, *İstoriya Gosudarstva Rossiyskago*, cilt, IX, not 656.

¹⁰⁴ Velyaminov Zernov, *İzsledovaniya o Kasimovskix tsariax i tsariviçax* II, 336.

¹⁰⁵ *Akty İstoriçeskiye* II. 141.

¹⁰⁶ Ötemiş Hacı vr. 73b.

¹⁰⁷ Bkz. *Bugünkü Türkistan*, s. 160.

¹⁰⁸ Novykov, *İstoriya Ufimskago dvorianstva*, 1875, s. 76.

¹⁰⁹ Bunların nesebi için bkz. *Bugünkü Türkistan*, s. 20.

¹¹⁰ Yine orada s. 204.

¹¹¹ Yine orada s. 206.

¹¹² Ötemiş Hacı, vr. 50b. [Bu isim *BşBT*'de (1994) Hiva şeklinde okunmuşsa da Ötemiş Hacı yazmasında açıkça Qiyâne(Arapça) yazılmıştır.—İ.T.]

¹¹³ *ی مسلم معتبرو فی بلاد باشقرد قاض*, Tiesenhausen s. 217, Ayasofya 3416 vr. 272; Murad Remzi, *Talfiq al-akhbâr*, 241. [İbn Fadlallah al-'Umari'de geçen bu kayıt için bkz. W. de Tiesenhausen, *Altınordu Devleti Tarihine Ait Metinler* (çev.) İsmail Hakkı İzmirli. İstanbul, Maarif Matbaası, 1941 metin - s. 382, çeviri s. 380; Klaus Lech 1968: metin s. 77, çev. 143. -- İ.T.]

¹¹⁴ Bu mezar taşı önce Velyaminov-Zernov tarafından okunmuştur. *Trudy Vost. Otd VI*. Burada

العادل في الاحكام غازي حاجي. حسين بيك بن الامير الكبير عمر بيك التاربي التركستاني
Başkurt Aymağı, 1925 no 1'de ise:

العادل في الاحكام حاج حسين بن الامير الكبير عمر بيك ترستاني تركستاني توفي في اليوم السابع من الشهر
المحرم سنة سبع مائة واربع و اربعين

(hata olarak اربع مائة okunmuştur).

¹¹⁵ Bu husus Ufa'da münteşir *Krasnaya Başkiriya*'nın 20. 10. 1938 tarihli nüshasında bildirilmiştir.

¹¹⁶ Bu hususlar için bkz. *Bugünkü Türkistan*, s. 138, 161.

¹¹⁷ Bu hususlar için bkz. *Bugünkü Türkistan*, s. 138, 161.

¹¹⁸ Muhammed Osmanov, *Nogayskiye i Kumyyskiye teksty*, s. 63.

¹¹⁹ *Şiybani-nâme*, Berezin neşri, s. 59-60.

- ¹²⁰ Bkz. Rudenko, *Başkıry* I. St. Petersburg, 1916 s. 22-30. [Sergey İvanoviç Rudenko, *Başkırtlar* (çev.) Roza-İklil Kurban. Konya, Kömen Yayınları, 2001. Başkırt uruğları ile ilgili bilgiler 41-71 ve özellikle s.67-71'de bulunmaktadır. - - İ.T.]
- ¹²¹ *Şıybani-nâme*, Berezin neşri, s. 59-60.
- ¹²² *Bugünkü Türkistan*, s. 202.
- ¹²³ Gerar Fridrih Miller, *İzobrajenye narodov Rossii* II. 62-63; yine o, , *İstoriya Sibiri*. Moskva, Leningrad: İzdatel'stvo Akademiyi Nauk SSSR, 1937-41, s. 549-550.
- ¹²⁴ Miller *İzobrajenye* s. 62.
- ¹²⁵ Miller aynı eser s. 63
- ¹²⁶ Bkz. Vladimirtsev, *Obşçestvenniy stroy Mongolov*, s. 179. [Ayrıca bkz. B. Y. Vladimirtsov, *Moğolların İçtimai Teşkilatı* (çev) Abdülkadir İnan. Ankara, TTK, 1944, s. 256-257. - - İ.T.]
- ¹²⁷ Temürlüler devrindeki *yasaqlıları* Ališir Nevayî *Mahbüb al-qulüb* isimindeki eserinde bahis mevzuu etmiştir.
- ¹²⁸ P. Ryçkov, *Topografiya Orenburgskoy Guberni*, Orenburg, 1762, ikinci basım Orenburg 1887. [P. I. Ryçkov ve Nikolai M Gut', *İstoriya Orenburgskaya, 1730-1750*. Orenburg : İzd. Orenburgskago Gub. stat. kom-ta, 1896.] Kabileler: s. 65-71; S. J. Rudenko, *Başkıry, opyt etnologiçeskoy Monografiyi*, Petrograd, 1917; [Sergey İvanoviç Rudenko, *Başkırtlar* (çev.) Roza-İklil Kurban. Konya, Kömen Yayınları, 2001. Başkırt uruğları ile ilgili bilgiler 41-71 ve özellikle s.67-71'de bulunmaktadır. - - İ.T.] Haris Kuzeyev, *Oçerki İstoriçeskoy etnografiyi Başkir*. Ufa, 1946 ve 2. baskı 1955; Ryçkov'in verdiği malumatın isimleri Doğu-Türk telaffuzuna uydurularak verilmiştir:

Nogay Yolu.

Uruğ Ming, ceman 477 hane.

Aymak ve tübeleri: Çubi, Kırkköl, Yayıq-Süben, Quli-Ming, Islı-Ming, Nogaylar- Ming, Mirkit (belki de Tarihlerdeki Mirkit), Ürşek-Ming, İlkey-Ming, Saralı, Qubav, Iq-Mingi.

Uruğ: Tabın, ceman 387 hane.

Tübeleri: Beş-avul, Kiçi-Tabın, Yumran-Tabın, Kelçir Tabın, Qumrut, Duvan-Tabın, Melle-Tabın.

Uruğ: Yurmatı, 521 hane.

Tübeleri: Mişer-Yurmatı, Teltim, Baqay, Arlar, Beş-Qazan, Makar.

Uruğ: Kıpçak, 1332 hane,

Tübeleri: Buşman-Kıpçak, Suvun-Kıpçak, Senkim-Kıpçak (Çengim Kıpçak), Sarış-Kıpçak, Gires- Kıpçak, [Girey-Kıpçak;] Qaragay-Kıpçak.

Uruğ: Bürçen, 448 hane.

Tübeleri: Tansa-Bürçen, Bayulı (Bayoğlu), Muşaş, Yamaş, Qaragay-Bürçen, Dir-Bürçen, Nogaylar.

Uruğ: Üsergen (aslında Qanlı), 381 hane.
Tübeleri: Ay-Üsergen, Jautübe-Üsergen, Şışaylar, Beşaylar, Süren, Çuraş.
Uruğ: Tüngevir, 80 hane.
Tübeleri: Orman-Tüngevir, Yalan-Tüngevir.
Uruğ: Tamyarı, 196 hane.
Tübeleri: Qoyaney, Mıltıq, Meseut, İq-Tamyarı.
Uruğ Tabın, 472 hane.
Tübeleri: Kübelek, Tilev, Qaragay, Kiçi, Yumran-Tabın.
Uruğ: Qatay, 300 hane.
Tübeleri: Edil-Qatay, Köşek-Qatay, İncer-Qatay, Quzgun-Qatay.

Sibir Yolu:

Uruğ: Küdey, 415 hane (bu Uruğ Khorezm'de de var).
Tübeleri: Orman-Küdey, Bilekey-Küdey, Qır-Küdey, Şaytan-(yani Şaman, Qam) Küdey, Nogaylar, Sübberdi, Usraq-Küdey, Ursaba-Küdey, Qullar-Küdey, Duvan-Küdey (Duvan yani tümen hükümet merkezi).
Türkmen, Lemez-Türkmen.
Uruğ: Tanıp, 335 hane.
Tübeleri: Qır-Tanıp, Balaqçı, Su-Tanıp, Onlar, Qır Onlar, Su-Onlar, Bayqı, Qaypan, Oqunşı.
Uruğ: Ayli, 113 hane.
Tübeleri: Arş, Yalan-Ayli, Üpey, Duvan, Taz-Duvan, Sızan, Eyirli, Mirzalar, Tarnaqlı, Qaratavlı, Sart, Tübeles, Çublısızgı.
Uruğ: Quvaqan (İset vilayetine dahil).
Tübeleri: Yalan-Quvaqan, Tav-Quvaqan, Satqa-Quvaqan, Segit-Kuvaqan, Qırquli-Quvaqan.
Uruğ: Barın-Tabın (yine İset vilayetine dahil).
Uruğ: Kara-Tabın (İset vilayeti).
Tübeleri: Ayla-Tabın, [bugün Eyli-Tabın ---İ.T.] Küksürek-Tabın, Kıpçak-Tabın, Musül-Tabın, Akşuraz-Tabın.
Uruğ: Yalan-Qatay.
Tübeleri: Bala-Qatay, Buçqur, Sinren, Sızgı, Balı-Qatay, Çirli, Tersat, Beketi, Salcavut (Salciyut), Sartlar.

Qazan yolu:

Uruğ: Qarşi, 77 hane.
Tübeleri: Akbaş, Qarganar, Qadrey.
Uruğ: Qaylı, 123 hane.
Tübeleri: Edil-Qaylı, Qır-Qaylı, Yürektav-Qaylı, Aqtav-Qayh.
Uruğ: Yeldet, 201 hane.
Tübeleri: Üfü-Yeldet, Qır-Yeldet, Bura-(Bugra-) Yeldet.
Uruğ: Girey (Kirayit), 273 hane.
Tübeleri: Orman-Kirey, Edil-Kirey.

Urug: Togızlar.

Urug: Yened, 400 hane.

Urug: Baylar, 561 hane.

Urug: Duvan, 82 hane.

Tubeleri: Duvaney, Hacı-Duvaney, Rısmekkey, Baqay, Talbazı.

Urug: İlan (Yılan), 382 hane.

Tubeleri: Qir-İlan, Edil-İlan, Badraq.

Urug: Siren-Yurtı.

Urug: Kırgız, 113 hane.

Urug: Buler, 231 hane.

Usa Yolu:

Urug: Tazlar

Urug: Uran (Kıpçak'ın bir şubesi), 218 hane.

Urug: Uvanış.

Urug: İrekhti, 148 hane.

Urug: Geyne, 562 hane.

Tubeleri: Mul-Geyne, Tül-Geyne.

Burada her urug için verilen hane adedi, 1750'lerde Rusya'ya ancak kısmen bağlanmış olan Başkurların idari bakımdan Rus voyvodalarına fiilen bağlı olan aileleri göstermektedir. Bunlardan İset vilayetindeki Başkurlar için fiilen tâbi olan ailelerin adedi bile verilmemiştir.

Rudenko, Arazi Sınırlama Komisyonunun arşivindeki urugları da zikretmiş: ezcümle Kazan Yolunda Baylar urugunun tubeleri şunlarmış: Saraylı-Ming, Bazıkey, Şalavuş, Turay, Qalmaş, Qır-Yılanbayları. Yılan [Z. V. Togan'ın notlarında Ulan urugu diye yazılmışsa da, Yılan olması gerekmektedir—İ.T.] urugunda tubeler: Qır-Yılan, İçki-Yılan, Çelqan, Qalmıq. Kırgız urugu tubeleri: Qadikey, Kırgız. Buler Urugunun tubeleri: Qadır, Quray, Muşigi. İrekhti urugu tubeleri: İrekhti, Abdalbi. Geyne urugunda tubeler: Geyne, Salavuş, Rahmangul, Azigul, Qir ivli. Qayli ismini Rudenko Kanli şeklinde yanlış yazmış. [Rudenko (çev.) 2001 s.70-71]

¹²⁹ Bu zadegân kabileleri ve onların miktarı hakkında bk. Novykov, *İstoriya Ufimskago dvorianstva*, 1875, s. 27, 31, 44, 88.

¹³⁰ Bk. Rızaeddin bin Fahreddin, *Athar*, sayı 2, Orenburg. s. 65.

¹³¹ V.V. Velyaminov-Zernov, "O jalovanyi tarxannix yarılykov başkiram"; *Zapiski Akad. Nauk.*, cilt IV, kitap II, 1864.

¹³² Almanlardan Gerhard von Mende, *Der Nationale Kampf der Russlandtürken, ein Beitrag zu nationalen Fragen in der Sovetunion*. Berlin; Weidmann, 1936 [Universität. Seminar für orientalische Sprachen. Mitteilungen. Beiband zum Jahrg. 39], s. 135'de kelimenin Arapça olduğunun farkında olmayarak Rusça "asaba"dan geldiğini zannetmiştir.

- ¹³³ “Razdelnaya gramota” denilen bu vesika için bkz. *Orenburgskiy Gubernskiy. Vedomosti*, 1849 no. 12-17, Rudenko I. 13; bkz. *T'oung Pao*, 1930. s. 40.
- ¹³⁴ Bu kelime hakkında bkz. Barthold *Enz. des Islam* (IV. 785) “Tepter” maddesi.
- ¹³⁵ Bkz. 1771 de doğu Başkurdistan’da Qalqan köyü Tepter’lerinin reisi Sağınbay Sultanay oğlu zikredilmektedir. Rizaedin bn Fahreddin, *Athar*, 11. s. 65.
- ¹³⁶ Ötemiş Hacı, “*Tarikh-i Dost Sultan.*”
- ¹³⁷ Bkz. *Bugünkü Türkistan* s. 41-42.
- ¹³⁸ بىغول şekli için bk. Reşideddin, *Cāmi' al-tavārikh*, Berezin, 1. 235
- ¹³⁹ Vladimirtsov, *Obşçestvenniy Stroy Mongolov*, s. 165 [ve ayrıca A. İnan (çev.) s. 237-238. -- İ.T.]; bkz. yine *EI* IV 785.
- ¹⁴⁰ *Bulletin de L'Academie des Sciences de Russie* 1936 s. 510.
- ¹⁴¹ Novykov, *İstoriya Ufimskogo Dvorianstva*
- ¹⁴² N. Dubrovin, *Pugachev i ego soobşçeniki epizod iz istoriyi tsarstvovaniya imperatritsy Ekateriny II*. 2 cilt. S. Peterburg: Tip. I. N. Skoroxodova, 1884, s. 253.
- ¹⁴³ Novykov, s. 87.
- ¹⁴⁴ Seyit Bahadır devri V. N. V. Ustyugov, “Başkirkoye Vosstaniye 1662-1664 g.” (*İstoriçeskiye Zapiski* no. 24, Moskva 1947, s. 30-110) de mufassalen anlatılmıştır.
- ¹⁴⁵ *Akty İstoriçeskiye* IV. 335.
- ¹⁴⁶ Solov'yev, *İstoriya Rossii, İzdanya obşçestv. Tolz.* III. 577; 1631'den beri görünen bu zat ve onun İrtiş'taki ulusu hakkında bkz. Miller, *İstoriya Sibiri* II, 101, 385, 443-4, 477.
- ¹⁴⁷ Solov'yev 111. 378; Miller II. 508, 527-8.
- ¹⁴⁸ *Materyaly po istoriyi Başk. Sov. Respublik* I. 183.
- ¹⁴⁹ *Akty İstoriçeskiye*, IV. 336; Novykov, s. 57.
- ¹⁵⁰ Altıoğul çoğunca halk telaffuzunda “altıavul” diyerek söylendiğinden bunun altı avul olduğu zannediliyor, fakat doğrusu altı oğul'dur.
- ¹⁵¹ Bkz. *Bugünkü Türkistan*, 148.
- ¹⁵² Bk. Miller, *İstoriya Sibiri*, II. 115, 227 Abuga ve Bugay isimlerinin ayniyeti de oradadır.
- ¹⁵³ Gene orada s. 115, 528.
- ¹⁵⁴ İ. Şunkov, *Oçerki po istoriyi kolonizatsiyi Sibiri v XVII i v XVIII veka*. Leningrad 1946, *Voprosy İstoriyi* 1947 no. 6, s. 131.
- ¹⁵⁵ *Akty İstoriçeskiye* IV. 50.
- ¹⁵⁶ Bu hususta Macar kaynakları *Bugünkü Türkistan*, s. 162'de gösterilmiştir.
- ¹⁵⁷ Solov'yev, *İstoriya Rossii*, III. 573-574.
- ¹⁵⁸ Gene orada s. 575.
- ¹⁵⁹ Solov'yev, III. 576.

- ¹⁶⁰ Aynı eser, III. 576.
- ¹⁶¹ Evliya Çelebi, *Seyahatname*, VII. 805-809; XIII, 824, 834, 868. Bu “mujik” şehri Edil ile Don arasında bir Rus kasabası olsa gerektir.
- ¹⁶² Gene orada. VII. 761, 813. Evliya kendisini yedinci iklimde de seyahat yapmış göstermek için eski Saray ve Kazan’ı da görmüş olduğunu söylemiştir.
- ¹⁶³ Evliya Çelebi, *Seyahatname* VII. 837.
- ¹⁶⁴ Aynı eser, VII. 761, 811, 825, 835, 836.[bkz. Orhan Şaik Gökyay (yay.) *Evliya Çelebi Seyahatnamesi*, cilt IV, s. 189—İ.T.]
- ¹⁶⁵ Solov’yev, III. 404-5.
- ¹⁶⁶ Kefeli İbrahim Kâtib, *Tavârih-i Tâtârkhân ve Dağistan ve Moskov ve Deşt-i Qıpçaq*, Köstence 1937 (üzerinde tarihsiz), s. 30.
- ¹⁶⁷ Evliya Çelebi, *Seyahatname* VII. 811, 825.
- ¹⁶⁸ Gene orada, VII. 835.
- ¹⁶⁹ “Risâle fi akhvâl-i Qırım ve Quban,” Atif Efedi Kütüphanesi, no. 1886.
- ¹⁷⁰ Nüshası Paris Millî Kütüphanesinde Suppl. Turc. no. 1068’de bulunan “Târih-i Qırım” kitabı, vr. 21.
- ¹⁷¹ Murad Remzi, *Talfîq al-akhbâr*, II. 209.
- ¹⁷² Muhammed Osmanov, *Nogayskiye i Kumyyskiye Teksty*, Petersburg, 1883. s. 95.
- ¹⁷³ “Sabuvul Meskev töründe”, “Meskev’in töri” Moskova’nın önü, sadrı yukarı demektir. Yalnız burada sıfat olarak kullanılan “Sabuvul” kelimesi ile ne ifade edildiğini bilemedim.
- ¹⁷⁴ *Qaytavul* Tatar Hanlarının bilhassa Temür’ün seferlerinde çok zikri geçen askeri istilahtır. Orduda ağırlığın bulunduğu yer, taarruz vaki olursa çekilinecek yer ve dümdar.
- ¹⁷⁵ Tura tarafında Tunbuyuqlı isminde bir halk ve Yayıq başında Kökşimay isminde bir yer olduğunu bilmiyorum. Fakat her iki isim kulağıma hoş geliyor.
- ¹⁷⁶ Yalnız “Albiiz Biy” gariptir. İhtimal bu isim Qayıb Sultan’ın anne tarafından büyük babası olan birer Nogay beyinin ismidir. Çünkü “Sultan”ın ve “Han”ın babası “Biy” olmaz. İhtimal bu kelime يرابي Ablayır’dır ve Ablayır yerine müstensih tarafından البييز Albiyiz şeklinde yazılmıştır. Ablayır Ebülkhayır demektir.
- ¹⁷⁷ *Materyaly dlya istoriyi Karakalpakov*, 5-7, 146; Velyaminov-Zernov, *Kasim. Xany*. II. 386-389.
- ¹⁷⁸ *Materyaly Karakalp*. 153.
- ¹⁷⁹ *age*, s. 57.
- ¹⁸⁰ *age*, s. 159.
- ¹⁸¹ *Akty istoričeskiye*, IV. 331.
- ¹⁸² *Dopolneniye k Aktam İstoričeskim*, IV 284; byt’sebe tsartvom kak bylo pri Küçüme Tsare, *Materyaly po istoriye Başkir. Sov Respubliki*. 29-30.
- ¹⁸³ Z. V. Togan, *Ibn Fadlân’s Reisebericht*, 275.

- ¹⁸⁴ *Silahdar Tarihi*, I. 709.
- ¹⁸⁵ Solov'yev, III, 840.
- ¹⁸⁶ Aynı eser, III, 860.
- ¹⁸⁷ Aynı eser, III, 861; *İstoriya Tatariyi v dokumentax i materyalax*, 1937, s. 386.
- ¹⁸⁸ Gene orada.
- ¹⁸⁹ Gene orada.
- ¹⁹⁰ Aynı eser XIII, 266-300.
- ¹⁹¹ *Akty istoričeskiye* V, 177.
- ¹⁹² Solov'yev IV, 838.
- ¹⁹³ Peretiyatkoviç, *Povolj'ye*, II, 337.
- ¹⁹⁴ N. Popov, *V. N. Tatişçev i ego Vremya*, Moskva, 1861, s. 165-166.
- ¹⁹⁵ N. Firsov, *İnorodçeskoyi nasalenye prejnego Kazanskago tsaristva*. Kazan, 1866, s.219.
- ¹⁹⁶ Bk. Gaziz Gubeydullin, *Tatarlarda Sınıflar*, Kazan, 1925, s. 21.
- ¹⁹⁷ N. Popov, *V. N. Tatişçev i ego Vremya*, Moskva, 1861, s. 161-166.
- ¹⁹⁸ Prof. N. Firsov, *Inorodçeskoyi nasilenye prejnego Kazanskago tsaristva*, Kazan, 1866, s.219-222.
- ¹⁹⁹ Ryçkov, *Topografiya Orenb. Gub.*, s. 63-64.
- ²⁰⁰ *İstoriya Tatariyi v dokumentax i materyalax*, 1937, s. 402.
- ²⁰¹ Aynı eser, s. 396.
- ²⁰² Aynı eser, s. 402.
- ²⁰³ Velyaminov-Zernov, "İstoçniki dlya izuçenya tarxanstva, jalovannago Başkıram Russkimi gosudaryami", *Prilojeniye k IV tomu zapisok imp. Akademiyi Nauk*, no. 6, S.Peterburg, 1864, s. 27.
- ²⁰⁴ Solov'yev, VIII, 173.
- ²⁰⁵ Bu ifadelerin Rus Coğrafya Cemiyeti Arşivinde mahfuz kalan bir sureti Prof. N. Palmov tarafından *Materyaly po istoriyi Karakalpakov* (Trudy İstitutu Vostokovenenya VII.) 1935, s. 153-159 neşrolunmuştur.
- ²⁰⁶ *İstoriya Tatariyi v dokumentax (Mat. Tat.)* s. 392-396 ve *Materyaly po istoriyi Başkırskoj ASSR (Mat. Baş.)* cilt. I, 1936, s. 238-243. Bu ifadeler Varanskin'in 14.4.1708 de yazdığı raporunda da vardır. Bunda Başkırtların Türk Sultanına ve Kırım Hanına elçiler gönderip ittifak akdi isteğinde buldukları, Sultan ve Kırım Hanı tarafından bu isteklerinin reddedildiği, fakat onların Kuban'dan (yani oradaki Nogaylar arasında yaşamakta olan Çengizlilerden) bir Sultan aldıkları, Kazan vilayetinden başka Simbir, Kongur ve Viyatka taraflarında aynı tarzda Ruslara karşı taarruz hareketlerinde buldukları ve "Tiryak" almak istedikleri, Başkırtların bu hareketlerinin asla Çarlık tarafından kendilerine tarh edilen verginin ağırlığı bahanesi ile başlanmadığı, bunların isteklerinin sadece Rusya'dan ayrılıp müstakil devlet kurmak olduğu yazılmıştır. Bkz. *İstoriya Tatariyi*, s. 391.

- 207 V. I. Lebedev, *Başkirkoye Vosstaniye 1705-1711 godov* (İstoriçeskiye zapiski t. I. 1937, s. 81-101).
- 208 V. Lebedev, *Bulavinskoye Vosstaniye 1707-1711*, M. 1934, *Mat. Tt.* 1935, s. 153-159.
- 209 *Mat. Tt.* 402-408.
- 210 *Mat. Kk.* 153-159.
- 211 Bk. Z. V. Togan "Timur's Campaign of 1395 in the Ukrain and North Caucasus (*Annals of the Ukrainian Academy of Arts and Sciences*, cilt. VI. New York. 1958, s.1361-1367).
- 212 *Mat. Tt.* 402-408, *Mat. Kk.* 153-159.
- 213 *Mat. Tt.* 412, Mansur Xozia.
- 214 Solov'yev III. 1441.
- 215 *Materyaly po istoriyi Karakalpakov*, 159.
- 216 *Dopolneniya k Aktam İstoriçeskim*, X, 384.
- 217 Almanca Anonim Hiva seyahati, s. 58.
- 218 *Mat. Kk.* 297.
- 219 Almanca Anonim seyahatname; *Babacan Mangıt Tarihi*, Gümüşhane Türkmeni Bayhan'ın nüshası.
- 220 *Mat. Kk.* 212.
- 221 Aynı eser, 220-221.
- 222 *İslam Ansiklopedisi*, V, 254. [Z.V. Togan, "Harizm" *İ.A.*, maddesi]
- 223 Hazine-i Evrak, *Nâme-i Hümayûn defteri*, cilt VI, 76-81, VII, 430-431.
- 224 *Materyaly po istoriyi Kazaxskoy SSR (Mat. Kaz.)* IV, 1940, 359, 496; H. Howorth, *History of the Mongols*, II, 915.
- 225 *Pamyatniki Sibirskoy istoriyi (PSI) XVIII. Veka*, II. Petersburg (1) 1885, s. 152-163 ve 377.
- 226 Aynı eser, s. 161; Hazine-i Evrak, *Nâme-i Hümayûn Defterleri*, cilt VII, s. 292 (bkz. Belge 11).
- 227 Hazine-i Evrak, *Nâme-i Hümayûn Defterleri*, cilt VII, s. 292; Levşin, II, 68.
- 228 Herzenberg, *Journal von der Reise aus Astrachan nach Chiwa*, 1732, Petersburg, 1902, s. 58.
- 229 *Pamyatniki Sibirskoy İstoriyi*, II. 163.
- 230 Z. V. Togan, *Türkili Türkistan Tarihi*, s. 168, 202 ve *İslam Ansiklopedisi*, V, 254.
- 231 *Materyaly po istoriyi Kazaxskoy SSR*, IV. Leningrad 1940, s. 66, 167, 301, 396; Henry Howorth, *History of the Mongols from the 9th to the 19th Century*. 4 cilt, London, 1876-1927, cilt II, s. 915-916. [Metinde yeri bulunamamıştır -İ.T.]
- 232 *İnkılâp mecmuası*, Taşkent. 1922, N. 4. s. 29. [Metinde yeri bulunamamıştır -İ.T.]
- 233 Ötemiş Hacı'nın "*Tarih-i Dost Sultan*" kitabının benim elimdeki nüshası, vr. 74a.

- ²³⁴ Solov'yev III: 1447-49. [Metin içinde yeri gösterilmemiştir.—İ.T.]
- ²³⁵ Solov'yev III: 1447-49. [Metin içinde yeri gösterilmemiştir.—İ.T.]
- ²³⁶ *Dopolneniye k Aktam. İstoriçeskim IV.* 184; *Mat. Bş.* I, 121, 287.
- ²³⁷ *Şura mecmuası* 1916, no. 6. Nurali Nadexev isminde birisinin yazdığı bu makalenin kaynakları bence meçhuldür, acaba Rusça aslında da “Ulaş” mı idi?
- ²³⁸ Solov'yev, III, 1449. [Metinde yeri bulunamamıştır —İ.T.]
- ²³⁹ Aynı müellif, III, 1449. [Metinde yeri bulunamamıştır —İ.T.]
- ²⁴⁰ Aynı müellif, III, 1570. [Metinde yeri bulunamamıştır —İ.T.]
- ²⁴¹ *Raşit Efendi Tarihi*, III, 327.
- ²⁴² *Hazine-i Evrak, Nâme-i Hümayûn Defterleri*, cilt VI, s. 88-90 (Belge 12).
- ²⁴³ Aynı eser, cilt VI, s. 520 (Belge 13).
- ²⁴⁴ Aynı eser, cilt VI, s. 201-202.
- ²⁴⁵ Aynı eser, cilt VI, s. 520.
- ²⁴⁶ *İstoriya Tatariyi v dokumentax i materyalax*, s. 413.
- ²⁴⁷ *Po istoriyi Karakalpakskoy SS Respubliki (Mat. Kk)* I, 1935, s. 160.
- ²⁴⁸ Bk. Akdes Nimet Kurat, *İsveç Kralı XII. Karl'ın Türkiye'de Kalışı*, İstanbul, 1943, s. 71; Bk. Gene Rıdvan Nafiz “Şarlı ve Mazepa”, *Hayat Mecmuası III*, İstanbul, 1928, N. 66-71, 73.
- ²⁴⁹ *Hazine-i Evrak, Nâme-i Hümayûn Defterleri*, cilt V, s. 116-118 (Belge 14).
- ²⁵⁰ Z. V. Togan, *Bugünkü Türkistan*, 167-168, 210.
- ²⁵¹ Aynı eser, 167.
- ²⁵² *Hazine-i Evrak, Nâme-i Hümayûn Defterleri*, cilt V, s. 292-293.
- ²⁵³ Aynı kaynak, aynı cilt, s. 293-294.
- ²⁵⁴ *Hazine-i Evrak, Nâme-i Hümayûn Defterleri*, cilt VII, s. 294.
- ²⁵⁵ *Hazine-i Evrak, Nâme-i Hümayûn Defterleri*, cilt VII, s. 296-298 (Belge 15).
- ²⁵⁶ Solov'yev, IV, 293.
- ²⁵⁷ Baht Giray Sultan Kırım Hanı Devlet Giray'ın oğlu idi. Hacı Abdülgaffar (s.163) onu “meşhur-i afak olan Baht Giray Sultan” tesmiye etmektedir. Rus sınırlarındaki bu savaşları Baht Giray Sultan'ın idare ettiği hakkında bk. V.D. Smirnov, *Krimskoye Xanstvo*, cilt. II, Odessa, 1889, s. 33, 46; *Raşit Tarihi* c. III, s. 28. Bu hadise Rus hariciye nazırı Ostermann'ın Türkiye Hükümetine 12.4.1736 tarihiyle yazdığı notasında “Hanzade nam Deli Sultan” diye yazılmış ve onun Saritsin'e (şimdiki Stalingrad'a) hücumu zikredilmiştir; *Hazine-i Evrak, Nâme-i Hümayûn Defterleri*, cilt VII, s. 460.
- ²⁵⁸ Solov'yev, IV, 652.
- ²⁵⁹ N. Veselovski, *Oçerki istoriyi Xivinskago Xanstva*, Petersburg, 1885, s. 226.

- ²⁶⁰ Bkz. *Hive seyahatnamesi ve Tarihi*, İstanbul, 1923, s. 427. Ali Suavi, Hive 1327 tabı “Muhammed Bahadır Han” tarafından elçilerin İstanbul’a gönderilmesi tarihi 1123/m. 1711 olarak gösterilmiştir.
- ²⁶¹ *Hazine-i Evrak, Nâme-i Hümayûn Defterleri*, cilt VII, s. 460-471. Z. V. Togan *Türkili Tarihi*, s. 168.
- ²⁶² Solov’ev, IV, 293, 652.
- ²⁶³ Aynı eser, IV, 656.
- ²⁶⁴ Solov’ev, IV, 838.
- ²⁶⁵ Solov’ev, aynı eser, III, 1105.
- ²⁶⁶ Solov’ev, III, 1449.
- ²⁶⁷ Rusların Sibiryaya arşivlerinden çıkarılan kayıtlarda “Başkirskiy xan” (Başkurt Hanı) tabiri görülüyor.
- ²⁶⁸ Nogay-Yolu Başkurt beylerinin Rusları Ufa voyvodası Knyaz A. M. Volkonskiy’e “emanet” (rehine) lerin iadesi ve isteklerini bizzat Çar’a eriştirilmesi hususundaki 16.11.1663’te yazdıkları mektuplar *Mat. Bş. I. 166*’da bulunmaktadır.
- ²⁶⁹ *Mat. Kk. 250*.
- ²⁷⁰ Aynı eser.
- ²⁷¹ Vitevski, *Neplyuyev i ego Vremya*, t. I. 141.
- ²⁷² “Abız” kelimesi hakkında bak *Türkili Tarihi*, 149.
- ²⁷³ Ustyugov, *Vosstaniye Başkir 1734-1737 godov*, s. 37.
- ²⁷⁴ *Mat. Tt. 402-406*; M. A. Salahatdinov, “Volga havzası halkları tarihine dair bir Farsça eser”. *Strany i narody Aziyi IV 1965*, s. 147-154.
- ²⁷⁵ “Tamyan”, “Bürçen”, “Üsergen”, “Curan”, “Quvaqan”, Ortaasya’daki “Cilye (Çigiller)”, “Barsaqan” (Varsak’lar), Yemgan, (Yemekler), Qayqan” (Qayıglar), “Guzan” (Oğuzlar), “Sinran”, “Xalluxan” (Karluklar), Xalacan (Xalacalar) demek gibi bir zamanlar İran kavimleri tesiriyle gelen Farsça cem’ edatlı isimleridir. Tamyan da Tamalar demek olacak.
- ²⁷⁶ Bu savaşlar ve Dim-başı savaşı Hidayet Sufi “Şecere”sinde yazılmıştır.
- ²⁷⁷ *Mat. Tt. 403*.
- ²⁷⁸ Ryçkov, *Topografiya Orenburgskoy Guberni*, 1884, tabı, s. 78-80.
- ²⁷⁹ *Mat. Tt. 403*; Bu savaşlar Hidayet Sufi “Şecere”sinde çok güzel yazılmıştır.
- ²⁸⁰ A. Taymas, *Kazan Türkleri*, İstanbul, 1925, p. 207.
- ²⁸¹ S. Bekbulatov. “Başkirskeye vosstaniye i Tatory”, *Vestnik Nauçnago Obşçestva Tatarovedenya*, Kazan, 1930, N. 9, 10.
- ²⁸² G. Gubeydullin, *Tatar Tarihi*, ikinci basımı, Kazan, 1924.
- ²⁸³ A. A. Semenov. “O Sredneasiatskom buxarskom termine “Agalıq”” *Doklady Akademiyi Nauk, Tadjikskoy SSSR*, III. Stalingrad, 1952; G. Doerfer, *Türkische und mongolische Elemente im Neupersischen*, cilt I. 136; yine bak Babacan, *Mangıt Tarihi*, Berlin nüshası acc. Ms. or. 1927 f. 77b, (aqa tutmuş).

- 284 Solov'yev, III. 1533.
- 285 Aynı eser, III. 1535.
- 286 Aynı eser, III. 1536.
- 287 Solov'yev, III. 1538-1542.
- 288 Solov'yev, III. 1538-1542.
- 289 *Mat. Kk.*
- 290 *Polnoye Sobraniye Zakonov Rossii*, cilt. IX. N. 6890.
- 291 Herzenberg, *Journal von der Reise aus Astrachan nach Chiwah*, 1732, Petersburg, 1902, s. 58.
- 292 *İstoriya Tatariyi ve dokumentax i materyalax*, s. 396, 415.
- 293 Solov'yev, III, 1547-1548.
- 294 *Polnoye Sobraniye Zakonov Rossii*. X. N. 7876.
- 295 Solov'yev, III, 1552.
- 296 Çokan Velixanov, *Sobraniye Soçineniyi*, I, 436.
- 297 Altay rivayetleri olan *Proben der Volksliteratur der türkischen Stamme Süd Sibiriens*, I. (Petersburg, 1864)'de metin s. 184-86 ve tercüme s. 206-208'de aynı rivayet ve Kazak rivayetleri Çokan Velixanov, *Sobraniye Soçineniyi*, (Petersburg, 1904), s. 201-208 münderiç bulunmaktadır.
- 298 Vitevsky, *Neplyuyev i ego vremya*, I. 166-67 ve *Trudy Nauçnogo obşçestva izuçeniya Başkiriyi*, II. Ufa. 1922. s. 58-66.
- 299 *İstoriya Tatariyi v dokumentax i materyalax*. s. 412.
- 300 Ustyugov. *İstor. Zap.* XXIV. 1947. s. 67.
- 301 Bk. Z. V. Togan. *Türkili Tarihi*. I. s. 269, 293.
- 302 Ryçkov. *İstoriya Orenburgskago kraya* 1759. s. 488.
- 303 Solov'yev, III. 1547.
- 304 Çuloşnikov. *Vosstaniye 1755 goda v Başkirii*. Leningrad, 1740. s. 46.
- 305 A. Çuloşnikov. *Vosstaniye 1755 goda v Başkirii*. Leningrad, 1740. s. 65-66.
- 306 Aynı eser s. 64 ve Rizaeddin bin Fahreddin, *Athar*, I. 1903. s. 45-49.
- 307 Kraft, *Sbornik uzakonenyi o Kirgizax*. Orenburg, 1898; ve Çuloşnikov. s. 75-76.
- 308 Çuloşnikov. s. 76-77.
- 309 Solov'yev, V. 972.
- 310 Çuloşnikov. s. 39, 54, 57.
- 311 Çuloşnikov, 74.
- 312 Çuloşnikov. 89-91.
- 313 Murat Remzi, *Talfiq'ul-akhbār*, II. 213-214.
- 314 Yakinif-Biçurin, *İstoriçeskoye obozrenye Oyratov*, Petersburg, 1854. s. 109-125; Grum Grjimaylo, *Zapadnaya Mongolya*, II. 677-680. Bu eserde diğer kaynaklar da gösterilmiştir.
- 315 Levşin. *Opisanye Kirgiz-Kaysaxski ord*. I. Stepey 11. 219-220.

- ³¹⁶ L. Meyer, *Kirgiskaya Step Orenburgskago Vedomstva*. Petersburg, 1865. s. 14.
- ³¹⁷ *Başkurt Aymağı*. Ufa, 1925. s. 84.
- ³¹⁸ Solov'yev. V. 972.
- ³¹⁹ Meyer, s. 13.
- ³²⁰ Bu isyanın tarihi Çuloşnikov tarafından ayrı bir eser halinde neşredilmiştir. Yine Neplyuyev'in hatıraları, *Russkiy Arxiv*. 1871. Sayı N. 4. s. 667-668 v. d.
- ³²¹ Prof. H. Jansky , evvelce Rybakov tarafından 1827'de Rus İlimler Akademisi *Memoires*'lerinde neşr olunan Teftilev, 1939'da D. Alimdjan Tagan tarafından Viyana İlimler Akademisi neşriyatında (*Sitzungsberichte* N. 218, Band (cilt) 1, s.104-105) neşr edilmiştir. "Tevkilev" bestesinin tarihini kızın bir Hıristiyan boyarına verilmek istendiğini eski Tevkilev'in ahfadından Rusya Duması azası "Kutlukay Tevkilev" hikaye etmişti. Rybakov neşrinde bu kız bir Rus'a aşık olmuş olarak zikr edilmiştir.
- ³²² *Başkurt Aymağı* no.7, Ufa 1928, s.93-94.
- ³²³ Buna dair kayıt ancak Şehabeddin Mercani'de vardır. *Mustafād al-akhbār*, I. , s. 154.
- ³²⁴ H. H. Schaefer, *Goethe's Erlebnis des Ostens*, 1937, s.11.
- ³²⁵ *Başkurdistan İlmî, Fennî ve Tarih Uyuşmasının Hidmeti*, I. İsterlitamak, 1922.
- ³²⁶ I. G. Gmelin, *Reise durch Sibirien*. Göttingen, 1751, s. 344, 348.
- ³²⁷ Çokan Valixanov, *Sobraniye Soçineniye*, I, 1961 s.431-436.
- ³²⁸ *Bugünkü Türkistan*, 349.
- ³²⁹ Bu kararnamenin metni *Başkurt Aymağı* I. 1925, s.3'de mündericidir.
- ³³⁰ Bu meseleler için bkz. *Bugünkü Türkili Tarihi*, s. 369-372.
- ³³¹ Yeni Türkistan, 1927, no. 7, s.10 [*Türkili Türkistan Tarihi*, s. 372, n.178 -İ.T.]
- ³³² *Yeni Mecmua*, 1918, no.38 [*Türkili Türkistan Tarihi*, s. 372, n.179 - İ.T.]
- ³³³ Türkçesi: "göğün altında (insan adıyla) dolaşan bunlar kuyruksuz ve yularsız öküz ve eşeklerdir. Eşekçi ölüp gitti; (fakat, bunlar eşekliklerinden ve (dünyadan) habersiz olduklarından hâlâ yükün altında bulunuyorlar [*Türkili Türkistan Tarihi*, s. 378, n.180 -İ.T.]
- ³³⁴ Murtazin, s.69.
- ³³⁵ Murtazin'e göre (s. 69) bu iş 14 İllkânun'da olmuştur.
- ³³⁶ Sonra oradan Türkiye'ye gelmiş ve burada fesat işinden geri kalmamış ve nihayet Türkiye'den çıkarılmıştır. 1922'de tekrar Başkurdistan'a gelmiş ve bizim bazı arkadaşlarımıza "Türkiye büyüklerinin tavsiyesi boyunca Türk-Sovyet dostluğu namına çalıştım. Fakat onlar bu siyasetlerini hata görünce, ben de Türkiye'den ayrılmak mecburiyetinde kaldım" demiş. Orada evlenmiş kimse kendisine itimat etmemiş ve

içkiye dalmıştı, nihayet Sovyetler tarafından yakalanmıştır. Sonraki akıbetini öğrenemedim.

³³⁷ *Türkili Tarihi* kitabımda (s. 260, 374, 376, 396) Kâzım Beyden ve hatıralarından bahsetmişimdir. Hatıralarının Türkistan'a ait kısımları kütüphanemde mahfuz bulunmaktadır.

³³⁸ Yukarıda Tamyan-Qatay kantonluğunda milis başlığı olduğunu zikrettiğim bu Musa Murtazin Çar ordusunun bir çavuşu idi. Bolşeviklere karşı mücadelede gösterdiği yararlıklar yüzünden millî orduda subay olup terfi etti. Sonra fırka kumandanı, Sovyetler zamanında Başkurdistan'ın hükümetinin reisi oldu. Başkurt ordusu tarihine ait Rusça bir eser matbudur, ki bu eserde muhtelif yerlerde ondan nakillerde bulunuyorum. 1927 senesindeki temizlemelerde Ruslar tarafından idam edildiğini işittim. Onun Başkurdistan Hükümet reisliği zamanında T.B.M.M. azalarından İ. Suphi Soysalhoğlu İsterlitamak'ta Murtazin'in misafiri olmuş ve ondan mühim resimler ve kitaplar getirmiştir.

³³⁹ İsmail Şerifoğlu beni "cumhur reisi" olarak tavsif etmiştir ki, yanlıştır. Başkurdistan'da cumhur reisi mansabı yoktu. Hükümet reisi Yunus Bekbov idi. Ben harbiye nazırı "Başkurt Askeri İdaresi (*voyskoye upravlenye*) reisi idim.

³⁴⁰ İsmail "başkan" kelimesini "Başkurt Askeri Şurası" reisi olmam itibariyle kullanmıştır. Doğrudur. Başkurtlar ezelden beri askeri camia teşkil ettiklerinden siyasî hayatın merkezi orası idi. Burada merhum İsmail'in hakkımda kullandığı "hazretleri" tabirini silmeyi münasip görmedim. Çünkü bizim siyasetimiz tasvip etmeyip bizden ayrılan ve Beyaz Ruslara Denikin'lere giden bir subayın hakkımda bilhassa giyabımda yazılan hatıratında böyle bir tabiri ısrarla kullanması ve hakkımda en iyi hisler beslemiş olması yukarıda zikrettiğim veçhiyle Tatar ve Başkurt münevverlerinin münasebetlerinin samimi bir şekil almış olması bakımından mühimdir.

³⁴¹ İsmail bu hatıratını ezberden yazmış olduğundan tarihleri yoktur; tarihi ben ilave ettim.

³⁴² Bu Şot çiftliğine gelen Alaş Orda murahhasları Azimbek Berimcan ve Muhtar Avezov'ların geldiğinden yukarıda da [§ 58—İ.T.] söz edilmişti. [Aynı olaylardan Zeki Velidi Togan, *Hâtıralar* §125'de söz etmektedir.—İ.T.]

³⁴³ Yüzbaşı İsmail Kazanlıların çoğunun adeti veçhiyle Türk köy isimlerini hep Rusların telaffuzuna göre kaydetmiştir ki, ben bunları Türkçe olarak yazdım.

³⁴⁴ İsmail bu köyü K ile işaret etmiştir.

³⁴⁵ İsmail bu köyü Z ile işaret etmiştir. Ben bu savaş safhalarını bildiğim için köy isimlerini bildiğim gibi yazdım.

³⁴⁶ Bu savaş İllkânun 10-12 arasında vaki olmuş olsa gerektir.

- ³⁴⁷ İsmail Şerif bu köyü F harfi ile işaret etmiştir. Buraları benim doğup büyüdüğüm köyler olduğundan onun Yanırıs olduğu malumdur.
- ³⁴⁸ Yüzbaşı İsmail bu köyü F ile işaret etmiştir.
- ³⁴⁹ İsmil bu köyü B ile işaret etmiştir.
- ³⁵⁰ *Bugünkü Türkistan*, s.390-391.
- ³⁵¹ Murtazin, s. 134.
- ³⁵² Murtazin s.135.
- ³⁵³ Yazma halinde elimde mevcut bulunan bu Rusça eserde Alişev'in ismi bulunmuyor. Yalnız 2.27'de cephe vaziyeti meselesi hakkında Trotskiy'i bizzat görerek meramlarını anlattığını söylediğinden müellifin Alişev olduğu anlaşılıyor.

ПЕРЕВОДЫ ТЕКСТОВ НА ТУРЕЦКОМ ЯЗЫКЕ В ПРИМЕЧАНИЯХ

- ¹ Сейчас вновь Екатеринбург. – *И. Т.*
- ⁶ *Togan Z. V., Türk Tarihi Dersleri. С. 125:* Для подтверждения того, что это слово перешло от иранских языков см: Nöldeke, Th., «Über iranische Ortsnamen auf kert und andere Endungen», ZDMG, 33 (1879). 143–156).
- ¹³ И у Ибн Фадлана (в самом труде – 9 стр., в пер. – 17 стр.) слово Калус написано Фалус.
- ¹⁴ «Огузнаме» на фарси. Reşideddin, Cami al – tavarikh, Topkapisarayi, Ahmed no. 2935, vr. 310 б. Hafiz Abri, Külliyyat, Bagdad Köşkü no. 282, vr. 593 Damad Ibrahim, no. 919. *Togan Z. V. Ibn Fadlands Reisebericht. С. 147–148.* О «Карашиде», жившем в одно время с предками Саманидов см.: Reşideddin, та же записка, vr. 323 а и Ebülgazi, Şecere-i Terakime, изд. Кононова. С. 1125–1134.
- ¹⁵ О временах, описанных в Дастане об Огузе и мысли, относящиеся ко временам, когда правили некоторые династии, даны нужные сведения в примечаниях труда З. В. Тогана «Огузнаме Решидеддина на фарси» (печатается). [После смерти Заки Валиди Тогана этот труд был опубликован Тунджером Байкарой, см. «источники». – *И. Т.*]
- ¹⁶ Название труда и статьи профессора Чанга Лайош Лигети упоминает в своей статье «Происхождение гуннов Аттилы» (Attila es Hunjai, изд. Nemeth Gyula, Budapest, 1940. С. 25, 272).
- ¹⁷ В данном случае самое важное – у Плиния Секунда название «камаки» («Сатасае»). Указывает, что в Согдиане, несомненно, означает «Кимак». Pliny (Plinius Secundus), Nabural Historiy with and English Translation in Ten Volumes. H. Rackham, W. H. S. Jones, D. E. Eichholz (пер. и изд.).
- ¹⁸ См.: Ibn Fadlan, 224; Xouvoi.
- ¹⁹ Например, Нугуш и Рудек (Ирендек).
- ²⁰ В XVIII веке из сыновей Емека известен Абылай. Зап. Акад. наук, 1864. IV. 2-я книга. С. 22, 29.
- ²³ Rabi bin Ahmed al-Akhavani al- Bukhari, Hidayat al-muta allimin filtib. Meşhed, 1965, 148 стр. О северном ветре, дующем в Хорасане, говорит следующее: «Северный ветер дует от Мачина, Кенжака, саклабов (славян), от некоторых тюрок и настоящих кимаков».
- ²⁴ Из родов Кенжек произошли фамилии Кинжаков, Кинжеков.

- ³¹ Сведения, приводимые в труде Ауфи, смотри у И. Маркварта «Skizzen zur geschichtlichen Völkerkunde von Mittel und Sibirien», *Ostasiatischen Zeitschrift*, 8 (1919–1920). С. 289–299.
- ³⁶ Об этом см. Togan Z. V. Ibn Fadlan. С. 187, 328. Основой для этих преданий, приводимых Абдуллахом ибн Макаффа, в нескольких местах служили иранские предания.
- ⁴² Wilhelm Tomaschek, *Kritik der ältesten Nachrichten über die Skytischen Norden*. Т. 2. Wien Tempsky, 1888. Эту реку он смешивает с Яиком и слово читает как Суюк.
- ⁴⁵ Этот город Кастра напоминает название города Кострома, расположенный вблизи области приокских мадяров. Это название напоминает также некоторые географические названия вдоль реки Дунай.
- ⁴⁷ Растущее на уральских горах растение «балан» с красноватыми ягодами на латыни называется *apulus*, а сок от ягод по-немецки – «*Massholderbeermass*».
- ⁴⁸ Сведения у Бируни, связанные с этим см.: Togan Z. V. *Birunis Picture of World, Memoirs of the Archeological Survey of India*, vol. LIII, Neu Delhi, 1940. С. 129.
- ⁵⁰ Оригинал этих путевых записей Киип Geza, *Relationum Hungarorum cum oriente genitibusque orientalis historia antiqnissima*. Т. 1. Claudiopoli, 1892–1895. С. 58–63; исследование об этом – Pfeifer Nicolaus, *Die Ungarischen Dominikanerordensprowinz von ihrer Gründung 1221 bis zur tataren Verwüstung, 1241–1242*, Diss. Freiburg in Schwaiz, Zürich, 1993, Zoltan Gombos (Nyelvudomayi Közlemenyek. Т. XLVI. С. 1–33).
- ⁵⁴ Ebülgazi Han, *Secere-i Terakime*, Istanbul, 1937, vr. 13b–14a; «Джучи-хан победил и попавших ему в руки кипчаков убил, спасшиеся ушли к иштякам, ныне большинство этих иштяков по происхождению принадлежат к этим кипчакам».
- ⁶² *Tarikh-i Qaratay, al- Izzi al Haznedari, cüz VIII*. Экземпляр Gotha, на арабском, 1655 vr. 99a, 96–97. «И с этими франками был и народ, называемый башкорд, они известны своей злобностью и решительностью и все они говорят на татарском языке. У них нет ни государства, ни правителя, который управлял бы ими. Сами они, как и венецианцы, европейцы, но если венецианцы – известные богатые торговцы, этот башкирский народ беден, но злой воин и бунтарь, обычно побеждает тот падишах, к кому присоединяются они. Предпочитают смерть на священной земле, чем жизнь в этом мире».
- ⁶⁴ Парижский экземпляр труда Ibn Sait al-Magrubī, anc. Arab. 2234, vr. 105. Это сведение Ibn Saita упоминает и Abu-l Feda. Хволсон // *Известия, Ibn Dasta*. С. 110. Место этого Qurata не определил. А Бартольд на стр. 231 «*Festschrift für Chwolson*» это имя попытался объединить с Raab.

- ⁷⁶ Şiybani-name, 1502-3, изд. I. Березин, Казань, 1849. С. 75. Токбуга-хана, в свое время великого бека, а затем в долине Сырдарьи считавшегося диктатором Токбуга-бека в то же время называли «Башкурт Токбуга». Этого человека характеризовали как кафыра, он не был мусульманином. Сказано и то, что он из уйгуров. Имя этого бека, взятое из *Tarih-i Dost Sultan*⁷⁶, у Хаджи Абулгаффара (*Umdat al-tavarikh*, изд. Стамбула. С. 33), написано «Баджир Тукбуга». Однако у Али Джелайыра, (*Samī al-tavarīh*, Казань, 1851. С. 155) написан «Бадчкыр Тукбуга». Слово «Баджыр» в изд. Березина в анонимном «Şiybani-name, стр. 75, означает одного из племен, подчиненный Шибан-хану. То есть башкиры. Однако Токбуга-бек в то же время назван уйгуром. Z. V. O. XI. 231. В то же время не следует упускать из виду, что тогда слово «уйгур» использовался и в смысле «буддист».
- ⁷⁷ Ibn Tanrıberdi, al-Manhal al-safi, труд Насретдина. Также упоминается у Sarim al- Din al Başkurdi, Ibn al Furate.
- ⁷⁸ Там же, Ibn Ayas.
- ⁷⁹ О слове «Тура» см.: Bugünkü Türkistan. С. 41–42.
- ⁸⁰ Возможно, «Tag Urek» ныне является «Юрек Тауом» по реке Агидель. Marquart, в труде «Über das Volkstum der Komänen», стр. 138, эту гору «Урактаг» считает Уральскими горами, а туринских ханов считал кипчакскими ханами. К тому же это слово может быть всего лишь искаженной формой слова «Тура».
- ⁸¹ Журнал «Başkurt Aymağı».
- ⁸² Ibn Fadlallah al-Umari, «Страна Сибирь и Чулман граничит с башкирами».
- ⁸³ Ibn Fadlallah al-Umari, «Хорезм граничит с Мангышлаком, его народ – многолюдные бурзянцы».
- ⁸⁴ См.: Ibn Fadlan. С. 143.
- ⁸⁵ Об этом есть сведения в книге Утемиш Хаджи «Tarikh-i Dost Sultan», мой экземпляр, в. 46а.
- ⁸⁶ Из того же труда, в. 47b.
- ⁸⁷ Тот же труд, 62b-Naci Abdülgaffar, Umdat al-tavarikh, изд. Стамбула. С. 80.
- ⁸⁸ Об этом я написал в 1913 году в выходящем в Оренбурге журнале «Шура» в статье под названием «Бөржән башкуртлары арасында», позже я встретил башкира во второй Бурзянской волости в деревне Ахмер. Это был один «кураист» по имени Хасан.
- ⁸⁹ В статьях об этих шежере, опубликованных в «Трудах» общества по изучению Башкурдистана, пишется, что мурзы в Кубань переселились по хиджре в 959, по христианскому летосчислению в 1549, но это ошибка.
- ⁹⁰ См.: Новосельский А. А. «Борьба Московского государства с татарами в первой половине XVII века». М.; Л., 1948. Сведения о шежере нугайских

мурз, содержащиеся в этом труде, полностью совпадают со сведениями, содержащимися у Хаджи Абдул-Гаффара.

⁹⁹ См.: Bugünkü Türkistan. С. 145.

¹⁰⁰ Подробные сведения об этом даются в Bugünkü Türkistan. С. 139–147.

¹⁰² Тот же труд, та же стр. Вмешательство русских в дела Башкурдистана началось из-за западных башкир. Ввиду того что часть башкир, живущих по реке Кама, были под управлением Казанского ханства и когда это ханство перешло под управление русских, а через 5 лет, в 1557 году начало платить им налоги, в 1572 году в указе царя Ивана IV было использовано выражение «Казанское ханство и Башкурдия».

¹⁰³ Слово «остяк» из-за русского говора со звуком «о» произошло от слова «астяк». Слово это согласно разъяснениям Золтана Гомбезжа произошло от финского слова «As-yakh». Тюрки это слово произносят со звуком і. Казах-киргизы, говоря «истек», имеют ввиду башкир и барабинских татар. (Потанин Г. Н. Очерки Северо-Западной Монголии // Результаты путешествия. СПб., 1881–1883. IV. 19.). Абулгази хан башкир называет как «башкиром», так и «истяком». И крымские авторы использовали оба названия. В истории Рашита говорится «иштек», у Эвлия Челеби и у некоторых других авторов говорится «хешдек». Иногда крымские авторы называют башкир кыргызами. В труде Кефели Ибрагим Катипа под названием «Tavarikh-i Tatar Khan ve Tagstan ve Dest-i Qipgag ülkelerinindir» башкиры, принявшие участие в бунте Стеньки Разина, названы кыргызами. В истории Рашита, III, 327, в качестве союзника башкир упоминается «Кара и кыргыз» (написано «Кыргыра»). Возможно, означает «Каракалпак и кыргызы»). У Утемиша Хаджи, кажется, характеризуя общее состояние Булгар, Башкурдистана, Туринских и Алтайских стран, о великом Шейбаниде-Ибак-хане, как об общем правителе, говорится: «будучи знаменитым ханом, правил всеми кыргызами и Казанским ханством. (Tarikh-i Ötemiş Hacı, vğ. 74a). Источник, относящийся в 1752 году к остякам Прикамья, башкирам и Строгановым: Петр Кеппен, Материалы для истории просвещения в России. СПб.: Медицинская типография, 1819. 29-я стр. Карамзин. История государства Российского. Т. IX. С. 656).

¹⁰⁷ См.: Bugünkü Türkistan, стр. 160.

¹⁰⁹ Об их родословных см.: Bugünkü Türkistan. С. 20.

¹¹⁰ Там же. С. 204.

¹¹¹ Там же. С. 206.

¹¹³ «И в стране башкир почтенный кази», Тиезенгаузен. С. 217. Аясофия 3416, вг. 272; Мурат Рамзи. «Talfiq al-akhbar». С. 241.

¹¹⁴ Этот надгробный камень впервые был прочитан Вельяминовым-Зерновым. Труды Восточного отделения. VI. Здесь читается «В своем правлении (суде) справедливый хаджи Хусейн-бек ибн аль-Эмир аль-Кабир вели-

кий Гумер бекет-Тарби ат-Туркестани». А в журнале «Башкорт аймагы», 1925 год, № 1, читается: «справедливый в своем правлении (суде) хаджи Хусейн ибн аль-Эмир аль-Кабир Гумер-бек Тарсани скончался в месяце мухаррам, на 7-й день».

¹¹⁵ Об этом сообщается в издаваемой в Уфе «Красной Башкирии» в номере от 20 октября 1938 года.

¹¹⁶ Об этом см.: Bugünkü Türkistan. С. 138, 161.

¹¹⁷ Об этом см.: Bugünkü Türkistan. С. 138, 161.

¹²⁷ Ясачных во времена Тимуридов Алишер Навои упоминает в своем труде «Mahbub al-qulub».

¹²⁸ Рычков П. Топография Оренбургской губернии. Оренбург, 1762; второе издание – Оренбург, 1887. Роды: С. 65–71; Руденко С. И. Башкиры. Опыт этнологической монографии. Петроград, 1916; Кузеев Харис*. Очерки этнографии башкир. Уфа, 1946 и второе издание – 1955; Сведения, содержащиеся у Рычкова, даем, приблизив к произношению восточнотюркского диалекта:

Ногайская дорога:

Мингский род, всего 477 дворов, аймаки и тюбы: Чубы, Кырк-кул, Тайык-Субен, Кули-Минг, Ыслы-Минг, Нугайлар-Минг, Миркит (возможно, исторические Миркит), Уршак-Минг, Илкей-Минг, Саралы, Кубау, Ык-Минг.

Табынский род, всего 387 дворов.

Тюбы: Беш-аул, Кичи-Табын, Юмран-Табын, Келчир-Табын, Кумрут, Дуван-Табын, Мелле-Табын.

Юрматинский род, 521 двор.

Тюбы: Мишер-Юрматы, Телтим, Бакай, Арлар, Беш-Казан, Макар.

Кипчакский род, 1 332 двора.

Тюбы: Бушман-Кыпчак, Сувун-Кыпчак, Сенким-Кыпчак (Чендим-Кыпчак), Сарыш-Кыпчак, Гирес-Кыпчак (Гирей-Кыпчак), Карагай-Кыпчак.

Бурзянский род, 448 дворов.

Тюбы: Танса-Бурзян, Байулу, Мушаш, Ямаш, Карагай-Бурзян, Дир-Бурзян, Ногайлар.

Усерганский род (в сущности – Канглы), 381 двор.

Тюбы: Ай-Усерган, Яютюбе-Усерган, Шишай, Бишай, Сюрен, Чураш.

Тунгаурский род, 80 дворов.

Тюбы: Урман-Тунгаур, Ялан-Тунгаур.

Тамьянский род, 196 дворов.

---

* Речь идет о книге Раиля Гумеровича Кузеева, вышедшей в 1957 году (А. Ю.).

Тюбы: Койаней, Мылтык, Месеут, Ык-Тамьян.

Табынский род, 472 двора.

Тюбы: Кубелек, Тилеу, Карагай, Кичи, Юмран-Табын.

Катайский род, 300 дворов.

Тюбы: Идиль-Катай, Кешек-Катай, Инжер-Катай, Кузгун-Катай.

Сибирская дорога:

Кудеевский род, 415 дворов (этот род есть и в Хорезме).

Тюбы: Урман-Кудей, Билекей-Кудей, Кыр-Кудей, Шайтан-(то есть Шаман, Кат)-Кудей, Ногаи, Сьюбберди, Усрак-Кудей, Урсаба-Кудей, Куллар-Кудей, Дуван-Кудей (Дуван, то есть тюмен, центр правления), Туркмен, Лемез-Туркмен.

Таныпский род, 335 дворов.

Тюбы: Кыр-Танып, Балакчы, Су-Танып, Онлар, Кыр-Онлар, Су-Онлар, Байкы, Кайпан, Окуншы.

Айлинский род, 113 дворов.

Тюбы: Арш, Ялан-Айлы, Упей, Дуван, Таз-Дуван, Сызан, Эйирли, Мирзалар, Тарпаклы, Каратавлы, Сарт, Тюбелес, Чублысызгы.

Куваканский род (входит в Исетский уезд).

Тюбы: Ялан-Кувакан, Тау-Кувакан, Сатка-Кувакан, Сегит-Кувакан, Кыркули-Кувакан.

Барын-Табынский род (также входит в Исетский уезд).

Кара-Табынский род (Исетский уезд).

Тюбы: Айла-Табын, Куксурек-Табын, Кыпчак-Табын, Мусюл-Табын, Акшураз-Табын.

Ялан-Катайский род.

Тюбы: Бала-Катай, Бучкур, Синрен, Сызгы, Бали-Катай, Чирли, Терсат, Бекети, Салжавут (Салжиют), Сартлар.

Казанская дорога:

Каршинский род: 77 дворов.

Тюбы: Акбаш, Карганар, Кадрей.

Кайлинский род, 123 двора.

Тюбы: Идель-Кайлы, Кыр-Кайлы, Юректау-Кайлы, Актау-Кайлы.

Елдетский род, 201 двор.

Тюбы: Уфу-Елдет, Кыр-Елдет, Бура-(Бугра-) Елдет.

Гирейский род (Кирайит), 273 двора.

Тюбы: Урман-Кирей, Эдиль-Кирей.

Тогызский род.

Енейский род.

Байларский род.

Дуванский род.

Тюбы: Дуваней, Хажу-Дуваней, Рысмейкей, Бакай, Талбазы.

Иланский (Йылан) род, 382 двора.

Тюбы: Кыр-Илан, Эдиль-Илан, Бадрак.

Род Сирен-Юрты.

Кыргызский род, 113 дворов.

Булерский род, 231 двор.

Осинская дорога:

Род Тазлар.

Род Уран (Ответвление Кыпчакского рода), 218 дворов.

Род Уваныш.

Род Ирыхты, 148 дворов.

Род Гайне, 562 двора.

Тюбы: Мул-Гайне, Тюл-Гайне

В число дворов, учтенных здесь по родам, даются сведения по 1750 году только по тем дворам, которые были частично связаны с Россией и с точки зрения управления были подчинены русским воеводам. И здесь по Исетским башкирам действительно подчиненных России, число дворов не дано.

Руденко упоминает и роды башкир, упомянутых в архивах Комиссии по размежеванию башкирских земель: в том числе тюбы Байларского рода Казанской дороги следующие: Сайлы-Минг, Базыкей, Шалавуш, Турай, Калмаш, Кыр-Яланбайлары. Тюбы рода Йылан: Кыр-Йылан, Ички-Йылан, Челкан, Калмык. Тюбы рода Кыргыз: Кадекей, Кыргыз. Тюбы Булерского рода: Кадыр, Курай, Мушиги. Тюбы рода Ирыхти: Ирыхти, Абдалби. Тюбы рода Гайне: Гайне, Салавуш, Рахмангул, Азигул, Кыр ивли. Название Кайли Руденко ошибочно написал Канли.

¹²⁹ Это аристократический род, о численности см.: Новиков В. А. История Уфимского дворянства, 1875. С. 27, 31, 44, 88.

¹³² Из немцев Герхард фон Менде в книге «Der nationale Kampf der Russlandtürken, ein Beitrag zum nationalen Fragen in der Sowjetunion» (Берлин, Weidmann, 1936) на стр. 135, не зная, что это арабское слово, предположил, что оно происходит от используемого на русском языке слова «асаба».

¹³³ Об этом документе, называемом «раздельная грамота», см.: Оренбургские губернские ведомости. 1849. № 12–17; Руденко I, 13; см.: T'oung Pao, 1930. С. 40.

- ¹³⁴ Об этом слове см.: Бартольд. *Enz. des Islam* (IV 785), ст. «Тептяр».
- ¹³⁵ См.: Упомянутый предводитель тептяр Сагынбай Султанай из деревни Калканай Восточного Башкурдистана, живший в 1771 году // Ризаитдин бин-Фахретдин. *Асар*. II. С. 65.
- ¹³⁸ О слове «Богул» см.: Reşideddin, *Cami al-tavarikh*. Березин. I. 125.
- ¹⁴⁴ Время Саита Бахадира хорошо описано у Н. В. Устюгова в труде «Башкирское восстание 1662–1664 гг.» (Исторические записки. № 24. М., 1947. С. 30–110).
- ¹⁴⁶ *Соловьев С. М.* История России, издание общества Tolz. III. 577; Об этом человеке, который упоминается с 1631 года, и его улусе в Иртыше см.: *Миллер*. История Сибири. II. С. 101, 385, 443–444, 477.
- ¹⁵⁰ Алтогул по народному произношению звучит как «алтыавул» и из-за этого понимается как шесть деревень. Но правильный смысл – шесть сыновей.
- ¹⁵² См.: *Миллер*. История Сибири. Т. II. С. 115, 227. Там объясняется, что Абуга и Бугай – одно и то же имя.
- ¹⁵³ Там же. С. 115. 528.
- ¹⁵⁶ Магьярские источники об этом указаны в *Bugünkü Türkistan* на стр. 162.
- ¹⁶¹ *Эвлия Челеби*. *Seyahatname*, VII. 805–809; XIII, 824, 834, 868. Этот город «түжік», видимо, один из русских городков между Волгой и Доном.
- ¹⁶² Там же. VII. 761, 813. Эвлия для подтверждения своего путешествия и по седьмому климатическому поясу говорит о своем посещении древнего Сарая и Казани.
- ¹⁷⁰ Экземпляр в Парижской Национальной библиотеке, находящейся в *Suppl. Turc.* № 1068 книга «*Tarikh-i Qirim*», vr. 21.
- ¹⁷³ «*Sabuvul Meskev tögrinde*» «*Meskevin tögrü*» означает «перед Москвой», высокое место перед Москвой. Но что означает слово «*Sabuvul*», выяснить не удалось.
- ¹⁷⁴ «*Кайтавул*» – часто упоминаемое во время военных походов ханов, особенно Тимура, войсковая часть. Место, где хранится войсковое имущество, место отступления при нападении врагов, арьергард.
- ¹⁷⁵ В стороне Туры народа с названием Томбойокло, а в устье реки Яик места с названием Кекшымай я не знаю. Но оба названия приятны на слух.
- ¹⁷⁶ Но «*Албииз-бей*» звучит странно. Возможно, это имя принадлежало какому-либо ногайскому бейу, приходящемуся Каип Султану дедом со стороны матери. Так как отец «султана» и «хана» не может быть лишь «беем». Возможно, это слово Аблайыр переписчик текста ошибочно написал Албыйыз. Аблайыр означает Абулхаир.

- ¹⁸² Дополнение к актам историческим, IV. 284. «Быть себе царством как было при Кучуме Царе» // Материалы по истории Башкирской Советской Республики. I. 29–30.
- ²⁰⁵ Один экземпляр этих свидетельств, сохранившийся в архиве Российского географического общества, была опубликована проф. Н. Пальмовым в сборнике «Материалы по истории каракалпаков» (Труды Института востоковедения. VII. 1935. С. 153–159).
- ²⁰⁶ История Татарии в документах // Мат. Тат. Т. I. 1936. С. 238–243. Эти разъяснения имеются и в рапорте Варанскина, написанном 14.4.1708 году. В них пишется о том, что башкиры, отправив послов турецкому султану и крымскому хану, предлагали им составить союз, однако султан и крымский хан отказались от этого, но башкиры пригласили к себе из Кубани одного султана (из числа живущих среди ногаев чингизидов), кроме Казанской губернии начали нападать на русских в Симбирской, Кунгурской и Вятской сторонах и это движение башкир началось не из-за обременительности налогов, назначенных для них царизмом, а из-за стремления отделиться от России и создать для себя независимое государство. См.: История Татарии, стр. 391.
- ²¹⁹ По-немецки путевые записи Анонима. Babacan Mangit Tarihi, экземпляра Gümüşhane Türkmeni Bayhan.
- ²³³ Мой экземпляр книги Утемиша Хаджи «Tarikh-i Sultan», vr. 74a.
- ²³⁷ Журнал «Шуро». 1916. № 6. Источники этой статьи, написанной неким Нургали Надеевым, по-моему, неизвестны. Неужели в русском подлиннике написано «Улах»?
- ²⁵⁷ Бахтигирей султан – сын крымского хана Давлет-Гирея. Хаджи Абдулгаффар (стр. 163) называет его «широко известным Бахт-Гирей султаном». О предводительстве Бахт-Гирея султана этими войнами на границе России см.: *Смирнов В. Д.* Крымское ханство. Т. II. Одесса, 1889. С. 33, 46; *Рашид Тарихи*. III. С. 28. В ноте Российского министра иностранных дел Остермана об этом событии, написанном 12.4.1736 году, он назвал его как «принц по имени «Дели Султан» и упомянуто его нападение на Царицын (ныне Сталинград): *Hazine-i Evak. Name-i Hümayun Defterleri*. Т. VII. С. 460.
- ²⁶⁰ См.: *Hive seyahatnamesi ve Tarihi*, Стамбул, 1923. С. 427; *Ali Suavi*, 1327. Время отправления в Стамбул «Мухаметом Бахадир-ханом» показывается как 1123/т. 1711 год.
- ²⁶⁷ В источниках, извлеченных русскими из Сибирских архивов, встречаются названия «башкирский хан».
- ²⁶⁸ Письма башкирских беев Ногайской дороги от 16 ноября 1663 года русскому воеводе князю А. М. Волконскому с требованием о возвращении заложников и о доведении их желаний лично самому царю опубликовано в *Мат. Башк.* Т. I. С. 166.

- ²⁷² О слове «Abiz» см.: *Türkili Tarihi*, стр. 149.
- ²⁷⁵ Названия наподобие «Тамьян», «Бурзян», «Усерган», «Журан», «Кувакан», среднеазиатские «Жилян» (Чигилы), «Барскан» (Варсаны), «Емган» (Емеки), «Кайкан» (Куйги), «Гузан» (Огузы), «Синран», «Халлухан» (Карлуки), «Халажан» (Халачи) в кое-то времена пришедшие под влиянием Иранских племен имена с аффиксом «сет». И слово «тамьян» означает слово «Тамалар».
- ²⁷⁶ Эти войны и война у истоков Демы описаны в «Şecere» Хидаята Суфи.
- ²⁷⁹ Мат. Тат. 403; Эти войны очень хорошо описаны в «Şecere» Хидаята Суфи.
- ²⁹⁷ Об Алтайских преданиях: «Проблемы народной литературы тюркских племен Южной Сибири», I (Петербург, 1864). Источник на стр. 184–186 и перевод на стр. 206–208. То же предание и казахские предания имеются и у Чокана Валиханова. Собрание сочинений, (Петербург, 1904), стр. 201–208.
- ³¹⁴ *Бичурин Акинф*. Историческое обозрение ойротов. Петербург, 1854. С. 109–125; *Грум-Гржимайло*. Западная Монголия. II. С. 677–680. В этом труде указаны и другие источники.
- ³²⁰ История этого восстания описана в качестве отдельного труда Чулошниковым. А также воспоминания Неплюева // Русский архив. 1871. № 4. С. 667–668 и далее.
- ³²¹ Опубликованное в 1827 году Рыбаковым в «Известиях Российской академии Наук» песня «Тефтилеу» в 1939 году была опубликована в Венской Академии наук Галимзяном Таганом и Г. Янски (*Sitzungsberichte*. № 218. Т. I. С. 104–105). Историю песни «Тевкелев» о том, что одна татарская девушка хотела выйти замуж за дворянина христианского вероисповедания, мне рассказал один из потомков Тевкелевых, Кутлукай Тевкелев, член Государственной Думы. В варианте Рыбакова эта девушка упоминается как человек, влюбленный в русского.
- ³²³ Относящийся к этому источник есть лишь у Шигабетдина Маржани. *Mustafad al-akhbar*. Т. I. С. 154.
- ³²⁹ Текст этого решения опубликован в «Başkurt Aymagi». I. 1925. С. 3.
- ³³⁰ Об этих вопросах см.: *Bugünkü Türkili Tarihi*. С. 369–372.
- ³³³ Копытающиеся под небом (с именами человека) эти существа – быки и ослы, бесхвостые и без узды. Хозяин осла умер, но они, из-за своего ослиного ума и незнания того, что происходит в мире, все еще таскают свой груз на спине».
- ³³⁵ Согласно Мургазину (стр. 69) это событие происходило 14 сентября.
- ³³⁶ После этого он приехал в Турцию и здесь он не остался в стороне от интриг и был выслан из Турции. В 1922 году вновь вернулся в Башкурдистан и нашим некоторым друзьям говорил: «По совету видных турец-

ких деятелей занимался в пользу Турецко-Советской дружбы. Но когда они пришли к мнению об ошибочности этой политики, я был вынужден уехать из Турции». На родине женился, никто к нему не проявлял доверия, увлекся потреблением крепких напитков, наконец, был арестован Советами. О дальнейшей его судьбе мне ничего не удалось узнать.

³³⁷ В своей книге *Türkiili Tarihi* (стр. 260, 374, 376, 396) я написал и о воспоминаниях Кязим-бея. Те части его воспоминаний, где речь идет о Туркестане, хранятся в моей библиотеке.

³³⁸ Этот Муса Муртазин, о котором я упоминал как о начальнике милиции Тамьян-Катайского кантона, в царской армии служил унтер-офицером. За проявленное мужество в борьбе против большевиков в нашем национальном войске был повышен офицером. Позже стал командиром дивизии, а во времена Советов стал председателем правительства. Об истории башкирских войск опубликовал книгу. В различных местах этой книги упоминает и меня. Слышал, что он во время «чисток» в 1937 году был расстрелян. Когда он был председателем правительства Башкурдистана, член национального меджлиса Турции И. Субхи Сайсаллы в Стерлитамаке был гостем М. Муртазина и от него привез важные книги и картины.

³³⁹ Здесь Исмагил Шарипов упомянул меня в качестве «Председателя республики» (президента), но это ошибка. В Башкурдистане не было должности «председателя республики». Председателем правительства в это время был Юнус Бикбов. Я был военным министром, председателем Башкирского войскового управления. Слово «Башкан» (председатель, начальник) он употребил из-за того, что я был председателем Башкирского войскового шуру. Это правильно. Ввиду того, что башкиры издревле представляли собой военное сообщество, центр вооруженной борьбы находился среди них.

³⁴⁰ В данном случае покойный Исмагил по отношению ко мне применил слово почтительное «хазратлери» и я не счел необходимым изменить его. Так как многократное применение по отношению ко мне столь почтительного слова со стороны офицера, который не согласившись с нашей политикой, расстался с нами и ушел к белым русским, Деникину и, написав свои воспоминания на чужбине, тем не менее испытывал ко мне самые лучшие чувства, и это, как я уже писал выше, свидетельствует об установлении в тот период между татарскими и башкирскими интеллигентами глубоких, искренних взаимоотношений. Данные воспоминания особенно важны для понимания этого обстоятельства.

³⁴¹ Ввиду того, что эти воспоминания Исмагил писал по памяти, дат нет. Даты поставил я сам.

³⁴² О том, что в это поместье Шотта прибыли представители Алаш-Орды Азимбек Беримжан и Мухтар Ауэзов, выше уже говорилось.

- ³⁴³ Штабс-капитан Исмагил Шарипов по привычке, присущей большинству казанцев, названия тюркских деревень написал так, как их обычно произносят русские. Я их напишу по-тюркски.
- ³⁴⁴ Исмагил эту деревню обозначил буквой К.
- ³⁴⁵ Исмагил эту деревню обозначил буквой Z. Ввиду того, что мне хорошо известен данный театр военных действий, я написал названия деревень сам.
- ³⁴⁶ Этот бой состоялся, кажется, между 10 и 12 октября.
- ³⁴⁷ Исмагил Шарипов эту деревню обозначил буквой F. Это место, где я родился и вырос. Хорошо знаю, что это деревня Янырыс.
- ³⁴⁸ Штабс-капитан Исмагил Шарипов эту деревню обозначил буквой F.
- ³⁴⁹ Исмагил Шарипов эту деревню обозначил буквой В.
- ³⁵³ В этом труде на русском языке, находящемся у меня в руках в рукописном виде, имени Алишева как автора нет. Но основываясь на то, что на 27-й странице написано, как автор самолично встретился с Троцким по фронтовым делам, объяснил ему свои пожелания, можно понять, что автором труда является Алишев.

БИБЛИОГРАФИЯ*

- 'Abdullâh Qâşâni, *Târîkh-i Olcaytu*, Ayasofya nüshası N. 3019. ['Abdullâh Kâşâni, *Târîkh-i Uljâytâ*, nşr. Mahîn Hambly, Tahran: Bungâh-i Tarjuma va Nashr-i Kitâb, 1348/1969].
- 'Alâ al-Dîn Atâ Malik Cuvaynî, *Târîkh-i Cihânguşâ*, nşr. Mirza Muhammed Khan Qazvini, *Gibb Memorial Old Series*, 1912, 1915, 1937. İngilizcesi: Ala-ad-Din 'Ata-Malik Juvaini, *The History of the World Conqueror*, translated by John Andrew Boyle from the text of Mirza Muhammed Qazvini, Cambridge, Mass., 1958.
- 'Ali ibn al-Hüseyn al-Mas'ûdî, *Kitâb al-tanbîh va'l işrâf*, nşr. Michael Jan de Goeje, Leiden, 1894 [Bibliotheca geographorum arabicorum VIII]. Fransızcası: *Le Livre de l'avertissement*, terc. B. Carra de Vaux, Paris, 1896.
- Abû Hâmid al-Andalûsî al-Gharnatî, *Tuhfat al-albâb va nuhbat al-a'câb*, [nşr. İsmâ'il al-'Arabî, al-Maghrib, Dâr al-Afâq al-Jadîdah, 1993].
- Abû İshak İbrahîm ibn Muhammed al-Fârisî al-İstakhrî (d. 957/8), *Kitâb musâlik al-mamâlik*, nşr. Michael Jan de Goeje, Leiden, 1870 [Bibliotheca geographorum arabicorum I]. Bu eser 1961'de Tahran'da Farsça'ya tercüme edilmiştir: *Masâlik al-Mamâlik*, terc. İraj Afshar, Tahran: Bungâh-i Tarjuma va Nashr-i Kitâb, 1340/1961].
- Abu Sa'id 'Abd al-Hay ibn Zahhâk al-Gardîzî, *Zayn al-akhbâr*, ['Abd al-Hayy Habîbî, Tahran: İntişârât-i Bunyâd-i Farhang-i İrân, 1968] ve T. Barthold (nşr.) *Turkestan v epoxu mongol'skago naşestvya*, S. Petersburg, Tipografiya İmperatorskoy Akademiyi Nauk, 1898.
- Abu'l Fida, *Taqvîm al-buldân*, nşr. J. T. Reinaud, William Mac Guckin de Slane ve Stanislas Guyard, Paris, Imprimerie Nationale, 1848-1883. Ch. Schier (nşr.), Dresden, 1846.
- Abû'l Mahâsin İbn Tagriberdi, *al-Manhal al-sâfi va'l-mustavfi b'l-vaifi*, yazmaları: Es'ad Efendi, 2345; Ragıp Paşa, 1374; Nuruosmaniye, 3428-9. [nşr. Ahmad Yusuf Najâtî, Kahire, Matba'at Dar al-Kutub al-Misriyya, 1956; nşr. Muhammad Muhammad Amin, Kahire: al-Hay'ah al-Misriyya al-'Ammah lil-Kitab]. (TU#447)
- Abû'l Qâsim İbn Havqal (d. 976?), *Kitâb al-masâlik va'l-mamâlik* [Kitâb Surat al-Arz], nşr. Michael Jan de Goeje ve J. H. Kramers, Leiden, 1873 [Bibliotheca geographorum arabicorum II].

* Указанные в некоторых источниках числа в форме ТИ # 346 означают номера, под которыми этот источник указан в труде А.-З. Валиди Тогана «Методология истории».

- Al-Bîrûnî, *Kitâb al-tafhîm li-avâ'il sinu'at al-tanjîm. The Book of Instruction in the Elements of the Art of Astrology*, nşr. Ramsay Wright, London, Luzac & Co., 1934.
- Alişir Nevayî, *Mahbûb al-Qulûb* [nşr. A. N. Kononov, *Vozlyublenniy Serdets*, Moskva, İzdatelstvo Akademiyi Nauk SSSR, 1948].
- Anonim Khiyya Seyahati* (Almanca) [Bu esere ulaşılamadı].
- Babacan Mangıt Tarihi*, Gümüşhane Türkmeni Bayhan'ın nüshası. [Babacan Mangıt, *Tuvârih-i Khorezmşahiye* (T). Khorezm Kongrat Emirlerinin 1864'e kadarki tarihi. Yazması: Berlin, Acc. Mss. Or., 1927, no.144. (TU# 341).
- Başbakanlık Osmanlı Arşivleri, Hazine-i Evrak, *Nâme-i Hümayûn Defterleri*.
- Batlamyus [Ptolemaios, *Geographia*, III. [Edward Luther Stevenson (terc. ve ed.) *Geography of Claudius Ptolemy*. New York: The New York Public Library, 1932].
- Bekbulatov, S., "Başkirkoye Vosstaniye i Tatory", *Vestnik nauçnago obşçestva Tatarovedeniya*, Kazan, 1930, N. 9, 10.
- Berezin, İ., *Şiybani-nâme*, Kazan, 1849. (TU# 288)
- Biçurin, N. Ya., *İstoriçeskoye obozrenye Oyratov ili Kalmykov s XV stoletiya do nastoyaşçego vremeni*, S. Petersburg, 1834.
- Borşçev, *Aral-Hazar Sahasının Nebatatına Dair Eser*, [Bu esere ulaşılamadı].
- Chang Hsing-lang, *Chung-hsi chiao-ssu-liao hui-pien*, 6 cilt, Beijing, Fu-jen tahsüeh t'u-shu-kuan 19, 1930 veya Zhang Xinglang, *Zhong xi jiao tong shi liao hui bian*, 6 cilt, Beijing, Fu ren da xue tu shu guan 19 [1930].
- Çuloşnikov, A., *Vosstaniye 1755 goda v Başkirii*. Moskova: İzdatelstvo Akademiyi Nauk, 1940.
- Divan Lûgat it-Türk* [Atalay, Besim, *Divanü Lûgat-it-Türk*. Tıpkıbasım (1941); Tercümesi (1940-41); dizini (1943) Ankara, TDK. Ayrıca bkz. Dankoff, Robert and Kelly, James, Mahmud al-Kaşghari, *Compendium of Turkic Dialects*, 3 cilt, Sources of Oriental Languages and Literatures. Cambridge, 1982.
- Doerfer, G., *Türkische und mongolische Elemente in Neupersischen*, 4 cilt, Wiesbaden, Franz Steiner, 1964-75.
- Dopolneniye k Aktam İstoriçeskim IV ve X ciltleri* [Bu esere ulaşılamadı].
- Dubler, Cesar, *Abû Hamid el Granadino y su relacion de viae por tierras Euroasiaticas*, Madrid, 1953.
- Dubrovin, N., *Pugachev i ego soobşçniki epizod iz istorii tsarstvovaniya imperatritsy Ekateriny II*, 2 cilt, S. Peterburg, Tip. I. N. Skoroxodova, 1884.
- Ebülgazi Bahadır Han, *Şecere-i Terakime (Türkmenlerin Soykütüğü)* [nşr. A.N. Kononov, *Rodoslovnaya Turkmen*, Moskva, İzdatelstvo Akademiyi Nauk, 1958].
- Ebülgazi Bahadır Han, *Şecere-i Terakime (Türkmenlerin Soykütüğü)*, nşr. Zühal Kargı Ölmez, İstanbul: Simurg, 1996.

- Evliya Çelebi, *Seyahatname*, [bkz Gökyay, Orhan şaik, *Evliya Çelebi Seyahatnamesi*. 6 cilt 1996-ve devamı. İstanbul, Yapı Kredi Yayınları]
- Festschrift für Chwolson* [Baron David Günzburg, *Recueil des travaux rédigés en mémoire du jubilé scientifique de Daniel Chwolson*. Berlin: S. Calvary, 1899]
- Festschrift fuer Friedrich Hirth, Ostasiatische Zeitschrift* 8 (1919-1920).
- Firsov, N. A. *İnorodçeskoye naseleniye prejnego Kazanskago tsarstva*, Kazan, 1866.
- Fischer, Johann Eberhard ve Miller, Gerard Fridrikh, *Sibirskaya istoriya s samago otkrytiya Sibiri do zavoyevaniya sei zemli rossiyiskim orujyem*. S. Peterburg, Pri İmp. Akademiyi Nauk, 1774.
- Gmelin, J. G., *Reise durch Sibirien von dem Jahr 1733 bis 1743*, Göttingen, 1751.
- Golden, Peter B., *An Introduction to the History of the Turkic People*, Wiesbaden: Otto Harrassowitz, 1992.
- Grum Grjimaýlo, G. E. *Zapadnaya Mongolya i Urianxaiskiy Kray*, 3 cilt, S.Peterburg, 1914-1930.
- Gubeydullin, Gaziz, *Tatarlarda Sınıflar*, Kazan, 1925
- Hacı Abdülğaffar Kırımî, *Umdat al-tavârih*, Esad Efendi Kütüphanesi, no 233; nşr. Necip Asım, İstanbul, 1343/1927. (TU#353)
- Haftız Abru, *Külliyat*, Topkapı Sarayı Müzesi Kütüphanesi, Bağdad Köşkü, no. 282, Damat İbrahim Paşa Kütüphanesi no. 919.
- Herzenberg, *Journal von der Reise aus Astrachan nach Chiwa, 1732*, Petersburg, 1902
- Howorth, Henry, *History of the Mongols from the 9th to the 19th Century*. 4 cilt, London, 1876-1927.
- Hrbek, İvan, "Ein arabischer Bericht über Ungarn", *Acta Orientalia Hungarica*, cilt V, 1955, s. 205-230.
- Hrbek, İ., "Arabo-Slavica. Abu-Hamid al-Andalusi und sein Werk Mu'rib" in *Archiv Orientalni*, XXIII, 1955, s. 109-135.
- Hudûd al-Âlam*, nşr. Barthold (*Hudûd al-Âlam, Rukopis' Tumanskago*, Leningrad, 1930); *The Regions of the World. A Persian Geography 372-982 A.D.*, çev. V. Minorsky, London, Gibb Memorial S., 1937.
- İbn Fadlallah al-'Umari, [metin ve çeviri için bkz. Klaus Lech, *Das mongolische Weitreich. Al-'Umari's Darstellung der mongolischen Reiche in seinem Werk Masâlik al-absâr fi memâlik al l-amsâr*, Wiesbaden, Otto Harrossowitz, 1968; Tıpkıbasım: *Masâlik al-absâr fi memâlik al l-amsâr*, nşr. Fuad Sezgin ve Eckhard Neubauer, Frankfurt am Main: Institut für Geschichte der Arabisch-Islamischen Wissenschaften an der Johann Wolfgang Goethe Universität 1988-1989] (TU# 168)
- İbn Sa'id al-Magribî, *Kitab cugrafiya fi'l-aqâlim al-sab'a*, yazma, Paris Bibliothèque Nationale, Arab. 2234 [Bkz. Baron de Slane, *Catalogue des Manuscrits Arabes*, Paris, Bibliothèque Nationale, 1883-1895, p. 392].

- İbrahim Kâtib bkz. Kefeli İbrahim Kâtib
İnkilâp [dergi] Taşkent, 1922, n. 4.
- İstoriya Tutariyi v dokumentax i materyalax*, Moskva, Gosudarstvennoye sotsial'no-ekonomiçeskoye izdatel'stvo, 1937. [Kısaltması: *Mat. Tr.*]
- Jansky, Herbert ve Tagan, D. Alimdjan, *Sitzungsberichte* 218 = Robert Lach, *Gesänge russischer Kriegsgefangener, II. Band: Turktatarische Völker, 2. Abteilung: Baschkirische Gesänge; Transkription und Übersetzung der baschkirischen Originalliedertexte von Privatdozenten Dr. Herbert Jansky in Wien in Verbindung mit Dr. Tagan Galimdschan*, Wien und Leipzig, 1939 [Sitzungsberichte 218 – Akademie der Wissenschaften in Wien Philosophisch-historische Klasse].
- Karamzin, N.M., *İstoriya Gosudarstva Rossiyskago*. 3 cilt, S.Peterburg, 1842 ve sonra 12 cilt olarak S. Peterburg, İzdaniye Evr. Evdokimova, 1892.
- Kefeli İbrahim Kâtib, *Tavârikk-i Tâtârkhân ve Tağstan ve Musquv ve Deşt-i Qıpçaq ülkelerininindir*, 1736; Bazarçık, 1933; Köstence 1937. (TU#355)
- Keoppen, Peter, *Materialy dlya istoriyi prosv'şçeniya v rossii*, S. Peterburg, Meditsinskaya Tipografiya, 1819.
- Kraft, I. I., *Sbornik zakonenyi o Kirgizax*, Orenburg, 1898.
- Krasnaya Başkiriya*, Süreli yayın, Ufa, 1900'lar. Yayınlayan: Başkirskiy oblasnoy komitet.
- Kunik, A. and Rozen, V.R.(nşr.), *İzvestiya al-Bekri i Drugix Avtorov o Rusi i Slavianax*, S. Peterburg, Tip. İmp. Akademiyi Nauk, 1878-1903.
- Kurat, Akdes Nimet, *İsveç Kralı XII. Karl'ın Türkiye'de Kalışı*, İstanbul, 1943.
- Kuun, Gêza, *Relationum Hungarorum cum oriente gentibusque orientalis originis historia antiquissima*, vol. 1-2, Claudiopoli, 1892-1895.
- Kuzeyev, Haris, *Oçerki etnografiyi Başkir*, Ufa, 1946
- Lebedev, V. I., *Başkirskoye Vosstaniye 1705-1711 godov*, İstoriçeskiye zapiski t. I., 1937.
- Lebedev, V. *Bulavinskoye Vosstaniye 1707-1708*, Moskova: Ogiz, 1934.
- Levşin, *Opisaniye Kirgiz-Kaysaksix, ili Kirgiz-Kazukhsix ord i Stepey*, S. Peterburg, 1832 [Fransızcası: *Description des hordes et des steppes des Kirghiz-Kazaks ou Kirghiz-Kaissaks*, terc. Ferry de Pigny, Paris, Imprimerie Royale, 1840].
- Ligeti, Lajos, "Atila Hunlarının Adı", *Attila és Hunjai*, Németh Gyula (nşr.), Budapest, 1940.
- Liu Mao-tsai, *Die chinesischen Nachrichten zur Geschichte der Osttürken*, Wiesbaden, Otto Harrassowitz, 1958.
- Manghol un Niuca Tobca'an*, nşr. E. Haenisch, *Die Geheime Geschichte der Mongolen*, Leipzig, Otto Harrossowitz, 1941.
- Marquart, J., "Skizzen zur geschichtlichen Voelkerkunde von Mittel und Sibirien" *Ostasiatische Zeitschrift* 8 (1919-1920), pp. 289-299. [bkz. *Festschrift für Friedrich Hirth*]

- Marquart, J., *Osteuropäische und ostasiatische Streifzüge. Ethnologische und historisch-topographische Studien zur Geschichte des 9. und 10. Jahrhunderts*, Leipzig, Dieterich'sche Verlagsbuchhandlung, 1903.
- Marquart, J., "Über das Volkstum der Komanen," W. Bang and J. Marquart (nşr.) *Osttürkische Dialektstudien*. Berlin: Weidmannsche Buchhandlung, 1914 (pp. 25-238) [Abhandlungen der königlichen Gesellschaft der Wissenschaften zu Göttingen philologisch-historische Klasse n.s. Vol. 13, No. 1].
- Markwart, Josef, "Woher stammt der Name Kaukasus?," nşr. A. Dirr, *Caucasica*, Leipzig, Verlag der "Asia Major", 6(1930), s. 25-69.
- Materialy po istoriyi Kazaxskoy SSR 1785-1828*, cilt IV, Moskva-Leningrad, İzdatel'stvo Akademiyi Nauk SSSR, 1940. [Mat. Kaz.]
- Materyaly po istoriyi Karakalpakov: Sbornik*, Moskva, İzd-vo Akademiyi Nauk, 1935. [Kısaltması: Mat. Kk.]
- Materyaly po istoriyi Başkirkoy ASSR*, cilt I, III, IV-1 ve IV-2, Moskva-Leningrad, İzdatel'stvo Akademiyi Nauk SSSR, 1936-1956. [Mat. Baş.] [II. Cildi yayınlanmamıştır].
- von Mende, Gerhard, *Der nationale Kampf der Russlandtürken. Ein Beitrag zu nationalen Fragen in der Sovetunion*, Berlin, Weidmann, 1936 [Universität. Seminar für orientalische Sprachen, Mitteilungen, Beiband zum Jahrg. 39].
- Mercani, Şhabeddin, *Mustafâd al-akhbâr fi ahvâl Qâzân va Bulgâr*, 2 cilt, Kazan 1885, 1900. (TU#350)
- Mészáros, Gyula, *Magna Ungaria (A Bashkir-Magyar Kérdés)*, Budapest, 1910.
- Meyer, L., *Kirgiskaya Step Orenburgskago Vedomstva*, Petersburg, 1865.
- Miller, G[erard] F[ridrikh], *İstoriya Sibiri*, 2 cilt, Moskva, Leningrad, İzdatel'stvo Akademiyi Nauk SSSR, 1937-41.
- Miller, *İzobrajeniyе narodov Rossii II*.
- Murad Remzi, *Talftq al-akhbâr va tulqîh al-âsâr fi ahvâl-i Qâzân va Bulgâr muluk-i l'Tâtâr*, Orenburg, 1908. (TU#346)
- M. L. Murtazin, *Başkiriya i Başkirskiye voyska v grajdankuyu voynu*, Leningrad, 1924.
- M. L. Murtazin, v *Krasnoy Başkirii*, Moskva, 1929.
- Nallino, Carlo Alfonso, *al-Khowarizmi e il suo rifacimento della geographia di Tolomeo*, Roma, 1896.
- Németh, Gyula, "Magna Hungaria", *Beitraege zur historischen Geographie, Kulturgeographie, Ethnographie und Kartographie, vornehmlich des Orients*, nşr. Hans von Mzik, Leipzig und Wien, 1929.
- Novoselski, A., *Bor'ba Moskovskogo gosudarstva s Tatarami v pervoy polovine XVII veka*, Moskva: İzd-vo Akademiyi Nauk, 1948.
- Novykov, *İstoriya Ufimskago dvorianstva*, 1875.

- Nöldeke, Th., "Ueber Irânische Ortsnamen auf kert und andre Endungen", *ZDMG*, 33(1879). 143-156.
- d'Ohsson, M. C., *Histoire des Mongols depuis Tchinguiz-Khan jusqu'a Timour Bey ou Tamerlan*, 4 cilt, 2. baskı, The Hague and Amsterdam, 1834-5.
- Osmanov, M., *Nogayskiye i Kumyksiye teksty*, St. Petersburg, 1883.
- Pamyatniki Sibirskoy istoriyi (PSI) XVIII. Veka*, 2 cild; S.Peterburg, 1882-1885.
- Pekarsky, P.P., "Kogda i dlya čego osnovany goroda Ufa i Samara?", *Otdeleniya Russkogo Yazyka i Slavesnosti İmperatorskoy Akademiyi Nauk*, cilt X, n. 5, St. Petersburg, 1872.
- Peretiyatkoviç, *Povolj'ye*, II, [Bu esere ulařılmadı].
- Pfeifer, Nicolaus, *Die Ungarischen Dominikanerordensprovinz von ihrer Gründung 1221 bis zur tataren Verwüstung, 1241-42*, Diss. Freiburg in der Schweiz, Zürich, 1913.
- Pliny (Plinus Secundus), *Natural History with an English Translation in Ten Volumes*, H. Rackham, W. H. S. Jones, D. E. Eichholz (nřr. ve çev.) [Loeb Classical Library] Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 1938-1962
- Polnoye Sobraniye Zakonov Rossii*, cilt IX, n.6890; cilt X, n. 7876.
- Popov, N., *V. N. Tatiřşev i ego vremya. Epizod iz istoriyi gosudarstvennoy, obřcestvennoy i çastnoy jizni v Rossii, pervoy poloviny proředřago stoliyeyi*, Moskva, 1861.
- Potanin, G. N., *Oçerki severo-zapadnoy Mongoliyi, Rezul'taty puteřestviya*, 4 cilt, S. Peterburg, 1881-1883.
- al-Qazvîni Zekeriya, *Acâ'ib al-makhlûqât ve âsar al-bilâd*, Wüstenfeld (nřr.), Göttingen, 1848-49.
- de Quincey, Thomas, *Tatarların İhtilâli*, [Bu esere ulařılmadı].
- Rabi' ibn Ahmed al-Akhavâni al-Bukhârî, *Hidâyat al-muta'allimîn fi'l-tib*, Meřhed, 1965.
- Radloff, W. *Proben der Volksliteratur der Türkischen Stamme Süd Sibiriens I*, S. Petersburg, 1864
- Rařid Efendi, *Târikh-i Râřid*, 6 cilt, İstanbul, Matbaa-i Amire, 1282.
- Rasonyi, L., *Dünya Tarihinde Türklük*, Ankara, 1942 [Ankara, TKAE, 1971].
- Reřideddin, *Câmi' al-tavârikh*, [Bibliothèque nationale, „suppl. Pers. 1364] nřr. E. Blochet, Leiden, E. J. Brill, 1910-1911.
- Reřideddin, *Historie Universelle de Rasid al-din I. Hiřtorie des Franks*, nřr. K. Jahn, Leiden, E. J. Brill, 1951.
- Rıdvan Nafiz "Şarlı ve Mazepa," *Hayat Mecmuası* III; İstanbul, 1928, N. 66-71, 73.
- Risale fi akhvâl-i Qırım ve Quban*," Atif Efendi Kütüphanesi, No. 1886
- Rodoslovnaya Turkmen & Soçineniye Abu'l-gazi*, Moskva-Leningrad, 1958.
- Ayrıca bkz. Ebulgazi Bahadır Han, *Şecere-i Terakime*.

- Rudenko, S. I., *Başkiry; istoriko-etnografiçeskie oçerki*, Moskova-Leningrad, İzd-vo Akademiyi Nauk, 1955. [Sergey İvanoviç Rudenko, *Başkurtlar*. Çev. Roza İklil Kurban. Konya, Kömen yay. 2001]
- Ryçkov, P. ve Gut', N. M., *İstoriya Orenburgskaya, 1730-1750*, Orenburg, İzd-vo Orenburgskago Gub. stat. kom-ta, 1896.
- Ryçkov, P., *Topografiya Orenburgskoy Guberniyi*, Orenburg, 1762 [İkinci basım, Orenburg, Tipografia Breslina, 1887].
- Salahatdinov, M.A., "Volga havzası halkları tarihine dair bir Farsça eser", *Strany i narody Aziyi*, IV. 1965, s. 147-154. [makale adı Türkçe verilmiştir--İ.T].
- Schaeder, H. H., *Goethes Erlebnis des Ostens*, Leipzig: J. C. Hinrichs, 1937.
- Silahdar Mehmed Ağa, *Silahdar Tarihi*, İstanbul, Türk Tarih Encümeni, 1928.
- Smirnov V. D., *Krymskoye Xanstvo pod verhovenstvom Ottomanskoy Porty do načalo XVIII veka*, Odessa, İmperatorskoye Odesskoye Obşçestva İstoriyi Drevnostey, 1889.
- Solov'yev, *İstoriya Rossii, İzdanya obsçest.*, Tolzy, III. 577
- Şunkov, I., "Oçerki po istoriyi kolonizatsiyi Sibiri v XVII i v XVIII veka", Leningrad, 1946= *Voprosy istoriyi*, 1947, no. 6, s.131.
- Şura Dergisi sayıları (Orenburg).
- Târih-i Qaratay*, al-İzzi al Haznedarî, Gotha col. arab., 1655.
- Târih-i Qırım*, Paris Bibliothèque Nationale Suppl. Turc. No. 1068 [Bkz. E. Blochet, *Catalogue des Manuscrits Turcs*, Paris: Bibliothèque Nationale, 1933, s. 153].
- Taymas, A., *Kazan Türkleri*, İstanbul, 1925.
- Tiezenhausen W. de, *Altınordu Devleti Tarihine Ait Metinler* (çev.) İsmail Hakkı İzmirli, İstanbul, Maarif Matbaası, 1941.
- [Togan] Ahmad Zeki Velidi, *Türk Tarihi*, Ahmed Zeki Velidi Beyin Edebiyat Fakültesi Tarih Zümresinde Verdiği Dersler, 1927-1928, İstanbul Darülfünunu, Darülfünun Matbaası, 1928 (Arap harfleriyle).
- Togan, Zeki Velidi *Ibn Fadlân's Reisebericht*, Leipzig, 1939 [Abhandlungen für die Kunde des Morgenlandes Bd. 24, 3].
- Togan, Zeki Velidi, *Biruni's Picture of the World*, Delhi, 1940 [Archaeological Survey of India, n. 53].
- Togan Z. V., "Völkerschaften des Chazarenreiches im 9. – 11 Jh." *Köröci Csoma Archivum*, III (1940), s. 40-76.
- Togan, Zeki Velidi, "Timur's Campaign of 1395 in the Ukrain and North Caucasus", *Annals of the Ukrainian Academy of Arts and Sciences*, 6(1958)
- Togan, Zeki Velidi, *Tarihte Usul*, İstanbul Üniversitesi Edebiyat Fakültesi Yayınları, no. 449, İbrahim Horoz Basımevi, İstanbul, 1950 ve sonraki baskılar.
- Togan, Zeki Velidi, *Oğuz Kağan Destanı-Reşideddin Oğuznamesi, Tercüme ve Tahlii*, İstanbul, 1972.

- Umıdbayev, Muhammed Selim, *Yadigâr*, Kazan, 1930.
- Ustyugov, N. V. *Başkırskoje Vosstaniye 1737-1739 gg.*, Moskva, İzd-vo Akademiyi Nauk, 1950.
- Velıxanov, Çokan, *Sobraniye Soçineniyi*. 5 cilt, Alma-Ata, İzdatelstvo Akademiyi Nauk Kazaxskoy SSR, 1961-68.
- Velyaminov-Zernov, "İstoçniki dlya izuçenya tarxanstva, jalovannago Başkıram Russkimi gosudaryami", *Prilojeniyek İV mu tomu zapisok İmp. Akademiyi Nauk*, n. 6, S.Peterburg, 1864.
- Velyaminov-Zernov, V.V. "O jalovanyi tarxannix yarlykov Başkıram"; *Zapisk Akad. Nauk.*, cilt IV, kitap II, 1864.
- Velyaminov-Zernov, Vladimir Vladimirovich, *İzsledovaniye Kasimovskix Tsariyax İ Tsareviçax*, 3 cilt, S. Peterburg, Tipografiya İmperatorskoy Akademiyi Nauk, 1863-1866.
- Veselovskiy, N. İ., *Oçerk istoriko-geograficheskix svedeniy o Xivinskom xanstve ot drevneishix vremen do nastoyaçşego*, S. Peterburg, 1877.
- Vitevskiy, *Trudy Nauçnogo obsçestva izuçeniya Başkıriyi*, II, Ufa, 1922.
- Vitevskiy, V. N., *İ. İ. Neplyuyev İ Orenburgskiy Kray v prejnem' ego sostav' do 1758*, cilt I, Kazan, 1897.
- Vladimirtsov, *Obsçestvenniy stroy Mongolov- Türkçesi* B. Y. Vladimirtsov, *Moğolların İçtimaf Teşkilatı*, (çev) Abdülkadir İnan, Ankara, TTK, 1944.
- Tomaschek, Wilhelm, *Kritik der ältesten Nachrichten über die Skythischen Norden*. 2 cilt, Wien, *Tempsey*, 1888 [*Österreichische Akademie der Wissenschaften, Philosophisch-Historische Klasse, Sitzungsberichte*, cilt 116, bl. 715-780, cilt 117:1.
- Xvolson, *İzvestiya*, İbn Dasta [yani İbn Rusta için bkz. D. A. Xvolson, *İzvestiya o Xozarax, Burtasax, Bolgarax, Mad'iarax, Slavianax İ Russax*, S. Peterburg, Tip. İmperatorskoy Akademiyi Nauk, 1869.*
- Yâqût al-Hamavî, *Mu'cam al-buldân*, nşr. Wüstenfeld, Leipzig, 1866-73. (TU#527)
- Zettersteen, K., *Beitraege zur Geschichte der Memluken Sultane*, Leiden, 1919.
- Zoltán, Gombocz, "A magyar öshaza és a nemzeti hagyomány," *Nyeltudományi Közlemények* 46(1923), s. 1-33.
- Zlobin, Stefan, *Salavat Yulay*, 1953 (roman) [*Salavat Yulayev*, Moskva, Gos. İzd-vo, 1930].

СРЕДИ БУРЗЯНСКИХ БАШКИР*

I

Деревня, расположенная напротив Стерлитамака на правом берегу Агидели, населенная башкирами, постоянно пьющими кумыс в свое удовольствие, простиралась как раз у «входа» в Уральские горы. Жители этой деревни, расположенной у большой дороги, ввиду постоянного и тесного общения с такими народами, как татары и русские, в культурном отношении более развитыми, чем они, не смогли сохранить свои исконно башкирские качества в чистоте, а лишь вконец развратились. В их языке и обычаях бросаются в глаза влияние вышеуказанных двух народов. От этого они испытывают заметный вред: воздействие других народов на их мораль и жизнь привело их, в конечном счете, к плачевному состоянию. Башкиры еще не забыли удовольствий вольной кочевой жизни, отсутствие грамотности, крайняя ленивость сохранились точно как в старину, но люди во взаимоотношениях между собой заразились привычкой применять насилие, научились двуличию, обману, предательству, любят красиво приодеться, иметь красивые телеги, не дожидаясь базарного дня, разгуливают в подвыпившем состоянии. Из-за всего этого эти башкиры лишились прежней своей привлекательной простоты, утратив свою вольную жизнь, перед другими предстают неприятными, испорченными, чрезвычайно бедными существами. В их деревнях господствует дух вымирания и это убивает энергию и того, кто оказывается среди них, человек падает духом. В дни нашего пребывания в этой деревне я вконец обленился, постоянно тянуло спать. Этому мой друг студент очень удивился. И я, ему сказав, что в этом мире нельзя ничего сделать путного, вновь впадал в сон.

---

* Ж. «Шура». Оренбург. № 19, 20, 21, 22. 1913.

Я уже сказал, что деревня расположилась в преддверии Уральских гор.

На западной стороне нашей деревни простирались степи и поля, край и конец которых нам неведомы. А на востоке от нее начинаются бескрайние высокие горы со скалами, с непроходимыми лесами. Это и есть правый склон Уральских гор. Лес заметно поредел, но вокруг много водоемов, скал, прекрасных панорам. Мы здесь совершили прогулки, углубившись примерно на 15 километров, чем дальше, тем природа становится лучше. Среди людей, приехавших попить кумыс, были и такие, общение с которыми могло бы поднять наше настроение, но мы хотели поехать подальше от этой деревни, прекрасные горы звали нас, как будто хотели показать нам в своей глубине более естественных, не испорченных башкир. Наконец, мы наняли лошадей, оседлали их и верхом поехали дальше. Мы не определяли, куда мы поедem и сколько дней продлится наше путешествие. Тем не менее прикидывали, что если погода будет ясной и среди башкир встретим интересные для нас дела, пересечем Уральские горы и пропутешествуем в течение пятнадцати дней.

Удалившись от деревни, где мы останавливались, на тридцать-сорок километров, мы оказались среди «бурзянских» башкир. В большом кочевье под названием «Ялтыран» расположены две деревни под одним названием «Кепес» (большой и малый) и еще деревня «Кулгуна». То есть в летний период население трех деревень кочует вместе. В этом «Ялтыране» они кочуют ранней весной, когда наступает время сенокоса, они разъезжаются в разные другие кочевья.

Бурзян в настоящее время – четвертая волость Орского уезда. Этот род самый многочисленный после Усерганского рода. Небольсин в своем труде «Отчет о путешествии в Оренбургский и Архангельский край» (Вестник Имп. Рус. Геогр. общ. за 1852 г., часть 4) пишет, что «цвет башкирского народа составляют роды Усерган, Тангаур, Бурзян. Среди них самые самобытные – бурзянцы».

На самом деле, ближайшее знакомство с башкирами показывает, что бурзянцы по своей повседневной жизни, языку и во всех других отношениях представляют собою ту часть баш-

кир, которые сохранились в чистом виде. Деревни, в которых мы побывали, были несколько стеснены в своей жизни, и башкиры, в них живущие, под воздействием других башкир и татар несколько изменились. Ухудшение как природы, так и морали, бедность добрались и до них. На этих местах я побывал семь лет назад, с того времени произошли многие изменения как в самих башкирах, так и в их жизнедеятельности, а также в их землях и лесах. Мужественные башкиры, не знавшие в древности, что такое обман, чистые от природы и верные, ныне они уподобились немощным старикам, напоминающим большие, старые и редкие сосны, растущие в изрядно поредевшем лесу. поголовье скота сократилось, башкиры, раньше готовившие кумыс из молока пятнадцати кобылиц, ныне доят две-три кобылы, некоторые и того не имеют. Вместо прежнего хорошего, полноценного кумыса они пьют айран из кобыльего молока, наполовину или даже на две трети разбавленного водой. Народ страдает от неподготовленности к случившимся и предстоящим переменам. Пока сумеют приноровиться к новой жизни, они успеют вымереть или останутся в малом количестве. Численность населения деревень Кепес, Ямаш, Бикташ по сравнению со сведениями 10-й ревизии 1858 года несколько не возросла, а ныне вообще уменьшается. Местные чиновники ясно показали нам это на основе цифр.

Мы от деревни, где остановились, еще на 120 километров углубились дальше, не было ни одной деревни, которая в жизни, повседневной деятельности продвигалась бы вперед. Во всей третьей бурзянской волости нет ни одной русской, ни одной мусульманской школы, ни одной больницы. Больные сами по себе умирают, каких-либо врачей нет. Во всей волости нет ни одного приличного имама. Имеющиеся крайне невежественны и никаким авторитетом не пользуются. Во всей волости не выписывается ни одна газета. В здешних местах и не слышали об обществах, организуемых для улучшения экономического состояния населения. Все свои земли, родину распродают за бесценок русским кулакам.

Нам удалось далеко отъехать от деревни под названием Миндегуд, дни стояли дождливые, вынуждены были повернуть

назад. Возможно, дальше сохранились башкиры, которые лучше сберегли свою древнюю самобытную внутреннюю культуру, так как создается впечатление, что с углублением в их среду обитания положение как будто улучшается. Чем дальше мы отъезжали, нам казалось, что они становились менее подверженными привычке обманывать, более солидного поведения, более дружными между собой. Но мы не смогли поехать дальше. Эти башкиры уменьшаются и численно, и постепенно исчезают их особенности. Но вызывает сожаление и то, что русские ученые-этнографы не удосужились надлежащим образом собрать сведения о жизнедеятельности, нравственных нормах, природе, духовной жизни, музыке, фольклоре, по-настоящему изучить их внешний облик, собрать исторические памятники бурзянцев, особенно лесных бурзянцев, да и сделанное никак не удовлетворительно.

В 1899 году в 43-м номере журнала «Этнографическое обозрение» Никольский опубликовал библиографию трудов о башкирах, написанных на русском и других языках, и таким образом облегчил изучение литературы о башкирах. Но мы там не найдем ничего приличного о бурзянских башкирах, вызывает сожаление то, что самые что ни на есть настоящие башкиры – бурзянцы и их самобытность на грани исчезновения. А ученые и научные общества на это не обращают внимания. Наши ученые и научные общества тратят значительные денежные средства для изучения народностей, насчитывающих не более двух тысяч населения и затерявшихся в невесть каких ущельях Сибири. Но они почти ничего не делают по изучению этих башкир, обитающих у них перед глазами. У нас у самих, можно сказать, ничего по существу и нет. Только в последние дни вышли пара статей и одна книга.

Я говорю о статье господина Хади Атласи, опубликованной в 9–10-м номерах журнала «Шура», об опубликованной вначале в «Шуре», а затем выпущенной в Казани в издательстве «Умит» книге под названием «История башкир» и об одной маленькой брошюре под названием «Исчезнут ли башкиры?». Да, есть еще «Ядкар» покойного Уметбаева.

Ввиду того что книга «История башкир» написана поверхностно и в качестве ознакомительного труда, тему раскрывает в весьма незначительной степени. Автор эту книгу написал, переводя книгу Игнатьева и Гурьева «Справочная книга Уфимской губернии», даже толком не изменив порядок ее разделов. Только между разделами ввел некоторые выдержки из таких книг, как «Мостафад ал-ахбар», «Камус-ал-аглам», а также некоторые слова из трудов Хвольсона, Букейханова и словосочетания наподобие «мы, мусульмане» и написал, что автором является Мунир Надиев. Господин Мунир, вынося на всеобщее ознакомление историю башкир, делает благое дело. Но ему следовало бы вместо перевода поверхностно написанного труда воспользоваться более обстоятельными книгами и работать самостоятельно. Мысли о сути жизни башкир, написанные в данной книге, безнадежно устарели. К тому же книга написана лишь в той форме, в какой пишутся справочные книги. Ничего научного в ней нет. Необходимо было изучить роды башкир и их родословные, хотя бы в той мере, в какой они доступны исследователю, а также предания, бытующие среди народа, и провести сравнительное исследование их со сведениями, содержащимися у европейских, арабских историков и географов, и только на этой основе можно прийти к каким-либо выводам об их сущности, этническом составе. Однако в этой книге автор ограничился переписыванием текстов других ученых. Не было удачным и то, что автор труда «История башкир» (разумеется, не господин Мунир Хади), чтобы повествование показалось интересным, закончил книгу смертью бунтаря муллы Габдуллы (1756). Это было бы к месту в статье «Об истории башкир». Но если речь идет о книге «История башкир», то следовало бы повествовать о положении этого народа до завоевания Россией, насколько известно, об их ханах и о мерах Российского правительства после завоевания по отношению к их землям и их системе внутреннего управления и о том, как эти меры повлияли на их жизнь и почему в последнее время эти меры привели башкир в такое удручающее состояние. Поэтому нас не может удовлетворить лишь этот труд господина Мунира. Если он взялся за такой большой труд, как

«История башкир», мы надеемся, что он приложит к этому труду несколько больше стараний.

Известный ученый Киппин в 1861 году в своем труде «Указатель в хронологическом порядке материалов, относящихся к истории инородцев, изданных в Европе и России» показал летописи и сообщения в других источниках, относящихся к истории башкир. Имеется труд упомянутого выше Никольского.

Разносторонние сведения о башкирских бунтах содержатся в большом и ценном труде Фирсова, опубликованном в 1864 и 1866 годы в «Ученых записках Казанского университета» и труд профессора Сомье, опубликованный в XIII томе «Записок общества любителей науки о природе» (1892). В последней статье особенно обстоятельно отражены антропологические исследования. Кроме того, имеются труды, относящиеся к истории Оренбурга, написанные разными авторами в различное время, и брошюры архивной комиссии Оренбурга. Полезны были бы и труды Рычкова, Черемшанова, Вишнецкого, Небольсина, Галкина и других авторов.

Господин Хади Атласи написал лишь о древней истории и их сущности. Книга Уметбаева «Вымирают ли башкиры?», дающая лишь некоторые материалы, относящиеся к этнографии башкир, сводится к одной-единственной мысли. Таким образом, о наших башкирах, об их истории, жизни, фольклоре, можно сказать, мы ничего не имеем. Сказанное относится, в целом, ко всем башкирам. Между тем о рассматриваемых нами бурзянских башкирах ни в одной книге, в том числе и в упомянутых выше «Мустафадел-ахбаре», «Истории тюркских народов», еще не сказано ни одного предложения, ни одного слова. Таким образом, бурзянцы – самые самобытные из башкир – окончательно перестают быть самими собой. Если это не вызывает озабоченности европейцев, то и мы сами будем равнодушно наблюдать? Если некоторые наши люди возьмутся помочь наладить их жизнь, быт, собирать еще не исчезнувшие образцы музыки, фольклора, то, я думаю, и у нас найдутся люди, которые могли бы изучать сохранившиеся следы старины.

Мы говорим, бурзянские башкиры. Что это за народ? Чтобы ответить на этот вопрос, нужно знать самих башкир. О сущности башкир ученое сообщество еще не пришло к общему мнению. Высказавший некоторые мысли в своей книге по истории Хади Атласи также подвергает сомнению, являются ли башкиры чистыми тюрками. Об этом в последнее время самой общепринятой мыслью является то, что «башкиры сформировались в процессе смешения такого большого племени, как кипчак, являющийся основой киргиз-кайсаков и поволжских татар, с некоторыми финскими племенами». Из перечисленных в 1862 году Рычковым (в книге «Топография Оренбургская») башкирские волости* такие, как кан, мин, табын, кипчак, найман, миркет, катый, гарай, тазлар, киргиз вне всякого сомнения тюркские роды. Но волости, как ары, сарайлы, кувакан, ываниш, каршын могут быть по происхождению финскими родами. Катанов башкир считает тюркизированными финнами**.

Однако мне кажется, их следовало бы из-за взаимодействия в какой-либо степени с финнами называть тюрками, испытывавшими влияние финнов. Так как в них финское влияние крайне незначительно, на их природу и мораль они не смогли оказать какого-либо влияния. Бурзянское население, видимо, финского происхождения, считает Аристов***.

Европейские ученые не сообщают никаких исторических сведений о бурзянцах. Заслуга распространения исторических сведений о них в мире принадлежит господину Мурату Рамзи. Он в первом томе своей книги «Талфик ал-ахбар» приводит собранные им сведения арабских авторов с V века нашей эры. Согласно этим сведениям, бурзянцы проживали рядом с нынешним Хивинским ханством около Мангышлака. Ибн ал-Асир, полагаясь на какие-то сведения, сообщает, что они

* Так у автора (А. Ю.).

** См. его «Отчет о путешествии в 1867 году в Белебеевский уезд».

*** Этнический состав тюркских племен. СПб., 1869. С. 132.

воевали с Науширваном. Абу Габит ал-Бакири рассказывает о том, что во времена халифата хазрата Госмана сахаби воевали с этими бурзянцами и некий поэт того времени по имени Абу Нахил ал-Тамими упоминает в своем стихотворении бурзянцев словами «Фагаду Ахуале бейен рум вэ Бержана». В то время бурзянцы были вместе с башкирами или они являлись одним из племен башкир. Так как башкиры до XVI века проживали на севере между Иртышом и Аральским озером по соседству с печенегскими кимацскими племенами*.

Позже башкиры под давлением казахов переселились на север и там смешались с некоторыми финскими племенами**. И эти бурзянцы в нынешнее место обитания, видимо, переселились еще в те времена. Их ханы после завоевания Казани подчинились России и в XVII–XVIII веках в башкирских бунтах бурзянцы шли на самом переднем крае. Таким образом, бурзянцы, среди которых мы были, народ, вошедший в историю еще до рождения нашего пророка Мухаммеда галиассалама и до сегодняшнего дня не затерявшийся. Мы подумали, что путешествуя среди них, нужно осознавать их значимость.

III

Мы приехали к этим бурзянцам не с научной целью. Поэтому считая, что путешествие наше не носит научного характера, услышанные мелодии курая, песни, предания мы слушали лишь ради интереса. Старых рукописей не собирали. Не пытались записать песни и предания. В деревне, где мы пили кумыс, башкира, толком играющего на курае, не было. Один

---

* См. 109 стр. 4-го номера I тома «Записок отдела истории и языка Академии» за 1837 год. Хади Атласи в 9–10 номерах журнала «Шура» писал, что во времена Ибн Фадлана (по хиджри IV век) башкиры жили в среде нынешнего обитания. Но ему не был известен труд Гардизи «Зайнел ахбар», написанный по хиджре в 449 году и он ошибся и в том, где пребывали печенеги. Поэтому он расстояние в 20 переходов, которое должно было тянуться к юго-востоку, протянул к северу.

** Живая старина. 1896. Вып. III–IV и «Мустафад ал-ахбар». Т. 1. С. 102.

старик пытался играть, но не смог. Подумали, что бурзянцы в глубине наверняка умеют играть и по дороге прислушались, не слышны ли откуда-нибудь звуки курае. Прибыв в кочевья Ялтыран, у хозяина, у которого остановились, записали имена тех, кто в округе хорошо играет на курае, из этой деревни также пригласили одного-двух поиграть на курае. Это были молодые люди по имени Зияитдин и Хайрулла. Оказалось, они стесняются играть на курае в деревне перед людьми. По их обыкновению, вечером на краю кочевья на горе они развели костер и начали потихоньку играть. Мы подошли. Исполнители играли без особого воодушевления. Мы попросили исполнить старинные песни. Немного поиграли, но знали они мало. По мере удаления во времена старинной поэтической жизни народ начинает забывать песни и мелодии того времени, начинают воспринимать современные татарские и русские частушки. Ныне у башкир действительно время коренных перемен. Древние традиции должны им казаться очень дорогими. Не пройдет много времени, если эти протяжные песни не будут записаны, они сохраняются лишь в нотных тетрадах, их заменят новые песни. Эти молодые люди исполнили для нас песни «Юлтый», «Казах», «Ишмурза», «Ашкадар», «Цюлковский», «Карабаев», «Майор Юсуф». Плясали на мелодии «Перовский», «Сук муйыл», «Загира». На второй день в другой деревне также вокруг костра мы собрались вновь. Здесь джигит по имени Бахтияр с 9 до 12 часов играл такие мелодии как «Айыу майор», «Калматай» и один из них с довольно хорошим тенором сопровождал его пением. Когда мы этим исполнителям дали денег по двадцать копеек каждому, они продолжили свою игру с еще большим настроением. Один из бурзянцев рассказал нам, что в ста километрах отсюда в деревнях Темяс и Кусей один человек играет мелодию «Мурадым». Я очень хотел послушать его, так как она является мелодией одной очень интересной исторической песни. Визирь золотоордынского хана Токтамыш Идеукей поссорился с собственным сыном Нуретдином (Мурадым). Об этом событии у всех северных тюрков сохранились множество преданий и песен. Радлов, Потанин, Мелиоранский, Валиханов и другие записа-

ли рассказы и песни об этом. Песня «Мурадым», бытовавшая среди башкир, была записана автором «Ядкара» Уметбаевым и была опубликована в этой книге. Но если бы удалось послушать и записать эту песню, ее мелодию из уст башкира, то это было бы ценностью мирового уровня, преподнесенная нам самим Аллахом. Но суждено ли Аллахом мне услышать ее и записать? Но на этот раз было не суждено, дожди не дали нам возможности дойти до тех мест. Просил у Аллаха, желал услышать эту песню, так как она является вечным историческим романсом наших северных средне-тюркских народов. Народ его вот уже в течение пятисот лет сохраняет в своей памяти. Если она исчезнет и потеряется, то это будет большим несчастьем. Сбору башкирских песен и мелодий русские ученые обращали очень мало внимания. Такие как Игнатьев в 1870 году в журналах «Оренбургского отделения Императорского географического общества» опубликовали башкирские песни. В III томе тюркской хрестоматии профессора Березина опубликованы башкирские песни. Самым старательным в сборе башкирских мелодий был Рыбаков. В начале, в 1894 году, он опубликовал в III–IV номерах журнала «Живая старина» большую статью (40 стр.) под названием «О башкирских, тептярских, татарских песнях и мелодиях». Там приведены ноты значительного числа тептярских, башкирских, татарских мелодий. Затем в 1896 году в журнале императорского музыкального общества опубликовал труд о курае. В 1998 году в «Записках Академии наук» и в отдельном виде опубликовал свой большой труд «Музыка и песни Уральских мусульман». (Этот последний был опубликован Академией). В этот последний труд он включил значительное число башкирских мелодий и песен и написал многое о жизни башкир. Сфотографировал кураистов. Эти его публикации вышли после экспедиции в Верхнеуральский уезд с намерением собрать образцы башкирских мелодий. Кроме того, в Лейпциге и Петербурге были опубликованы ноты некоторых башкирских мелодий. Но в самом начале им было оговорено, что эти мелодии взяты у Рыбакова. Ввиду того что Рыбаков ездил лишь по Тунгаурской волости Верхнеуральского уезда, ему не удалось побывать там,

где мелодии сохранились в большом количестве и в чистом виде. Кроме того, Рыбаков сам признает, что ухо европейского слушателя не так быстро привыкает к башкирской мелодике. Один человек, хорошо знакомый с башкирской музыкой, сказал даже, что труд Рыбакова можно выкинуть в мусор, так как он никак не понял башкирскую мелодию, ничего не знал о ней. «Сакмар» и «Ашкадар», исполняемые в Казани как башкирские мелодии, здесь совсем другие. То есть башкирские мелодии толком не изучены даже татарскими исполнителями. Поэтому можно утверждать, что башкирскую мелодию кроме самих башкир никто толком не знает, и она не зафиксирована на бумаге. Таким образом, изучение башкирской музыки остается почти нетронутым делом. Среди северных тюрков башкирский народ отличается способностью к музыке. У киргизов, татар и других этого богатства нет*. Если мы утратим свою национальную музыку, мы совершим большое преступление перед нашей будущностью. Я не имею намерения описать то, какие чувства способны вызывать у человека, когда он слушает башкирские песни. Не будучи исполнителем такого рода музыки, ничего не могу сказать и о том, какое значение она имеет среди других музыкальных образцов. Лишь считаю полезным процитировать некоторые слова известного Рыбакова об этом. Он пишет: «Среди башкир-певцов преобладают высокие голоса-баритоны и особенно тенора, которые без затруднения и естественно берут чрезвычайно высокие ноты, приближаясь по тембру к детским голосам (альтам). Певцы-басы встречаются редко. Одной из особенностей исполнения песен является продолжительное протягивание последней ноты песни с вибрацией в голосе и сосредоточенным взглядом. Эта особенность замечается главным образом при исполнении протяжных, проголосных песен (озон кой).

В мелодиях рассматриваемых инородцев мало сказываются сложные изгибы развитого и глубокого чувства, нет того за-

---

* См. статьи М. М. Готовитского и Пфеннинга о киргизских и сартских песнях и мелодиях в 3-й книге «Этнографического обозрения» за 1889 год и мелодии османских тюрков, опубликованных в 1903 году Миллером в Москве.

хватывающего лиризма, какой присущ русским песням, от них веет больше внешним настроением, объективностью, точно они отражают внешние явления природы (что надобно сказать особенно о башкирских песнях), настоящих же, по крайней мере, в нашем смысле, звуков человеческой души они пока не отразили, или, может быть, они отражают особый строй чувствований, который мы мало понимаем.

Башкирам присущи поэтическое и музыкальное творчество, по-видимому, в большей степени, чем татарам. Их поэтическое настроение питается близостью с чудной природой, какая существует на Урале, их наивная мечтательность поддерживается тем, что они до известной степени еще дети природы, нравственно почти цельные, не знавшие больших сношений с другими народами, чуждые борьбы личных эгоизмов среди той привольной обстановки, которой они располагают еще.

Наличность и сила творческих способностей башкир доказываются тем, что среди них до последнего времени встречаются нередко песельники, соединяющие в себе дар поэтов и дар композиторов, то есть сочиняющих свои песни на собственные мелодии, затем та же творческая способность подтверждается любопытным, упомянутым уже выше, фактом смены песенного творчества с каждым поколением: это легко допустимо, если среди народа в изобилии появляются творцы-песельники.

Наряду с песнями у башкир развита инструментальная музыка, в связи с которой они имеют свои собственные инструменты, главным из которых является свирель, так называемый курай, устраиваемый из стебля полевого растения, обрезанного и открытого с обоих концов, на котором прорезаны 4 отверстия с одной стороны и одно с другой. Звуки этого инструмента тихие, меланхолические и задушевные, достаточно хорошо воспроизводят мечтательность башкирских мелодий.

Музыкальное исполнение у башкир имеет некоторые характерные особенности. Ввиду преобладания среди них высоких голосов, они поют песни в высоких регистрах, в связи с особенностями песен: их размашистостью и приятной мелодичностью, слушатель как бы уносится этим в какую-то дале-

кую высь, тогда как татарские песни лишены широты и точно привязаны к одному месту.

Что касается содержания башкирских песен, то в них встречаются приблизительно следующие темы: случаи из жизни – смерть или убийство девицы – отрезанный ломоть, смотрят на сторону, сердце горячо в свое время, а как пройдет время, – никуда не годится, счастье от Бога, а не от денег и не от ума, значение судьбы: предопределения ее отворотить нельзя, раньше времени не умрешь, мытарства человека при жизни, гнет бедности, которая уничтожает радости и веселье, любовь к родине и тоска по ней на чужбине, хорошая жизнь богачей и т. п.

По-видимому, башкирским мелодиям менее свойственны, насколько я могу судить по своему сборнику, украшения в восточном вкусе, их ритм отличается большей ровностью, чем известной части татарских песен, и не очень отличается от ритма европейских мелодий.

От них остается впечатление вообще большей новизны, чем от татарских, и они легче допускают обычную гармонизацию. Я не хочу этим сказать, что представленные образцы башкирских песен – продукт новейших европейских влияний. Но так или иначе, характер новизны в известной степени присущ башкирским мелодиям, хотя это не исключает многих свойственных им оригинальных черт.

Сравнивая житейские шаги этого народа с его поэтической деятельностью, приходится признать, что в первом отношении он ушел весьма недалеко и, наоборот, дает сравнительно прекрасные доказательства успехов во втором, если принять к тому же во внимание большой цикл сказок, басен, легенд, пословиц, поговорок и т. п., который имеется у него и образцы которого я представлю в следующих книжках «Живой старины». Общий вывод относительно рассматриваемого нами народа тот, что это – народ более художник, чем жизненный практик, в известной степени чувствующий и думающий, чуткий к поэзии окружающей его природы Урала, но не делающий

жизненных успехов и не способный отстаивать собственное благополучие»*.

О суждениях Рыбакова, имеющего широкий кругозор о музыке, в вопросах о башкирских мелодиях, я выскажу следующее. Он в башкирской музыке находит достаточно значительный прогресс. Но красоты в этой музыке считает лишь природной красотой и в них не находит большого лиризма и развитую особенность и предполагает, что если все это и есть в них, но «мы, возможно, не до конца это улавливаем». Обе мысли господина Рыбакова, возможно, правильны, но второе особенно близко к истине. В музыке башкир не может найти отражение подлинное развитие. Возможно, отсталость внешней культуры не дает возможности им к интенсивному внутреннему развитию. Вместе с тем несомненно и то, что за длительное свое существование они достигли некоторого уровня развития. За последние три-четыре века башкир, наряду со счастливым и привольным существованием в прекрасных условиях, испытал много горя и несчастья в той мере, в какой не испытывал ни один другой тюркский народ. В эти столетия, когда народ был обречен на испытание самых тяжелых переживаний, Урал их воспитывал своей красотой. И они сумели сохранить, не дать погаснуть своей поэтичности. Из-за благотворного воздействия Урала, исторической судьбы башкиры, хотя и не достигли подлинного развития собственной самобытности из-за неразвитости своей внешней культуры, однако сумели достичь самого высокого уровня природной поэтичности, естественного лиризма. Тайны мелодичных, проникновенных звуков, разливающихся из отверстий природного курая, не имеющего никакого отношения к европейской культуре, могут быть и непонятны Рыбакову, не понимающему духовное состояние тюркских народов, и он в этом прав. Уважаемый господин об этом пишет со знанием дела.

Господин Рыбаков находит новизну в этих мелодиях в том смысле, что якобы их не было у древних башкир. Он не осмеливается утверждать, что они появились под европейским вли-

---

* Живая старина. 1894. Вып. III–IV. С. 354–364.

янием, но все же проводит мысль о наличии в них новизны. Я бы не согласился с этим.

Китайский историк Мин Хун и Плано Карпини много написали о том, насколько татарские ханы и народы были привержены музыке. Мин Хун пишет, что застолья татарского народа не обходились без музыки*. Об этом же пишут и западные путешественники, посетившие ставку Батый-хана. Китайский посол Ван-Ян, прибывший в 960 году к уйгурам, жившим около Урумчи, пишет о том, что музыка и песни уйгуров оставили у него хорошее впечатление. Пишет, что они устраивают увеселительные застолья, и в обычных застольях всегда звучит музыка, у них имеются инструменты, напоминающие мандолину и 20-струнную гитару**.

Китайские истории, переведенные Иакинфом, повествуют о том, что музыка у тюрков эпохи тахунов и Тукиу была распространенной. В Средней Азии уйгурский хан Кадир-хан, чагатайский хан Туклык-хан, из предков Тимура Бабур султан, Абу Сагит и Алишер Навои, Панаи были известны своим большим мастерством в музыке. У Бабура султана и Алишера были труды о мастерстве в музыке. В знаменитом «Кутадгу билике» и в труде «Махбуб-ал-калеб», написанном, подражая «Кутадгу билику», перечислены труды об играх и музыке. Шейбани-хан своего очень хорошего музыканта Галляма Шалди подарил казанскому хану Мухаммету Амину. Музыка среди ханов и визирей, а также у народа, до усиления в последнее время влияния мулл, была настолько распространенной и сильной, что трудно было бы перечислять подтверждающих это сведений. Широкое распространение музыки среди наших народов свидетельствует также об их родственной близости, с точки зрения музыки, и это показывает также то, что некоторые народы, например, как башкиры, жившие в хороших условиях, сумели ее хорошо развить. Так, А. Д. Руднев в сборнике, составленном

---

* Труды Восточного отд. Имп. Рус. Арх. общества. СПб., 1856. Т. IV. В этой связи см. части труда Васильева с переводом с китайского, разделы об истории Средней Азии и части труда Кулибаева, посвященные музыкальным традициям татаро-монголов.

** Григорьев В. Восточный Туркестан. СПб., 1863. Т. II. С. 267–270.

в 1910 году в честь 70-летия востоковеда Потанина, опубликовал статью под названием «Мелодии монгольских племен». Я уже сказал, что казахские и сартские мелодии были опубликованы Готовитским и Пфеннингом, мелодии османских турков – Миллером (1903. Т. III. «Трудов по востоковедению»). В «Записках этнографического отдела Географического общества» в 90-м году (Т. XXII. I разд.) Подносов опубликовал мелодии народа таранса. Тот же Подносов в 90-м году в сборнике Казанского археологического общества (Т. XIII. Разд. 1–6) также опубликовал мелодии народа таранса. Господин В. Мушников также в сборниках Казанского исторического общества в томах 11, 12, 14, 17 опубликовал под названием «Материалы для характеристики музыкального творчества инородцев Волжско-Камского края» мелодии татар, башкир, финских народов. Кроме того, и мелодии сибирских, кавказских народов и крымских татар были опубликованы в различных изданиях. Если все эти мелодии в различных сборниках тщательно сравнивать друг с другом, то близость между ними очевидна. Во всех этих мелодиях в большей или меньшей форме прослеживается чрезвычайно широкий интервал, использование сексты, цептимы, использование различных тональностей, не придерживаясь традиций, использование широких звукорядов, многочисленность семитактных песен, что говорит о большей или меньшей родственности этих мелодий. Автор считает, что в музыкальном отношении сарты и татары находятся на более низком уровне. Вместе с тем среди Российских татар бытуют мелодии сартов Восточного Туркестана*.

Тюркские племена нигде не воспринимают музыку теоретически. Единство песни и мелодии среди них сохранялось непременно на основе духовного единства, устоявшихся традиций. Музыка, которая сопровождает их испокон веков, и отличающаяся национальным своеобразием, в течение 3–4 столетий прочно заняла место в их душе в такой степени, что она не может исчезнуть. Поэтому мы башкирской музыки не рассматриваем, как господин Рыбаков, чем-то новым, а считаем

---

* Этнографическое обозрение. 1899. Кн. 3. С. 91.

результатом способности башкир сохранять в музыке национальную гармонию, заключенную в корнях тюркского народа. Господин Ф. Корш в ценной статье под названием «Старинные национальные мелодии тюркских народов», опубликованной в XIX томе (1909) З. В. О. И. Р. А. О. Академии, на основе анализа ритмов многих песен тюркских племен доказал, что все они едины по своему происхождению. И это является аргументом в пользу нашего мнения.

Сколько существует среди тюркских племен мелодий, все они, вне всякого сомнения, имеют одну и ту же сущность и составляют одно целое (разумеется, это касается восточных и средних тюрков, а не западных тюрков-османцев, иранских тюрков, находящихся под влиянием иранцев и арабов). Если бы настоящие композиторы или собиратели этих, никем не тронутых и очень мало тронутых, мелодий стали бы собирать и начали бы создавать какие-либо произведения, у нас появилась бы национальная музыка, которой мы бы могли гордиться перед другими народами. Если бы встала на ноги национальная тюркская музыка, существующая вот уже две тысячи лет, она могла бы своей твердой десницей удерживать нас от подпадания под духовное влияние других народов.

Наступило 13 июля. В деревне Верхний Ямаш послушали игру на курае. Кураист Бахтияр играл у костра перед присутствующими многочисленными башкирами. Его исполнение не было чрезвычайно хорошим, но приличным. Вернулись и улеглись спать в 12 ночи. На память приходили слова Рыбакова и многих других людей, которые судили о нас, испытывая гордость за свой народ, считая себя как «культурных людей», и вместе с тем как они ошиблись о нас. Думал о том, как можно было бы собрать все наши песни воедино и все это не давало мне возможности заснуть. Все эти высокие слова написал для того, чтобы показать, какие меня одолевали мысли, когда мой товарищ, похрапывая, с удовольствием спал.

Мы собрались с волостной старшиной и со всеми служащими. Перед собравшимся многочисленным народом я сказал старшине: «Ты, старшина, народу хочешь показаться лишь как религиозный человек, соблюдающий повеление мулл. Раз-

ве нельзя, как кантон прежних времен, ходить в сопровождении кураистов?» «Нет – сказал он – нам не пристало походить на прежних кантонов». Мы встретили одного из записанных нами известных кураистов по имени Гиссам. Попросили сыграть на курае. Нам сказали, что он зарекся от игры на курае. И сам он сказал: «Я сломал и выкинул свой курай». Не стал играть. Я в душе рассердился и на старшину и на этого Гиссама. Но ничего вслух говорить не стал, так как этим людям, отравленным отрицательным отношением к музыке под влиянием мулл, на словах объяснить все это невозможно.

IV

Один из европейских путешественников, посетивших татарских ханов в конце XIII века, характеризует татар того времени следующими словами: «Этот народ может лить слезы на увеселительных застольях, но на поле брани – смеяться. Они (тюрко-татары) за своими предводителями следуют слепо, на все закрыв глаза. Холод и голод для них ничего не значат. На поле боя чрезвычайно мужественны, смелы и терпеливы. Они и знать не хотят о безмятежном, хорошем существовании. Между собой очень дружны, можно подумать, что у них одна общая для всех душа, никогда не шумят, не дерутся друг с другом. Но никакой пощады врагам не дают. Они столь жестоки по отношению к ним, что могут вырвать плод из утробы матери, разрезав ее живот. Но при этом на их лице не увидишь никаких следов чувства жалости...»

Мне вспомнились эти впечатления нашего путешествия среди бурзянских башкир. Я знал, что у них очень мало сохранились следы тех древних свойств. Со времени прекращения башкирских бунтов прошло уже полтора столетия. Старые песни о войне и воинственности ныне сохранились на страницах исторических трудов. Самый последний раз свои воинские качества они проявили в ходе Наполеонских войн. А последние войны, из-за того, что они в них не участвовали в виде отдельных полков, не смогли выявить их воинского мастерства. Ввиду того что башкирские, русские, татарские

войска были смешанными, судить о них в отдельности невозможно. Мы уже говорили, что влияние соседних народов наносит вред их внутренней культуре. Старинное единство не сохранилось. Даже в самых маленьких деревнях башкиры не могут прийти к единому мнению. Во многих деревнях земли, оставленные как сенокосные угодья, не могут успешно скосить и убрать, не обращают на это дело должного внимания, небрежны в еде и одежде, несмотря на то, насколько тяжела, неустроена их жизнь, не придают этому значения, остаются беспечными и тем самым побуждают вспомнить слова упомянутого путешественника.

Волостной старшина пригласил нас в гости. До прибытия к нему мы останавливались в двух-трех деревнях. Все волостные служащие были вместе. Башкиры заранее знали о прибытии служащих и ждали их, зарезав коз на мясо. Вместе со старшинами и мы ходили по домам в гости есть козлятину. Здесь старшина занимает место губернатора, урядника и полицмейстера. Народ к нему почитителен, более того, чтобы показать свою покорность, могут дойти и до унижений.

Мы, представители тюркского народа, родились воинами, росли воинами и живем как войско. Военная дисциплина у нас в крови, пропиталась в наше тело. И вся наша история в этом отношении – это история одного солдата. В этой связи нашу историю лучше, чем кто-либо другой, описал Леон Каэн. Он в своих трудах, посвященных нашей истории, выстраивает много исторических фактов и ищет их причину и, наконец, завершает выводом, что большинство из них объясняется воинским образом жизни. Сегодня наша воинственность осталась ни к чему не пригодным свойством. Ныне мы от него испытываем лишь трудности. Для всех наших дел мы ждем появления предводителя. Господин Гаяз говорил: «Постоянно сетуют, что у нас нет человека, который мог бы собрать двадцать человек». И действительно так, даже если соберутся сто человек, не имея какого-нибудь начальника, ничего не могут сделать. Мы все свои дела выполняем, глядя на более решительного, влиятельного человека. В стародавние времена наш народ становился христианином, следуя предводителям, и становился

мусульманином, если они принимали ислам. В качестве примера можно привести, как кираяты, следуя своим ханам, стали христианами, а тюрки, живущие в тысяче юрт около Багдада, следуя своим бекам, стали мусульманами. Башкирские, ногайские, казахские ханы стали подданными России, так как казанские, астраханские, сибирские ханы подчинились России. Из-за того, что и их руководители на все смотрят глазами военного, тюрки легко подвергаются влиянию других народов или вообще легко меняют свою национальность. В последнее время, если на наши общественные, литературные дела взглянуть несколько свыше, философски, явственно заметно это влияние древних качеств. Неспособность на вопросы смотреть основательно, все делать, подражая кому-то, – все это следы старых форм существования в виде военного сообщества.

V

Деревня «Миндегул». Здесь, в достаточно вместительном, хотя и не очень красивом доме волостного правления мы остались два дня. Не прекращаясь, шли дожди. Мы не смогли воспользоваться удачным местонахождением этой деревни, расположенной по Агидели между гор с великолепными видами. Было 17 июля, уехали. В 15 километрах от этой деревни находилась гора «Масем», захотели подняться на ее вершину и обозреть окрестности. Эти 15 километров целиком были горами. Поднимаясь, крайне утомились. Моя лошадь была послабее, устала. Наконец, достигли вершины горы, с башкирами, находящимися в здешнем джайляу, пошли подниматься на скалу, расположенную на самой макушке горы. Кони под сопровождающими нас башкирами были очень упитанные, здоровые, хорошие для верховой езды, сбруи также добротные – кожаные седла, кожаные подушки к ним, посеребренные стремена. От джайляу, расположенной на самой горе, простирается длинная долина. Травостой был очень хорошим. «Все это скосите?» – спросили мы. «Нет» – ответили башкиры. Столько великолепного сена останется не скошенным. «Пошли!» – крикнули сопровождающие. Мы последовали за ними.

Помчались галопом. Всадники-башкиры вместе со своими конями и седлами приняли вид единого целого, в таком виде созданного от рождения. И они своими смелыми скачками напомнили нашествия старинных тюрко-татарских войск. Прибыли к камню. Голая громадная скала. Коней привязали внизу и полезли наверх. Обозрели окрестности. День был не очень ясным. Самые дальние пределы видны не очень ясно, но горизонт бескрайне широк. На восходе солнца, на расстоянии около 120 километров, видна гора, сказали, что это «Ирандыкские горы». Их видно. И на других сторонах такие же горы. Эта гора – «Масем», сказали, что в этих местах это самая высокая точка. На руках у нас не было ничего по географии Урала. Какова высота этой горы, мы узнать не смогли. Долго смотрели вокруг. Чтобы взобравшиеся люди могли оставить свои имена, вкопан деревянный столб. И мы записали свои имена. Когда мы спустились со скалы, к горе подобралась туча. В облачный день здесь стоит густой туман, который покрывает всю округу. По дороге мы еле дошли до джайляу. Это был джайляу под названием «Устье Алагуяна». Местные бурзянцы готовились к переезду в другие джайляу. Мы остановились у муллы Абдрахмана. Все еще стоял туман, ничего не видно. Когда мы расселись пить чай, пришел к нам один немолодой человек. С хозяином они поговорили о том, когда из Стерлитамака в этот джайляу приезжал покойный кари Бадретдин рассматривать камни. Сказали, что он приезжал в год «Барса». Этим разговор завершился. Поговорили о том времени с ностальгией. Год «Барыса» – значит тигра. Это будет 1902 или 1890 год. У здешних людей сохранился обычай – устанавливать год по старинному обычаю. Если уж зашла о том речь, скажем и следующее: мугаллим (учитель) Хасан Гали в номере «Шура» от 1912 года опубликовал статьи под названием «Названия дней, месяцев, годов». В них он описал порядок определения дат, объяснил значение названий годов, месяцев. В статьях господина Хасана Гали мы находим много интересного, а также мысли и слова, не соответствующие известным нам событиям. В нем удивительно то, что он в статьях никогда не указывает источников и не объясняет смысл находок, которых он,

несомненно, сам обнаружил. Читатель остается в большом недоумении, верить автору или нет. Кажется, в начале этого года в «Шуре» этот человек опубликовал статью под названием «Зан (обычай) и ясаки у тюрков». Здесь он слово «зан», понимаемое в тюркском языке как обычай, показывает в виде закона. Мы о том, что собою представляли у тюрков обычаи и законы, узнаем из самых последних обстоятельных исследований. Одно из них – статья профессора Березина, опубликованная в VIII томе под названием «Внутреннее устройство улуса Джучиева» в «Трудах Вост. Отд. И. Р. А. общества», где даются хорошо обоснованные сведения. Господин А. Ай Бурманд* в 1904 году в XX томе сборников Казанского исторического общества опубликовал важный труд под названием «Степное законодательство древних времен» и в 1907 году в сборниках З. В. О. И. Р. А. О. был опубликован важный труд, содержащий «ясаки Чингисхана», обнаруженные в уложениях его внука Коблай-хана из Китая. О ясаках и законах тюркских народов наиболее фундаментальными публикациями являются эти. Написанное господином Хасаном Гали не соответствует ни одному из перечисленных научных трудов. Откуда же он извлек сведения о существовании законов под названием «Зан»? Было бы хорошо, если бы господин Хасан Гали доказал выдвинутые им положения. И его мысли о месяцах года и порядке установления дат такого же свойства. Профессор Катанов в своих трудах (например: «Записки геогр. общ. по отд. этногр. 1819, XVII т.) написал о названиях двенадцати солнечных месяцев в тюркских языках, а академик Шеффер в 1857 году в журнале «Melanges Russes» Академии написал о тринадцати лунных месяцах. Кроме того, господин Катанов дал об этом сведения и в ходе наших частных бесед с ним. Полученные от него сведения никак не согласуются с мыслями господина Хасана Гали. Он и сам признает, что не знает, как назывался вторник. Точно такое же положение с названиями месяцев. Было бы очень хорошо, если бы господин Хасан Гали сообщил, где и как он раздобыл свои сведения, которые вызывают такой

---

* Так у автора (А. Ю.).

интерес в печати. Среди татар обозначение годов древними двенадцатью названиями, кажется, уже забыто и вышло из употребления. Представляется, что и сохранившиеся названия бытуют лишь в печати. Однако среди башкир и тептярей это еще используется, и некоторые пожилые люди не могут сопоставлять эти годы с христианским летосчислением. Я думаю, что это положение еще прочнее сохраняется среди казах.

Гору Масем и ее джайляу мы покинули в дождливый день 17 июля.

Разъяснения: в данных своих записях я мог допустить неточности в указании годов издания некоторых книг, а также номеров томов и разделов. Учитывая, что мы находились в месте питья кумыса, где не было никаких книг, прошу читателя извинить за допущенные ошибки.

НОВЫЙ ТРУД О БАШКИРАХ*

Мысли самого автора сводятся к происхождению старой религии, языку башкир, к самому этнониму «башкорт», к их истории до вхождения в Россию. В последних частях он ведет речь о жизни башкир в подчинении России, бунтах, войсковой службе, о временах кантонов, о жизни в последнее время, приводя многие исторические сведения и аргументы и в этих частях, если не учитывать мелких неточностей в использовании отдельных слов, ошибочных мыслей не замечается. По вопросу о коренном населении башкирской земли автор проводит мысль о том, что нынешних башкирских земель в древности населяли вогулы, остяки и другие финские племена, также калмыки, а башкиры сюда переселились позже. Он не нашел никаких аргументов о жизни башкир по рекам Иртыш и Тобол.

По вопросу о происхождении башкир пишет: «хотя ученые, следуя словам арабских ученых географов, считают, что башкиры – тюрки и они едины по своему происхождению с венграми, я придерживаюсь иной точки зрения: «Родоначальником башкир были финны из мадьяр (венгры). Но когда большая часть мадьяр переселилась на запад, оставшиеся среди тюрков утратили свои финские черты и под названием башкир стали тюрками. И подтверждением этому является то, что в современном башкирском языке содержатся старые мадьярские слова. Это показывает их финское происхождение».

О смысле слова «Башкорт» он пишет, что оно образовано от слов «глава – курт», так как по мнению самих башкир якобы учителю, пришедшему к ним для обращения их в ислам, дорогу указывал волк. Поэтому они называют себя народом,

---

* Турмуш. № 248. 24 мая. О труде В. Филоненко. Башкиры, 1915.

предводителем которого является волк, то есть, ввиду крайней воинственности в древние времена, их называют народом с волчьей головой.

О религии башкир пишет, что они вначале были язычниками – поклонялись природе, позже, в начале XIII столетия христианского летосчисления, приняли ислам. И в доказательство этого упоминает лишь могилу человека по имени Хусаин-бек (умер по христианскому летосчислению в 1227, а по хиджри – 623 году), находящуюся по реке Зай в Мензелинском уезде.

В разделе о древней истории башкир он погружается в множество различных предположений, затем пишет, что башкиры подчинялись булгарам, позже Золотой Орде, сибирским и казанским ханам, ногаям, но не может точно установить, когда они стали подданными России. Следуя Френу, предполагает, что они вошли в состав России в 1557 году, а может быть и позже.

После чтения всего этого хочется спросить, почему историей этих башкир не занимаются более компетентные люди, почему этим занимаются люди, повторяющие старые, безнадежно устаревшие рассказы, к тому же на их основе придумывают каких-то волчьих голов. Действительно, поставленные историком проблемы очень сложны, но какими бы они ни были сложными, но не настолько же, чтобы впадать в крошечную темноту и нереальные фантазии. Пребывание вокруг Уральских гор вогулов, остяков, калмыков – события недавнего прошлого. Слова Флоренского, раздувающего этот вопрос, и Уметбаева, рассказывающего о древнем языке башкир и его отношении к чагатайскому, не могут быть названы «научными гипотезами»*. Кроме того, проживание башкир на стороне Иртыша и Тобола в соседстве с тюрками под названием кимаков освидетельствовано иранским историком Гардизи в его труде

---

* Труд Флоренского «Башкирские земли и башкиры» (Вестник Европы. 1874. № 12) является не научным, а всего лишь литературным произведением. Он и сам его писал не как научный труд. И Уметбаев в своем «Ядкаре», написанном на татарском языке, и своими статьями, опубликованными в «Справочной книге Уфы» за 1883 год, показывает себя человеком, верящим во всякого рода фантазии. Нужно остерегаться приводить эти труды не только как научные гипотезы, но даже как частные взгляды.

«Зайнел-ахбар». Эти места данной книги были опубликованы и в русской научной литературе с текстом подлинника и с его переводом*. И различие между башкирами и мадьярами на западе также было освещено в литературе. Люди, занимающиеся башкирами в регионе Уфа – Оренбург, были не знакомы с историей Восточной России, Золотой Орды и входивших в нее мелких ханств и носителями распространившихся в этих местах языками, более того, в целом с археологией этих мест. Хотя господин Филоненко официально и может быть причислен к числу востоковедов, но мы думаем, что он не совсем хорошо знает восточные языки**. Ввиду этого он, как и его прежние товарищи, погружается в «глубокие» мысли по поводу предположений о слове «башкурт», о принятии башкирами ислама, об их взаимоотношениях с ногаями. Эти господа иногда откапывают какую-либо кость человеческой головы (иногда она может принадлежать и не человеку) и погружаются в глубокие предположения о том, является ли она костью головы башкира или мишара и начинают сравнивать его с головой мадьяра. Или иногда, например, находят захоронения по реке Чишмы или Зай и начинают раскопки, предполагая, что это стан мусульманских миссионеров, прибывающих проповедовать среди башкир. Действительно, в Уфимской губернии таких старинных могил много. Однако надгробные камни многих из них были вытесаны, в отличие от камней по реке Чишмы, не из твердых пород и записи на них стерлись. Жизнь ногайских мурз, их взаимоотношения с башкирами, с казанскими и сибирскими ханами, позже с Россией благодаря трудам русских историков Вельяминова – Зернова, Карпова значительно освещены. Обо всем этом имеется значительное количество сведений и в башкирских шежере, хранящихся среди них са-

---

* См.: Записки Импер. Акад. Наук по историко-филол. отд., 1897. Т. I. № 4 // Статья Бартольда «Отчет об экспедиции в Среднюю Азию с научной целью».

** Напр.: он не знает смысл слова «уба» на 20 стр., слова «кыс» (касак) на 21 стр. и слова «абышка». Между тем они содержатся и в словаре Будагова и Радлова, имеющегося на руках автора.

мих. У нас есть намерение в «Турмуше» опубликовать кое-что об этих шежере. В них можно будет поднять и эти вопросы и, даст бог, показать, что и по этим вопросам нет оснований погружаться в ложные предположения. В таких неудобных, сложных вопросах господину Филоненко, не являющемуся компетентным, следовало бы лишь суммировать сведения, собранные в сборнике Волкова и не выдвигать лишних идей, выдавая их за свои, что было бы гораздо лучше.

Это все, что мы хотим сказать об использовании исторического сборника и о мыслях, введенных в книгу, приписав их самому себе.

Историк свое дело о последнем периоде истории, о котором очень много данных, выполнил очень хорошо, более того, совершенно новыми являются его мысли о том, что башкирские бунты возникали из-за беззакония в государственном управлении, о расселении на башкирских землях русских, а разговоры о восстановлении старого государства являются всего лишь словами в устах отдельных людей. Все эти мысли взяты у Власова, а кое-что добавлено им от себя. Его слова о современной жизни башкир, об их татаризации также являются не лишними. Ценными являются, разумеется, эти места книги. Но имея ввиду эти части труда мы не можем считать, что книга в целом является шагом вперед в создании научной истории башкир. И ценность этой книги, как мы уже сказали выше, заключается в том, что автор сумел сделать доступным для использования публикой такую большую книгу, как книга Волкова, которая была выпущена в прошлом, но экземпляров которой уже не осталось. Автор в городе, бедном книгами, открывает путь для изучения этих сложных вопросов.

Азметзак Валиди

1915 год, 28 апреля,
Стерлитамак

О БАШКИРСКИХ ВОЙСКАХ В СТАРИНУ*

Башкиры начали по-настоящему служить в армии с 1798 года. Однако они, будучи с древнейших времен военным народом, сразу после вхождения в состав России по своей воле вступили в военную службу. Несколько сообщений о башкирских войсках появляются в 1608 году. В 1676 году около тысячи башкир ходили на Крымскую войну и в разное время воевали против поляков, но вся эта служба происходила по желанию добровольцев, по их собственной воле. 14 марта 1754 года царские власти издали приказ о привлечении башкир в войска, если в этом возникает необходимость, и с этого времени до 1797 года привлекали их к пограничной службе (в крепостях по границам государства).

В 1755 году на службе были 1 929 человек. До 1754 года за службу они жалованья не получали. Но в зависимости от заслуг могли получать награды, но с 1754 до 1797 годов служившие в войсках получали жалованье и провиант. Службу башкир до 1798 года в войсках можно было бы обозначить как первый период их службы. В то время башкиры во всех своих внутривойсковых делах придерживались тех форм, которые считали привычными для себя, не подчинялись общим правилам, принятым в Российских войсках, будь то добровольцы или призванные по приказу царских властей. Они выбирали себе предводителем того, кого считали нужным, и все войсковые дела вели по-своему.

С начала 1798 года до 14 мая 1863 года башкиры принудительно привлекались на службу в иррегулярные воинские формирования. Эта служба была идентичной с казачьей службой. Вместе с башкирами к такой же службе привлекались

---

* Ж. Бәхет көнө («День счастья»). 1920, февр. Пер. на совр. башк. яз. – «Диалог спустя 70 лет», 1990, дек. (Прилож. к ж. «Агидель». 1990. дек.); Йәшлек. 1990. 22 дек.

и мишаре, проживающие с ними по-соседству*. В 1798 году башкиры должны были отправлять на службу 4 513 человек, мишаре – 1 300 человек. Все мужчины от 17 до 45 лет считались находящимися на военной службе, освобождались лишь непригодные к службе старики. Четыре двора были обязаны отправлять одного солдата, за службу в месяц получали 1 рубль жалованья, но расходы на одежду, лошадь, седло, прокорм несли сами солдаты за свой счет. Но во время походов после удаления от места службы на сто километров солдатам предоставлялся провиант, а лошадям – фураж. Каждый полк имел свое знамя. Их одежда состояла из матерчатого синего чекменя с белым воротником, широких синих шаровар, по бокам штанины которых были прошиты лампасы. На голове – островерхая войлочная шляпа с согнутыми наверх полями, надрезанными сзади и спереди. Подпоясывались кожаным ремнем с кожаной же портупеей. Патронташи висели на шее с правой стороны и находились под мышкой. Сапоги были сшиты из конской кожи. Оружие: ружье, каждому по два револьвера (пистолет), кинжал, пика, сабля, лук со стрелами, железная кольчуга, защищающая воина от сабельных ударов. Обмундирование и оружие было хорошим, но довольно тяжелым. Башкирские войска снискали известность ловкой ездой на лошади, мастерским владением саблей, меткой стрельбой из ружья и лука, стремлением на поле боя не оставлять друг друга в распоряжении врага, единством, мужеством.

Войска по месту жительства были разделены на кантоны, башкиры – на 11 кантонов, мишаре – на 5 кантонов. У казаков создавались войсковые управления и назначались атаманы. Но у башкир – мишарей этого не было, так как российские власти остерегались создавать единый центр управления над всеми башкирами, который был бы способен всех башкир собирать воедино, власти держали башкир под неусыпным контролем. Также и в ходе войн башкирам не разрешалось собираться, составив, как у самих русских, бригады и диви-

---

* Мишарские кантоны находились между Оренбургской и Саратовской губерниями.

зии, каждый полк в отдельности ставился на самые различные участки. В 1802 году башкирские войска составили 5 519 человек. Все они предназначались для защиты границ государства. С 1790 года были привлечены к воинской службе и тептяре, живущие среди башкир. Но полков, носящих их имя, не было, они составляли всего два полка, в большем количестве их не набирали и их называли Уфимскими казачьими полками. Офицерами у них назначались донские казаки и они подчинялись начальнику Оренбургских границ. Эти два полка содержались за счет средств, собранных у самих тептярей. В 1802 году в каждом полку тептярей насчитывалось по 1 032 человека. Но что касается башкир, из-за того, что исстари у них начальниками были свои люди, российские власти не смогли отменить эти традиции, продолжали ставить начальников из их собственной среды. Командиры, как и в казачьих войсках, носили название сотника, хорунжего, есаула. С 1811 года башкирские войска начинают посылать на войну России с иностранными государствами. В 1811 году для этих целей были посланы два полка. В 1812 году на войну с французами были созданы 28 башкирских полков и в 1813–1814 годы они в войне против Наполеона дошли до Парижа. Первыми в Париж вошли башкирские полки. На этой войне башкиры много раз проявили удивительное мужество. Башкиры своим участием в войнах, военным искусством снискали у французов название «Северные амуры». Однако сразу после завершения войны с Францией русские сократили число башкирских полков. У русских вошло в привычку относиться к башкирам по-человечески, давать ему обещания и одаривать их подарками, когда возникала в них нужда, и, наоборот, как только эта нужда исчезала, обращаться с ними свысока, пренебрежительно, унижать, притеснять их. В 1822 году генерал-губернатор Оренбурга внес проект – составить из башкир 15 полков, из мишарей 3 полка, но это предложение не было претворено в жизнь. Решили не организовывать из башкир такое большое количество полков, а поставить их на охрану государственных границ. Когда в 1827–1828 годах началась Русско-турецкая война, было намерение также увеличить число башкирских полков и усилить

их, но и тогда создали лишь два полка, а остальных использовали в пограничной службе. В 1830 году пришли к решению расформировать башкирские войска. Власти придерживались мнения, что оставлять их в виде войск слишком опасно для России. Оренбургские губернаторы Сухожилин и Перовский, придерживаясь этого мнения, обратились с ходатайством к царю и в 1835 году из двух тептярских полков был образован один и он назывался 1-м Оренбургским казачьим полком. С 1844 года он назывался Уфимским полком, но в 1845 году и был расформирован. И башкирские войска решили постепенно уменьшать аналогичным путем. Думали, что если их распустят одновременно, башкиры могут прийти в движение. Ввиду того что тогда в Башкирии было много башкир, а русских меньше, это сомнение было сильным. В 1825 году численность башкир и мишарей составляла 493 345 человек, в 1835 году численность башкир и мишарей была 232 600, а вместе с тептярами – 333 000 человек. Но русских вблизи Уфы было всего 72 тысячи. Начинается уменьшение численности башкирских войск и вместо них увеличение русских войск.

В 1836 году Сухожилин внес проект из четырех пунктов, в котором предлагал: 1) из 5 мишарских кантонов сделать один; 2) оставить в виде войск башкир 9, 2, 5-го кантонов, большинство из которых расположены вблизи с казаками, а также часть 4-го кантона; 3) 4, 5, 6-й кантоны передать в ведение Оренбурга, но башкир 9-го кантона*, самовольно переселившихся в сторону Саратова, вернуть в распоряжение Уральских казачьих войск; 4) других башкир нужно постепенно освобождать от войсковой службы и переводить в разряд казенных крестьян. Под председательством Оренбургского губернатора Эс-

---

* Эти башкиры истари оторвались от остальных башкир и жили несколько в стороне. Они, раньше кочевавшие южнее Уральска среди казаков, вступив в разногласия с ними, переселились в Саратовскую губернию. Они вместе с башкирами, живущими вблизи Оренбурга в селе Актюбе и с Чуранскими башкирами составляли 9-й кантон. В последнее время кочевали на стороне Уральска и Саратова до нынешней Самарской губернии и ныне живут в Уральском уезде по рекам Кемелик и Ирғиз, относятся к Николаевскому («Пугачевский») уезду.

сена была образована специальная комиссия, которая, рассмотрев данный проект, приняла его: 1) Усыпление бдительности башкир, делая вид, что их войска не упраздняются и для этого учредить войсковое управление. Но командующим назначить русского генерала (был построен Караван-Сарай и центр башкир был помещен там); 2) Освобождение башкир от дел доставки почты (почтовой службы); 3) Постепенное свертывание дел кантонов, передача их функций уездам; 4) Предоставление башкирам возможности распродажи их вотчинных земель для обеспечения земель русских переселенцев; 5) Разделение кантонов на волости, сохранив вначале их старые юртовые названия; 6) Содержание четырех своенравных башкирских полков в стороне; 7) Постепенное вытеснение знатных башкир, предводительствовавших над ними; 8) Для усыпления башкир и их успокоения награждение их различными медалями, орденами, раздача денег, подарков и назначение небольших пенсий; 9) Под благовидными предложениями замена старых начальников кантонов новыми людьми.

Все эти планы хотели держать в строгом секрете, но они вскоре перестали быть секретами. В 1834 году башкиры, считая, что русские переводят их в разряд крестьян, начали бунт, но он был подавлен привлечением больших сил, дело не дошло до состояния войны. Среди населения распространился слух о насильственном крещении из-за рекомендации властей об изготовлении футляра для хранения серпа. По сообщению Перовского, народ был крайне недоволен и попытками властей насильно привить башкирам хлебопашество. Тем не менее, русских все это не останавливало, они, опираясь на свои силы, начали претворять в жизнь свои решения. Башкирские войска были сокращены, от них сохранилось около 30 процентов, башкирские кантоны были разделены на две части: служилые и неслужилые. Из неслужилых прекратился набор войск. 30 мая 1836 года был утвержден Временный штаб управления Башкиро-мещерякских войск и открыт башкиро-мишарский центр. Человек, находящийся во главе этого центра, назывался командующим башкирскими войсками и обладал правами командующего дивизией. Была составлена его канцелярия,

определен круг обязанностей, а над начальниками кантонов и его помощников были назначены попечители. Эти попечители назначались из числа штатных офицеров. Они контролировали начальников кантонов и юртовых старшин. Наконец, в кантонах для контроля над судебными делами, якобы для помощи башкирам, были поставлены стряпчие. В 1840 году Башкиро-мещерякское управление было утверждено с широким штатом. Этот центр был создан специально для наблюдения за башкирскими делами, для соблюдения порядка среди них в делах ареста или сдачи в крепостные. Таким образом, несмотря на то, что царские власти вступали на путь аннулирования башкирских войск, они были уничтожены не сразу, а постепенно. В 1839 году отдельные башкирские сотни участвовали в войне против Хивы. Ходили на войну в Ак-Мечеть (среди башкир она известна как Сырдарьинский поход). В это время начальником башкирских войск был Перовский. С 1853 до 1856 года около двух лет башкирский полк рядом с Петербургом в Финском заливе нес караульную службу и в эти же годы участвовал на Крымской войне в Севастополе. По мере осложнения дел России численность башкирских войск вновь начинает расти. В боях в Севастополе башкиры воевали против турков, там участвовали четыре башкирских полка, в каждом из которых было по пятьсот воинов. Но именно в ходе этой войны решается судьба башкир: 1) На этой войне башкиры против турок воевали с большим рвением. Ногаи в Крыму выдавали секреты русских туркам, указывали им пути, из-за чего их начали изгонять из Крыма. И башкиры оказались под подозрением в совершении подобных дел и распространялась мысль, что содержание башкир в виде войск предоставляет опасность для России. 2) Во-вторых, в этот период Туркестанский регион оказался в руках России и в восточной части России возросла численность мусульман. Поэтому властям казалось очень опасным содержать мусульманских башкирских войск в Башкурдистане, граничившим с Киргиз-Туркестаном, где было много мусульман. 3) К тому же, в-третьих, царствовавший в то время Александр II начал вести очень плохую политику по отношению ко всем инородцам. В 1855 году мишарские

войска были полностью упразднены и центр начал называться управлением башкирских войск. Затем Александр II упразднил и башкирские войска и, переведя башкир в положение крестьян, об управлении над ними издал особый закон – «Положение о башкирах», военные кантоны также были упразднены. В 1865 году был издан еще один закон, по которому были упразднены и кантоны восточнее Оренбурга, а башкиры были приданы в ведение Министерства внутренних дел и они стали крестьянами.

Так завершился период, называемый башкирами «времена войска». И после этих событий в Оренбурге до 1882 года сохраняли один башкирский полк, но и он был бельмом на глазу власть предержащих. Туда зачисляли лишь детей богатых людей, среди народа популярность не пользовался.

БАШКИР*

Башкир (самоназвание *башкорт*) – название тюркского народа, живущего на Южном и Среднем Урале, а Башкортостан – название края, где проживает этот народ. Сегодня среди республик Советской России есть республика с этим названием. По переписи 1897 года численность башкир достигла 1 492 944 человек (в их число вошли и 117 737 тептярей). Есть доказательства, свидетельствующие о том, что башкиры так же как и жившие по реке Идиль-Эдиль, то есть в Поволжье, болгары, переселились сюда из южной части Западного Туркестана (См., например, предания о предках по имени Кенже и о географических названиях в кн.: *Zeki Velidi Togan. Türk tarihi dersleri. Istanbul, 1927. S. 125*). Вместе с тем то, что они с начала христианского летосчисления живут на нынешних местах расселения, подтверждается сведениями в географии Птолемея (III, 5, 22, 24 и IV, 14, 9, 11), где приводятся названия, написанные в форме Παγυριται, Γουίνοι, Ταβίνοι, Βορούσκοι и Σονοβήνοι, которые можно сопоставить со словами башкир и названиями их родов *гайне, табын, бурач* и *сувын*. С другой стороны, то, что родина башкир находится на Урале, подтверждается и легендами предков енисейских кыргызов (Публ. *Zeki Velidi Togan. Ibn Fadlan. S. 187, 327*), и в дастане об Огузе (См.: *Raşid ad-Din. Paris. Bibl. Nat. Suppl. Pers., 1364, var. 134 a*). Башкир означает *беш* (пять) *огур*. И миф в иранских сказках о том, что на севере Хазарского моря живет народ по имени *гурксер* (*курт-баш*), показывает, что этимологические предания народа о смысле этого названия – *курт-баш, баш-курт* – очень древнего происхождения. Среди тюркских племен, которые правили мадьярами, были и башкирские племена *юрматы* и *еней*. Однако предположение о том, что они были

* Başkirt // İslâm Ansiklopedisi. İstanbul. 1943. Cilt 2. S. 328–332.

мадьярами, еще в первой половине XIII века говорившими на мадьярском языке и лишь во времена монголов воспринявшими тюркский язык (См.: *G. Nemeth. Magna Hungaria. S. 95; KCSA, III, 73.*), опровергается утверждением Махмута Кашгари о том, что языки башкир и *йемеков*, то есть кипчаков, близки друг к другу. По существу, Абу-л-Гази (Бахадур)-хан также утверждает, что большинство башкир относится к кипчакам. И Шамс ад-Дин Димашки (умер в 1327 г.) причисляет башкир монгольской эпохи к кипчацким племенам. Средневековые арабские авторы название башкир пишут как *башжырт* (Истахри), *башгирд* (Ибн Фадлан), а в Худуд аль-аламе (KCSA, II, 52 и далее) они упоминаются следующим образом: «соседствующие с малочисленными хифжахами *ягсун яясу*» и «соседствующая с *хифжахами* маджария». Истахри пишет о башкирах, живущих в горной, лесной стране, внутренние области которой мало населены, центр которой находится на расстоянии 25-дневного перехода от племени *булгар*, стоявшего в то время над башкирами. Горы, с XIII века известные как Уральские, Бируни называет Башкирскими горами. Самолично изучивший религию, нравы и характер башкир и область их проживания Ибн Фадлан пишет о том, что в 922 году, перейдя реку Ягынды (современное название – Явынды) в районе нынешней Уральской области, бывшей в то время местом кочевания огузских биев, его спутники приняли меры защиты от нападения южных родов башкир, живших в тех местах. Он рассказывает о том, как после перехода рек Кинель и Сук, то есть приблизившись к границам булгар, они увидели первые юрты башкир. По свидетельству этого автора, башкиры целиком были шаманистами, но среди них попадались и мусульмане, один из которых сопровождал в пути арабскую делегацию (См.: *Ibn Fadlan, S. 35 и далее, 147–156*). В 1135 году прошедший через область башкир Абу Хамид аль-Андалузи рассказывает о том, как башкир по имени Дауд, сын Али, принявший ислам, сообщал ему в Анатолии, в Конье о могилах «людей высокого роста». О стране башкир Идриси также дает достаточно подробную информацию, соединив сведения, получен-

ные им от современных ему рассказчиков, со сведениями из перевода географии Птолемея. Например, он говорит о городах Немжан, Гурхан, Карукая (Каракая (?)) по течению рек Яик и Эдиль-Идиль (Ак-Эдиль), где производятся железные и медные изделия, оружие, и о том, что добытые здесь беличьи и бобровые шкурки вывозились в близкие и дальние пределы.

Причиной путаницы сведений о башкирах и мадьярах, содержащихся в исламских источниках, послужило существование названий «внутренние башкиры» и «внешние башкиры». Во всяком случае, эти названия у Идриси кажутся понятиями, имеющими предельно определенный смысл. Действительно, и Эвлия Челеби в своей «Книге путешествий» живущих на Уральских горах башкир (в отличие от живущих в степях между Иделью и Уралом) называет «хештеки внутренней страны».

Известно и то, что в X веке, после миграции огузов от Устьюрта, связи башкир с Хорезмом усилились. Привозимые вплоть до XIX века в Хиву с Урала, Страны башкир, продукты, *kak* (пастила) и изготовленную из бересты узорчатую посуду и кружки еще Бируни перечислял среди вещей, доставляемых «в Хорезм из страны тюрков». С другой стороны, Ибн Фазлаллах аль-Умари (умер в 1348 г.) указывает, что большая часть жителей Мангышлака состоит из бурзян. Бурзянцы и сегодня являются одним из башкирских родов. Вместе с тем нам хорошо известно и то, что башкиры, поныне живущие на юге Аральского моря в окрестностях Чимбая среди каракалпаков, обосновались там очень давно, и между этими двумя народами были союзные отношения и время от времени по собственной воле башкиры становились подданными каракалпакских ханов (См.: *Togan Z. V. Bugünkü Türkistan. Yeni tabi. S. 204* и далее).

В монгольскую эпоху башкиры уже исповедовали ислам. Например, Якут и Казвини пишут, что они, встретив в исламских государствах некоторых башкир из Венгрии, узнали от них о том, что предки приняли ислам при посредстве болгар и лишь после приобщения к исламу переселились в Вен-

грию. Согласно сведениям, полученным Ибн Фазлаллахом аль-Умари от анатолийского купца Хасана Руми, башкирами в период монгольского господства управлял отдельный казый. Сохранившийся недалеко от Уфы рядом с селом Чишмы мавзолеей, где похоронен казый по имени хаджи Хусейн-бек Эмир Умар Тараби ат-Туркестани, скончавшийся в 1342 году, до сегодняшнего дня является местом паломничества.

Страна башкир являлась местом кочевий для потомков Чингиза в летнее время, а сами башкиры служили в войсках потомков Чингисхана. Среди башкир, служивших ильханидам в Иране и мамлюкам в Египте и Сибири, были эмиры, снискавшие известность (например, во времена Газан-хана подавивший в Анатолии восстание Сулемиша – Эмир-башкир, бывший на службе у Олжайту – Саркан-башкир). Среди служивших в Египте известны Насир ад-дин Насир аль-Башкурди (обладал чудесным поэтическим дарованием), Ала ад-дин Башкурт ал-Насири, Санджар ал-Рукни аль-Башкирди и Илм ал-дин Башкурди (высоконравственный государственный деятель, назначенный султаном Кылавуном наместником в Сирии).

После распада золотоордынского государства область восточнее рек Агидель и Кама осталась за чингизидами, потомками Шейбана, а область юго-западнее этих рек находилась под управлением ногайских мурз. В 1469 году в походе казанского хана Ибрагима против русских принимали участие и башкиры.

Страной башкир Тура-ханы (шейбаниды) управляли в XV и XVI веках. У этих ханов, живших в Восточной части Урала в городах провинции Тура, одна из ставок находилась в Башкурдистане напротив нынешнего города Стерлитамака вблизи горы Туратау, а другая – недалеко от Уфы по реке Калмаш в местечке, называемом *Хан Ордасы*. Могила одного из туринских ханов, скончавшегося в 1468 году, была обнаружена в недавнем прошлом (См.: Красная Башкирия. 2.10.1938). «Орда» правившего страной башкир Али-хана, сына последнего из Туринской династии Кучум-хана, также была найдена вблизи Уфы (см.: Ötemiş Nası. Tarih-i Dost Sultan, мой личный

экземпляр, 736). Во главе ногайских мурз, правивших юго-западными башкирами, шли основатели династии Эдигей и Нуретдин (в башкирском произношении – *Мораşым*, до сего времени среди них о нем бытуют дастаны и поются песни). Этот мурза свою беспокойную жизнь завершил среди башкир и скончался в 1411 году. В середине XVI века управление страной башкир в свои руки взял казанский хан Хак Назар, а мурза Ак Килембет с родом *табын* и Кара Килембет с родом *мин* в 1657 году вместе со своими ногайцами откочевали на Кубань. Тем не менее, другие мурзы, оставшиеся на востоке от Идели, сохранили свое господствующее положение. Очень важна деятельность в стране башкир во второй половине XVI века Иштиряк-мурзы (сына Тин Ахмеда) и Урус-мурзы (сына Исмагила). Урус-мурза в своих письмах османскому султану Сулейману Кануни призывает его захватить Поволжье. Однако ни этот человек, ни сыновья шейбанида Кучум-хана Алихан и Ишим-султан не смогли воспрепятствовать экспансии русских на востоке от Идели.

Русские, захватив Казань и Астрахань, по Идели и Яику в 1584 и 1586 годах стали возводить новые и восстанавливать старые крепости (Яицк, Самара, Бирск, Уфа), что встретило протест со стороны Урус-мурзы. В своем письме, отправленном царю Ивану IV, он писал, что *башкиры-истеки* платят дань ему и поэтому попытка русских взимать с них дань будет означать вмешательство в его внутренние дела (См.: *Пекарский И.* Когда основаны города Уфа и Самара. 1872. С. 8). Русские довольствовались тем, что с башкир брали только символическую дань в виде нескольких собольих шкурок и, подтвердив их права времен ханского владычества, попытались привлечь их к воинской службе (1606 г.). Тем не менее, русские постепенно, путем кровавых войн, захватили эту область. В 1629 году башкиры в подданстве русских составляли лишь 888 дворов, а после 1700 года их число достигло 7 100 дворов (См.: *Новиков В. А.* История Уфимского дворянства. 1878. С. 75). В годы русского господства управление и внутренняя жизнь области долгое время оставались традиционными. На-

селение состояло из следующих сословий: *мурзы* (по-русски – князья), потомки татарских и монгольских аристократов; *беи* (по-русски – старшины) и *тарханы*; *асаба* (арабское слово, по-русски – вотчинники), обладающие наследственными правами (*икта*) на землю и служившие в войсках; *тептяри* (от слова *дәфтәр* – тетрадь), служивший в войсках различный сельский ясачный люд, безземельные жители (*бобыли*, в древности у тюрков и монголов *богул* – пленник) и связанные с деревней кочевые *туснаки*.

У юрматинских башкир еще в 1649 году, когда они стали подданными России, их мурзы, беи, тарханы для обсуждения общих политических вопросов собирались на *йыйын* (курултай) в местечке *Хан түбәһе* вблизи нынешней деревни Хажы, а круг лиц, причастных к государственным делам, назывался *дуван* (исламский термин – *диван*). Роды вотчинников (*асаба*), имея центром улус Юрматы, были разделены на четыре военные *дороги*:

1) по Ногайской дороге, идущей в южном направлении, жили роды *мин*, *миркит*, *табын*, *юрматы*, *сарт*, *сураш*, *тамыян*, *тилеу*, *катай*, *кыпчак*, *бурзян*, *усерган* (*канлы*);

2) по Казанской дороге, идущей в западном направлении, жили роды *каршин*, *канлы*, *кайлы*, *елдят*, *кирей*, *еней*, *байлар*, *елан*, *кыргыз*, *буляр*;

3) по Сибирской дороге, идущей в восточном направлении, жили роды *кудей*, *табын*, *кыпчак* (*сувын*), *танын*, *унгар*, *мырзалар*, *сарт* (*бухарцы*), *кувакан*, *барын-табын*, *кара-табын*, *катай*;

4) по Осинской дороге, идущей на север, жили роды *тазлар*, *уран*, *ирэкте*, *гайна*, *салавуш*, *кырк-уйле*.

Они и в период русского владычества оставались жить на собственных землях. Ввиду того, что русские имели намерение основательно укрепиться в этой области, борьба между ними и башкирами была достаточно упорной. Многочисленность и масштабы их бунтов и восстаний побудили русского историка Н. Дубровина применить по отношению к башкирам оценку «самые злые враги русского владычества на востоке».

Эта борьба башкирского народа после принятия казахскими ханами российского подданства, проникновения русских в бассейн реки Яик и строительства нескольких крепостей, в середине XVIII века, наконец, окончилась. Первое большое восстание началось в 1661 году под предводительством Сеит батыра (или Сеит Джафер) в Западном Башкортостане. В ходе этих восстаний, повторявшихся в виде борьбы с перерывами в два года, башкиры совершали набеги, доходившие до Дебрецена во внутренней Венгрии (См.: *Zeki Velidi Togan. Bugünki Türkistan. S. 102*). В связи с этими событиями Эвлия Челеби, путешествовавший в Дагестан и Крым, называет башкир, следуя ногайцам, *хешдек*, то есть *иштек*. И в письме Урус-мурзы царю Ивану IV и в произведениях Абу-л-Гази Бахадур-хана башкиры упоминаются под названием *иштэк* или *истэк*. Эвлия Челеби сообщает, что он видел башкир в ходе их борьбы против русских и даже встретил в это время (1665–1676 гг.) двух принцев (Абугу и Кучук султана, первый из которых сын вышеупомянутого Ишим султана, потомка шейбанида Кучум султана, а второй – внук). Более того, Эвлия Челеби сообщает о том, что некоторые из этих башкир выразили желание войти в подданство к Османскому государству и предложили им начать войну на русской границе против наступления русских и калмыков.

По мнению Эвлия Челеби, хешдеки, то есть башкиры – «чрезвычайно преданные му' мины и мусульмане», будучи чрезвычайно мужественными, имеют очень остро отточенные сабли. Они едят конину, вина не пьют, а на голове носят шляпы, напоминающие графин (Подробнее см.: *Evliva Çelebi. Seyahat-name. VII. 761, 811–825, 835–836*).

В 1672 году башкиры вновь напали на русских в Уфе и другие города, уничтожая и сельское население, поэтому Российское правительство в 1675 году в башкирских областях, находившихся в подданстве России, под угрозой смертной казни запретило кузнечное ремесло, так как башкиры все свое оружие делали сами. Они постоянно приурочивали свои выступления ко времени, когда можно было воспользоваться

переживаемыми Россией внутренними и внешними трудностями. В этом отношении снискали особую известность два предводителя из числа потомков упомянутого Кучум-хана – по имени Акай султан и Каип султан, которых и сами русские именовали «священные султаны».

Османские источники сообщают, что в 1710 году иштеки (то есть башкиры) прислали в Стамбул посла по имени Пехливан Кул и просили оказать им помощь в уничтожении 40 000 русских в крепости Терек в отместку за убийство русскими их султана (Каип султана, сына вышеупомянутого Кучук султана) (См.: *Raşid. Tarih*. III, 327). Это последнее восстание достигло широкого масштаба, и походы башкир с участием сельского населения татар достигли мест вблизи Казани. Но царь Петр I это движение, длившееся 17 лет, подавил. Наконец, в 1728 году в Москве после переговоров с одним из башкирских беев, Янчурой, был достигнут мир на гуманных условиях, по которому город Уфа объявлялся губернским центром. Однако восточные башкиры, стремясь к подданству казахских и каракалпакских ханов, продолжали борьбу за свою независимость. Между тем русские стремились прибрать к своим рукам казахских ханов и в целях отделения Казахстана от страны башкир по реке Яик стали возводить крепости. Ввиду этого башкиры, признав своим ханом Каип-хана, сына каракалпакского хана Бахадура, подняли новое восстание (1735 г.). Для подавления этого восстания русские прибегли к крайне жестоким мерам, массовым убийствам, сжигали людей, заперев их в мечетях, сажали их на колья.

Во главе начавшегося в 1739 году нового движения башкир встал калмыцкий принц Шуна, снискавший известность под именами Карасакал и Султангирей (в казахских и алтайских дастанах известен как Шуна Батыр). После борьбы, длившейся в течение двух лет, русские одержали победу, скрывшийся у казахских ханов Шуна в душе народа оставил очень глубокий след. Отрывки алтайских дастанов, посвященных ему, опубликовал Радлов, а башкирские – Игнатъев. Необходимо отметить, что и после этого восстания строжайший запрет на кузнечное

дело для башкир был повторен, и в 1737 году столь же строго запретили их общие йыйыны (курултаи). Тем не менее и после этого восстания башкиры, недовольные стремлением России продолжать заселение их земель русскими, в 1755 году вновь поднялись под предводительством Батырши-абыза, и различные роды начали истреблять на своих землях русских чиновников и солдат, сожгли русские фабрики и церкви. Но в это время стараниями генерала Неплюева, до этого служившего русским послом в Стамбуле, были испорчены отношения между калмыками и башкирами, и восстание было обречено на неудачу, а их самоотверженный предводитель был казнен в Петербурге в 1756 году после попытки к бегству. Но эти меры усмирения не привели к длительному успокоению: в 1774 году башкиры вновь поднялись под предводительством старшины Кудейской волости Юлая и его сына Салавата, пожгли русские фабрики, но и это восстание было подавлено вместе с потерпевшим в то время поражение бунтом русского казака Пугачева.

Царица Екатерина, проводя политику умиротворения и привлечения на свою сторону башкир, разделила область соответственно их древним традициям на 12 родовых бейств (кантонов) (1798 г.), более того, организовала из башкир полки с сохранением их традиционного внешнего вида, но без огнестрельного оружия, вооруженных лишь луком со стрелами. Эти полки, участвуя в войне против Наполеона, дошли до Парижа. Среди некоторых французских и немецких писателей, видевших башкирских воинов в Европе, возник интерес к Востоку (Например, об интересе Гете к ним см.: *Schaeder H. H. Goethe's Erlebnis des Ostens. S. 11*). Но эти полки были расформированы в 1862 году, а родовые бейства (кантоны) были упразднены еще в 1861 году. Башкиры, до этого времени находившиеся в ведомстве иностранных дел, с 1872 года окончательно были приравнены к другим русским подданным. До 1881 года некоторые небольшие башкирские войсковые части сохранялись, но теперь были упразднены и они. Все же в земельных вопросах и в делах внутреннего управления они подчинялись особому закону – «Положению о башкирах».

В ходе революции 1905 года какого-либо важного движения среди башкир не наблюдалось. После революции 1917 года башкиры вновь пришли в движение. В 1917 году 1–10 мая, основываясь на решении Всероссийского мусульманского съезда, требовавшего автономии для областей, населенных тюрками-мусульманами, участвовавшие на нем делегаты от башкир для организации самоуправления собственной области образовали комитет из трех человек, куда вошли Заки Валиди, Сагит Мирас, Аллаберды Ягафар. Они вступили в связь и достигли взаимопонимания с казахами и киргизами, созвали первый башкирский конгресс. Этот конгресс принял решение: «Башкиры, объединившись с тюркскими народами на Востоке и Юго-Востоке, борющимися за достижение автономии (то есть с казахами и туркестанцами), будут добиваться осуществления автономии» (Башкорт аймағы. Өфө, 1925, 3–се бит). Были организованы Центральное шуру, на основе старого кантонального деления области – кантонные (*төбәк*) шуру, а осенью началось формирование воинских частей, центром был определен Караван-Сарай в Оренбурге. Национальное правительство было сформировано под предводительством адвоката Юнуса Бикбова. В 1918 году башкирские воинские части были расформированы красными, правительство распущено, а его члены взяты под стражу и заключены в тюрьму в Оренбурге. Однако 2 апреля часть города, где находилась тюрьма, была на короткое время захвачена белыми и члены правительства смогли скрыться в Уральских горах. Наконец, на Восточном Урале и в Западной Сибири башкиры сформировали 2 дивизии, и их правительство вновь вернулось в Оренбург. Войска, включая в себя и казахско-киргизские части, под командованием генерала Ишбулатова были превращены в отдельный Башкирский корпус. Однако в тот период англичане, опасавшиеся усиления немцев на Украине и Кавказе, не желали существования в Уральском регионе киргизских и башкирских национальных войск и потребовали их расформирования. Соответственно этим требованиям генерал Колчак объявил о роспуске Башкирского правительства и его войска.

В 1919 году, ввиду отступления белых, находясь в окружении красных, правительство Башкортостана заключило мир с Советами с условием, что сохранятся их войска и во внутренних делах им гарантируется самостоятельность (19 марта 1919 года). После этого башкиры и казахи добивались объединения, определив своим общим центром Оренбург, но этот план был отвергнут.

Центром Казахстана был определен город Оренбург, а Башкортостана – Стерлитамак. В это время Башкортостан остался в пределах Малой Башкирии, где большинство населения было тюркским. Ее площадь составляла 84 874 км², население – 1 259 059 человек, из которых 65–72% – тюрки. Председателем правительства был Юмагулов. Хотя это правительство сформировало и привело в порядок войско из 27 000 солдат, после 14-месячной совместной деятельности с Советами оно отказалось от дальнейшего сотрудничества с ними, некоторые ушли в Туркестан для участия в движении басмачей против Советов. В дальнейшем в Башкортостане было полностью установлено советское управление, а войско расформировано. Советы, присоединив к Башкортостану Уфимскую губернию, большинство населения которой составляли русские, образовали Большую Башкирию и центром определили Уфу. В результате общая площадь составила 151 840 км², население достигло 2 975 400 человек, из которых тюрки составляют 51 % (данные 1935 года).

Язык башкир близок к казахскому и татарскому и находится между ними. Под управлением Советов этот язык был превращен в письменный. Ныне на нем начали издавать книги.

БИБЛИОГРАФИЯ

G. Nemeth. Magna Hungarica (Beiträge zur his. Geographie des Orients. Ed. von Mzik. Wien, 1929. S. 92–98); *В. Филоненко.* Башкиры. Уфа, 1915; *А. Фисмәти.* Башкортостан географияһы. Өфө, 1924; По истории восстаний см.: *А. Battal.* Kazan Türkleri. Istanbul, 1925. S. 82–86, 92–95, 100–108, 117–126; Башкирские восстания XVII и первой половины XVIII века / Отв. ред. А. Чулошников М.; Л., 1936; *Добросмыслов А.* Башкирские бунты в 1735,

1736, 1737 годах. Оренбург, 1900; Труды Научного общества по изучению быта, истории и культуры Башкирии. Стерлитамак, 1922. Вып. 1, 2; Башкирский краеведческий сборник // Материалы общества по изучению Башкирии. Уфа, 1926. Вып. 1.; *Ш. Тинеев*. Башкортостанда инкилап тарихы. Өфө, 1926; Об этнографии и антропологии башкир см.: *С. Руденко*. Башкиры: Опыт этнологической монографии. Ч. 1. Пг., 1916; Ч. 2. Л., 1925; *W. Youferow*. Etudes ethnographique sur les Baschkirs. Paris, 1881; *J. Wastl*. Baschkiren. Ein Beiträge zur Klärung der Rassenprobleme Osteuropas. Wien, 1938; *Д. Никольский*. Башкиры: Этнографическое и санитарно-антропологическое исследование. Спб., 1899 (На с. 348–378 дается полная библиография о башкирах); *R. Lach, H. Yansky*. Baschkirische Gesänge: Wien, 1939; О башкирском языке см.: *G. Meszaros*. Magna Ungaria. Budapest, 1910. S. 101–144; Башкорт аймағы. II. Өфө, 1926*.

---

* Данная статья в несколько переработанном виде с добавлениями некоторых сведений, содержащимися в «Истории башкир», была опубликована в «The Encyclopaedia of Islam. New Edition. Leiden – London. Vol. 1. p. 1075–1077. В данной статье имеются также ссылки на публикации, вышедшие после 1943 года: *Hamilton, Les Uygures*, 1955. 3; *Abü Hamid el Granadino*. Relacion de Viaje par Tierras Euroasiaticas, ed. C. Dubler; *Hrbek I*. In Archiv Orientalni, XXIII, Prague, 1955, 109 ff; Материалы по истории башкирской АССР. Т. III, М.; Л., 1949. Т. IV. Вып. 1. М.; Л., 1956. Вып. 2, М.; Л., 1956; *Устюгов Н. В.* Башкирское восстание 1737–1739 г. М.; Л., 1950 и «Башкирское восстание 1662–1664 г. М., 1947; *Кузеев Р. Г., Усманов А. Н.* Очерки истории Башкирской АССР. Уфа, 1957; *Кузеев Р. Г.* Очерки этнографии башкир XVIII столетия; *Бишеев*. Башкирский литературный язык и диалекты. 1955.

Сокращенный вариант этой статьи был опубликован в «The Encyclopaedia of Islam. New Edition. Leiden; London. Vol. 2. P. 979–981.

ОГЛАВЛЕНИЕ

От переводчика	5
Предисловие	12
§ 1. Самые ранние сведения о башкирах	21
§ 2. Исламские источники о башкирах	24
§ 3. Ибн Фадлан о башкирах	25
§ 4. Идриси о башкирах	27
§ 5. Происхождение башкир	30
§ 6. Башкиры в Маджаристане в XII–XIV веках	31
§ 7. Распространение ислама среди башкир	34
§ 8. Башкиры во времена монголов	35
§ 9. Башкиры на службе у монголов и в Египте	36
§ 10. Ханы в стране башкир	37
§ 11. Туринские ханы Шибаниды	38
§ 12. Тюменские беи и ногайские мурзы	40
§ 13. Первые вторжения русских	43
§ 14. Последние туринские султаны против вторжения русских. Калмыки и ногайцы. Принятие средними башкирами русского подданства	45
§ 15. Юго-восточные башкиры. Казахские и каракалпакские ханы	48
§ 16. Внутренняя организация страны башкир	49
§ 17. Родо-племенная организация	52
§ 18. Сословно-классовая организация	54
§ 19. Система «икта асаба» (вотчинного права)	56
§ 20. Башкурдистан под владычеством русских	58
§ 21. Сеит батыр	59
§ 22. Родословная потомков Кучум-хана, деятельность которых проходила в Башкурдистане	61
§ 23. Давлет-Гирей, Абуга и Кчук султаны	63
§ 24. Сеит батыр	75

§ 25. Восстания Кучума и Акая, и Алдар тархана 1705–1741 годов	78
§ 26. Движение Мурат султана	82
§ 27. Движение и инициативы Каип султана	90
§ 28. Калмыки и башкиры	106
§ 29. План Петра по захвату Туркестана. Каип-хан и башкиры	111
§ 30. Внутреннее состояние башкир в этот период	119
§ 31. Восстания Акая, сына Кучума, Алдар тархана и Кильмяк- абыза	121
§ 32. Движение Карасакала-Бейбулата	140
§ 33. Восстание Батырши	150
§ 34. Переселение калмыков на восток	165
§ 35. Юлай и Салават	168
§ 36. Духовное собрание	170
§ 37. Заселение Башкурдистана русскими	171
§ 38. Кантоны	173
§ 39. Башкирские войска в распоряжении Российского государства	174
§ 40. Башкиры во время последних русских революций	180
§ 41. Башкиры во время последних русских революций	184
§ 42. Независимая Башкирская область	185
§ 43. Московский съезд	185
§ 44. Башкирский областной комитет	187
§ 45. Первый башкирский курултай	188
§ 46. Второй башкирский курултай	191
§ 47. Объявление самостоятельности Башкурдистана	193
§ 48. Третий башкирский курултай	195
§ 49. Башкирское правительство и Советы	200
§ 50. Подготовка к борьбе в горах	203
§ 51. Восстание чехов	207
§ 52. Организация первых башкирских полков	208
§ 53. Переговоры с Алаш-Ордой в Семипалатинске	210

§ 54. Совещание в Самаре	212
§ 55. Уфимское Государственное совещание	214
§ 56. Башкиры и татары	215
§ 57. Большие планы, составленные в сложное время	216
§ 58. Крушение демократии	221
§ 59. Воспоминания поручика Исмагила Шарипова	229
§ 60. Бой в Покровском	234
§ 61. Бой у деревни Ахмер	237
§ 62. Бой у деревень Юректау и Янырыс	239
§ 63. Бой у деревни Сермен	240
§ 64. Соглашение с Советами	243
§ 65. Первые дни Башкурдистана в подчинении Советов	245
Примечания	260
Переводы текстов на турецком языке в примечаниях	281
Библиография	293
Приложение 1. Среди бурзянских башкир	301
Приложение 2. Новый труд о башкирах	324
Приложение 3. О башкирских войсках в старину	328
Приложение 4. Башкир	335

Научное издание

АХМЕТЗАКИ ВАЛИДИ ТОГАН

ИСТОРИЯ БАШКИР

Перевод с турецкого Амира Юлдашбаева
(на русском языке)

Редактор *В. С. Усанова*

Художник *А. Г. Кужин*

Художественный редактор *А. Р. Мухтаруллин*

Технический редактор *З. Г. Чингизова*

Корректоры *Р. А. Бондаренко, А. Р. Галимова*

Компьютерная верстка *Ю. М. Абсалямов*

Подписано в печать 14.05.10.

Формат 84x108 1/32. Бумага офсетная. Гарнитура Таймс. Печать офсетная.

Усл. печ. л. 18,48. Усл. кр.-отт. 18,90. Уч.-изд. л. 17,27.

Тираж 2000 экз. Заказ 1.0060.10.

Государственное унитарное предприятие Республики Башкортостан
Башкирское издательство «Китап» имени Зайнаб Бишевой.
450001, Уфа, ул. Левченко, 4а.

Отпечатано с предоставленных файлов
на Государственном унитарном предприятии Республики Башкортостан
Уфимский полиграфкомбинат.
450001, Уфа, пр. Октября, 2.

Вера и совесть наша; наша любовь к независимости будут указывать пути к освобождению и призывать вперед.

Ахметзаки Валиди Тоган

Издательство
"КИТАП"
имени
Зайнаб
Бишевой